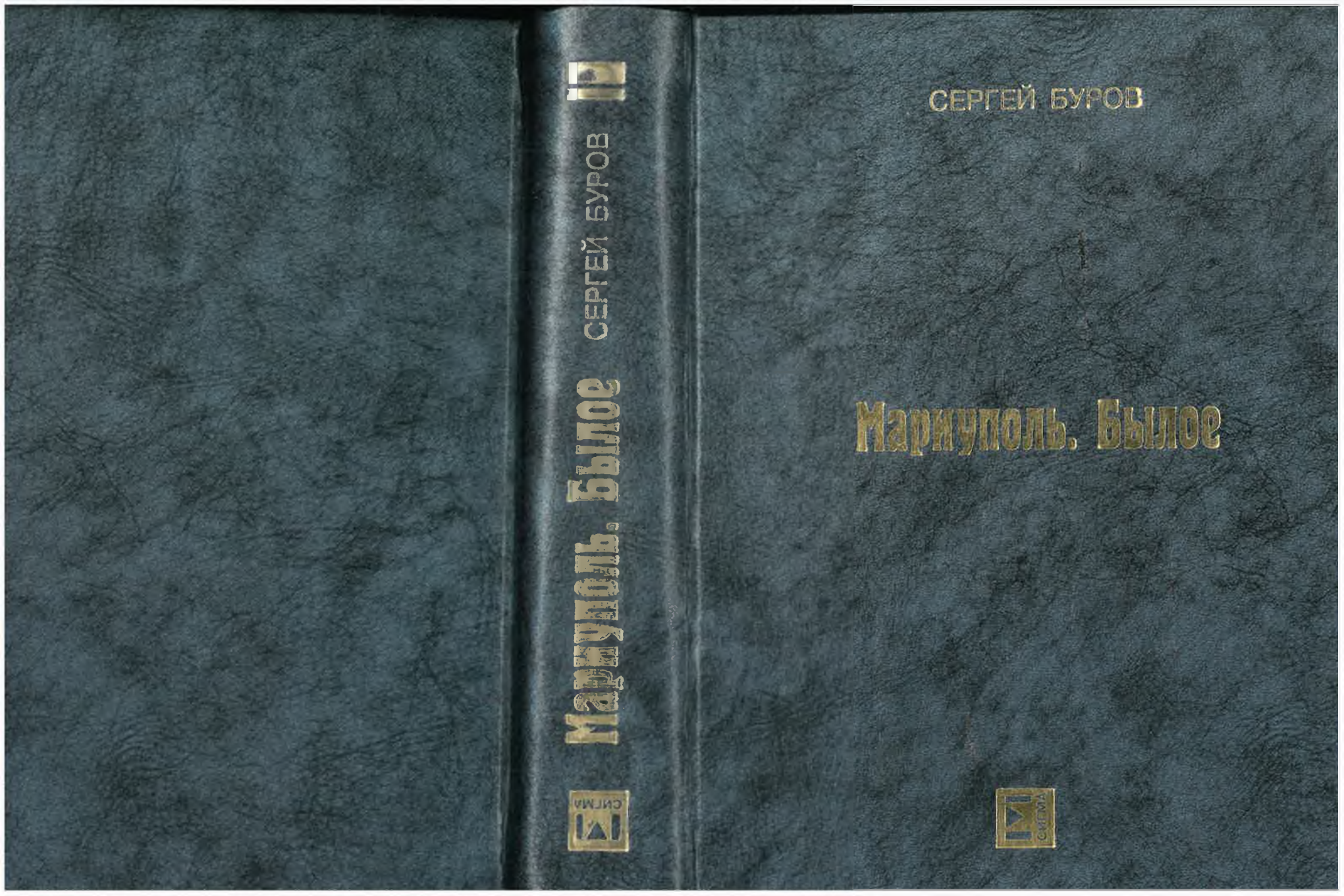

Мариуполь. Былое
Сергей Буров
Сергей Буров
Мариуполь. Былое

Сергей БУРОВ

Мариуполь. Былое

ТРК «СИГМА-ТВ»
Мариуполь, 2003

ББК 63.3 (4Укр-4-ДОН)
Б 91

Под редакцией автора.

Буров С.
Б 91 Мариуполь. Былое. - Мариуполь: ЗАО "Газета "Приазовский рабочий", 2003.-468 с.

ISBN 966-8208-06-4

Книга представляет собой сборник исторических очерков об улицах и памятных местах Мариуполя. В занимательной форме представлена не только история названия улиц, но и отдельных домов, расположенных на них.

В книге также много рассказов об известных людях, которые родились, работали или когда-то побывали в Мариуполе. Все эти истории сплетены в яркий клубок событий революционных, военных и послевоенных времен и современности.

В книге использованы в качестве иллюстраций фотографии и почтовые открытки из фондов Мариупольского краеведческого музея, частных архивов и собрания автора.

ББК 63.3 (4Укр-4-ДОН)

ISBN 966-8208-06-4

© Буров С., 2003 г.
© ТРК "Сигма-ТВ", 2003 г.
© ЗАО "Газета "Приазовский рабочий", 2003 г.

Памяти
моих дорогих родителей
Александры Петровны
и Давида Вениаминовича
Буровых.

Вместо предисловия

Волею стечения обстоятельств мне пришлось сотрудничать с телерадиокомпанией "Сигма". Случилось это летом 1994 г. Тогда же была задумана еженедельная программа "Мариуполь. Былое", состоящая из короткометражных - длительностью десять минут каждый - телевизионных фильмов о примечательных событиях в истории нашего города, о старинных улицах, площадях или даже отдельных домах, о людях, чья деятельность или неординарность судьбы оставили след в памяти народной.

Через какое-то время стало ясно, что телезрители проявили определенный интерес к содержанию телефильмов, а точнее, к истории города. Тогда пришло решение публиковать очерки, написанные по мотивам телефильмов программы "Мариуполь. Былое", на страницах местных газет. Что было и сделано. Наибольшее число очерков напечатано в "Мариупольской неделе" благодаря доброжелательности ее главного редактора Анатолия Балджи. Эти очерки при незначительном авторском редактировании и вошли в сборник.

Сценарии и тексты телефильмов, а затем материалы для газетных публикаций не возникли вдруг и на пустом месте. Интерес и любовь к родному городу исподволь привила мне моя мама. Семилетним мальчишкой вместе с ней я впер-

вые переступил порог Мариупольского краеведческого музея, несколько позже она подарила купленную по случаю известную краеведам книгу "Мариуполь и его окрестности", многократно прочитанную мною от корки до корки.

Многое о быте и нравах жителей нашего города начала XX века почерпнуто из устных рассказов моей бабушки - Татьяны Кирилловны Литвиненко. О событиях 30-50-х годов узнано от папы.

Видимо, в начале 50-х годов у меня появилось увлечение собирать материалы, относящиеся к прошлому Мариуполя и людям, причастным к этому прошлому.

Телепрограмма "Мариуполь. Былое" обрела искренних друзей и добровольных помощников, которые бескорыстно делились и делятся воспоминаниями, советами, материалами личных архивов, редкими фотографиями. Это, прежде всего, Рена Ильинична Саенко, Сергей Григорьевич Дьяченко, Игорь Семенович Смык, сотрудники краеведческого музея и многие, многие другие, число которых перевалило за полторы сотни. Всем этим добрым землякам моим я от души благодарен.

Было бы несправедливо не сказать слова признательности в адрес моей жены Валентины Ивановны, которая не только с пониманием относится к моей работе, но и оказывает большую помощь: редактирует и печатает тексты, подбирает иллюстративный и документальные материалы, делает выписки из книг и журналов, а главное - морально поддерживает во всех начинаниях.

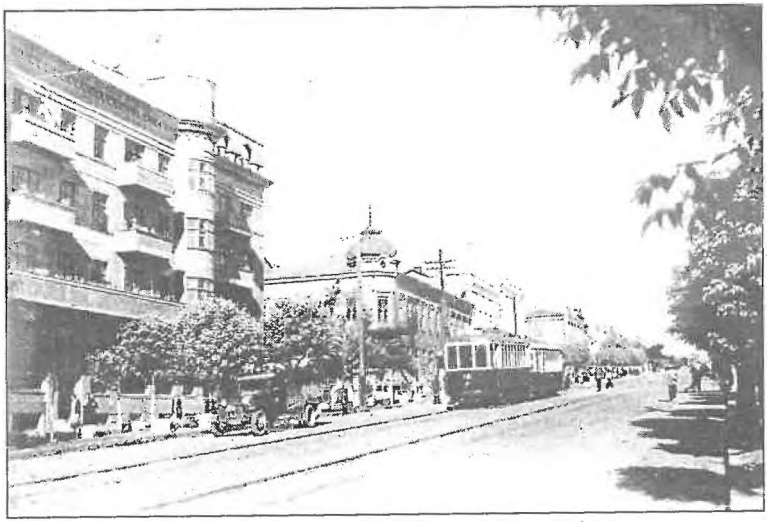
Особая благодарность Артуру Робертовичу Скаскевичу, без инициативы и доброй воли которого эта книга никогда бы не появилась на свет. Дай Бог ему и его близким доброго здоровья и счастья.

Сергей БУРОВ.

Мариупольская география

Проспект Ленина

Главные улицы южных городов: в Одессе - Дерибасовская, в Харькове - Сумская, в Ростове- на- Дону - Большая Садовая, в Мариуполе - просто Большая. Большой она называлась в обиходе, а официально - с сентября 1876 года - Екатерининской. Ветры революции стерли с табличек и "царское" название "Екатерининская", и слово "улица". Вместо них появилось: "Проспект Республики". Правда, неизвестно какой. В послевоенные годы, когда количество вновь поселившихся в Мариуполе людей превысило число аборигенов, в обиход вошло "считанное" с указателей "Про-



Вид проспекта. Начало 40-х гг. XX века.

спект...", "Республика" краткости ради опускалась.

В пору "хрущевской оттепели" и годы, последовавшие за ней, молодежь "присвоила" свое наименование главной магистрали города. Назначая на ней свидание, говорили: "Встретимся на Броде...". Брод - усеченное слово от Бродвея. В 1960 году в честь 90-летия вождя революции проспект Республики получил имя В.И. Ленина, каковое, как известно, сохраняет до сих пор.

Большая, Екатерининская, проспект Республики начиналась у Харлампиевского собора, который как бы отделял городской базар от главной улицы. Ее, так сказать, парадная часть заканчивалась у сквера. Дальше находились обывательские подворья, винный склад, известный современникам как ликеро -водочный завод, конный двор, амбары и так до "выгона", до Сенной площади, т.е., если по-современному, до проспекта Металлургов.

В советское время, в предвоенные годы планировалось развивать проспект Республики в западном направлении, даже успели построить многоэтажный дом в стиле конструктивизма. В нем до относительно недавнего времени находился магазин "Детский мир", а теперь отделение Первого украинского международного банка. В первые послевоенные годы разрушенные дома были восстановлены, а рядом с ними появилось несколько новых. Лишь в 60-70-е годы проспект Ленина мощным броском устремился на запад.

В сентябре 1943 года гитлеровцы сожгли все, за очень малым исключением, строения проспекта Ленина. В этом может убедиться каждый, кто посмотрит кадры кинохроники, снятые в день освобождения города, 10 сентября 1943 года, с самолета. Нужно сказать, что восстановление до-

мов с хорошо сохранившимися стенами шло очень быстро. На это понадобилось не так уж много времени. Во всяком случае, к началу пятидесятых годов они приобрели почти довоенный вид.

С начала 50-х годов началось возведение больших многоэтажных жилых корпусов в стиле "сталинского ампира" на месте руин и одноэтажных зданий, частично восстановленных. Читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет о домах №13 (он стоит рядом с редакцией "Приазовского рабочего"), №10/20 (там расположен магазин "Оптика") и №24 (с отделением Сбербанка на первом этаже).

Однако вернемся к Харлампиевскому собору, вернее, к тому месту, где он стоял, пока его не взорвали в середине тридцатых годов. На нечетной стороне улицы стоит двухэтажное здание, примечательное наличием в нем пивного

Капличка. Начало XX века.

бара, диспетчерской городского транспорта. До революции в нем находились номера гостиницы "Россия". Миновав музыкальное училище и контору одного из управлений строительной организации, мы окажемся перед строением, именуемым в народе "трест". Название это пошло еще с тех времен, когда трест "Азовстальстрой" возвел для себя управление, использовав остатки стен бывшего магазина и склада братьев Адабашевых. Теперь здесь помещаются консульство Греции, офисы различных фирм.

Еще один дом из старинных - редакция "Приазовского рабочего". В стальной вязи фигурной ограды балкона можно рассмотреть цифры "1902". Это год постройки особнячка. Когда-то на первом этаже его размещался табачный магазин, поверхность внутренних стен и прилавков которого была украшена панелями "под хохлому". Сразу после войны тут разместили книжный магазин, потом вместо книг и канцелярских принадлежностей начали торговать наглядными пособиями. Заметим, что редакция газеты вселилась в дом по проспекту Республики, 19 в апреле1951 года. В этом легко убедиться, перелистав подшивку за указанный год. А до этого там были классы Мариупольского педагогического училища. Об этом приметном строении подробнее будет рассказано позже.

На бывшей Екатерининской улице есть, конечно, и другие дома с "историями", если и не имеющими всемирного значения, зато милые сердцам мариупольских старожилов, поскольку связаны они с воспоминаниями о собственной юности и юности близких.

Как-то у входа в магазин "Объектив" довелось услышать одну из таких историй от уроженца Мариуполя, а затем жителя Эстонии И.М. Цехановского. Он рассказал, что в пору

его детства, а оно пришлось на годы гражданской войны, в помещении, занятом теперь полками с фототоварами, была кондитерская Жозефа. Над кондитерской находился бильярдный зал. В один из своих набегов на Мариуполь Нестор Махно устроил в этом зале свой штаб. Мальчишки, и в том числе наш земляк, с нетерпением ждали у парадного каждого выхода вождя восставших крестьянских масс. С момента появления "Батьки" в проеме двери и до того момента, пока он садился в открытый автомобиль, орава семи-, восьмилетних сорванцов скандировала: "Слава батьке Махно! Слава батьке Махно!" В ответ Нестор Иванович одобрительно кивал и кто-нибудь из его свиты подавал "торбочку", из которой Махно пригоршней выбрасывал детворе конфеты. Иногда вместо конфет фигурировали "керенки" - обесцененные банкноты Временного правительства.

Есть в Мариуполе одно место, связанное не с одной личностью, а с историей всего города. Это место - перекресток проспекта Ленина и Греческой улицы. Именно на этом месте еще до того, как крымские греки появились в Приазовье, по распоряжению азовского губернатора Василия Черткова был заложен фундамент и возведены стены церкви св. Марии Магдалины, которая должна была стать главным храмом города.

Прибыв в Приазовье, митрополит Игнатий почему-то решил ее не достраивать, а главный городской храм во имя св. Харлампия расположить поближе к реке. Тогда жители нового города - прапорщик Горлинский, Пилипенко, Велегура, Головко, Дейнека добились, чтобы недостроенную церковь передали "малороссийской нации людям, проживавшим в то время как в самом городе, так и в расположенных на берегу Азовского моря зимовниках и рыбных лов-

лях, то есть в рыбацких хуторах. Церковь построили, а 4 июня 1791 года она была открыта для богослужения. И службу правили в ней ровно сто лет, пока в 1891 году не запечатали из-за ветхости.

Харлампиевский собор.

В том же году, в апреле, на путешествующего по Японии наследника российского престола, будущего императора Николая II, было совершено покушение, но, как сказано было народу, произошло чудо: великий князь остался жив. Вот в честь этого события Мариупольская городская дума и решила воздвигнуть часовню на месте в конец обветшавшей Марии- Магдалининской церкви. Церковь разобрали, возвели часовню и 5 мая 1895 года при большом стечении народа освятили. Часовня простояла до 1933 года, пока ее не снесли. Предлог был благовидный: она мешала прокладке трамвайного пути.

Из четырех лишь два угла перекрестка более или менее сохранили дореволюционный вид. Там, где стоит здание Укрсоцбанка, и расположенный по диагонали с ним. На этом углу находится дом с обувным магазином в первом этаже. Его третий этаж пристроен после войны.

Когда-то дом принадлежал адвокату Юрьеву. В этом здании в разное время находились: редакция "Мариуполь-

ского справочного листка" (одной из первых газет, издававшихся в нашем городе), один из первых кинотеатров. Здесь же собирались ребята из первого пионерского отряда. В этом же особняке помещалось ГПУ, позже переименованное в НКВД. Когда осенью 1941 года фашисты заняли Мариуполь, в бывший дом Юрьева вселилось гестапо...

У каждого поколения мариупольцев свои воспоминания о проспекте. Тридцатые годы: по его середине проложены рельсы, по ним время от времени пробегают ярко-красные трамвайчики- диковинка тех лет. Сороковые- пятидесятые: 1 мая и 7 ноября шагают демонстранты с флагами и портретами вождей, транспарантами мимо трибуны, установленной близ здания банка. Летом, вечерами - сплошной поток гуляющей молодежи, всегда на одной стороне улицы. Огромные очереди у касс кинотеатра "Победа"...

1998 г.

Проспект Ленина, 19

Проспект Ленина, 19. По этому адресу стоит симпатичный двухэтажный бело-бирюзовый особнячок. После недавнего ремонта расчищена алебастровая лепнина: освобождена от многолетних наслоений краски ажурная, сплетенная из стальных прутьев балконная решетка. На ней можно рассмотреть цифру "1902", выкованную из металла ловкими руками кузнеца. Надо полагать, что это приметное строение появилось на главной улице Мариуполя в 1902 году, и к нашему времени ему исполнилось сто лет.

Если бы архив городского инвентаризационного бюро не превратился в пепел в годы Великой Отечественной войны, наверное, можно было бы узнать, кто этот дом построил, кому он принадлежал в разные годы, во всяком случае, в советское время, это уж точно. Но, увы! Архива нет, есть версии. Приходилось слышать и такую: мол, до революции в этом здании - скажем шепотом - был... дом терпимости. Но эта "историческая гипотеза" вряд ли вероятна, поскольку в царское время разрешалось устраивать подобного рода заведения отнюдь не у всех на виду, не на главных улицах, а где-нибудь в глухих закоулках, подальше от церквей, гимназий, школ и досужих посторонних глаз. Вспомним по этому поводу "Яму" Александра Ивановича Куприна, где подробно описаны злачные места одного из городов Российской империи в начале XX века...

Когда в сентябре 1943 года из нашего города изгнали гитлеровцев, двухэтажный особняк на проспекте стоял одиноко, не тронутый огнем среди остовов сожженных домов. Что

его спасло от рук фашистских факельщиков - неизвестно. Вскоре после освобождения в его комнатах разместили школьные классы, в которых в несколько смен учились мариупольские дети, пережившие вместе со своими близкими почти два года оккупации. Постепенно здания городских школ стали восстанавливать и переводить туда школяров, ютившихся в столь неприспособленных помещениях, а их место в особняке заняли учащиеся Мариупольского педагогического училища. Было у нас такое учебное заведение.

Будущие педагоги квартировали до пятьдесят первого года, а потом их переселили. Тогда-то и переехала в освободившееся здание редакция городской газеты "Приазовский рабочий". Дата известна доподлинно: 41-й номер газеты за 7 апреля 1951 года вышел с новым адресом и скромным объявлением на четвертой странице: "К сведению рабкоров и читателей. Редакция газеты "Приазовский рабочий" перешла в новое помещение, находящееся по проспекту Республики №19 (второй этаж)". Проспект Республики - так в то время назывался проспект Ленина.

А первый этаж особняка, о котором идет речь, с первых дней предназначался для магазина. До войны здесь находился магазин табачный, скорее всего, еще с дореволюционных времен. Стены и потолок торгового помещения были украшены пластинами с черно-красно-золотой хохломской росписью. Вряд ли столь дорогое убранство могла себе позволить молодая советская власть. А вот купец до революции мог наверняка. Скорее всего, этот купец с не дошедшей до нашего времени фамилией и был первым владельцем здания. Внизу магазина, на втором этаже семейные покои, рядом Базарная площадь и улица Торговая с многочисленными магазинами, погребками и лавками. Там по

традиции и размещали свое жилище представители купеческого сословия. Убранство первого этажа сохранялось довольно долго и после войны. А уж запах - сладкий, терпкий, медовый запах табака - пережил и убранство.

Пожалуй, в начале сорок четвертого, а может быть, позже в торговом заведении, где курильщикам в разные эпохи предлагали то "лучшие гаванские сигареты и папиросы от Стомболи, Мисаксуди и Оноли в самом большом ассортименте", трубки "для господ с самым изысканным вкусом" и трубочный турецкий табак, а то и "Беломор", махорку с пачечками аккуратно нарезанных листиков тонкой бумаги для самокруток, разместили книжный и писчебумажный магазин, кажется, тогда единственный в городе.

Главным украшением полок были многочисленные брошюры с произведениями Сталина, "История ВКП (б)" в нежно-зеленом переплете, в значительно меньшем количестве произведения Ленина. Кроме того, время от времени на прилавке появлялись небольшие книжечки в мягких переплетах "Научно-популярной библиотеки" Гостехиздата, авторами которых были подчас такие крупные ученые, как академики В.А. Обручев и А.Н. Несмеянов, профессора Н.А. Валюс и Р.В. Куницкий. Как-то появились отпечатанные в занятой нашими войсками Германии(что выяснилось позже) увлекательные книги путешественника-писателя В.К. Арсеньева "В дебрях Уссурийского края" и "Дерсу Узала". Время было тяжелое, и, естественно, выбор книг был довольно скуден. Однако к семидесятилетию вождя и отца всех народов появились роскошно изданные- великолепная бумага, исключительно четкий шрифт, прочные коричневые переплеты с золотым тиснением - пятитомники собрания его сочинений...

В магазине, кроме того, иногда можно было найти изготовленные из картона и бумаги игры для детей разных возрастов с названиями, которые сами за себя говорят. Например: "Зоологическое лото", лото " Кто изобрел?", "Настольный театр", "Юный архитектор" и.т.п. Эти игры способствовали развитию детей, и можно только сожалеть, что теперь они не встречаются.

Через какое-то время книжный магазин перевели в рядом стоящий дом, восстановленный немецкими военнопленными, а в освободившемся помещении организовали торговлю наглядными пособиями. Это было любопытное соседство: вверху трудились журналисты, а внизу, на первом этаже, на полках и прилавках красовались муляжи торса человека со снятой кожей, демонстрирующие мышцы и кровеносные сосуды, скелеты небольших животных, электрофорные машины, лейденские банки, пробирки и реторты, различные географические карты, плакаты со спряжением немецких и английских глаголов и тому подобные предметы, необходимые в учебном процессе. В витрине на небольшой подставке стояла стеклянная колба, чуть побольше обычной электрической лампочки, в которой в светлое время дня медленно вращались тонкие квадратные лепестки, закрепленные на вертикальной оси. Прибор этот был наглядным примером эффекта давления света, открытый русским ученым Столетовым. Ребята, еще не дошедшие в своем образовании до соответствующего раздела физики, разглядывали сквозь стекло витрины прибор, выдвигали свои - подчас фантастические - объяснения вроде бы беспричинного вращения лепестков...

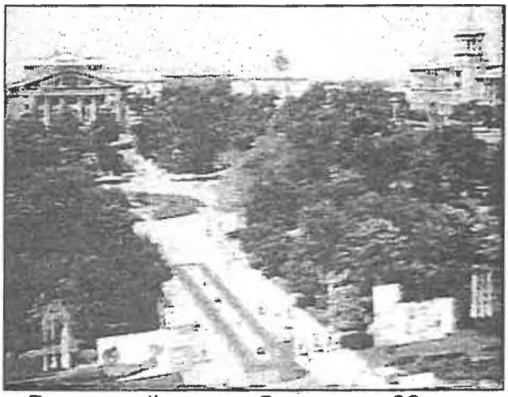
В конце шестидесятых годов главным редактором "Приазовского рабочего" назначили Ивана Васильевича Коро-

бова - человека чрезвычайно энергичного и деятельного. При нем был сделан капитальный ремонт с перепланировкой внутренних помещений особняка. Он добился, чтобы магазин наглядных пособий переместили в один из только что построенных домов на проспекте Нахимова. С тех пор первый этаж оказался в полном распоряжении редакционных работников.

Сейчас, наверное, осталось не так много людей, которые помнят магазин наглядных пособий, а тем более магазин книжный. И вот совсем недавно история двухэтажного дома, находящегося по проспекту Ленина, 19, сделала полный оборот. По идее главного редактора газеты, заслуженного журналиста Украины Веры Николаевны Черемных в первом этаже особнячка вновь устроен книжный магазин, где без всякой очереди можно купить великолепно изданные энциклопедии и словари, произведения отечественной и мировой классики, детективы и фантастику, здесь же большой выбор канцелярских принадлежностей и писчебумажной продукции. История продолжается.

2002 г.

Сквер



Городской сквер. Середина 60-х гг.

Зеленый островок в центре нашего города в разные времена именовался то Александровской площадью, то площадью Свободы, то Центральным, то Театральным сквером.

На плане Мариуполя 1892 года хорошо видно, что пространство, где он сейчас находится, специально было оставлено незастроенным среди кварталов жилых домов. Ради чего? Почитаем строки из изданной в том же 1892 году книги "Мариуполь и его окрестности": "Ветхость Марии-Магдалининской церкви и недостаточность ее помещений сознаны давно, и уже на плане г. Мариуполя 1811г. указано место для постройки новой на Александровской площади. В 1862 г. заложена новая церковь, большая, трехпрестольная во имя св. Марии Магдалины, св. Иоанна Крестителя и

Покрова Пресвятой Богородицы. Тогда же выведен фундамент, но дело на этом и остановилось".

Церковь строили долго и с перерывами почти тридцать пять лет. Освятили ее только в 1897 году. Зато сооружение получилось величественное. Храм был виден далеко с моря и вместе с колокольней Харлампиевского собора, возвышавшегося у старого базара, служил ориентиром для моряков и рыбаков. Судьба церкви печальна: ее взорвали в середине тридцатых годов.

Заведующая отделом природы краеведческого музея Ольга Александровна Шакула рассказывала, что, по ее данным, систематическая посадка деревьев и кустарников на Александровской площади началась в 1897 году, когда городская дума приняла постановление об обязательном озеленении улиц и площадей Мариуполя. Именно тогда на территории будущего сквера появились первые саженцы акации, клена, граба, ясеня, сирени.

Конечно, большинство из них не дожило до наших дней, но могучий вяз в южном секторе сквера, по мнению О.А. Шакулы, принадлежит к той, еще первой посадке. К слову скажем, сейчас в сквере произрастают несколько видов акаций и кленов, крымские сосны и голубые ели, казацкий можжевельник и гледичия колючая, спирея и вечнозеленый самшит, березы и липы, шелковица, сирень китайская и обыкновенная, дуб и множество других видов растений.

Однако вернемся к истории. В начале XX века в центре сквера был устроен фонтан. Он представлял собой чашу со скульптурной группой из двух мальчиков, прикрывавшей трубу, из которой вверх била струя воды. Под чашей располагались бронзовые фигуры четырех женщин, олицетворявших времена года. По воспоминаниям известного художника Л.Н. Кузьминкова бронзовые скульптуры и сама чаша

фонтана исчезли на второй день оккупации города гитлеровцами, начавшейся 8 октября 1941 года.

В сквере над братской могилой стоит безымянный памятник, хотя имена погребенных здесь бойцов-апатовцев, погибших в1919 году в боях под Решетилово, чекистов, павших от рук бандитов в 1920 году, продармейцев, тела которых предали земле в 1921 году, известны.

По воле обстоятельств с этой могилы началось постепенное превращение места отдыха горожан в кладбище. Лет шесть тому назад ныне покойный Петр Дионисович Топалов, известный в городе врач-хирург, опубликовал в газете "Азовсталец" заметку, в которой рассказано, как немцы, только что захватившие Мариуполь, с почестями хоронили в сквере красноармейца, погибшего в бою при защите города. То была, конечно, показная демонстрация уважения к героизму врага.

Вскоре среди стволов кленов и акаций, кустов роз и сирени начали рыть одну за другой могилы. Теперь оккупанты хоронили своих солдат и офицеров, умерших от ран и болезней в военных госпиталях, устроенных в мариупольских больницах и школах. Через короткое время в северном секторе сквера образовалось целое кладбище со стройными, по шнурку расположенными рядами чугунных крестов. После изгнания фашистов из Мариуполя в сентябре 1943 года кресты были извлечены и отправлены на переплавку, а могильные холмики сровняли с землей.

В конце сентября того же сорок третьего года в сквере вновь состоялись похороны. На этот раз с соблюдением всех воинских почестей земле предавали тело Героя Советского Союза Владимира Григорьевича Семенишина, погибшего в бою 29 сентября. Майор В.Г. Семенишин был штур-

маном 298-го истребительного авиационного полка 219-й бомбардировочной дивизии. В марте 1944 года его прах был перенесен в городской сад. Там, в братской могиле над обрывом, он нашел вечное упокоение вместе с Героем Советского Союза Н.Е. Лавицким.

После окончания войны на остатках фундамента Марии-Магдалининской церкви был построен круглый павильон, как бы объединяющий несколько ларьков. Обойдя по кругу ларьки павильона, можно было купить папиросы, пирожное или мороженое, кому что по вкусу, выпить газированной воды с сиропом или без него, кружку пива и, если не изменяет память, что-нибудь и погорячее. Особенно многолюдно было у павильона в дни праздничных демонстраций - 1 мая и 7 ноября. Мариупольцы, пройдя в колоннах мимо трибуны - ее устанавливали на том месте, где недавно возвели модернистскую пристройку к зданию Укрсоцбанка на про-

Павильон. 40-е гг.

спекте Ленина, - устремлялись к скверу, чтобы на лавочках отдохнуть от долгого стояния и хождения, утолить жажду и заморить червячка пирожком, булочкой или пирожным у павильона, о котором рассказано выше...

В 1948 году жители Мариуполя неожиданно для себя узнали, что умерший недавно в Москве партийный и государственный деятель Андрей Александрович Жданов - их земляк и в его честь город отныне будет носить его имя. Не так уж много утекло воды в Кальмиусе после того, как у восточного входа в сквер водрузили бетонную фигуру вождя - земляка во весь рост и призывно поднятой рукой. Со временем, несмотря на ежегодное покрытие поверхности фигуры то "под бронзу", то масляной краской белого или кремового цвета, монумент стал кое-где разрушаться. И в 60-х годах его место занял более скромный гранитный бюст А.А. Жданова. В 1989 году под давлением общественности он был демонтирован.

Почти одновременно с появлением памятника Жданову вход в сквер с противоположной стороны был украшен аркой. Снимок с ее изображением, сделанный мариупольскими фотохудожниками Федором Науменко и Львом Сосной, был растиражирован на почтовых открытках.

В середине 50-х годов часть сквера за аркой была огорожена дощатым забором. Снесли круглый павильон и начали рыть огромный котлован. Когда он был готов, установили несколько башенных кранов. Принялись строить здание. То было здание театра. К весне 1960 года оно было готово. Последним "штрихом" стало разрушение арки. А осенью того же года театр, стены которого были облицованы белоснежным крымским песчаником, был полностью готов. 2 ноября состоялось его торжественное открытие.

В последние годы старинный сквер обрел новый облик. По инициативе городского головы Юрия Юрьевича Хотлубея и с помощью коллектива трудящихся во главе с генеральным директором Владимиром Семеновичем Бойко любимое место отдыха горожан подверглось коренной реконструкции, пешеходные дорожки и площадки, не занятые растительностью, украсились узорчатым покрытием, а в центре его устроили оригинальный фонтан, струи которого в вечернее время подсвечиваются меняющими свой цвет фонарями.

Сквер с давних пор был местом, где малыши делали свои первые шаги, где влюбленные назначали свидания, куда приходили горожане в первые дни после выхода на заслуженный отдых.

Так было, так есть и, надеемся, что так будет.

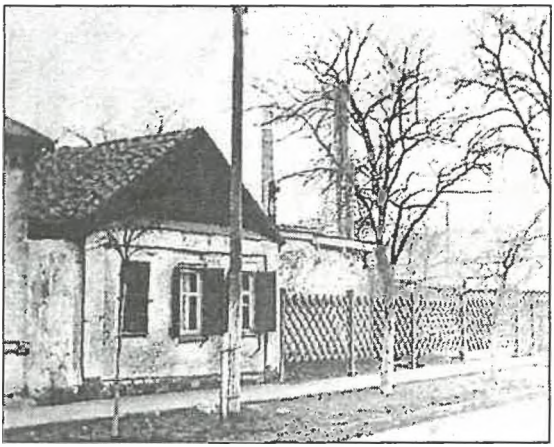
1997-2003 гг.

Арка перед сквером. 50-е гг.

Торговая улица

Торговая - одна из старейших, если не самая старинная, улица Мариуполя. И назвал ее так сам народ, а 28 сентября 1876 года, когда городские власти присвоили улицам собственные имена, изустное наименование Торговой чиновникам осталось только закрепить официально.

С незапамятных времен на ней было сосредоточено большое количество разнообразных торговых заведений - магазинов, лавок, лабазов и погребков, в которых обыватели разных сословий могли приобрести от иголки и смазных сапог до шикарного платья "последнего парижского фасону" и свежайших устриц. Говаривали, что их каким-то неисповедимым способом доставляли в наш благополучный Мариуполь из Франции.



Дом брата А.И. Куинджи.

В одних погребках можно было пропустить стаканчик-другой доброго вина, в других - утолить жажду в июльскую жару кружкой бузы - мутного слабохмельного питья из растертого и перебродившего проса. Здесь же местные гурманы лакомились чир-чиром - пирожками, известными в наше время как чебуреки, или пылающими жаром сальниками - давно забытыми произведениями местного поварского искусства, состоящими из мелконарубленного ливера, обильно сдобренными острыми специями, обернутыми в баранью жировую "сетку" и изжаренными в чугунном казане с кипящим подсолнечным маслом.

Все это существовало, как говаривали старые люди, в "мирное время", то есть до революции, затем на короткое время возродилось в годы нэпа, чтобы исчезнуть вместе с нэпом теперь уже навсегда.

В сентябре 1924 года исполнилось шестьдесят лет с момента создания I Интернационала. Это выдающееся событие мариупольские власти решили отметить переименованием одной из улиц. И переименовали улицу Торговую в улицу ...III Интернационала. Нет, мы не ошиблись, именно III Интернационала, в честь годовщины Интернационала Первого.

Однако новое имя не прижилось. Указатели на угловых домах поменяли, владельцы частных домов завели новые резиновые штампы, где значилось новое название улицы, в паспортах граждан сделали соответствующие записи о прописке с "новыми" адресами. И все-таки старожилы упорно продолжали применять в разговорах привычное "Торговая" вместо желаемого властями "III Интернационала".

Более того, отправляя письма родственникам и знакомым в иные города и веси, они упорно в обратном адресе писа-

ли старое название улицы. Естественно, что по этому адресу шли и ответные послания. Но это обстоятельство нисколько не обескураживало почтальонов: они хорошо знали, куда нужно нести письма и открытки.

Пора расцвета Торговой осталась в далеком прошлом, а сегодня воспоминания о ее достопримечательных объектах и личностях хранятся в памяти тех поколений мариупольцев, представители которых один за другим тихо уходят в мир иной.

Что ж, давайте, пока не поздно, совершим мысленное путешествие по местам, где сквозь наслоения многих десятилетий можно еще разглядеть полустертые черты ремесленно-купеческого Мариуполя и следы эпохи социализма на разных стадиях его построения.

Торговая, как известно, начинается у обрыва, под которым все пространство, вплоть до моря, усеяно крышами домишек под кронами постаревших деревьев Слободки. От обрыва до Итальянской улицы простирался в прошлом живописный бульварчик, образованный стройной аллейкой из акаций и кленов и окаймленный с двух сторон бордюром из тщательно подстриженного кустарника. Вдоль бульварчика стояли садовые скамьи. Увы, сегодня бульварчик имеет жалкий вид, если вообще так можно назвать клочок земли с несколькими изломанными стихией и людьми деревьями.

Под номером "два" значится особняк старинной постройки. Здесь был военкомат. С началом Великой Отечественной войны сюда собирались те, кому предстояло уйти на фронт. Их родители, жены и дети ожидали на бульварчике, о котором только что шла речь. Сюда приходили, чтобы узнать о судьбе пропавшего без вести близкого человека.

На углу Итальянской и Торговой возвышался костел. При постройке этого храма юный Архип Куинджи принимал кирпич, зарабатывая свой сиротский хлеб. В тридцатые годы костел взорвали, а незадолго до этого, как вспоминал один из старейших мариупольских архитекторов Михаил Васильевич Флорищевский, ему поручили переделать это культовое здание в Дом пионеров. Проект реконструкции был выполнен в установленный срок и представлен заказчику - горисполкому, но это не спасло костел от разрушения. Как часто бывает, идеологическая доктрина преодолела практическую пользу. Через короткое время на освободившемся месте возвели двухэтажный детский сад, перестроенный недавно для нужд одного из отделов милиции.

В сентябре сорок третьего года гитлеровцы, отступая под ударами Красной Армии, сожгли почти всю центральную часть города, в том числе жилые дома и магазины, стоявшие по обе стороны Торговой, от Георгиевской до Николаевской улиц. О своеобразной прелести магазинов, сооруженных на рубеже веков в стиле "модерн", с широкими окнами-витринами, сейчас можно судить лишь по старинным почтовым открыткам.

Если всматриваться в эти картинки на тонком бристольском картоне, можно разобрать фамилии на вывесках, прикрепленных к фасадам магазинов. Обувной магазин принадлежал братьям Брон, рядом было торговое заведение Антона Амвросиевича Бахалова - гласного городской думы. С ним соседствовали табачный магазин Нерофиди и писчебумажный братьев Голдрин. Кстати, скажем, что иждивением двух последних почтенных фирм было издано большое количество почтовых открыток с видами дореволюционного Мариуполя.

В этот период истории нашего, по определению митрополита Игнатия, благополучного города в магазине братьев Брон приказчики, встав на одно колено, с испариной на лбах силились натянуть узкую туфельку на раздавшуюся от постоянного хождения босиком ногу селянки или терпеливо перелопачивали десятки коробок обуви, чтобы удовлетворить каприз какой-нибудь чиновницы. Владельцы коммерческих и иных фирм не прятались, как сейчас, за псевдоиностранными вычурными названиями, а с гордостью выносили свои имена на видное место: был ли это фасад дома, упаковка товара или несколько строк рекламы, набранных витиеватыми литерами на газетной полосе.

На нечетной стороне, на углу Торговой улицы и Большой (так в обиходе горожане называли нынешний проспект Ленина), когда-то стояло импозантное, все в декоративной лепнине двухэтажное здание книжного магазина. Оно сгорело в начале октября 1941 года, в те несколько часов, когда регулярные части Красной Армии уже покинули город, а немецкие еще не заняли его полностью. Видимо, кто-то из предприимчивых мариупольцев, отправившихся грабить ставшие вдруг бесхозными магазины, говоря языком пожарных, "неосторожно обращался" с огнем, когда запихивал в мешок разрозненные тома сочинений Максима Горького или романы модного тогда Николая Шпанова. В дни оккупации горожане со страхом озирались на прокопченный остов бывшего книжного магазина. Они еще не знали, что скоро он станет незаметным среди сотен ему подобных руин.

В сентябре сорок третьего года - радостном, потому что пришло освобождение от двухлетнего хозяйничания фашистов, и одновременно злосчастном, потому что тысячи го-

рожан лишились жилищ и имущества, нажитого годами праведного труда, а город - театра, школ, больниц, аптек и иных общественных строений, было уничтожено огнем и здание средней школы № 3. В нем до революции помещалось частное реальное училище Гиацинтова. Следует, наверное, объяснить, что реальное училище в Мариуполе, как, впрочем, и в иных городах Российской империи, представляло собой среднее учебное заведение для мальчиков, в котором, в отличие от классической гимназии, не преподавались древние языки (латынь и греческий), а вместо них была расширена программа по наукам естественным: математике, физике, химии.

К началу пятидесятых годов "погорелки" почти полностью исчезли в Мариуполе: одни были восстановлены, остатки стен других разобрали. Только коробка бывшего реального училища на углу Торговой и Николаевской улиц печально смотрела пустыми проемами окон на прохожих. И лишь в начале шестидесятых годов трехэтажное строение из добротного красного кирпича восстановили для своего управления строители мариупольского жилья.

Почти визави бывшему реальному училищу и поныне стоит двухэтажный дом. В его первом этаже долгие годы помещалась единственная в Мариуполе ветеринарная аптека. Острый запах карболки разносился далеко окрест. В витрине лежал гигантских размеров шприц, им пугали дошколят озорные подростки, уже вкусившие "плоды просвещения", утверждая, что, мол, именно таким "инструментом" делают уколы нерадивым ученикам в школе.

Дойдя до Митрополитской, улица, которой посвящено это скромное повествование, подчиняясь рельефу местности, несколько отклоняется от прямолинейности. Дом, занявший

угловое место по нечетной стороне, вызывает некоторый дискомфорт при взгляде на него. Потом догадываешься: стены, расположенные вдоль пересекающихся улиц, как бы развернуты относительно друг друга. Этому строению, лишенному всяких украшений, можно было бы и не уделять внимания, если бы не одно обстоятельство. Некоторые краеведы утверждают, что оно принадлежало митрополиту Игнатию. Правда, при этом никаких документальных аргументов не приводят. Так, не требующая доказательств истина.

На Торговой, 33, в так называемом "буфете", в первые послевоенные годы демобилизованный разбитной солдат Илья Хайкин постигал науку торговли пивом. Да, это тот самый буфетчик Илюша, в честь которого через многие годы мариупольцы назвали троллейбусную остановку на проспекте Строителей перед семнадцатым микрорайоном.

В ту же эпоху, когда Илюша начинал свою "благородную" деятельность, в полуподвальном помещении двухэтажного дома на углу Евпаторийской улицы, орудуя правой рукой рычагом насоса и подставляя под пенящуюся струю одну из трех пивных кружек, или, по тогдашней терминологии, бокалов, удерживаемых непостижимым способом узловатыми пальцами левой руки, крупный сутулый неулыбчивый человек, под крупным носом которого выделялась черная щеточка коротких усов, терпеливо втолковывал посетителям, что лучше недоливать пиво, чем разбавлять его водой. Постоянные же клиенты, потягивая со смаком доброе пиво, только посмеивались. Речь здесь идет о дяде Сереже Акопове. Его размышления вслух о том, что всем жить хочется, а также нужно ли с общепитовской котлетой подавать еще и хлеб, до сих пор вспоминают с печальной улыбкой постаревшие мариупольские ценители древнего напитка.

И дядя Сережа, и Илюша брали для себя товар на пивном заводе, построенном некогда чехом Кучером тут же, на Торговой улице. Долгие, долгие годы ни войны, ни революции не могли испортить принятую некогда технологию, придававшую тонкий вкус и приятный аромат мариупольскому пиву. И еще, в те периоды, когда столь необходимое народу предприятие останавливалось на ремонт и пиво в нашем городе становилось такой же редкостью, как лунный грунт, и у дяди Сережи, и у Илюши исцеляющая влага благородного желтого цвета, отливающего старым золотом, всегда имелась в наличии.

Не думайте, что покровителем жителей этой неординарной улицы был только бог торговли Меркурий. Были и такие аборигены, что служили Аполлону. В сборнике "Мариуполь и его окрестности" в статье, посвященной истории местного театра, сказано, что именно на Торговой находился тот амбар, где впервые в нашем городе состоялось театральное представление.

В двадцатых годах нашего уже уходящего века из окон дома номер 37, и сейчас стоящего неподалеку от Малофонтанной улицы, с утра до позднего вечера раздавались то душераздирающие визги, извлекаемые юными дарованиями из своих скрипочек-"четвертинок", то звучали пассажи с претензией на виртуозность скрипачей-подростков. В доме этом была частная музыкальная школа маэстро Давидовича.

Какое-то время в этом же дворе, но уже в послевоенные годы, жила известная во всем Мариуполе пианистка, преподавательница музыкальной школы и необыкновенной благородной красоты даже в преклонном возрасте женщина - Галина Казимировна Соболевская. Ей приходилось при-

лагать немалые усилия, чтобы удержать у старенького, побитого шашелем пианино своего семилетнего сына Владика. Время показало, что труды ее оказались ненапрасными: Владислав Соболевский окончил консерваторию, стал концертирующим пианистом, лауреатом многих конкурсов, заслуженным артистом Российской Федерации.

Если пересечь Фонтанную, пройти мимо дома со скошенными углами, где когда-то была дверь, ведущая в помещение, в котором располагались то магазин электротоваров, то парикмахерская, миновать "пятый" магазин, развалины одноэтажных домов, окажешься у "колбасни". "Колбасня" - довольно высокое строение в глубине двора, с узкими проемами. Его соорудил еще в дореволюционные годы занесенный в город неведомыми обстоятельствами чех Карасек. Те, кто вкушал произведения этого мастера - шпикачки, сардельки, "гамбургские" и охотничьи сосиски и колбасы забытых ныне сортов, давным-давно обрели вечный покой, пережив на пару-тройку десятилетий гибель заведения, источавшего в пору своего расцвета благоухание копченостей и тонкий аромат нежнейшей ветчины "по-венски".

Запахи эти выветрились, а название "колбасня" продолжало существовать, как некое географическое название.

Среди местных ориентиров была еще баня, наверное, одно из древнейших гигиенических учреждений нашего города. С ней в пятидесятые годы мирно сосуществовали мастерские местных художников и скульпторов.

Самая низкая точка улицы - у бывшего пивоваренного завода. Далее идет крутой подъем. Если не полениться его преодолеть, рано или поздно окажешься у хатенки, на стене которой укреплен номер "107". Здесь прошли детство и юность знаменитого певца Михаила Степановича Гришко -

солиста Киевского оперного театра и лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР. Его бархатистый баритон пленял не одно поколение любителей вокального искусства.

Еще один адрес Торговой, связанный с именем человека, прославившего наш город. Здесь, в домишке своего старшего брата, обитал после смерти родителей Архип Куинджи, будущий гениальный художник-пейзажист. Напрасно искать на стенах упомянутых хатенок какие-нибудь приметы, свидетельствующие об их причастности к жизни знаменитости. Ревнителям местной истории недосуг заниматься такой "мелочью", как мемориальные доски, пусть даже самые скромные.

Когда-то Торговая улица заканчивалась у стен ультрамаринового завода, возле створного маяка. Ультрамаринового завода давно нет, маяка тоже, а Торговая улица возвратила былое имя. Теперь уже на законном основании.

Улица Малофонтанная

Кто сейчас объяснит, почему улицу, на которой от века не было фонтанов, назвали Фонтанной, а ее продолжение, где таковой был, нарекли уничижительно Малофонтанной? Хотя справедливости ради следует заметить, что этот фонтан вовсе не был похож на современные устройства, выбрасывающие ввысь струи воды, низвергающиеся затем в более или менее художественно оформленные чаши.

Чтобы понять, каким был фонтан мариупольский, стоит привести выдержку из книги "Мариуполь и его окрестности". Там сказано: "Водой город снабжается из старого фонтана. Он хорошо отделан; водоем разделяется на три резервуара: для прачек, для питьевой воды и для водопоя домашних животных. Над средним находится маленькая часовня с иконой Божьей Матери. В сухое время года в сутки фонтан дает 146000 ведер". Подскажем, что старинная русская мера - ведро - соответствовала 12,3 литра.

Малоимущие мариупольцы и те, кто жил неподалеку от фонтана, ходили за водой с ведрами или кувшинами пешком. Состоятельным же горожанам ее возили прямо домой водовозы. В начале XX века "отцы города" пришли к идее строительства в Мариуполе водопровода. А в это самое время недавний выпускник Петербургского института корпуса гражданских инженеров Виктор Нильсен опубликовал небольшую книжечку. В ней он изложил свой опыт проектирования и строительства водопровода в городе Рыбинске. Книжка попалась на глаза кому-то из гласных Мариупольской думы, а может быть, чиновнику городской управы, и

ее содержание стало достоянием местных властей. Решено было пригласить автора в Мариуполь на место городского архитектора, так как, нужно думать, в обязанности этого должностного лица входило в том числе и устройство водопровода.

Сказано - сделано. Вскоре новый мариупольский городской архитектор приступил к своим обязанностям. За сравнительно короткий срок он спроектировал сеть водоснабжения Мариуполя, а к 1912 году на Константиновской улице (теперь ул. Энгельса) была выстроена водонапорная башня, а на Малофонтанной - насосная станция, где был организован водозабор из известного уже читателю фонтана. Поршневыми насосами воду по трубам подавали в бак водонапорной башни. А уж из бака она распределялась по колонкам-домикам, где горожане за небольшую плату могли наполнить свои ведра живительной влагой.

Еще до пуска в эксплуатацию водопровода, в 1908 году, неподалеку от фонтана была построена электростанция. Она-то и обеспечивала электроэнергией насосную станцию городского водопровода. В годы Великой Отечественной войны электростанцию взорвали, все оборудование было выведено из строя. Сильно пострадали здания, лишь часть стен из добротного красного кирпича устояла перед разрушительной силой мощных фугасных зарядов.

После войны авторитетные комиссии специалистов пришли к выводу, что электростанцию восстанавливать экономически нецелесообразно. Чудом сохранившиеся помещения приспособили для трансформаторной подстанции и ремонтных мастерских.

Восстановили насосную станцию. Самое удивительное, что она и сейчас исправно служит людям. Рядом с ней мож-

но увидеть пласты камня, из которых пробиваются ключи. Но воду берут из подземной реки, которая находится на восьмиметровой глубине. Сохранился круглый павильон, построенный, вероятно, еще по чертежам В.А. Нильсена. От каптажа, сооружения, где скапливается подземная вода, она по трубам поступает к насосам. День и ночь в городскую водопроводную сеть неутомимо качают воду четыре центробежных насоса, ими в 1932 году заменили тихоходные поршневые.

Фонтан фонтаном, но кроме него на улице, по которой мы совершаем прогулку, была еще и криничка - выход на поверхность подземного ключа, оформленный срубом и осененный навесом. Жители близлежащей округи с незапамятных времен пользовались этой криничкой. К ней мальчишки-водоносы сбегали по каменным ступеням лестницы, чтобы наполнить свои четырех-пятилитровые бидоны прохладной ключевой водой, а затем продавать ее в толчее базара.

Насколько нам известно, на Малофонтанной не появились на свет люди, чьи имена попали на страницы энциклопедий. Но это обстоятельство не помешало местным уроженцам стать в большинстве своем добросовестными и умелыми тружениками. А вот владелец парикмахерской цирюльник Александров, проживший здесь всю свою жизнь, сохранился в изустных преданиях благодаря своим чудачествам. Одно из них было таким. В субботу в конце дня он закрывал свое заведение, которое находилось на старом базаре, к слову скажем, по прямой в шагах пятидесяти от его дома, шел в ресторан гостиницы "Россия" - дом этот и по сей день стоит на углу Земской и Екатерининской улиц (там теперь "Трансагентство"), заказывал пару стаканов ма-

рочного вина. Неспешно осушив стаканы, Александров нанимал двух извозчиков. В пролетку одного из них садился сам, в другую же клал свою шляпу. Картеж из двух экипажей размеренным шагом объезжал базар, потом спускался вниз по Бондарной улице, сворачивал на Малофонтанную и, проехав с два десятка саженей, останавливался у дома седока-оригинала. В этот момент цирюльник густым басом громко провозглашал: "Есть кто в доме его благородия господина Александрова?". На знакомый голос из двора высыпали домочадцы - встречать главу семейства. События эти происходили в самом начале XX века.

А в первые послевоенные годы на Малофонтанной можно было увидеть такую картину: прямо на улице, там, где она расширяется близ электростанции, вырыта неглубокая яма, две-три женщины, надвинув чуть ли не на самые глаза туго повязанные на головах косынки, в подоткнутых высоко юбках, впрочем, значительно ниже, чем принято сейчас носить у некоторых современных модниц, топчутся, погружая молочной белизны ноги до середины икр в коричневую густую жижу, которая жирно чавкает с каждым шагом женщин.

Их товарка время от времени подсыпает в яму то желтоватый суглинок, то полову из огромного мешка; полова, сверкая под солнечными лучами золотыми искорками, озорно рассеивается ветром вокруг, прилипает к раскрасневшимся от жары и работы потным лицам женщин. Когда чавканье под ступнями становится тягучим и вязким, в яму подливают воду из шланга, змеящегося откуда-то из глубины двора.

Но вот смесь суглинка и половы достигла нужной однородности и консистенции, женщины наполняют ею ведра и поднимают их из ямы наверх. Теперь они, прихлопывая ла-

дошками, заполняют остропахнущей массой деревянные формы на три или четыре будущих кирпича, а затем дощечкой подравнивают верхнюю поверхность и неуловимо ловким движением снимают форму. Ряд уже сформованных изделий дополняется новыми. Некоторое время они блестят влагой боковых граней, потом влага испаряется и только что сработанные становятся незаметными среди других.

Все эти работы происходят в декорациях, образованных "клетками", сложенными из сохнущих кирпичей. Знающие люди уже, без сомнения, догадались, что здесь описано производство самана - строительного материала, из которого в свое время была сооружена половина жилых строений Мариуполя. Правда, как правило, саман изготавливали прямо на строительстве будущего дома, а на Малофонтанной делали его на продажу. Таков был промысел у здешних жителей.

На Малофонтанной издревле жили рыбаки, рабочие, кустари-ремесленники, мелкие торговцы. Кто теперь на ней обитает? Время от времени ее дворы заливают паводки, электрички сотрясают дома. И все-таки люди не покидают насиженных мест.

1998 г.

Улица Митрополитская

Эта улица получила, на первый взгляд, необычное название по той причине, что стоял на ней дом митрополита Игнатия - одного из основателей Мариуполя. Впрочем, почему "стоял"? Он и сейчас стоит на углу Митрополитской и Торговой улиц. На фотографиях конца двадцатых годов XX века, которые хранятся в краеведческом музее, он кажется более высоким. Присмотревшись к цоколю, можно догадаться, что не строение дало осадку, а просто за долгие годы в этом месте "поднялся" тротуар от многократных подсыпок.

Случайно ли или по сложившейся традиции, но в дореволюционное время на Митрополитской селилось православное духовенство. Здесь нередко можно было встретить какого-нибудь батюшку в темной рясе, в клобуке с посохом в руках, степенно шествующего по своим делам: на службу в храм или в школу на урок Закона Божия.

После революции Митрополитскую переименовали в улицу имени Карла Либкнехта. Так был увековечен, как сказано в энциклопедии, "деятель германского и международного рабочего движения, убитый в Германии 15 января 1919 года вместе с Розой Люксембург контрреволюционерами". Теперь священники и диаконы, проходя по улице Карла Либкнехта (и не только по ней), старались как можно меньше привлекать к себе внимание. Кое-кто из них от сана отказался и постарался приобрести "светскую" профессию, например, бухгалтера или счетовода. И нужно сказать, что этим людям повезло. Те из служителей культов, кто остался предан вере своих отцов, в тридцатые годы были репрессированы: расстреляны или отправлены в лагеря на долгие годы.

Но отвлечемся от грустных воспоминаний и отправимся к местам, примечательным с точки зрения истории нашего города. В здании, где сейчас находится станция юных техников, до революции была приходская школа. В советское время к ней пристроили второй этаж, и стала она носить номер 18. Здание избежало пожара, учиненного фашистами при отступлении из города в сорок третьем году; сразу после изгнания оккупантов в ней разместили одновременно два учебных заведения: утром занимались ученицы первой семилетней женской школы, а после полудня - сорванцы из третьей мужской.

Митрополитская, 18. По этому адресу вы найдете двор, в глубине которого стоит домик, где прошли детство и юность знаменитого впоследствии кинорежиссера Леонида Лукова. Люди старшего поколения помнят его фильмы "Два бойца", "Большая жизнь", "Олеко Дундич", "Донецкие шахтеры". Некоторые песни из этих кинолент поют до сих пор. Те же "Шаланды, полные кефали...", "Темная ночь", "Спят курганы темные...". Лет двадцать назад были еще живы наши земляки, которые вместе с Ленькой Луковым бегали регистрироваться на биржу труда, выступали в бригадах "Синей блузы", таскали жестянки с целлулоидными лентами из кинотеатра в кинотеатр...

Двухэтажный особняк, где в наши дни выдают гражданам "заграничные" паспорта, принадлежал некогда купцу Мокрову. В будние дни, когда Мокров был занят делами, всегда в одно и то же время из парадной двери выходила его супруга-красавица в туалетах, сшитых в Париже, садилась в сверкающий лаком экипаж. Кучер чмокал губами, чуть натягивал вожжи, и сытый рысак в сбруе, украшенной латунными бляшками и бубенчиками, трогал. Обывательницы из соседних

дворов перешептывались: "Мокровша в гости поехала". Мокрову "подфартило": он умер собственной смертью незадолго до революции, а его жене пришлось нищенствовать и распрощаться с жизнью, конечно же, не в доме на Митрополитской, а в хатенке ее бывшей горничной, приютившей "барыню" ради Христа. Было это в конце сороковых годов.

Еще один адрес. Митрополитская, 19. Безликое строение, грубо облепленное керамической плиткой. Внутри - спортивный зал. Конечно, оно не всегда имело такой затрапезный вид. Наверняка в близлежащих дворах еще можно найти людей, которым запомнились стены здания, украшенные фигурной кладкой, небольшой крест, осеняющий вход, широкие распашные двери, нищие, стоящие рядом с ними, прохладный полумрак внутри помещения, мерцающие огоньки свечей и лампад перед иконами. Да, в послевоенные годы здесь была православная церковь. Не исключена встреча и с теми, кто вспомнит о том, что церковь была устроена в бывшей синагоге, построенной на средства мариупольских ремесленников, исповедовавших иудаизм, а потому и называемой среди местных евреев "ремесленной".

На Митрополитской же находилось Мариупольское духовное училище. Естественно, до семнадцатого года. В 1917 году в здании, освободившемся от семинаристов, разместился полковой комитет 24-го запасного полка, затем, как удалось установить заведующей отделом краеведческого музея Рене Ильиничне Саенко, тут было правление профсоюза работников-металлистов, через год в этом же здании шло формирование отрядов Красной Армии, а после гражданской войны какое-то время квартировал 238-й стрелковый территориальный полк. Потом его перевели в помещение бывшего епархиального училища (теперь это

главный корпус Приазовского технического университета), а в коридорах и классах двухэтажного краснокирпичного дома на углу Митрополитской и Греческой зазвучали ребячьи голоса: тут открыли общеобразовательную школу.

Во время оккупации фашисты устроили в ней госпиталь, а перед отступлением сожгли. Правда, огонь пощадил некоторые помещения, в них-то с освобождением города занимались учащиеся металлургического техникума, а в свободное от занятий время восстанавливали то здание на улице 1 Мая, где и поныне находится индустриальный техникум.

Со временем привели в порядок и двухэтажное строение, некогда сооруженное для духовного училища, теперь уже для десятой женской средней школы. В середине пятидесятых годов эксперимент по раздельному обучению мальчиков и девочек благополучно был прекращен, школа превратилась в нормальное учебное заведение, только через известный промежуток времени у нее сменился номер. Потом школу закрыли, как было сказано в официальных документах, "из-за недостатка контингента учащихся", а в классы вселилось управление городской теплосети. В восьмидесятых годах у новых хозяев случился пожар: выгорело все, осталась лишь коробка из красного дореволюционной выработки кирпича. Она довольно длительное время стояла бесхозной. Наконец "погорелка" обрела хозяев, которые взялись за ее восстановление, судя по всему, они всерьез решили вернуть историческому зданию его первозданный вид.

Перейдя улицу, мы сможем рассмотреть вышеначальное училище для девочек, в котором позже размещалась школа-интернат для слабослышащих детей, а в наши дни - один из корпусов медицинского училища.

Взглянув мельком на последнюю водоразборную будку

первого мариупольского водопровода и помпезное здание бывшего райкома партии, а ныне Жовтневой районной администрации, пройдем к улице Артема.

На месте дома, где помещался кинотеатр "Родина", а теперь отделение банка, на самом углу Митрополитской и Артема (изначальное ее название - Таганрогская) когда-то возвышалось крепкое одноэтажное здание мариупольской уездной почты. Именно отсюда измеряли расстояние от Мариуполя до близких и дальних городов и селений Российской империи.

Следующую остановку для воспоминаний сделаем близ Центрального рынка, а точнее - у старинного корпуса из красного кирпича. Корпус в свое время был построен для Мариупольского технического училища. До революции это было очень солидное учебное заведение. Оно выпускало прекрасно подготовленных техников для зарождающейся в Мариуполе тяжелой промышленности.

В разные годы в его стенах учились Василий Варганов, человек, "сделавший" советскую власть в Мариуполе, легендарный летчик Антон Губенко, совершивший одним из первых воздушный таран. После войны помещение отдали ремесленному училищу, которое готовило высококвалифицированных рабочих. Тут же постигал азы сталеварской науки азовсталец Григорий Горбань. Об этом может узнать каждый прохожий, прочитав надписи на мемориальных досках, укрепленных на фасаде училища.

Техническое училище стояло когда-то особняком. Далее шла дорога на Матёсов хутор - место, исполненное печали, - старейшее из сохранившихся мариупольское кладбище.

1998 г.

Митрополитская, 5

По адресу, вынесенному в заголовок, с 1972 года находится городская станция юных техников. Она занимает серое двухэтажное здание. Если к нему присмотреться, то можно заметить, что большая часть его первого этажа по архитектурному декору, кирпичу, из которого сложены стены, явно отличается от стен второго этажа и пристройки. Эта часть возведена еще в дореволюционные годы специально для церковно-приходской школы, все же остальное, скорее всего, - уже в советское время.

Попытаемся же восстановить историю этого здания. Итак, мы уже знаем - построено оно для церковно-приходской школы. После установления в Мариуполе советской власти подобного рода учебные заведения были реорганизованы в обычные школы. Реорганизация эта состояла в том, что из учебных программ был исключен Закон Божий, русский язык стали преподавать по новой орфографии, вместо отечественной и всеобщей истории ввели курс истории классовой борьбы. Что же касается начал математики, то школяры еще долго решали задачки из сборников, где условия писались с "ятями" и "ерами".

Как пишет историк профессионально-технического училища № 3 Надежда Маркова, в начале 30-х годов при строящемся металлургическом заводе "Азовсталь" была организована школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), где готовили горновых, сталеваров, помощников машинистов паровозов, токарей, литейщиков, слесарей, кузнецов и шоферов. Школу ФЗУ разместили в доме, о котором здесь идет речь.

Школа ФЗУ находилась там не позднее 1939 года. По воспоминаниям краеведа Аркадия Проценко, в 1939 году он пошел в первый класс неполной средней школы № 18, в классах которой занимались профессиональной подготовкой будущие рабочие "Азовстали".

Обычная школа просуществовала вплоть до захвата Мариуполя немецко-фашистскими захватчиками, т.е. до октября 1941 г. По счастливой случайности немцы, отступая из города, не сожгли дом, приспособленный ими для своих нужд, хотя другие строения в округе в два и более этажей они предали огню.

Вскоре после освобождения Мариуполя в школе № 18 возобновились занятия. Поскольку близлежащие школьные здания были превращены захватчиками в руины, уроки проводились в три смены. В 1944 году по постановлению правительства в Советском Союзе ввели раздельное обучение мальчиков и девочек. На базе школы № 18 с начала 1944/45 учебного года были созданы две школы: № 1 - семилетняя женская и № 3 - мужская, тоже семилетняя. В первую смену учились девочки, а во вторую и третью - мальчики.

Женская школа квартировала по адресу: ул. Карла Либкнехта, 5 (такое название в то время имела ул. Митрополитская) до тех пор, пока не было восстановлено школьное здание на Греческой улице. Туда осенью 1951 года перевели школьниц первой школы, а также других мальчишек и девчонок, проживавших на прилегающих улицах. Школа приобрела статус полной средней школы. Она существует и до сих пор и, как, наверное, догадались читатели, разговор здесь идет о современной общеобразовательной школе № 1.

А мужская семилетняя школа № 3 осталась на прежнем месте. Через какое-то время в ней стали учиться и девочки,

поскольку раздельное обучение ушло в область преданий. Заметим, что в Мариуполе последние мужские и женские школы прекратили свое существование в 1954/55 учебном году. Именно тогда в женских школах № 2 и № 10 появились мальчики, а в мужской школе № 4 - девочки.

С середины 60-х годов в нашем городе, как, впрочем, и во всей стране, развернулось небывалое по своим масштабам жилищное строительство. На бывших окраинах возникали один за другим микрорайоны пятиэтажных блочных домов. Там же возводили и школьные здания. В одно из них на улице Апатова перевели третью школу. Произошло это событие в 1967 году.

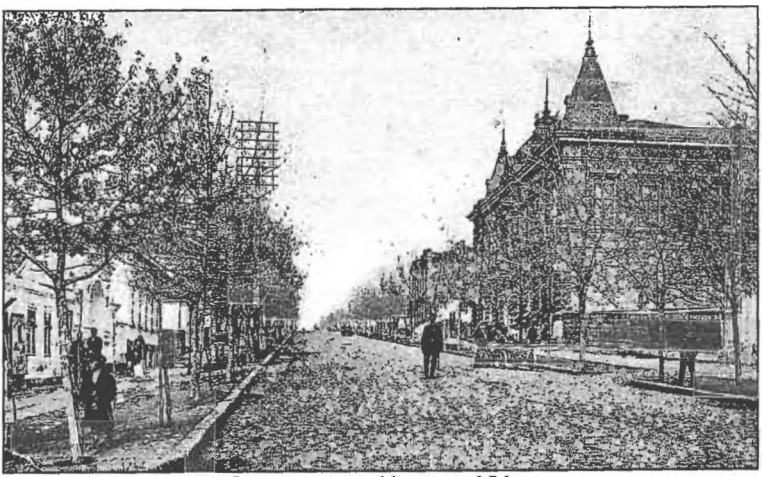
А освободившееся здание передали местному медицинскому училищу, создав его филиал. Будущие медики обучались в нем до 1972 года, после этого их переместили в другое место. О том, что с 1972 года в бывшем школьном здании обосновалась городская станция юных техников, говорилось в начале этой заметки.

Публикуя этот краткий, очень краткий очерк истории здания на улице Митрополитской, 5, автор надеется, что читатели, которые учились в разное время в учебных заведениях по этому адресу, поделятся своими воспоминаниями о своих педагогах, соучениках и примечательных событиях.

2002 г.

Улица Георгиевская

Чтобы объяснить, почему эту улицу назвали Георгиевской, нужно начать издалека. Когда-то точно по оси Екатерининской улицы перед Базарной площадью стоял величественный, по масштабам Мариуполя, Харлампиевский собор. Он имел три престола: главный - во имя великомученика святого Харлампия, левый - в честь святого Николая и правый - в честь святого Георгия. Представьте себе, что вы стоите на проезжей части Екатерининской улицы, обратившись лицом к собору. Слева от вас будет Николаевская улица, справа - Георгиевская. Итак, слева в храме престол святого Николая, слева от главной улицы - улица Николаев-



Вид улицы. Начало XX в.

ская, справа в храме престол святого Георгия, справа от главной улицы - улица Георгиевская. Теперь понятно, откуда произошло ее название?

Вскоре после Октябрьской революции вслед за сменой власти стали менять в городах и весях бывшей Российской империи названия площадей, проспектов и улиц. Там, где значились имена святых, теперь появились фамилии (или партийные клички) вождей революции. Так, Николаевская стала улицей Ленина, а Георгиевская - улицей Троцкого. Но позже "выяснилось", что Троцкий отнюдь не вождь революции, а ее первый враг. Так появилось нейтральное - улица 1 Мая. Говорят, что в годы оккупации города фашистами это название было упразднено. Будто бывшей Георгиевской, бывшей Троцкого, бывшей 1 Мая дали имя Богдана Хмельницкого. Правда, у большинства старожилов, в том числе и тех, кто в сознательном возрасте пережил гитлеровский режим в Мариуполе, не отложилось это событие в памяти.

А теперь давайте познакомимся с достопримечательностями улицы, претерпевшей многочисленные переименования.

Когда-то Георгиевская начиналась с квартала лавок и магазинчиков, один из которых занимал знаменитый на весь Мариуполь и его округу рыботорговец Ковсан, где не бывало товара "второй свежести". Но магазинчики были сожжены в сорок третьем году, а на их месте позже были построены стандартные многоэтажные дома. Так что начнем прогулку в прошлое от двухэтажного дома под номером 11. Он построен в начале XX века для купца Рябинкина. Античные маски, аттик с остатками мозаики, фигурная кладка, несмотря на разрушения и позднейшие грубые переделки, придают строению своеобразную прелесть. Рядом - одно-

этажный дом, сложенный из красного добротного кирпича, он тоже некогда принадлежал Рябинкину. В простенках - изразцы с рисунками. Устоят ли они перед всеуничтожающим временем?

Напротив, наискосок от дома с изразцами (Георгиевская,18),из-за забора печально возвышаются руины бывшей хоральной синагоги, где в советское время были последовательно гимнастический зал, контора Ленинградского "Гипромеза", больница, медицинское училище, вечерне-заочная школа, школа юных моряков, очень может быть было здесь что-то и другое. Наконец решили разместить здесь картинную галерею. Было это в середине восьмидесятых годов. На этот счет было издано специальное постановление горисполкома, но пока искали средства на ремонт, случился необычный для наших мест снегопад, перекрытия крыши не выдержали тяжести снежного покрова и рухнули. Оставшееся без хозяина здание постепенно начали растаскивать предприимчивые горожане. Теперь оно доведено до такого состояния, что вряд ли его смогут восстановить.

Георгиевская,20 - адрес старейшего в Донбассе краеведческого музея. Его основатели - педагоги мариупольских школ Коваленко, Колесникова, Голицынский, Гусев, Рудевич - принесли сюда экспонаты еще в 1920 году. Сегодня в экспозиции и фондах музея хранится несколько тысяч фотографий, картин, старинных предметов, в том числе и уникальных. Заметим, что здание, в котором размещается музей, было построено в 1916 году и предназначалось для губернского учебно-ремесленного дома-приюта для инвалидов мировой войны...

Мемориальная доска на доме №37 напоминает, что здесь

жил и работал писатель Серафимович, в то время сотрудник газеты "Приазовский край". Она издавалась в Ростове-на-Дону. О доме номер 59, в котором еще совсем недавно размещался аптечный склад, а теперь его перестраивают под картинную галерею, стоит, наверное, поговорить отдельно, а сейчас ограничимся тем, что скажем: построен он был для семьи владельца и директора Мариупольского реального училища Гиацинтова.

А через дорогу стоит особняк, который некогда фигурировал во всех городских путеводителях. В 1948 году на нем появилась мемориальная доска, а в конце шестидесятых открылся Дом-музей А.А. Жданова. Правда, кое-кто сомневался, что именно в этом доме родился один из вождей коммунистической партии, но вслух об этом стали говорить, когда музей ликвидировали в годы "перестройки". Сейчас в домике на тихой Георгиевской улице открыт этнографический отдел краеведческого музея. Его посетители могут познакомиться с предметами быта и костюмами греков, украинцев, русских, немцев, евреев, населявших Приазовье.

В доме, соседствующем с этнографическим отделом музея, провел последние годы своей жизни талантливый инженер и ученый, директор завода "Азовсталь" Владимир Владимирович Лепорский. Жаль, что это место не отмечено мемориальной доской, пусть самой скромной, как, впрочем, и рядом стоящее строение, принадлежавшее Георгию Георгиевичу Псалти, человеку, много сделавшему доброго и полезного нашему городу.

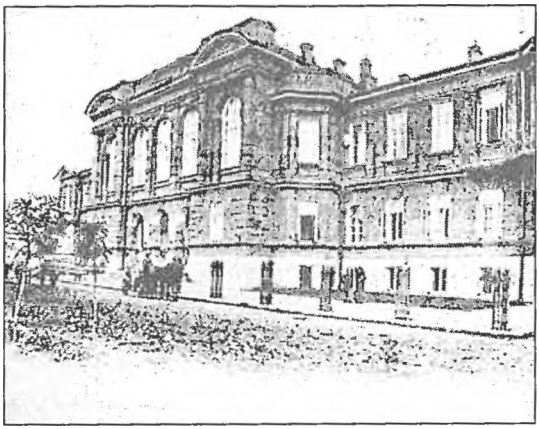
Мрачноватое здание, где находится противотуберкулезный диспансер, примечательно, пожалуй, лишь тем, что владельцем его был консул Великобритании Велтон. Был и такой в дореволюционном Мариуполе.

Краснокирпичный массивный корпус занимает сейчас Мариупольский индустриальный техникум. Построен он в самом конце XIX века по проекту академика архитектуры Н.К. Толвинского для Мариупольской мужской гимназии. Доводилось слышать, что Толвинский хотел разместить здание фасадом к Александровской площади, т.е. к нынешнему Театральному скверу, и тем самым облагородить архитектурный ансамбль центра города. Но гимназическое начальство воспротивилось этому: при таком расположении резко ухудшилось бы освещение классов. Как видим, стремление сохранить здоровье учащихся взяло верх над эстетическими притязаниями архитектора. В 1919 году гимназию закрыли. В послереволюционное время в ее здании были рабфак, совпартшкола, техникумы разных профилей. Немало выдающихся и просто хороших специалистов получили в этих стенах путевку в жизнь. Подробнее об истории этого здания - в другом очерке.

Раньше Георгиевская улица упиралась в небольшой кирпичный домик - одну из многочисленных водоразборных колонок мариупольского водопровода, как уже говорилось, построенного по проекту и под наблюдением архитектора и инженера В.А. Нильсена. Сейчас ее нет. Кому-то показалось, что она своим старинным видом портит современный ансамбль из серых домов, сложенных из силикатного кирпича. Вместо колонки установили дорожный указатель. Он показывает, что можно ехать налево или направо. Кому что нравится.

1998 г.

Улица Георгиевская, дом 69



Мариупольская мужская гимназия. Начало XX в.

Для размещения классов Мариупольской Александровской мужской гимназии городские власти с августа 1878 года арендовали на Екатерининской улице (ныне пр. Ленина)у купца I гильдии А.Д. Хараджаева двухэтажный дом. Но количество учеников гимназии из года в год увеличивалось, и помещение становилось все теснее и теснее.

В книге "Мариуполь и его окрестности" сказано: "Классы и по количеству воздуха, и по количеству света не соответствуют количеству учащихся. Учительская комната и канцелярия весьма тесны. Единственная в здании зала, которая

служит и актовой залой, и для заседания педагогического совета, и рекреационной комнатой, и, наконец, гимнастической".

Далее сказано, что положение было небезнадежно, так как город уже изыскал средства на строительство нового здания гимназии. Для этого 50 тысяч рублей занято в Харьковском земельном банке и еще 50 тысяч получено в качестве беспроцентной ссуды на 10 лет от Министерства народного просвещения. Под постройку был выделен участок земли, часть которого принадлежала городу, часть же была приобретена у местных жителей Деспота и Костьева.

События, которые произошли после изыскания денежных средств и выделения земли под постройку, можно в известной степени восстановить по ежегодным отчетам о состоянии Александровской гимназии, которые хранятся в фондах краеведческого музея, и другим источникам.

Так, в отчете за 1894 год констатируется: "По инициативе г. Попечителя учебного округа Х.П. Сольского вскоре будет начата постройка собственного здания для помещения гимназии. Объявленный конкурс на составление плана для нового здания состоялся, одобрен проект, в настоящее время составляется подробная смета". В этом же отчете помещена гравюра, изображающая фасад премированного, т.е. принятого для осуществления проекта.

Его автором был академик архитектуры Николай Константинович Толвинский, которого заслуженно относили к звездам первой величины знаменитой одесской архитектурной школы.

В 1895 году смета строительства здания была составлена и после ее утверждения (когда это произошло, установить не удалось) городская управа заключила с подрядчи-

ком Бардашевым контракт на постройку мужской гимназии.

Есть основания предположить, что Бардашев приступил к строительству весной, в крайнем случае в начале лета 1897 года. А к концу 1898 года, как отмечала мариупольская городская управа, здание вчерне было готово.

Учитывая довольно большой объем строения, сложность декора его фасада, а также относительно низкий уровень механизации строительных работ, свойственный царской России конца XIX века, можно с уверенностью сказать, что здание мужской гимназии было сооружено в весьма сжатые сроки, даже если оценивать их по современным меркам.

В краеведческой литературе можно встретить утверждение, будто гимназию строили бы долго, если бы не вмешательство в это дело жившего в то время в Мариуполе Александра Серафимовича. Да, действительно, на страницах газеты "Приазовский край" он призывал к ускорению строительства, но в призывах этих вместо конкретных предложений содержались лишь благие пожелания.

На самом деле "скоростные" методы сооружения объясняются куда проще. По контракту подрядчик Бардашев получал плату за выполненные объемы работ в установленные сроки, поэтому он всеми силами стремился как можно быстрее их выполнить. С другой стороны, городская управа принимала необходимые меры для своевременного расчета с подрядчиком, ведь он согласно тому же контракту имел право "на получение от города процентов в размере 6% годовых на недополученную им сумму за время от принятия работ до уплаты следуемых за них денег".

И тем не менее весной 1899 года сложилась такая ситуация, что городские власти засомневались, удастся ли от-

крыть новое здание к началу учебного года. Положение они сочли столь серьезным, что даже обратились с ходатайством к попечителю Одесского учебного округа о перенесении каникулярного времени для учащихся мужской гимназии "ввиду перемещения ее в новое здание".

Суть проблемы состояла в том, что подрядчик предъявил такие объемы выполненных работ, которые не могли быть оплачены немедленно. И не потому, что городская казна была пуста, деньги имелись, но для пользования ими требовалось специальное разрешение министерства. И все же мариупольские чиновники, говоря современным языком, нашли "схемы" перемещения средств - с Бардашевым расплатились в срок.

Как бы там ни было, но к осени 1899 года здание гимназии было вполне готово. Правда, проект академика Н.К. Толвинского был несколько изменен, как сказано в одном документе, "по указанию конкурсной комиссии архитектором Бером, а затем при производстве работ строительной комиссией, состоявшей исключительно из выборных городскою думой лиц". 30 (18 по ст.ст.)октября 1899 г. новое здание Мариупольской Александровской гимназии при большом стечении народа было освящено. Гимназисты начали в нем занятия.

1998 г.

Улица Николаевская

Эту улицу назвали в честь левого предела Харлампиевского собора. Предел этот был посвящен святому Николаю, покровителю рыбаков и моряков. Улица начиналась у старого рынка, а точнее - старожилы должны помнить - у мясных лавок.

От рынка, мясных лавок и прилегающих к ним строений не осталось и следа, поэтому свое путешествие по Николаевской начнем от окрашенного в розовый цвет дома, что стоит на углу Земской улицы. До войны здесь был клуб профсоюза металлистов, а после него - тоже клуб, но морской, где бывалые моряки Иван Ильич Опушнев, Андрей Афанасьевич Тороропценко, Леонид Андреевич Сосновский, Андрей Ефимович Черцов, Евгений Викторович Павлов (в его честь названа привокзальная площадь) и другие, прошедшие суровую школу морских сражений, дерзких кровопролитных десантов и торпедных атак, передавали свои знания и житейский опыт мальчишкам, которые, только повзрослев, осознали, какую роль в их воспитании сыграли эти мужественные, добрые люди.

Для большинства ныне живущих мариупольцев, даже очень преклонного возраста, название Николаевская - относительно новое. Кто постарше, помнит ее как улицу Ленина. Но с тех пор, когда имя основателя советского государства было присвоено главному городскому проспекту, она стала именоваться скромно - Донбасской.

Чуть выше Торговой улицы среди домов, в большинстве своем еще дореволюционной застройки, возвышается па-

раллелепипед здания "Горгаза". Его построили на месте снесенных жилых домов, городской типографии и Дома колхозника - полугостиницы, полуночлежки. Наискосок от "Горгаза", на другой стороне улицы, находится, по старинным меркам, большой дом. В нем в первые послевоенные годы размещалась контора артели инвалидов "Донбасс" (может, поэтому улицу назвали Донбасской). Деятельность артели была разнообразной: в ее дворе в сараях клепали стальные бочки, собирали металлические кровати. Сюда же приходили надомницы-вязальщицы трикотажа, чтобы сдать выполненную работу (носки, полосатые "моряцкие" нательные фуфайки, невообразимого фасона пуловеры из хлопчатобумажной пряжи),получить скудную зарплату и материал - сигарообразные шпули с навитыми на них нитками, но самое главное - хлебные карточки. Позже артель прекратила свое существование; через какое-то время особняк заняло управление "Отделстрой". Это его мастерицы заменили известковую штукатурку на керамическую плитку.

На нечетной стороне Донбасской улицы, сразу после Харлампиевской (еще недавно она называлась Советской), стоит многоэтажное здание. Его построили перед самой войной для водолечебницы. Здесь доктор Курзон и его коллеги лечили больных водой, пропущенной через щебенку из доменных шлаков, и целебными грязями. Грязи возили на автомобилях с морского побережья, а шлаки - с завода "Азовсталь". Кстати, и сама водолечебница была построена за счет этого предприятия. Говорили, что бальнеологические процедуры давали лечебные результаты не хуже, чем на модных кавказских курортах. В сорок третьем году гитлеровцы сожгли водолечебницу.

Восстанавливали ее по частям. Сначала здесь нашло при-

станище Товарищество художников, потом была баня, наконец, мастерская по изготовлению эмалевых табличек для могильных памятников и уличных указателей.

На противоположном углу есть еще одно приметное здание с двумя рядами окон, сложенное из светло-коричневого кирпича. До революции - это одна из мариупольских синагог, а после - производственное помещение портняжной артели "Вільна праця", затем детский сад швейной фабрики...

За несколько шагов до Греческой улицы по нечетной стороне Николаевской расположен дом, сложенный из серо-желтого песчано-глинистого кирпича. В нем в послевоенные годы помещалась станция скорой медицинской помощи.

Сюда бежали люди за врачом или фельдшером, когда случалась беда. Именно бежали, потому что телефоны-автоматы были редкостью, еще большей редкостью считались телефоны домашние, особенно в кварталах, застроенных одноэтажными домишками. Рядом со "скорой" стояли линейки, запряженные лошадками. На них дежурные бригады медиков выезжали к больным.

На Николаевскую улицу выходит крыло средней школы №1, а до 1919 года- Мариупольской Мариинской женской гимназии. Это старейшее в нашем городе здание, специально построенное для школы, которое используется по первоначальному назначению.

Ближе к Таганрогской, то бишь к улице Артема, селились в прошлом люди с достатком. И дома были у них основательные: с высокими потолками, с большими окнами. Прочные парадные двери, украшенные резьбой, затейливыми латунными ручками, осенялись козырьками, которые опи-

рались на кованые узорчатые кронштейны. Часть этих особняков была национализирована в известный период нашей истории. Владельцем стал горкомхоз. Без должного ухода и под действием времени дома стали мало-помалу ветшать. Пришлось отселить жильцов, и теперь некогда добротные жилища представляют собой жалкое зрелище. Правда, в самое последнее время некоторые из них куплены предпринимателями. Устраивая в них офисы и магазины, деловые люди пытаются кто как может придать фасадам божеский вид.

Еще одно старинное здание. Когда-то в нем был центральный телеграф. До тех пор, пожалуй, пока в шестидесятые годы не построили известный сейчас всем Дом связи.

Почти с того времени, как бывшая улица Ленина превратилась в Донбасскую, может, чуть раньше, по ней стали ходить трамваи. Четвертый маршрут шел в порт, а третий - на железнодорожный вокзал. Наверное, и теперь, по старой памяти, трамваи, подъезжая со стороны рынка к улице Артема, останавливаются перед перекрестком, словно задумываются: ехать ли им прямо или свернуть налево? А потом, как бы вспомнив, что рельсы, ведущие в порт и на вокзал, давно сняты, покорно поворачивают на улицу Артема и, позванивая колокольчиком, катятся вниз по наезженному пути.

Стоит только пересечь улицу Артема, как попадешь совсем в другой мир. Шум, гам, толчея. Из одних трамваев толпами выходит люд, в другие заходит... Отчаюги-водители умудряются на своих автомобилях пробраться между трамвайными вагонами и людьми. Здесь же идет торговля яблоками, сигаретами и еще бог знает чем.

Чем дальше удаляешься от трамвайной остановки, тем

меньше встречается старинных домов. Кажется, что покидаешь добрый старый Мариуполь и въезжаешь в чужой город. В какой? Неизвестно. Ведь девятиэтажки такой серии могут стоять в Макеевке, Сумах, Рыбинске или Стерлитамаке.

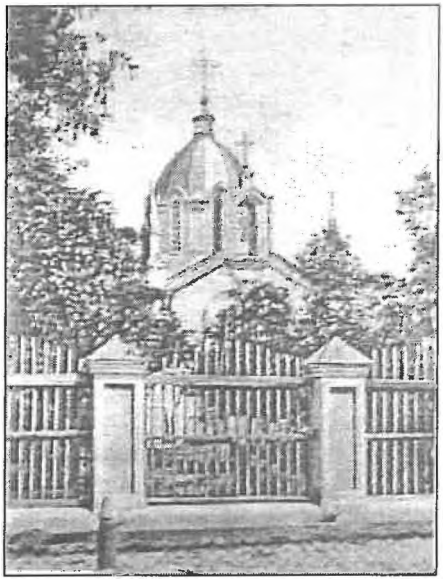
Путешествие по улице, которая последовательно была Николаевской, потом Ленина, затем Донбасской и, наконец, вновь обрела первородное имя, заканчивается в толчее у Центрального рынка. Что за судьба у улицы? Обязательно она должна упираться своей оконечностью в рынок.

1998 г.

Итальянская улица

Прежде, чем начать разговор о происхождении названия этой старинной мариупольской улицы, необходимо сделать небольшое отступление. В работах местных краеведов встречается утверждение, будто имя свое она получила по той причине, что на ней в двадцатые годы XIX века начали селиться итальянцы.

Однако никаких прямых доказательств этому пока не найдено. Более того, ведущий научный сотрудник музея Рена Ильинична Саенко, работая в архивах с поквартальными планами Мариуполя, относящимися к 40-50-м годам прошлого столетия, обнаружила на тогдашних улицах Торговой, Земской, Большой Садовой и других подворья, принадлежавшие некогда итальянцам, а на Итальянской-грекам, русским и представителям других народов.



Римско-католическая церковь.

Что же касается существования довольно значительной итальянской общины в нашем городе,

то на этот счет никаких сомнений нет. Заглянув в сборник "Мариуполь и его окрестности",мы узнаем... Впрочем, приведем здесь вместо пересказа цитату из упомянутой книги: "Первые католики появились в Мариуполе в двадцатых годах XIX века. Это были частью итальянцы, частью же итальянизированные славяне из австрийских провинций Адриатического побережья (Далмации, Береговой земли). Поэтому наряду с итальянскими фамилиями Джербулини, Пинионы, Галлеано, Пелагатти, Сангвинетти, Мерелло, Де-Мартино и т.п. встречаются и чисто славянские фамилии: Видович, Ковачевич, Опоренович, Павлович, Трипкович, Фискович и др. И те, и другие, как говорившие на итальянском языке, были известны в городе под общим именем итальянцев.

Первые поселенцы были большей частью капитанами судов, часто посещавших Мариуполь по торговым делам. Знакомясь на Азовском побережье и с другими городами, они тем не менее предугадывали ту роль, которую суждено было играть некоторое время на этом побережье Мариуполю, и по оставлении службы на судах селились в нем с целью заняться торговлей".

В этом же источнике говорится, что торговые фирмы, основанные итальянцами в Мариуполе, процветали примерно до конца пятидесятых годов, а позже дела пошли на убыль. Большая часть их владельцев покинула наш город.

А ведь незадолго до этого можно было подумать, что они решили обосноваться в наших краях надолго. В ноябре 1853 года было получено разрешение на строительство в Мариуполе римско-католической церкви. Ее строительство было завершено в 1860 году, а 18 октября того же года она была освящена. К слову скажем, что в строительстве храма принимал участие подросток Архип Куинджи, будущий гениаль-

ный пейзажист вел учет кирпичу, прибывающему на стройку.

Отток итальянцев продолжался, в начале девяностых годов прошлого века их осталось в Мариуполе около 60 человек. Память об их единоверцах и соплеменниках осталась в виде церкви, о которой сказано выше, она стояла на углу Итальянской улицы в том месте, где пересекается с Торговой. Церковь называли итальянской даже те, при ком это величественное сооружение было взорвано в середине тридцатых годов текущего столетия. Не здесь ли таится разгадка происхождения имени улицы, о которой идет речь?

В дореволюционные годы она начиналась у Гамперовского спуска, и счет домов шел от Земской улицы (в советское время она носила имя немецкой революционерки Розы Люксембург), а ниже ее - к гавани - шла Бондарная улица.

На Итальянской находилось некогда подворье мариупольской пожарной команды (теперь - дом №40). Сколько ни хлопотали сотрудники краеведческого музея, чтобы сохранить остатки каланчи, так ничего и не вышло.

Если двигаться вверх по той же четной стороне, подойдем к дому - в него упирается Харлампиевская улица, - где, по воспоминаниям старожилов, до 1937 года располагалась редакция греческой газеты "Коллективистис", тут же жили ее сотрудники: известный поэт Георгий Костоправ, педагог и талантливый литератор Амфиктион Димитриу. Отсюда начинал свой путь в литературу поэт и переводчик Антон Шапурма и ныне здравствующий патриарх литературы мариупольских греков Леонтий Кирьяков.

Недавно отреставрировали здание, построенное в начале нынешнего века для частной женской гимназии Неонилы Саввичны Дарий (Итальянская,57). Его заняла теперь

налоговая администрация. Правда, в иных городах, в том же Таганроге, в подобного рода старинных домах устраивают музеи. Но и за то спасибо, что историческая реликвия сохранена, пусть и не в первозданном виде.

По реестру, составленному музейными сотрудниками, краснокирпичный дом под номером 67 принадлежал германскому консулу Бремеру, но есть сведения, что его собственником был торговец мануфактурой Кириллов.

В следующем доме в послевоенные годы квартировал знаменитый в свое время врач Георгий Георгиевич Позе, человек с неординарной судьбой. Едва закончив медицинский факультет Новороссийского университета (так назывался до революции известный нам Одесский университет), он добровольно отправился на ликвидацию холерной эпидемии, которая свирепствовала в южных губерниях Российской империи. С началом мировой войны был призван в действующую армию, где верой и правдой выполнял свой долг и не только врача. Военный лекарь Г.Г. Позе был удостоен ордена св. Георгия, как было сказано в наградных документах, за "отражение вражеской атаки силами нижних чинов вверенного ему лазарета и спасение раненых и больных от неминуемой гибели от рук неприятеля". В годы гражданской войны Георгий Георгиевич лечил раненых бойцов и командиров Красной Армии, тем же он занимался и в Великую Отечественную войну, правда, на этот раз ему довелось служить не в полевых госпиталях. За большой вклад в развитие здравоохранения Георгий Георгиевич Позе был награжден орденом Ленина.

В сорок третьем году фашисты, отступая, сожгли на Итальянской множество домов. Одни удалось восстановить, на фундаментах других были возведены новые здания. На ме-

сте углового дома с башенкой, что стоит на углу улицы Артема, когда-то находилась земская больница, откуда и пошло название улицы Больничной - той части нынешней ул. Артема, которая простирается от сквера до современной улицы Семенишина.

До возвращения некоторым мариупольским улицам исторических названий Итальянская, как известно, носила имя Кузьмы Апатова - организатора и командира первого советского батальона. Хорошо, что догадались сохранить это имя на той части улицы, где большинство строений возведено уже в послевоенные годы. Согласитесь, и Кузьма Апатов, и батальон, которым он командовал, - тоже часть истории нашего города.

Всем известное здание старого корпуса Приазовского государственного технического университета. Оно построено в начале текущего века по проекту главного архитектора Мариуполя Виктора Александровича Нильсена для епархиального училища, где девочек из семей православного духовенства обучали благородной профессии сельских учительниц. Говорят, что в здании одновременно обучались сто воспитанниц, здесь же, на третьем этаже, для них были устроены спальни.

После гражданской войны помещение отдали детскому дому, а с начала 30-х годов и до самой Отечественной войны в его стенах размещались штаб и казармы 238-го стрелкового полка.

Во время оккупации Мариуполя в 1941 году гитлеровцы устроили в бывшем епархиальном училище гетто. Сюда согнали со всего города несколько тысяч мариупольских евреев, ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, которые провели здесь последние часы перед расстрелом во

рву близ Агробазы. В память об этой трагедии на стене университета недавно укреплена мемориальная доска, выполненная по модели скульпторов Ефима Харабета и Юрия Балдина.

В сорок третьем году, отступая под ударами Красной Армии, немцы предали здание огню. Им же, правда, уже в качестве военнопленных, пришлось его восстанавливать. 1 сентября 1951 года парадные двери восстановленного корпуса распахнулись перед студентами металлургического института. Много позже, как известно, это высшее учебное заведение получило статус технического университета.

Вот такая получилась краткая история мариупольской Итальянской улицы.

1998 г.

На Бондарной

Когда мариупольским улицам возвращали их исконные названия, о Бондарной забыли или просто не знали, что такая была. А между тем пространство от Первой Слободки, то бишь улицы Котовского, и до Гамперовского спуска со всеми домами, тротуарами и круто ниспадающей к Гавани брусчатой мостовой до революции и называли улицей Бондарной. Такой она и оставалась, пока вместе с Итальянской не была удостоена имени легендарного красного командира Кузьмы Апатова.

Нечетная сторона улицы имела мало домов, и те не все дожили до наших дней, развалившись от ветхости. За ними следовал откос бывшего здесь некогда базара. Раньше единственным украшением откоса были раздваивающаяся лестница да чахлая трава. В наше время он зарос кустарником и деревьями. За откосом, ближе к швейной фабрике, досужий наблюдатель заметит двухэтажное только со стороны Бондарной улицы строение, подпертое с торца мощными контрфорсами.

В еще относительно недавнее время - впрочем, для людей пожилых отрезок в десять-двадцать лет не кажется таким уж долгим - в этом странном доме, прилепившемся к откосу, проживало в тесноте множество семей, каждая из которых занимала комнатку-клетушку с дверью, выходящей прямо на улицу. По мере возможности постепенно люди пристраивали тамбурочки, палисаднички и другие благоустройства.

Приходилось слышать, что в ту эпоху, когда еще суще-

ствовала Российская империя, в описываемом доме жильцов не было, так как изначально он был построен для торговли бакалейными и, как говаривали в старину, колониальными товарами.

В помещениях, обращенных к Бондарной улице, находились склады бананов, апельсинов, ананасов, неведомых нашим современникам складких рожков, а также чая, кофе, гвоздики, корицы и ванили, а со стороны базара были торговые помещения. Поскольку перечисленные выше деликатесы совместно хранить нельзя, предусмотрительный архитектор разделил строение на отдельные секции.

Вернемся же к истоку улицы, сосредоточив все свое внимание на стороне четной. Бондарная, 8. Дом этот с 1926 года принадлежал Михаилу Сидоровичу Кечеджи. Ремеслом его были убой и разделка скота. Был он роста небольшого, но крепкого телосложения. В русско-японскую войну сражался на Дальнем Востоке с воинами микадо. Рассказывали такой случай из жизни Михаила Сидоровича. Однажды, когда он навешивал говяжью тушу, рука его соскользнула и острый крюк насквозь пронзил ладонь. Кечеджи, превозмогая страшную боль, освободил окровавленную руку и густо посыпал рану крупной солью, своего же подмастерья он послал срочно за четвертью водки. Приказ был тотчас же исполнен. Живительная влага была перелита из стеклянной посуды в ведро, куда и погрузил пострадавшую руку мужественный мясник. Лечение оказалось столь радикальным, что через не очень долгое время рана зажила, оставив лишь небольшие шрамы с обеих сторон кисти.

Дом под номером 10 был когда-то собственностью рыботорговца Акинитова. Он поставлял к столу мариупольцев не только образцы роскошного в прошлом многообразия

рыбных богатств Азовского моря, но и знаменитую семгу, навагу и даже дальневосточную селедку-иваси.

По адресу: Бондарная, 12 почтальоны в прошлом находили великолепный двухэтажный особняк судовладельца Петра Регира. Мариупольский краевед и историк флота П. Людин исследовал историю пароходства "Регир и сын", а заодно и семьи, им владевшей, и опубликовал статью в "Азовском морском альманахе" за 1996 год. К ней мы и отсылаем заинтересованных читателей.

Пропустив несколько домов, остановим свое движение перед особняком на высоком цоколе, в котором устроен еще полуэтаж, бывшее владение крупного хлеботорговца Найденова.

Старожилы нашего города, услышав это имя, обязательно расскажут об ажурном сооружении из кованой стали, воздвигнутом на Новоселовском кладбище над семейным склепом этого известного в свое время мариупольца.

Итак, знаменитых обитателей Бондарной улицы мы вспомнили, осталось подойти к ее окончанию у Гамперовского спуска. Тут руина, оставшаяся от торгового склада, в котором со времен Великой Отечественной войны и до эпохи борьбы Н.С. Хрущева с религией находилась православная церковь. Теперь, погрустив у груды битого кирпича, можно отправляться восвояси.

2001 г.

Дом на Гамперовском спуске

Когда-то островерхая крыша этого дома, возвышающаяся над морем одноэтажных строений Слободки, сразу бросалась в глаза. Теперь разросшиеся кроны акаций почти полностью скрывают ее, если смотреть, стоя у обрыва, со стороны Торговой улицы.

Что ж, подойдем к приметному зданию ближе. Стены, сложенные из красного кирпича, стилизованный рисунок кладки, узкие окна "под старину", пристройка в виде башни средневекового замка.

Иногда можно услышать, что здесь был костел. Нет, этот дом изначально предназначался для жилья.

Чем же примечательно это строение, кроме своеобразной архитектуры? Да тем, что на рубеже XIX и XX столетий здесь жил и лечил людей мариупольский врач Сергей Федорович Гампер. Его современный коллега - врач 1-й городской больницы Тарас Федорович Криворотько потратил немало времени, чтобы восстановить подробности биографии замечательного мариупольца. Теперь благодаря Тарасу Федоровичу мы знаем, что Сергей Федорович родился в 1859 году в нашем городе в семье врача, который занимал должность судебно-медицинского эксперта, потом был врачом и преподавателем Мариупольской мужской гимназии и, конечно, "пользовал", как говорили в старину, своих сограждан от недугов.

Сергей Гампер получил среднее и высшее образование в Харькове: после окончания гимназии он поступил на ме-

дицинский факультет Харьковского университета. Завершив учебу в университете, только через два года с дипломом лекаря приехал на родину - в Мариуполь и занял должность своего отца.

Через небольшой промежуток времени молодой врач отправляется в Петербург на кафедру терапии Военно-медицинской академии. Там на протяжении двух лет выполняет большую научно-исследовательскую работу, которая стала основой его докторской диссертации.

В Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге до сих пор хранится один из пятисот экземпляров диссертации нашего земляка. Кстати, заметим, что среди его официальных оппонентов на защите диссертации был будущий великий физиолог, Нобелевский лауреат и академик Иван Петрович Павлов, в то время он был просто профессором.

Труд С.Ф. Гампера назывался "Об отправлении желудка под влиянием сернокислого стрихнина". При его выполнении автор воспользовался тремястами пятьюдесятью шестью научными источниками. Среди многочисленных выводов диссертации два касаются здоровья школьников. И неудивительно, Сергей Федорович до отъезда в Петербург был врачом мужской гимназии.

Получив диплом доктора медицины, он мог бы остаться в столице и занять профессорскую должность, но, видимо, считая, что в родном городе принесет большую пользу, возвращается в Мариуполь; здесь доктор Гампер работал два десятилетия с небольшим, вплоть до своей кончины, которая наступила в начале 1911 года. К этому печальному моменту он был главным врачом Мариупольской уездной земской больницы.

За свою относительно короткую жизнь С.Ф. Гампер очень много сделал для города и уезда и как высокообразованный врач, и как общественный деятель. Он был среди тех, кто закладывал основы земской медицины в нашем крае, пожалуй, первым применил рапу - концентрированный раствор морских солей в воде - и грязи с азовского побережья для лечения нарушений опорно-двигательного аппарата людей, то есть был основоположником бальнеологии в нашем городе. Он исполнял обязанности гласного городской думы (в нашем понятии - депутатом горсовета), был попечителем Гоголевского начального училища на Слободке. Здание этого учебного заведения сохранилось до сих пор. Редкое для наших мест деревянное строение стоит на улице Земской через дорогу от дома Гампера. Оно сразу бросается в глаза.

Доктор Гампер пользовался большой популярностью и среди жителей города, и среди коллег-врачей, и среди деятелей земской управы. Поэтому спуск, который вел от старого базара к его дому, называли Докторским или Гамперовским, а отнюдь не "Гамбургским", как иногда можно слышать.

В годы Великой Отечественной войны архивы Мариупольского инвентаризационного бюро пропали, теперь трудно восстановить документально, кому и в какие периоды принадлежало здание, о котором здесь идет речь.

А.Д. Проценко в одной их своих книг утверждает, что дом в предреволюционные годы находился во владении купца Шнейдеровича. Довелось слышать и имя другого владельца - Исая Матецкого. Так ли это? Во всяком случае в сохранившемся до наших дней завещании Матецкого дом на Земской улице не упоминается. Принадлежал ли дом Гамперу или он его арендовал? Тоже вопрос.

К счастью, Дмитрий Иванович Жилин сохранил в своей памяти рассказы старожилов о примечательном строении, в котором он занимает много лет одну из квартир. Любознательный жилец, кроме того, облазил дом Гампера от подвала до чердака: изучал его элементы, приглядывался к деталям.

История Гамперовского дома по Жилину выглядит следующим образом. Первоначально это был двухэтажный особняк с размерами в плане восемь на восемь метров. Позже над ним был возведен третий этаж, достроена часть флигеля с большой комнатой внутри. Именно в этой комнате доктор Гампер принимал больных. Впоследствии, в восьмидесятых годах прошлого века, соорудили пристройку с островерхой крышей, которая дает основание некоторым малосведущим людям считать дом Гампера культовым зданием.

Сейчас рядом с ним соседствуют ряд малопривлекательных сараев и полуразрушенная дворницкая, а раньше к "готическому" строению примыкал обширный двор с садом, огороженный внушительным забором. Внутрь двора можно было проникнуть только через ворота мимо дворницкой, где денно и нощно дежурил привратник. Первое, что бросалось в глаза посетителям, был бассейн, в котором плавали лебеди. Дорожка, посыпанная свежим морским песком, вела к парадному входу...

Во времена нэпа дом арендовал какой-то предприимчивый мариупольский обыватель, пытавшийся наладить изготовление колбас. В это можно поверить, так как до сих пор в одном из подвальных помещений сохранились крючья для подвешивания говяжьих и свиных туш.

Поскольку прежние владельцы в годы революции эмиг-

рировали за границу, дом перешел в коммунальную собственность. Его помещения заняли несколько семей. В период оккупации Мариуполя гитлеровцами будто бы приезжал сын доктора Гампера. Жильцы переполошились, думали, выселят да еще и накажут. Но наследник никаких решительных действий не предпринял, только попросил беречь дом до лучших времен. Свой же приезд объяснил желанием поклониться родовому гнезду...

Через три-четыре года после окончания войны некогда импозантное и достаточно удобное для проживания здание было подвергнуто реконструкции. Просторные комнаты были разделены длинными перегородками на крохотные каморки. В одних местах окна заложили кирпичом, в других пробили новые проемы. Такое "радикальное" преобразование позволило вселить в дополнение к уже проживавшим еще несколько семей. Были периоды, когда в краснокирпичном строении на Гамперовском спуске проживали до сорока ответственных квартиросъемщиков с чадами и домочадцами, четверо из них занимали комнатушки на чердаке. Сколько в приведенной здесь истории истины, а сколько вымысла, судить сейчас трудно...

Нельзя сказать, что теперешние обитатели столь любимого художниками и телевизионщиками историко-архитектурного объекта рады предоставленной им возможности "снимать" здесь жилую площадь. Да это и понятно. Следы разрушения и запущенности видны повсюду. Нет элементарных бытовых удобств. Судя по всему, юридических владельцев мало интересует состояние дома доктора Гампера.

Приходилось слышать, что было предложение некой религиозной конфессии за ее счет отселить живущих в стес-

ненных и неблагоустроенных условиях людей в более пристойное жилье, а в освободившемся здании после приведения его в более или менее первоначальный вид устроить молитвенный дом. Говорят, отказали.

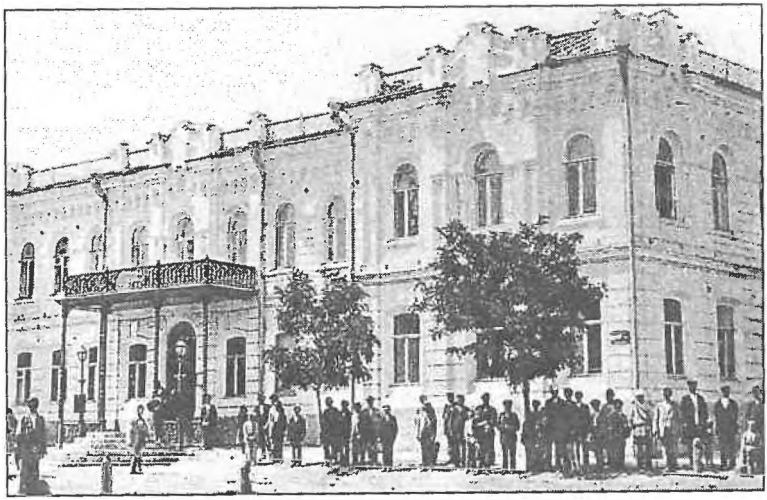
Просили и художники открыть в нем свои мастерские. Но прошение, как говорится, осталось без удовлетворения. Так ли это? Кто его знает? И все же хочется верить, что найдутся и такие люди, которые заполнят "белые пятна" в истории дома Гампера, и такие, которые спасут его от разрушения, превратив в украшение нашего города.

1998 г.

Улица Земская

Земская улица - одна из старейших в нашем городе. Во всяком случае, на карте Мариуполя, составленной в 1811 году, четко обозначено несколько ее кварталов. В прежние времена ее южная часть как бы растворялась среди лавок и лабазов Базарной площади.

Начнем, пожалуй, рассказ о Земской с того места, где она пересекается с проспектом Ленина, от торца бывшей гостиницы "Россия". В нем сейчас помещается "Трансагентство". Это единственный дом на перекрестке, который сохранился в первозданном виде.



Земство. Начало XX в.

Своему названию улица, о которой здесь идет речь, обязана Мариупольской уездной земской управе, ее здание некогда на ней располагалось. В сорок третьем году его сожгли гитлеровцы. Оставшиеся толстые стены с наспех заложенными горелым кирпичом проемами окон и дверей долго напоминали о былой помпезности этого двухэтажного строения. Его долго не восстанавливали. Только в конце пятидесятых годов, если не позже, остатки стен разобрали, а на их цоколе возвели из серого шлакового кирпича несколько этажей жилых квартир. Сейчас о прежнем великолепии напоминает лишь замысловатый контур сохранившегося фундамента.

Нелишне, наверное, будет напомнить, что из себя представляли земства. Они были учреждены реформами императора Александра II. В их ведении было местное самоуправление, распространение прогрессивных методов хозяйствования, начальное образование и здравоохранение населения. О деятельности Мариупольского уездного земства можно судить по отчетам, отпечатанным в типографии и переплетенным в солидные фолианты. Теперь они хранятся в краеведческом музее.

В одном из помещений земской управы находился книжный магазин, где земцы, приезжающие по делам из сел близлежащей округи, покупали для односельчан книги, популярные пособия по ведению сельского хозяйства, садоводству, гигиене, ветеринарии, а также учебники для местных начальных школ. Тут же можно было приобрести дешевые книжки для чтения и почтовые открытки с видами Мариуполя. Их издавало уездное земство.

С приходом к власти большевиков земства по всей территории недавней Российской империи, а теперь Страны

Советов, были упразднены. Естественно, что такую же участь постигло и мариупольское земство. В здании разместили педагогический техникум.

Сразу после революции большинство мариупольских улиц переименовали. Земская получила имя немецкой революционерки Розы Люксембург, а заодно его же дали и Гамперовскому спуску, и даже ранее безымянной улице на Слободке. Так что бывшая Земская продлилась до самого берега моря. Интересно, что в 1992 году, когда в нашем городе было восстановлено большинство исторических названий, улицу Розы Люксембург на всем ее протяжении почему-то стали называть Земской. Что, конечно, противоречит историческим реалиям.

Приходилось слышать от старожилов, что в годы оккупации Мариуполя фашистами здание, в котором находилась земская управа, а позже - педагогический техникум, было занято очень важным немецким штабом, настолько важным, что сам бесноватый фюрер посетил его в сорок втором году. Что касается штаба, то есть еще немало живых свидетелей, которые видели усиленную охрану у здания, скопление легковых автомобилей и мотоциклов, входивших и выходивших вражеских офицеров в больших чинах, а вот само посещение - скорее всего, не более чем легенда.

В 1889 году середину Земской улицы между Николаевской и Митрополитской обсадили деревьями. Так получилось второе, после Городского сада, озелененное общественное место для отдыха горожан. Со временем, когда деревца окрепли, вдоль аллеи установили садовые скамьи, устроили немудрящую ограду. Этот зеленый уголок в народе называли Бульварчиком. В утренние часы на Бульварчике любили отдохнуть мариупольские хозяйки, возвращаю-

щиеся домой с базара. Они усаживались на скамьи, рядом ставили плетенные из лозы корзинки с только что купленной снедью и ожидали, пока кто-нибудь из знакомых не присядет рядом, чтобы посудачить о житье-бытье. Тут же можно было встретить и нянек, прогуливающихся с господскими детьми. С наступлением сумерек влюбленные назначали здесь свидания.

В советское время за Бульварчиком ухаживали не хуже, чем прежде. Регулярно подстригали деревья и низкорослый кустарник, весной красили скамейки. Со стороны Николаевской улицы в Бульварчике поставили фигуру Ленина во весь рост. Кстати напомним, что в описываемый период Николаевская называлась улицей Ленина.

С приходом в город оккупантов в сорок первом году фигуру разрушили, а ее постамент, сложенный из кирпича, остался. Через несколько лет после окончания войны на него вновь водрузили памятник Владимиру Ильичу, теперь уже бюст. О нем заботились курсанты морского клуба ДОСААФ, который находился рядом.

В послевоенные годы на Бульварчике преподаватели из близлежащей семилетней школы № 3 (сейчас в ее здании находится станция юных техников) проводили занятия по физкультуре, если, конечно, не мешала погода. Сюда же во время переменок высыпали школяры, чтобы побегать, поиграть в "козла" или другие игры. Им-то погода никогда не мешала.

Шли годы. Все меньше внимания уделяли этому клочку живой природы. Старели деревья, никто за ними не ухаживал, затоптаны были кустарники, исчезли куда-то садовые скамейки, перестали красить решетки на ограде.

Примерно тогда, когда были посажены первые деревца

на Бульварчике, Земскую улицу на всю ее длину замостили брусчаткой, как сказано в книге "Мариуполь и его окрестности", "осколками местного гранита". Еще недавно мостовая здесь была относительно ровной, но, как рассказали местные жители, при строительстве водовода ее разрыли, затем канавы кое-как засыпали.

Довольно длительное время улицы в нашем городе представляли собой ряды приземистых домов, сложенных из самана и плит известняка, расставленных все же в известном порядке вдоль грунтовых дорог, не имеющих и признаков покрытия. Ничем не отличалась от других и Земская. Но на рубеже XIX и XX веков Мариуполь стал преображаться на глазах. Была подведена железная дорога, построен новый порт у Зинцевой балки, город становился крупным торговым центром. Предприимчивые люди со сказочной быстротой богатели на торговле зерном, шальные деньги они тратили не только на приумножение капиталов, но и на строительство домов. На их украшение средств не жалели. Именно тогда на Земской улице появились особняки с фигурной кладкой стен, большими окнами, высокими потолками, с козырьками над парадными входами, подпираемые коваными узорчатыми кронштейнами. Кое-где следы былого "великолепия" сохранились до наших дней. Время, увы, берет свое. Теперь некогда уютная улочка постепенно дряхлеет...

В самом конце Земской, там, где она круто поворачивает к Малофонтанной, стоит дом на высоком цоколе. Дом, в котором жил и лечил больных известный в Мариуполе дерматолог Александр Игнатьевич Егоров. В двадцатые годы он был полковым врачом 238-го Мариупольского стрелкового полка. Все меньше людей остается на этом свете, ко-

торые помнят плотного прямого человека с наголо обритой головой, со строгим лицом, шествующего твердой целеустремленной походкой с толстой тростью, которой он в такт своим шагам касался тротуара. Эта трость только подчеркивала его бодрость и крепость.

Земская упирается в забор электростанции, построенной в первое десятилетие нашего века. Ее генераторы давали ток для освещения домов и улиц центральной части города, а также, как говорили в старину, для приведения в действие насосов городского водопровода.

Много воды утекло с тех пор, как по Земской важно шествовали в уездную управу чиновники, торопились на занятия гимназисты и реалисты, прогуливались дамы и кавалеры в нарядах "из Парижа", сшитых где-нибудь в Екатеринославе или Таганроге, бегали ученики приходской школы - она была рядом, на Митрополитской. Многое изменилось на ней: исчезло несколько добротных особняков, давно не пахнет пряностями и солениями из погребков.

1996-2002 г.

Улица Харлампиевская

31 декабря 1991 года мариупольским улицам вернули старые названия - те, что присвоила им городская дума 28 сентября 1876 года, среди них и Харлампиевская улица, известная нескольким поколениям мариупольцев как Советская. Это имя она носила семьдесят два года, и трудно осуждать людей, что они все еще называют ее Советской.

Такой она остается для старожилов и для бывших учениц второй женской школы. Выпускницы школы стали инженерами, врачами, педагогами, швеями, продавщицами, просто мамами и бабушками. Они с благодарностью вспоминают своих наставников Ивана Федоровича Глотова, Наталию Михайловну Дутову, Ермолая Митрофановича Василевского, Веру Леонтьевну Зозулю и многих других.

После того, как в пятидесятых годах для второй школы на улице Пушкина построили новое большое и просторное здание, в освободившееся вселилась вечерняя школа рабочей молодежи. И до революции здесь было учебное заведение - начальное училище для девочек из бедных еврейских семей.

Рядом располагалась синагога - первая в Мариуполе. По данным книги "Мариуполь и его окрестности", этот молитвенный дом был построен по инициативе мариупольского ремесленника Абрама Фреймана в 1864 году. В конце XIX века еврейская община во дворе напротив синагоги построила двухэтажный дом. На втором этаже была толмуд-тора - начальная школа для мальчиков, а внизу правоверные иудаисты устроили для себя микву - ритуальную баню.

Когда в городе после Октябрьской революции и гражданской войны окончательно утвердилась советская власть, баня перешла в коммунальную собственность и в ней стали мыться все желающие, тем более, что многие из вчерашних приверженцев различных вероисповеданий вдруг стали атеистами.

На углу Харлампиевской и Георгиевской улиц возвышается серое здание гостиницы "Спартак", увенчанное куполом, обшитым оцинкованным железом. Есть сведения, что его соорудили по проекту главного архитектора города Виктора Александровича Нильсена. Если бы кто-нибудь вздумал отметить мемориальными досками пребывание в этом здании знаменитых постояльцев, то, пожалуй, наружных стен не хватило бы. Здесь находили приют во время еще довоенных гастролей скрипачи Давид Ойстрах и Михаил Эрденко, известные в свое время на всю страну певцы Вадим Козин, Георгий Виноградов, Клавдия Шульженко и Леонид Утесов со своей обожаемой дочерью и весьма посредственной эстрадной певицей Эдит.

В "Спартаке" ночевали артисты театра и кино Борис Андреев, Марк Бернес, Иван Миколайчук, Николай Крючков, Раиса Недашковская, Виталий Полицеймако. Даже сама Фаина Раневская отдыхала в одном из номеров после встреч с мариупольской публикой. Само собой разумеется, это лишь малая толика списка "звезд" разной величины и разных лет, почтивших своим присутствием скромный провинциальный отель.

Лет тридцать назад к гостинице со стороны ресторана была сделана пристройка. Для этого пришлось убрать остатки сгоревшего в войну почтового отделения, которое размещалось с послереволюционных лет в доме, до того

принадлежавшем Эммануилу Спиридоновичу де Полоне - судовладельцу и консульскому агенту сразу двух государств: Италии и Австро-Венгрии. Для выполнения своих консульских обязанностей Эммануилу Спиридоновичу никуда ходить или ездить не приходилось: просителей и посетителей он принимал в собственном доме.

Со стороны Екатерининской улицы (теперешнего проспекта Ленина) к двору консульского агента примыкало подобие скверика с увеселительными заведениями. Тут было казино, где крутилась рулетка, крупье выкрикивал ставки, где специальной лопаточкой на столе, крытом зеленым сукном, сгребались фишки, где одним выпадало счастье - они выигрывали, что было реже, другие же просаживали состояния, что случалось чаще. Менее азартные мариупольские аборигены и их гости имели возможность поиграть в лото или бильярд, выпить прохладительные напитки: зельтерскую воду - "газировку", подкрашенную фруктовым сиропом, ситро, пиво или бузу - непрозрачную беловатую жидкость из протертого проса, слабохмельную и слабогазированную. Скверик снесли, когда в середине 30-х годов началось строительство четырехэтажного дома для рабочих и ИТР завода "Азовсталь". Жителям центральной части города этот дом с полукруглыми эркерами хорошо знаком: сюда в парикмахерскую ходили сделать прическу, купить каравай свежего хлеба или сдобную булочку или "отовариться" в магазине сельскохозяйственных продуктов.

В этом неприметном сейчас торговом заведении в послевоенное время располагался... центральный "Гастроном". Тогда он казался огромным и необыкновенно шикарным. В витринах были выставлены мастерски нарисованные на кусках фанеры груды колбас, окорока, разрезанные головки

сыра и прочей снеди, все это было раскрашено очень натуральными масляными красками. Кроме того, в одной из витрин стояла кукла-джентльмен примерно метрового роста, одетая в серый в полоску однобортный костюм, которая время от времени подносила к губам папиросу.

Внутри "Гастронома" полки были сплошь заставлены банками с черной икрой, крабами, тресковой печенью и бычками в томатном соусе. Над всем этим великолепием возвышался огромный муляж коробки папирос "Казбек" - символа тогдашнего благосостояния и начальствующего положения тех, кто их курил.

Консервные банки были основательно засижены мухами, наклейки с изображением изогнутого осетра выцвели под действием солнечных лучей. Мариупольцы не очень-то покупали все эти деликатесы: черная икра на базаре была куда дешевле, чем в магазине, а бычков можно было наловить, не прилагая особых усилий, в море.

До войны через дорогу от дома с эркерами стояло двухэтажное здание, в котором помещался Молотовский (читай Жовтневый) райком ВКП(б). Угол здания, обращенный на перекресток, был скошен. В скошенной части находилась дверь, которая вела внутрь помещения. После пожара сорок третьего года от здания райкома остался один остов, но огонь пощадил полуподвал. В нем-то и была устроена пивная, где пиво полилось в банки из-под американской лендлизовской тушенки - бокалы первых послевоенных лет.

На Харлампиевской улице находится одно из самых приметных дореволюционных строений города - гостиница "Континенталь". Возведена она, вероятнее всего, в последнее десятилетие XIX века. Позже к ней был пристроен концертный зал. В первом этаже, там, где сейчас находится

"Гастроном", размещался книжный и писчебумажный магазин наследников Приходько-Пыхненко, а в подвальном помещении - электротипография братьев Гольдрин.

В 1920 году в гостинице развернул свой штаб начальник советских военно-морских сил Черного и Азовского морей, так называемый "НАМОРСИ". Известно, что в 1921 году здесь был дворец труда, т.е. центр профсоюзных организаций города, с началом строительства "Азовстали" здание передали администрации этого предприятия, позже его использовали как клуб металлургов.

В период Великой Отечественной войны клуб был сожжен. В первые же дни освобождения Мариуполя от фашистов азовстальцы приступили к восстановлению своего очага культуры. Делали они это в выходные дни. В 1946 году здание распахнуло двери перед первыми посетителями, с тех пор в нем размещается Дворец культуры "Азовстали".

В концертном зале перед жителями нашего города выступали немало знаменитостей. Назовем только несколько имен выдающихся представителей культуры, которые побывали здесь в послевоенные годы: Любовь Орлова, Марк Бернес, Евгений Леонов, Георгий Жженов, Борис Андреев, Павел Кадочников. В июле 1971 года опальный в то время музыкант Мстислав Ростропович дал незабываемый концерт. В июле 1991 года в стенах дворца состоялась единственная в истории города выставка подлинных работ Архипа Ивановича Куинджи.

К Дворцу культуры примыкает дом: здесь с незапамятных времен было фотоателье. Кто говорит, что оно принадлежало фотографу Куюмджи, а кто - Стояновскому. Кажется, правы и те, и другие. Вероятнее всего, что эти два из-

вестных мариупольских фотомастера занимали помещение в разное время.

Пройдемся, не спеша, дальше. А вот и Николаевская улица. На углу - дом с куполом на крыше. Что было здесь до революции? Не знаем. В советское время - Осоавиахим, ДОСАРМ, ДОСААФ, теперь школа Общества содействия обороны Украины. Лишь в сорок третьем - сорок пятом годах здание "изменило" оборонным обществам. В этот период времени за его стенами размещалось мариупольское представительство ведомства Лаврентия Павловича...

Бывшая Советская улица, а сейчас вновь Харлампиевская, не такая уж длинная, да и достопримечательностей на ней не так уж много. А может, мы о них просто не знаем?

1998.

Греческая улица

Когда свершилась Октябрьская революция и на территории Российской империи установилась Советская власть, появилось неписаное, впрочем, кто его знает, может, и писаное, правило давать в каждом городе одной из улиц в центральной его части имя вождя мирового пролетариата Карла Маркса.

В Мариуполе для такого наименования избрали Марии-Магдалининскую улицу и ее продолжение - Греческую. Вместо двух улиц с "чуждыми" для рабочего класса прозваниями появилась одна, с именем, ласкающим слух прогрессивного человечества.

13 февраля 1989 года нашему городу было возвращено историческое имя, через некоторое время решено было такое сделать и с его улицами. Недолго думая, вместо табличек "Ул. Карла Маркса" установили новые - "Ул. Греческая". А что же с Марии-Магдалининской? Наверное, просто забыли, что первые пять кварталов теперь уже бывшей ул. Карла Маркса до революции были наречены именно так. Может быть, и другие соображения были? Кто знает?

Так что название, вынесенное в заголовок этих заметок, подразумевает нынешнюю Греческую улицу, а не ту, что начиналась в свое время у Екатерининской улицы (теперь проспект им. Ленина) и пересекала последовательно Николаевскую, Митрополитскую, Фонтанную и так далее, до Бахчисарайской. Кто не знает, скажем: Бахчисарайская - нынешняя улица Шевченко.

И хоть, как мы видим, Марии-Магдалининская улица ка-

нула в Лету, наверное, стоит вспомнить, почему ее так окрестили. Все дело в том, что в свое время она заканчивалась у стен церкви святой Марии Магдалины, которая была выстроена, как это сказано в книге "Мариуполь и его окрестности", по распоряжению Азовского губернатора Черткова еще до заселения нашего города греками-выходцами из Крыма.

Настало время, однако, совершить неспешную прогулку вдоль современной Греческой улицы. Начнем ее у дома № 10, где, по преданию, жил в юности Георгий Иванович Челпанов(1862-1936) - выдающийся психолог, философ и логик, профессор Киевского и Московского университетов, автор фундаментальных трудов и учебников по логике и психологии, выдержавших огромное количество переизданий.

По другую сторону проезжей части улицы расположился особняк (Греческая, 13), примечательный тем, что в первые послевоенные годы в нем размещалась городская библиотека имени В.Г. Короленко. Чтобы стать ее читателем в те времена, нужно было сдать две-три книги. И мариупольцы несли сюда чудом сохранившиеся в полусожженном Мариуполе томики Пушкина и Тургенева, Шевченко и Гоголя, учебники и словари, а то и брошюрки, издававшиеся для солдат и матросов в военную пору. Так силами народными комплектовался книжный фонд.

Рядом с библиотекой в здании с затейливым фасадом (ул. Греческая, 11) был тогда же развернут приемник-распределитель для детей, которых военное лихолетье разлучило с родными и близкими: кого - на время, а кого - навсегда. То скорбное учреждение существует по прежнему адресу и сейчас.

На четной стороне, ближе к Итальянской, в тот же период

времени находилась детская библиотека имени М. Горького, ребятня из центральной части города ходила сюда за книжками. Особо рьяные книгочеи записывались на очередь, чтобы прочесть истории, рассказанные бароном Мюнхгаузеном, пережить, хотя бы мысленно, приключения Гулливера и Робинзона, ринуться в атаку с Чапаевым, ощутить себя молодогвардейцем или помечтать о будущем вместе с Жюль Верном.

Улица Греческая, 29а - адрес четвертого корпуса Приазовского государственного технического университета. Здание было построено в начале XX века для мариупольской таможни. Она находилась в нем до самой революции, а может быть, какое-то время и после нее. Но в тридцатые годы здесь разместили школу № 6, одну из нескольких мариупольских национальных школ - еврейскую. От старожилов приходилось слышать, что в ней учились не только дети из еврейских семей, но и русские, украинские ребята, жившие поблизости. В годы войны здание бывшей таможни сожгли. Когда его восстанавливали, к нему надстроили третий этаж. Какое-то время в нем находились механико-металлургический техникум и филиал "Гипрограда", до тех пор, пока для них не были построены специально предназначенные помещения. Для первого - на Левом берегу близ Восточных проходных ворот комбината "Азовсталь", а для второго - на улице Казанцева.

Если никуда не сворачивать, а только перейти на другую сторону Греческой, рано или поздно мы подойдем к общеобразовательной школе № 1. Ее здание было специально сооружено в 1895 году для Мариинской женской гимназии. К слову скажем, что это старейшее в нашем городе школьное здание, используемое до сих пор по прямому назначе-

нию. Когда-то по его коридорам во время переменок чинно прогуливались парами или втроем гимназистки в коричневых форменных платьях и черных передниках, за ними присматривали строгие классные дамы, затянутые в корсеты, их блузки наглухо были застегнуты многочисленными пуговками до самого горла. Среди гимназических учителей были и мужчины - степенные господа в мундирах, фасон которых определяло Министерство просвещения.

Чтобы убедиться, так ли это, достаточно всмотреться в старинные фотографии, запечатлевшие преподавателей и учениц Мариинской гимназии, которые представлены на стенах школьного музея, созданного по инициативе Галины Матвеевны Штанько в 1977 году.

В музее мы узнаем, что после 1919 года женскую гимназию сменила 1-я трудовая школа, что в годы Великой Отечественной войны здесь размещался эвакогоспиталь № 1051, медицинский и обслуживающий персонал которого был сформирован из призванных в армию мариупольских врачей, фармацевтов и медицинских сестер, людей других нужных в данном случае профессий. Немецко-фашистские оккупанты, заняв 8 октября 1941 года Мариуполь, использовали эту школу также под лазарет. А когда покидали Мариуполь в сентябре 1943 года, его подожгли, как некоторые говорят, вместе со своими же неходячими ранеными солдатами.

К восстановлению бывшей гимназии приступили не сразу. В газете "Приазовский рабочий" за 3 ноября 1951 года сообщалось, что начались занятия в восстановленной школе № 1. Нужно думать, произошло это за пару дней до опубликования упомянутой заметки.

После Николаевской Греческая улица спускается круто

вниз и чуть выравнивается у Митрополитской. Давайте остановимся здесь, чтобы прочитать следующие строки из уже упоминавшегося труда гимназических учителей "Мариуполь и его окрестности": "Для жителей кефайского квартала преосвященный Игнатий в 1780 году заложил, основал и устроил Федоро-Стратилатовскую церковь. Она при жизни еще митрополита сгорела и не возобновлялась: находилась там, где в настоящее время располагается духовное училище". От себя добавим - в краснокирпичном двухэтажном строении бывшего духовного училища в разные времена квартировали 238-й стрелковый полк, вечерний рабфак, средняя женская школа № 10. О других "квартирантах" уже говорилось в очерке "Улица Митрополитская".

Если верить карте Мариуполя, изданной в 1993 году, Греческая улица заканчивается у площади Лепсе, там, где находятся конечная остановка трамвайного маршрута № 2 и семнадцатая средняя школа. Можно было здесь и о ней рассказать, ведь адрес школы - Греческая, 219. Но лучше это сделать во время прогулки по Правому берегу.

1998 г.

Улица Артема

Марьинская церковь. Начало XX в.

От бывшей Таганрогской улицы остались лишь редкие фрагменты дореволюционной постройки: несколько разномастных одноэтажных домов между Фонтанной и Евпаторийской улицами, еще с десяток - по пути к автовокзалу.

Если облик других мариупольских улиц менялся, да и сейчас меняется, постепенно, то Таганрогская как-то сразу, на глазах одного поколения стала неузнаваемой. Может быть, по этой причине при возвращении улицам нашего города старых названий ул. Артема сохранила свое имя, полученное в советское время ради увековечения памяти Федора Андреевича Артема (Сергеева), как писали в энциклопедиях, "профессионального революционера, советского

партийного и государственного деятеля, ученика и соратника В.И. Ленина, в 1920 году председателя Донецкого губисполкома".

После пожара, учиненного гитлеровцами при отступлении из Мариуполя в сентябре сорок третьего года, пожалуй, именно на бывшей Таганрогской оказалось больше всего коробок сгоревших домов. Восстанавливать большинство одноэтажных строений в центре города резона не было и решили: то, что от них осталось, снести, а на их месте построить современные, со всеми удобствами жилые корпуса.

Архитекторы Харьковского института "Горстройпроект", изголодавшиеся за годы войны по настоящей творческой работе, постарались украсить здания лоджиями и балконами, колоннами и эркерами, башенками и пышной лепниной, затейливыми карнизами и арками. Новые дома на улице Артема успели построить до принятия пресловутого хрущевского постановления о борьбе с излишествами в архитектуре, и замысел зодчих в значительной степени оказался претворенным в жизнь.

На месте домов, в свое время принадлежавших семье Хараджаевых, по проекту архитектора Яновицкого построили известные всем помпезные здания с башнями, увенчанные шпилями.

Однако давайте все же поговорим о той, дореволюционной Таганрогской улице. Она начиналась у сквера и круто спускалась вниз к Бахчисарайской, то есть к нынешнему бульвару Шевченко. Не удивляйтесь, часть современной улицы Артема от сквера до Малой Садовой (теперешней Семенишина) в прежние времена называлась Больничной. Таганрогская была как бы ограничена двумя православны-

ми храмами: Марии-Магдалининской церковью, что возвышалась в центре Александровского сквера, и Рождества Богородицы (в народе ее называли Карасевской) церковью, которая была построена еще в 1780 году.

Она примечательна тем, что в ней крестили самого знаменитого из всех мариупольцев - выдающегося художника-пейзажиста Архипа Ивановича Куинджи, в 1875 году его здесь венчали с Верой Елевферьевной Шаповаловой-Кечеджи. С помощью старинных карт, фотографий и по воспоминаниям старожилов удалось установить местоположение Карасевской церкви, взорванной воинствующими безбожниками не без наущения властей в середине тридцатых годов.

Стоя у этого святого места, подумалось: неплохо было бы во искупление грехов соорудить, пусть скромный, памятный знак об уничтоженном храме. И не только здесь, а везде, где произошло подобное святотатство в нашем городе.

Обломки церкви увезли, место, где она стояла, замостили, а рядом построили школу, нынешнюю одиннадцатую. Ей, кажется, не так уж долго стоять: многополосная автострада почти вплотную приблизилась к ее стенам. Если автостраду продолжат строить, то школу снесут, как некогда церковь.

Двухэтажное здание из серого кирпича на углу Евпаторийской, сейчас в нем находится Дом учителя, специально построено для школы в те приснопамятные времена, когда улица еще называлась Таганрогской. В советское время здесь была семилетка, именовавшаяся первой образцовой. Наш земляк, заслуженный работник физической культуры Российской Федерации Виктор Иванович Калогномос вспоминал, что когда в конце двадцатых годов он работал учи-

телем физкультуры в этом учебном заведении, ему довелось вместе со своими питомцами устроить спортивную площадку. На ее месте сейчас стоит многоэтажный жилой дом, возведенный перед самой войной.

Позже первая образцовая семилетка стала называться четвертой средней школой имени Ивана Андреевича Крылова. Она была мужской, и слава об озорстве и шалостях ее учеников-сорванцов шла далеко окрест. Но сорванцы выросли, стали врачами и инженерами, орденоносными сталеварами и руководителями крупных и не очень крупных предприятий, учеными - кандидатами и докторами наук. Назовем лишь несколько имен выпускников школы середины пятидесятых годов: член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Анатолий Манохин, кандидат технических наук, лауреат государственных премий, бывший главный инженер ПО "Азовмаш" Павел Нефедов, глава госадминистрации Днепропетровской области Александр Мигдеев, заместитель генерального директора знаменитого "Южмаша" Станислав Тосхопаран, заслуженный металлург Украины, кандидат технических наук Кирилл Брызгунов, доктор физико-математических наук Анатолий Москаленко, известный кинооператор Центрального телевидения Юрий Коваленко, заслуженные мастера спорта по акробатике братья Тышлеры. И во многом, если не во всем, своему успеху в жизни эти и многие, многие другие люди обязаны директору школы, прекрасному педагогу и необыкновенно доброй души человеку Ивану Терентьевичу Сидорчуку.

На старинной почтовой открытке изображена мариупольская почтово-телеграфная станция. Она занимала угол на перекрестке Митрополитской и Таганрогской. Отсюда, как

от нулевой точки, отсчитывали расстояния не только до сел Мариупольского уезда и губернского города Екатеринослава, но и до других городов и весей Российской империи.

В старом Мариуполе Таганрогская улица долго была окраинной. По этой причине, наверное, размещались здесь несколько заводов. Один из сохранившихся - прокатно-штамповочный завод Верника. Нам ничего не известно о судьбе владельца этого предприятия, но скажем, что его сын стал одним из выдающихся конструкторов прокатных станов, лауреатом Ленинской и Государственной премий, доктором технических наук.

Поток автомобилей и грохот трамваев почти всех маршрутов сделали улицу Артема мало пригодной для прогулок, а следовательно, для размышлений и воспоминаний.

И все же.

Вспомнилось: трамвай - "двойка", позванивая в колокольчик, вползает на подъем по направлению к 36-й школе. Сейчас рельсы, которые некогда вели на Правый берег, убрали.

Почему-то от прошлого остались в памяти не столько зрительные образы, сколько воспоминания о запахах. От пекарни исходил аромат только что испеченных булочек из сдобного "венского" теста. На повороте трамвая к заводу им. Ильича царил сытный запах подсолнечного масла с примесью запахов патоки, горелых литейных смесей и стынущего металла. Маслобойка и литейный цех, стоявшие напротив друг друга, соперничали между собой за господство над обонянием обывателей.

Все в мире меняется, изменится со временем и улица Артема, будем надеяться, к лучшему.

1998 г.

Улица Пушкина

Прежде чем эта улица получила в 1937 году имя великого поэта, называлась она Большой Садовой. Нет, это название никак не связано с близостью Городского сада. Заглянув в книгу "Мариуполь и его окрестности", можно прочесть: "По плану 1851 года и по рассказам старожилов, на тех кварталах, где теперь Малая и Большая Садовые и которые теперь называются Новостроенкой, были прекрасные фруктовые сады. Эта часть города застроена только после 1859 года и, главным образом, в последние годы". Напомним, что цитируемая книга вышла в свет в 1892 году.

Большая Садовая, а по-теперешнему улица Пушкина, начиналась от цирка братьев Яковенко. Цирк сгорел во время Великой Отечественной войны, а на его месте разместились теперь гаражи. Сейчас здесь малолюдно и жутковато тихо, особенно вечерами. А когда был цирк, публика толпилась у касс в ожидании представления, лакомилась мороженым, обменивалась городскими новостями. Потом раздавался резкий звонок и все устремлялись занимать свои места: кто в амфитеатре, а кто на галерке. Оставшиеся без билетов некоторое время слушали, как за стенами цирка гремела бравурная музыка, как шталмейстер зычным голосом объявлял номера, а потом постепенно расходились восвояси.

На арене мариупольского цирка в разные годы выступали знаменитые клоуны и дрессировщики Анатолий и Владимир Дуровы. Вильямс Труцци восхищал мариупольцев безукоризненной выучкой лошадей, между выступлениями

жонглеров и канатоходцев публику развлекали клоуны Виталий Лазаренко, Бим-Бом, братья Танти.

Здесь же проводились "чемпионаты мира" по французской борьбе с участием знаменитых на всю Россию атлетов Ивана Поддубного, Ивана Заикина и других. Обязательным атрибутом такого рода чемпионатов было участие в состязании "черной маски", борца-инкогнито.

Большой популярностью пользовались пантомимы - театрализованные представления-феерии, вольные переложения известных литературных или песенных сюжетов "Стенька Разин", "Тарас Бульба", а для детишек - "Конек-Горбунок", "Золушка".

Бешено скакали по арене лошади, всадники размахивали саблями, гремели петарды, "злодеи" хватали гимнасток, переодетых в принцесс, и уносились с ними на трапециях под купол цирка, коверные изображали чертей, униформисты, в зависимости от темы пантомимы, преображались то в ватагу волжских разбойников, то в войско запорожское.

В доме, стоящем неподалеку от цирка, прошло детство и юность Виктора Синайского (1893-1968), в будущем - знаменитого скульптора, его работы можно встретить на улицах и в залах музеев Санкт-Петербурга и других городов.

На улице Пушкина в основном стоят дома дореволюционной постройки. Потому, наверное, бросается в глаза двухэтажное здание из красного кирпича в стиле конструктивизма 30-х годов. Его соорудили на паях несколько мариупольских врачей. Стало быть, этот дом представляет собой первый в Мариуполе жилищно-строительный кооператив.

Из примечательных строений на улице Пушкина отметим здание средней школы № 2. Оно построено в пятидесятые годы и выглядит очень импозантно. Школа носит имя лет-

чика Героя Советского Союза Владимира Семенишина, погибшего неподалеку от нашего города.

Вот еще один дом, хорошо известный многим мариупольцам, - радиоузел. По данным краеведческого музея, здесь до революции находилось Екатерининское начальное училище. Так и было сказано в одном из телефильмов цикла "Мариуполь. Былое". Вскоре после его демонстрации позвонил один мариупольский старожил и довольно убедительно доказал, что дом, о котором идет здесь речь, вовсе не был училищем, а был жилым домом его деда - Георгия Евстафьевича Попова. По сохранившемуся убранству потолков и стен, планировке, наличию большой веранды можно вполне сделать вывод, что в здании раньше было жилье.

В дореволюционные времена Большая Садовая считалась одной из самых красивых и ухоженных улиц нашего города. Большинство здешних домовладельцев были людьми состоятельными. Особенно прелестна была она поздними вечерами летом. В лунном свете стены особнячков, окрашенных известью, загадочно мерцали и казались сделанными из драгоценного белого мрамора. Петуньи и ночная фиалка, высаженные вдоль тротуаров и во дворах, источали дурманящий аромат. Иногда из открытого окна какого-нибудь дома можно было услышать негромкое пение, сопровождаемое аккомпанементом пианино, или замысловатые пассажи скрипача-любителя. Это случалось в ту эпоху, когда граммофоны были редкостью, а о магнитофонах и телевизорах и слыхом не слыхивали.

Дом № 96. В послевоенные годы здесь находился Дом пионеров. Ребятишки приходили сюда, чтобы заниматься в кружках юннатов и изобразительного искусства, в хоровом и танцевальном кружках. Позже в дом вселилась прокура-

тура. Тут уж было не до песен и плясок. Прокуратуру сменил штаб гражданской обороны.

Улица Пушкина практически полностью сохранилась такой, какой была перед революцией. Только в середине шестидесятых годов в самом ее конце, у проспекта Металлургов, были построены многоэтажные дома.

Когда Большой Садовой давали имя Александра Сергеевича Пушкина, никто не догадывался, что великий поэт имеет отношение к Мариуполю. Лишь много позже установили, что в мае 1820 года он посетил наш город во время путешествия из Екатеринослава на Кавказ с семьей генерала Н.Н. Раевского. В честь этого события была укреплена на одном из домов мемориальная доска с профилем А.С. Пушкина и соответствующей надписью. Ее авторы - Ефим Харабет, Юрий Балдин и Владимир Харакоз. Но какие-то негодяи сорвали ее и сдали в металлолом - для них это был просто лист алюминия. Наша прогулка по улице Пушкина заканчивается у стен бывшей начальной школы № 9, построили ее в начале века. В ней училась ребятня из близлежащих кварталов. Но это было давно.

1998 г.

Улица Семенишина

Мариупольские улицы, получившие, как известно, официальные названия в 1878 году, с установлением Советской власти были постепенно переименованы. Все, кроме двух: Фонтанной и Малой Садовой. И лишь в канун 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, когда решили увековечить память Героя Советского Союза Владимира Григорьевича Семенишина, Малая Садовая обрела новое имя.

Майор Семенишин был командиром 104-го истребительного авиационного полка 9-й гвардейской дивизии. Звания Героя был удостоен 24 мая 1943 года. Отважный летчик погиб 29 сентября 1943 года. Тело его было привезено в наш город и предано земле с отданием воинских почестей в городском сквере, а весной следующего, 1944, года - перезахоронено в Городском саду...

Улица была названа Малой Садовой по той причине, что в этой местности еще за тридцать лет до наречения мариупольских улиц собственными именами произрастали обывательские фруктовые сады. Малая Садовая начиналась у места печального - старинного кладбища над обрывом. Уже в конце XIX века на нем никого не хоронили, и позеленевшие от мха и плесени надгробные плиты из известнякового камня со стершимися надписями все больше зарастали кустарником.

Кладбище просуществовало до начала восьмидесятых годов прошлого столетия, пока не снесли его, когда понадобилось прокладывать шоссе к строящемуся вокзалу на

железнодорожной станции. Крутой спуск от нынешней Греческой к Вокзальной улице безусловно знаком и мариупольцам, и их гостям.

Сейчас счет домов на бывшей Малой Садовой начинается в тупичке, где царят покой и умиротворение. Он особенно прелестен весной, в пору начала цветения абрикосовых деревьев. Глядя на деревья, протянувшие свои ветви, усеянные бело-розовыми цветами, из-за разномастных заборов на улицу, на уютные домики, забываешь, что где-то совсем недалеко отсюда бурлит суетная жизнь огромного промышленного города, пронизанная метастазами тысяч разрешимых и неразрешимых проблем. Время как будто остановило свой бег. Кажется, что из парадного одного из особнячков выйдет чиновник в темно-зеленом вицмундире, стряхнет пыль с обшлагов, поправит форменную фуражку с лакированным козырьком и двинется в присутственное место вершить дела и судьбы уездного Мариуполя.

Однако иллюзия пребывания в прошлом быстро разрушается. Вот заехал в тупичок неведомо по каким делам "фольксваген", на микроскопическую грядку, устроенную между узким тротуаром и проезжей частью, вышла старушка, одетая в потрепанный спортивный костюм фирмы "Адидас", так несвойственный концу XIX века, и занялась прополкой - делом, свойственным горожанам конца века двадцатого.

Тупичок примечателен еще и тем, что в нем находится небольшая фармацевтическая фабрика. Само название говорит о ее продукции.

На улице Семенишина, бывшей Малой Садовой, не так уж много примечательных домов и строений, но все же они есть. Вот особнячок на нечетной стороне. Совсем, кажет-

ся, недавно здесь находился отдел одного из украинских научно-исследовательских институтов, а еще раньше, в послевоенные годы, его занимал главный инженер "Азовстали" Иван Николаевич Романько. На долю этого человека пришлось техническое руководство Южной Магниткой, пожалуй, в самые тяжелые годы: с 1938-го по 1941-й, когда любой неверный шаг мог обернуться длительным тюремным сроком, а то и расстрелом, и с 1943-го по 1952-й - в период наибольшего напряжения сил при восстановлении разрушенного гитлеровцами металлургического гиганта.

Среди фасадов, побеленных известью, выделяются два дома-близнеца, сложенные из серого кирпича. Изустные предания сохранили имя их строителя. Им был архитектор-самоучка Иван Ферапонтов.

В одном из этих особнячков - его номер 36 - долгие годы жил с семьей Иван Илларионович Саенко, врач "божьей милостью", через добрые руки которого прошло несколько поколений маленьких мариупольцев. Многим из них он спас жизнь.

Старожилы наверняка знали и его жену и друга - Марию Христофоровну, тоже врача, в которой всегда счастливо сочетались внешнее обаяние, доброта и искусство врачевания. По стопам родителей пошла и их дочь Татьяна, кандидат медицинских наук, заведующая отделением одной из городских больниц. Лишь внук Ивана Илларионовича и Марии Христофоровны - Юрий - "изменил" семейной традиции, став, однако, доктором, но доктором технических наук, профессором.

В одноэтажном доме с верандой находилась квартира бывшего главного инженера Мариупольского филиала "Гипромеза" Абрама Соломоновича Красовицкого, который был

одним из авторов проекта строительства завода "Азовсталь", а в 1943 г.- его восстановления. Вспоминая об этом незаурядном человеке, его современники обязательно рассказывали о феноменальной памяти Красовицкого, которую он сохранил до последних дней своей довольно долгой жизни.

Переходя от дома к дому, мы постепенно подошли к Городскому саду. На самом его краю лет тридцать тому назад стояла неказистая хатка с пристройками, в которой помещалась база кинопроката. Именно здесь начинал свою карьеру известный в нашем городе пропагандист кинематографа Виль Михайлович Котенко.

Если перейти на улицу, то перед вами предстанет построенный в стиле "Модерн" особняк. Его возвел в начале нашего века не раз уже упоминавшийся архитектор Виктор Александрович Нильсен для своей семьи. Там он и жил, пока во время революции дом не реквизировали.

На пересечении улиц Энгельса и Семенишина расположен стадион "Азовец". Но прежде чем на нем устроили футбольное поле... впрочем, лучше здесь привести отрывок из интервью нашего земляка Виктора Ивановича Калогномоса: "В 1917 году на месте нынешнего стадиона был земляной велотрек. Кроме соревнований велосипедистов здесь устраивали показательные выступления гимнастов разного возраста, в том числе и младшей группы, которой я руководил. В этой группе был и Ваня Остославский, впоследствии ставший известным ученым в области аэродинамики, профессором Московского авиационного института, доктором технических наук, лауреатом Государственной премии, Заслуженным деятелем науки и техники".

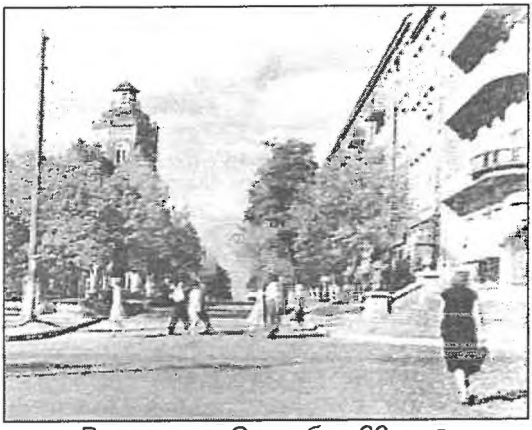
Люди, чьи детство и юность пришлись на первые после-

военные десятилетия, помнят, какие баталии разгорались между командами "Сталь" и "Судостроитель", "Пищевик" и "Спартак". Трибуны всегда были переполнены зрителями, а те мальчишки, которым не удавалось прошмыгнуть внутрь стадиона мимо бдительных контролеров, спешили занять удобные позиции на деревьях, заборах и крышах домов, чтобы не пропустить хотя бы одно мгновение матча.

Вот, пожалуй, и все, что вспомнилось о старинной мариупольской улочке и ее обитателях.

1997г.

Улица Энгельса



Вид улицы. Сентябрь 60-го г.

Эта старинная улица должна быть известна почти всем мариупольцам. Пожилым - потому что именно по ней в молодые годы ходили они кто на танцы, а кто на концерты симфонического оркестра в Городской сад, переименованный в советское время в Парк культуры и отдыха. Совсем молодым - потому что в начале девяностых годов она вела к известному всему городу вещевому рынку, устроенному на футбольном поле стадиона, а теперь тем, кто дружит со спортом, к реконструированному стадиону "Азовец". И благодарить за это нужно городскую администрацию и прежде всего Ю.Ю. Хотлубея.

Вы догадались? Да, это - улица Энгельса. Как получилось, что она сохранила название эпохи социализма? Некоторые объясняют это недоразумением. Будто бы, когда в 1992 году мариупольским улицам возвращали их первоначальные названия, машинистка в горисполкоме пропустила в списке улицу Константиновскую - так называлась до революции нынешняя улица Энгельса.

Константиновская, или улица Энгельса, как хотите, так и называйте, начинается у главного входа в Городской сад многоэтажного дома в стиле конструктивизма. Его построили перед войной для работников коксохимического завода по проекту совсем молодого в те годы архитектора Петра Теслера.

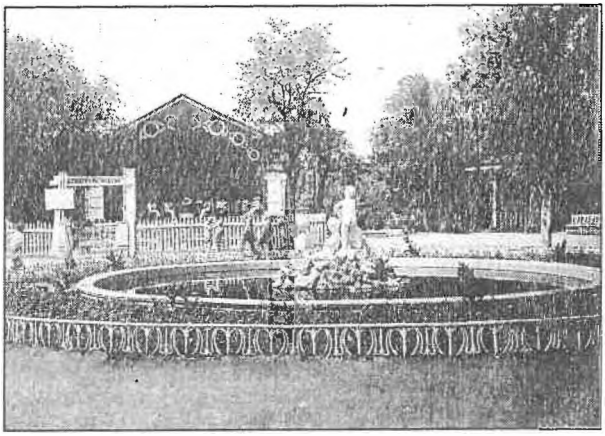
Несмотря на некоторую обшарпанность - следствие прошедших бурных лет, воздействия мариупольской атмосферы, настоянной на едких промышленных испарениях, отсутствия достаточных средств для реставрации, дом этот и сейчас сохраняет импозантность. Тому причина, вероятно, удачно выбранные автором проекта пропорции и архитектурные детали: балконы, балюстрады, колонны перед входом.

Летом жильцы дома могли наблюдать со своих балконов футбольные матчи на стадионе или любоваться морем. Кому что по вкусу.

В одной из его квартир жил запомнившийся горожанам первый секретарь горкома партии Владимир Михайлович Цыбулько. Отсюда в половине восьмого утра он шел, прихрамывая - потерянную во время войны ногу ему заменял протез, - на работу. Только в тех случаях, когда Владимиру Михайловичу приходилось в начале дня ехать в Донецк или на один из дальних заводов, за ним заезжала служебная "Волга".

Среди приземистых одноэтажных строений улицы Энгельса выделяется особняк в стиле "Модерн" с маской льва на фронтоне. Старожилы называют его домом Гугеля, хотя многие прекрасно знают, что построил его для своей семьи по своему же проекту главный архитектор дореволюционного Мариуполя Виктор Александрович Нильсен - выпускник знаменитого Санкт-Петербургского института корпуса гражданских инженеров.

С началом возведения на левом берегу Кальмиуса завода "Азовсталь" в доме Нильсена поселился Яков Семенович Гугель - начальник строительства, а затем и первый директор Южной Магнитки. Потом Гугеля арестовали, и он сгинул в круговерти ожесточенной борьбы с "врагами народа", что бушевала над одной шестой частью суши в конце печальной памяти тридцатых годов. Не помогли ни револю-



Городской сад. 40-е гг. XX в.

ционные заслуги, ни заслуги в индустриализации страны социализма.

А дом, изуродованный многочисленными пристройками, временем и небрежением, стоит, выглядывая печально из-за глухого бетонитового забора, как памятник несбывшимся надеждам и превратностям человеческих судеб.

Если по этой же стороне пройти чуть выше, можно заметить добротный особняк, сложенный из красного кирпича. Здесь жил Александр Павлович Поборчий - человек, начавший свой трудовой путь рабочим у одного из мариупольских "частников". В послевоенные годы Александр Павлович уже возглавлял коллектив треста "Азовстальстрой", на плечи которого легла основная тяжесть восстановления разрушенного до основания гитлеровцами завода "Азовсталь".

Энгельса, 21. По этому адресу снимал квартиру Деомид Фотиевич Калогномос, прекрасный врач. Об его искусстве исцеления маленьких пациентов и пристрастии к пиву по городу ходили легенды, в которых трудно было разобраться, где правда, а где вымысел.

Стоит, наверное, остановиться и у Мариупольской автошколы. Трудно пересчитать, сколько парней из самого города и близлежащих сел учились тут шоферской профессии. А до революции в здании школы помещалось казначейство. И сейчас в краеведческом музее и у коллекционеров можно встретить открытку начала XX века с его изображением. Поверьте, дом с той поры почти не изменился.

К автошколе примыкает строение, на фасаде которого укреплена мраморная доска с надписью, повествующей, что в 1917 году за его стенами размещался Мариупольский военно-революционный комитет. От себя добавим, что и штаб Красной гвардии тоже. А до 1917 года в нем заседали ми-

ровые судьи Мариупольского уезда. Заглянув в энциклопедический словарь, узнаем о мировом суде следующее: создан он был в России судебной реформой 1864 года и действовал до 1889-го, потом существовал с 1912-го по 1917 год; мировые судьи единолично принимали решения по мелким уголовным делам и гражданским спорам.

Когда революционные страсти утихли, въехал сюда народный суд, и был он здесь до тех пор, пока в восьмидесятые годы не перевели его на проспект Металлургов. Сейчас это в известной степени историческое здание делят контора "Марсервиса" и "Хаббард - колледж". В какой пропорции? Это видно по разной раскраске фасада.

По соседству возвышается четырехэтажный корпус, построенный по проекту архитекторов и строителей Мариупольского филиала "Гипромеза". В нем же на протяжении более двадцати лет и размещалась эта известная на многих металлургических заводах проектная организация. Не счесть проектов доменных печей, сталеплавильных, прокатных и иных металлургических цехов, выполненных мариупольскими инженерами.

А через дорогу находятся корпуса ликероводочного завода, чья продукция пользовалась некогда заслуженной славой. Довелось слышать от "знатоков", что местная водка столь мягкая и приятная на вкус по той причине, что приготавливают ее с использованием воды из артезианской скважины, пробуренной на территории завода в незапамятные времена. Но работники завода эту легенду опровергли. Оказалось, все проще: на заводе воду очищают с помощью самого совершенного оборудования, которое на сегодня известно в мире. Вот так-то.

На противоположной стороне улицы в первом этаже

стандартного жилого дома находится городской шахматный клуб. Помещение для него в свое время было отделано и оборудовано на средства завода "Азовсталь". Кажется, что тут никогда не утихают баталии на двухцветных досках древнейшей и интеллектуальнейшей игры.

Квартал улицы, по которой мы совершаем прогулку, между проспектом Ленина и улицей Варганова, сравнительно недавно сделали пешеходным. Тут же стоит знакомая каждому мариупольцу башня. Построенная в начале века для первого в нашем городе водопровода, она, кроме того, еще служила добрую службу пожарным: с ее верхотуры они наблюдали, нет ли где подозрительного дыма. Если такое случалось, то из двора, разделенного с башней лишь проезжей частью переулка, вылетал под громкий звон колокола и дудение медного рожка конный пожарный обоз бравых борцов с огнем в начищенных до блеска металлических касках, брезентовых робах и широких поясах с притороченными к ним топориками.

От этого места ул. Энгельса, бывшая Константиновская, спускается на северо- восток, пересекая одну за другой старинные мариупольские улицы: Николаевскую, Митрополитскую, Фонтанную. И вдруг у Евпаторийской растворяется среди современных многоэтажек жилого массива "Металлург". Потом появляется вновь на Новоселовке, чтобы "упереться" в пойму речки Кальчик.

1998-2001г.

Слободка

Вид Слободки. Начало XX в.

Историк конца XIX столетия пишет: "Часть города между ним и морем известна ныне под именем Слободки. Начало ее относят к 40-м годам XIX века". Генерал-губернатор Воронцов позволил селиться на берегу моря отставным солдатам и рабочим. Такое поселение горожане терпели потому, что слобожане были работниками на гавани, и спохватились только тогда, когда образовался почти город в четыре длинные улицы.

Поднят был вопрос о выселении, но 30 марта 1859 года состоялся указ, в силу которого в Мариуполе дозволено причисляться не грекам к обществу отдельному от греческого...".

Слободка, Слободка, построенная бывалыми солдатами и моряками, отважными рыбаками, умельцами-ремесленниками, рисковыми торговцами. Здесь умудрялись за ночь построить хатку-землянку, накрыть ее камышовой крышей, сложить простейшую печь и к утру разжечь ее. И ничего не могли сделать городские власти с "самозастройщиками": по царским законам, не позволено было разрушать отапливаемые, а следовательно, обитаемые жилища. Старожилы рассказывали: мол, потому-то и невысоки старинные дома в этом славном районе нашего города.

Правда, люди, наделенные практическим складом ума, считают: слободские строения изначально были выше, а за многие десятилетия осели по причине слабости здешних грунтов, подтапливаемых периодически морской водой. Может, так оно и есть?

Четыре продольные улицы поселения "между городом и морем" еще до революции были "пронумерованы": та, что ближе к нагорной части Мариуполя, называлась Первой Слободкой, а следующие за ней, соответственно, Второй, Третьей и Четвертой. В советское время Первая Слободка получила имя героя гражданской войны Григория Котовского, Вторая - Якова Свердлова, Третья стала Донецкой, Четвертая - Транспортной. Последняя теперь именуется улицей Линника. Михаил Васильевич Линник, бывший инструктор физкультуры Мариупольского порта, был удостоен за подвиги в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза.

В октябре 1882 года было завершено строительство участка железнодорожной дороги до Мариуполя, на той окраине Слободки, что ближе к морю, соорудили здание вокзала.

С появлением в Мариуполе железной дороги многие обитатели Слободки пошли на нее работать. Кто устроился путевым обходчиком, кто стрелочником, кто рабочим в депо. Некоторые выбились в паровозные машинисты, то есть добились должности, особо почитаемой в те далекие уже времена...

В годы Великой Отечественной войны железнодорожная станция многократно подвергалась налетам авиации. Пилоты целились в воинские составы, депо, водонапорную башню, но часто их бомбы и снаряды попадали на дома слободских жителей, гибли люди. В тот же период было сожжено здание вокзала.

Привокзальная площадь носит имя мичмана Евгения Павлова, отважного морского десантника, неустрашимого разведчика, после войны ставшего наставником мариупольской ребятни, в том числе и слободской. Он учил их грести на шлюпках, управлять парусами, "семафорить" флажками, плавать под водой в акваланге, а еще - мужеству, честности, верности слову и делу...

Еще до революции была построена железнодорожная школа. Предполагалось, что в ней будут учиться дети работников Донецкой дороги со всех станций и полустанков от Мариуполя до Волновахи, а расположенное рядом начальное училище предназначалось для отпрысков прочих обитателей Слободки. Здание училища позже переоборудовали под клуб, который сгорел во время войны.

На месте нынешней школы №37 возвышалась некогда Константино-Еленинская церковь. В народе ее называли слободской. Храм построили по проекту Виктора Александровича Нильсена незадолго до первой мировой войны, а зимой 1936 года взорвали...без всякого проекта. На его

месте возвели школу, но не прошло и трех лет, как в учебных классах был развернут госпиталь для раненых и обмороженных бойцов Красной Армии, участников советско-финской войны. Сюда же стали поступать командиры и красноармейцы, получившие увечья на фронтах начавшейся Отечественной войны...

Относительно недавно в газетах появилось сообщение, что школа-ветеран находится под угрозой разрушения. На тревожный сигнал откликнулись предприниматели - бывшие ученики "тридцать седьмой", и не словом, а делом: выделили средства для ремонта "альма-матер".

На Слободке некогда было несколько пекарен, но самую знаменитую держал Марапулец. Дом на углу Вокзальной улицы и Первой Слободки, где она была, сохранился до сих пор. Сюда ходили за пахучим хлебом, ароматными сдобными ватрушками даже из центральной части города.

В двадцатые-тридцатые годы слободское население лечил легендарный фельдшер Александр Шейн. Его лекарские способности признавали мариупольские медицинские светила с дипломами столичных университетов, а уж о пациентах и говорить не приходится.

В ту же пору, когда пользовал хворых фельдшер Шейн, в краснокирпичном доме на улице Вокзальной, что и сейчас стоит под самым обрывом, жил паровозный машинист Кашуба - городская знаменитость: никто лучше его не играл на баритоне и басе в местном духовом оркестре.

О слободских сорви-головах ходили легенды, но они вырастали, становились моряками и воинами, инженерами и сталеварами, врачами и художниками. Здесь прошли детство и юность легендарного генерала Латышева. Георгий Александрович начал свой боевой путь еще в гражданскую

войну, незаслуженно подвергся репрессиям, сражался с гитлеровцами, а когда вышел в отставку, вернулся в родной город, выступал с лекциями и докладами, встречался с молодежью.

Стоит вспомнить и известного украинского кинооператора и режиссера Алексея Александровича Мишурина. И для него Слободка - малая родина. В свое время снятые им фильмы "В дальнем плавании", "Максимка", "Годы молодые", "Спасите наши души", "Королева бензоколонки" и другие пользовались большим успехом у зрителей.

И еще один уроженец старинного мариупольского поселения - Евгений Николаевич Митько. По его сценариям сняты киноленты "Бурьян", "Там вдали за рекой", "Цыган", "Дударики"...

Слободка, Слободка, пронизанная солеными морскими ветрами, запахами рыбы и угля, грохотом проходящих поездов, легендами и бывальщинами.

1998 г.

Вокзал

Вокзал. Начало 60-х гг.

В те давние времена, когда к Мариуполю еще не была подведена железная дорога, товары, поступающие в город по сухопутью, доставлялись чумацкими шляхами на возах, запряженных волами. Наш великий земляк Архип Иванович Куинджи изобразил и волов, и возы с поклажей, и бредущих рядом чумаков на известной картине "Чумацкий шлях в Мариуполе". Она была написана в 1875 году, а через семь лет завершили строительство участка железной дороги от станции Еленовка до Мариуполя.

Тогда же было построено здание вокзала. Сначала его центральную часть, в которой помещались кассы, зал ожидания, кабинеты начальника и дежурного по станции, комната телеграфиста. К слову скажем, что к нему мариуполь-

цы приходили сверять часы. Постепенно центральная часть обросла крыльями, по два с каждой стороны. Все помещения соединялись между собой. Такой вид вокзал станции Мариуполь приобрел, очевидно, к первому десятилетию XX века. Свидетельство тому - почтовые открытки с его изображением, относящиеся именно к этому периоду времени. Старожилы, вероятно, помнят это одноэтажное вытянутое здание, выкрашенное в темно-зеленый цвет.

На его центральной части со стороны перрона был укреплен начищенный до блеска колокол. Дежурный по станции в красной фуражке подходил к нему, дергал за веревку, звонком оповещая отправление поезда.

Августовский номер "Мариупольского справочного листка" - была такая газета - за 1900 год сохранил для будущих поколений расписание пассажирских поездов той поры. Почтово-пассажирский поезд № 3 отправлялся до Дебальцево в 11 часов 49 минут ночи, а товарно-пассажирский № 7 - до Воронежа в 8 часов 50 минут утра. Ходило еще три поезда до порта и обратно. Как видите, не так уж часто нарушался покой на перроне вокзала, если, конечно, не считать проходящих мимо товарных поездов с углем и пшеницей, следовавших в порт.

Шумно здесь было в декабре 1905 года, когда бастовали железнодорожники, поддержавшие декабрьское вооруженное восстание, и 22 ноября 1917 года, когда красногвардейцы отбили у своих идейных противников вагон с оружием. В память об этих событиях установлены мраморные доски с соответствующими надписями.

У каждого поколения мариупольцев свои воспоминания об этом месте встреч и расставаний. У кого-то отложилось в сознании, как впервые он вступил на землю незнакомого

города с фанерным чемоданчиком в руке и комсомольской путевкой в кармане на строительство "Азовстали". Кому-то запомнилось, как в окне вагона мелькнуло лицо отца, уезжающего на фронт, мелькнуло, чтобы исчезнуть навсегда. Перед внутренним взором другого всплывут картины эвакуации. Баулы, чемоданы, нервозная суета, тревога старших, едущих в неизвестность. А вот то, что осталось в памяти Валентины Войцеховской (Тимченко): "В 42-м году меня и моих сверстников угоняли в Германию. Весь вокзал был запружен людьми, вокруг гул, рев, крики, слезы матерей. Все время трехлетнего пребывания в Германии я видела перед глазами маму, которую поддерживали брат и отец, чтобы она не потеряла сознание. Еще помню, что играл баян и мальчик лет семи-восьми пел какую-то печальную песню...".

Никогда не забудут жители близлежащих домов и кварталов, переживших военное лихолетье, бомбежек и обстрелов станции.

Здание вокзала было сожжено во время войны (кое-как сохранилось лишь крайнее левое крыло, если смотреть с привокзальной площади), понадобилось немало времени, чтобы его восстановить.

В начале 70-х годов решили вокзал перестроить, и в 1974 году появилось то сооружение, которое знают наши современники. Архитекторы задумали его легким и воздушным как внутри, так и снаружи. Стены зала ожидания украсили своими работами мариупольские художники. Мозаику, посвященную мужественному труду металлургов, выполнили монументалисты Валентин Константинов и Лель Кузьминков. Другую стену украшало панно из резных деревянных пластин работы художника Алексея Бочарова. Сейчас от

панно Бочарова остались лишь воспоминания. Да, не любят и не ценят у нас в Мариуполе красивые вещи.

Однако давайте вернемся в сегодняшнюю жизнь мариупольского вокзала. Теперь привычные в расписании поезда стали международными. За границу идут московский и ленинградский, простите, петербургский поезда. Иные же вовсе исчезли из расписания. Как и раньше, здесь дают справки, продают билеты на поезда ближнего и дальнего следования, объявляют об их прибытиях и отправлениях. Пусть меньше стало пассажиров, а стало быть, и встречающих и провожающих - на то есть свои причины, но вокзал остался местом встреч, расставаний и... воспоминаний.

1998 г.

Покровская площадь

Начало строительства административной площади. 60-е гг. XX в.

От некогда обширной Покровской площади сейчас осталась только ее часть. Если верить картам Мариуполя, изданным в 1988 и 1993 годах, эта часть именуется Административной площадью. Хотя, по правде говоря, горожане редко так называют пространство, ограниченное с одной стороны жилыми домами проспекта Ленина с нечетными номерами, а с другой - горисполкомом и четырнадцатиэтажным зданием, сооруженным в самом конце семидесятых годов для местного филиала "Укргипромеза".

Как и все дореволюционные городские объекты Мариуполя, Покровская площадь получила свое официальное имя

вовсе не случайно. Здесь ежегодно 1 октября, на Покров день, устраивались ярмарки. Главным предметом торга на них были фураж и зерно.

Постепенно фуражом - кормом для скота - стали торговать не только в ярмарочные дни. Вероятно, с тех пор среди мариупольских обывателей укрепилось, так сказать, народное наименование площади - Сенная. Было у нее еще одно прозвание - Выгон. Им пользовались те мариупольцы, которые ушли в мир иной глубокими стариками полвека назад и более. Нужно думать, что они помнили, как в промежутках между ярмарочными днями жители близлежащих кварталов выгоняли сюда на пастбище своих коров и лошадей.

Выгон, Сенная или Покровская площадь, как хотите, так и называйте, еще в 1930 году занимала территорию от старого корпуса нынешнего Приазовского государственного технического университета до технического училища, здание которого было построено в начале XX века на Митрополитской улице. В некотором отдалении виднелись одиноко стоящие корпуса городской больницы. То, что это было именно так, подтверждается картой Мариуполя, составленной по топографической съемке того времени.

Незадолго перед Великой Отечественной войной на площади возвели школу, а неподалеку от нее - многоквартирный жилой дом с полукруглым выступом на фасаде. Он стоял вдоль улицы Франко, переименованной много позже в проспект Металлургов, и был первенцем на четной стороне этой городской магистрали. Нечетная сторона в виде приватных домиков и амбаров, которые мариупольцы называли хлебными ссыпками, существовала здесь еще с дореволюционной поры.

Отступая в сентябре 1943 года из города, гитлеровцы сожгли все перечисленные выше строения. Враг был изгнан из Мариуполя, и почти немедленно началось восстановление. Пожалуй, первой на Сенной площади была возвращена к жизни школа. Ей присвоили № 7. В наши дни ее помещения занимает городской лицей.

С начала пятидесятых годов площадь начала постепенно застраиваться жилыми, в основном пятиэтажными, домами. На первом этаже одного из них устроили кассу и диспетчерскую междугородной автостанции. Проход к кассам более не существует, в нем устроили мастерскую по ремонту фотоаппаратов. Пассажиры садились в автобусы, отправляющиеся в Донецк, Ростов-на-Дону и близлежащие районные центры, на том самом месте, где наши современники поджидают нужные им троллейбусы и маршрутные такси на остановке "Проспект Металлургов".

По периметру площади к тому времени возникло много новых зданий, но сама она сохраняла довольно непрезентабельный вид. Там, где ныне возвышается "Азовгипромез", сквозь заросли бурьяна проглядывали железобетонные глыбы фундамента так и не построенного Дворца культуры. Пространство, теперь занятое горисполкомом, было огорожено дощатым покосившимся забором, за которым располагались базы строительных организаций. Ближе к посадочной площадке междугородных автобусов стояло деревянное строение закусочной, где водители между рейсами могли перекусить свиной котлетой общепитовского кулинарного искусства из молотого хлеба с добавлением мясного фарша.

В начале 60-х годов, прежде чем начать комплексную застройку бывшей Покровской площади, архитекторы из ме-

стного отделения "Гипрограда" сфотографировали ее. Снимки эти сохранились. Они запечатлели мебельную фабрику, которая располагалась на углу проспекта Ленина и улицы Франко, первые многоквартирные дома на будущем проспекте Нахимова. Одиноко стоит Центральный универмаг в окружении тарной базы, автомобильного гаража и бараков городской тюрьмы.

Приходилось слышать, что идея превратить запущенную территорию в главную площадь нашего города принадлежала бывшему первому секретарю горкома партии Владимиру Михайловичу Цыбулько. Нужно сказать, что почти все объекты, которые были заложены в проект, одобренный Владимиром Михайловичем, были осуществлены. Правда, в высотном четырнадцатиэтажном здании должна была находиться гостиница, а перед ней - концертный зал с куполообразной крышей.

Пожалуй, к началу 80-х годов площадь, о которой здесь идет речь, приобрела наконец тот вид, который она имеет сейчас. Наиболее живописные уголки ее сняты для почтовых открыток, а телевизионщики часто используют вид с крыши "Азовгипромеза" в своих произведениях, даже выносят на заставки своих передач.

1999 г.

Правый берег

Правый берег - полуофициальное название поселения, расположенного в пространстве между речками Кальчик и Кальмиус. На карте Мариуполя 1888 года эта местность обозначена как пустошь. Никакого жилья. Неведомый топограф нанес лишь три существовавших на то время крупных объекта: еврейское кладбище, бойню и каменоломни.

В каменоломнях давно не добывают камень, на кладбище не хоронят, а от здания бойни остались лишь фрагменты старинной стены. Бойня многократно перестраивалась, и сейчас территорию, прилегающую к ней, занимает Мариупольский мясокомбинат.

Из книги "Мариуполь и его окрестности" (волей-неволей приходится обращаться к этому бесценному источнику сведений по истории города) узнаем, что еврейское кладбище основано в начале 70-х годов прошлого века на участке земли, отведенном мариупольским городским самоуправлением, что в 1883 году мариупольской еврейской общиной была сооружена каменная ограда.

Места, о которых здесь идет речь, очень долго оставались малозаселенными. Тому свидетельство - карта Мариуполя, составленная по результатам геодезических съемок, выполненных в апреле 1930 года.

В том же 1930 году, 2 февраля, Президиум Высшего Совета народного хозяйства СССР принял постановление о строительстве нового металлургического завода в Мариуполе, чуть позже этот завод назовут "Азовсталью". К осуществлению постановления приступили той же весной. На

левом берегу Кальмиуса начали размечать площади под будущие цехи, вести земляные работы, прокладывать подъездные пути и линии электропередач. Все больше и больше людей прибывали на стройку. Для них на Правом берегу сооружались бараки. В одних жили вольнонаемные рабочие, в других - заключенные, главным образом, раскулаченные строптивые крестьяне, не по своей воле ставшие первостроителями Южной Магнитки.

В бараках же была размещена больница. В ней были хирургическое, терапевтическое, инфекционное, родильное и другие отделения. Несмотря на неказистый внешний вид, это лечебное учреждение со временем приобрело авторитет одного из лучших в городе, конечно же, благодаря работавшим там высококвалифицированным врачам: Ивану Илларионовичу и Марии Христофоровне Саенко, Харлампию Михайловичу Трандафилову, Борису Алексеевичу Инжечику, Антонине Степановне Литвиновой...

Своеобразным центром Правого берега является площадь Лепсе. Ее назвали в честь умершего в 1929 году партийного и профсоюзного деятеля, старого большевика, участника Октябрьской революции, а до того - латышского рабочего. На площади находятся конечная остановка трамвая второго маршрута, аптека, небольшой магазинчик и общеобразовательная школа № 17.

Много интересного об этой школе довелось узнать от ее выпускника, инженера Владимира Францевича Пухальского, уроженца Правого берега.

Семнадцатая школа была построена в конце тридцатых годов. С утра в ней учились мальчишки и девчонки с близлежащих улиц, а вечером за парты садились учащиеся школы рабочей молодежи. Гитлеровцы, оккупировавшие в ок-

тябре 1941 года Мариуполь, устроили в здании, где недавно шли уроки литературы и математики, биологии и истории, где звучали ребячьи голоса, госпиталь для своих раненых и больных солдат. Когда кто-нибудь из них умирал, их хоронили тут же, поблизости, на площадках, окружавших школу.

Как известно, в сентябре сорок третьего года оккупанты, прежде чем покинуть город, сожгли школу на Правом берегу. Поэтому Володе Пухальскому и его сверстникам пришлось учиться первые четыре года в бараках. Там размещалось две школы: тридцать шестая - женская и семнадцатая - мужская.

А в это время немецкие военнопленные восстанавливали школьное здание. Осенью 1948 года в его светлые, сверкающие свежей покраской классы вошли ученики.

Вспоминая своих наставников, В.Ф. Пухальский назвал директора школы Зиновия Семеновича Тарануху, участника Великой Отечественной войны, фронтовика, преподавателя истории и тоже ветерана Дмитрия Николаевича Грушевского, ставшего впоследствии известным мариупольским краеведом, доцентом металлургического института, кандидатом экономических наук. В ту же пору рисованию и черчению учил детей в 17-й школе совсем молодой выпускник Ленинградского художественного училища Альберт Махотин, уже тогда он обращал внимание зрителей на выставках своими яркими, запоминающимися живописными полотнами. Но больше всего добрых и теплых слов было сказано в адрес учителя русского языка и литературы Валентина Прокофьевича Малащенко. Он совсем юношей потерял на фронте ногу, но, несмотря на это, нашел силы не только получить высшее образование, но и защитить кан-

дидатскую, а затем и докторскую диссертации. Собираясь раз в пять лет на традиционные встречи, выпускники 17-й школы обязательно приглашали профессора Ростовского-на-Дону университета Валентина Малащенко, своего любимого учителя.

Завершая прогулку по Правому берегу, следует, наверное, рассказать о бросающихся в глаза строениях с дугообразными, густо просмоленными кровлями. В них в годы оккупации содержались военнопленные красноармейцы. После освобождения города туда поместили пленных солдат вермахта. В сорок восьмом году неудавшихся завоевателей отправили на родину, а их место заняли люди, оставшиеся после войны без крова, которые обитали там довольно долго.

В бараках на Правом берегу жили, в бараках лечились и учились, в одном из них проводили свой досуг. Вспомнился правобережный клуб треста "Ждановжилстрой". В шестидесятые годы им заведовала добрая и сердечная женщина Евдокия Корнеевна Хавалджи. Она старалась, как могла, чтобы киносеансы в клубе проходили вовремя, чтобы на праздники обязательно были концерты художественной самодеятельности, чтобы постройком выделял средства на пополнение клубной библиотеки книгами.

Правый берег входит в зону влияния вредных выбросов "Азовстали" и "Маркохима". Говорят, будто давно принято решение о сносе его жилых построек. Но денег на переселение обитателей здешних мест и раньше не было, а теперь тем более нет и, вероятно, в обозримом будущем не будет.

1997 г.

На улице Бахмутской

Пока не начали застраивать многоэтажными домами район, прилегающий к площади Кирова, Бахмутская улица начиналась где-то у Таганрогской, получившей в свое время имя революционера Артема (Ф.А. Сергеева). Теперь ее исток находится у шоссе, которое плавно вливается в улицу Карпинского в Ильичевском районе.

Наименование "Бахмутская" - вероятнее всего, случайное, так как расположение не совпадает с направлением на Бахмут, современный город Артемовск Донецкой области.

Застройка улицы началась, судя по всему, в конце позапрошлого, девятнадцатого века. Пассажирам проезжающего по Бахмутской транспорта да и прохожим наверняка бросается в глаза старинный дом с надвратной аркой, сложенной из добротного кирпича, не потерявшего своей крепости за многие годы. От теперешней владелицы подворья Клавдии Степановны мы узнали, что дом построил некто Полонский. Будто был он рабочим завода, какого именно, она не знает. Дом получился славный, с магазином в угловой комнате. Для устройства входа в магазин один из углов строения был скошен. Магазина давным-давно нет, вход в него много лет уже заложен кирпичом. Полонский был человеком состоятельным, по словам Клавдии Степановны, имел несколько обширных садов.

В довоенные годы на Бахмутской была построена тридцать пятая украинская школа. Она стала достопримечательностью здешних мест. В сентябре сорок третьего года фашистские захватчики сожгли школьное здание дотла. Об-

разовался пустырь. Часть его занял детский сад, остальное пространство довольно продолжительное время пустовало. Лишь в восьмидесятые, а может быть, чуть позже появилось несколько коттеджей с непривычными в ту пору для нашей местности островерхими кровлями...

Через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны через дорогу от места, где ранее возвышалась украинская школа, возвели двухэтажное здание 38-й школы. Она и сейчас стоит, красуясь розовыми стенами.

В годы войны на Бахмутской пострадала не только тридцать пятая школа. Враг оставил пожарища на месте многих жилых домов, в том числе и семьи Умрыхиных. Только в шестьдесят первом году Николаю Васильевичу, в прошлом водителю грузовика, удалось отстроить небольшой домишко. А до этого семья ютилась во времянке. Времянка эта до сих пор стоит во дворе. Сейчас Николай Васильевич живет один. Он обижен. Какие-то негодяи украли у него трубы, предназначавшиеся для отопления его жилища природным газом: восьмидесятивосьмилетний старик уже не в состоянии топить углем печку. Эти же отморозки убили верного пса. Теперь ночами Николая Васильевича охраняет небольшой беспородный щенок.

На Бахмутскую выходит длинный забор молокозавода. К нему примыкает территория известной всему городу больницы Скорой помощи. А рядом - городская станция экстренной и неотложной медицинской помощи. Автомобили с красными крестами, врачи и медсестры готовы в любую минуту помчаться туда, где нужна их помощь.

Многие дома, образующие Бахмутскую улицу, имеют весьма почтенный возраст. Здесь можно встретить хатки, крытые черепицей-"татаркой". Когда-то большая часть Ма-

риуполя красовалась такими крышами. Радует то, что старая улица мало-помалу обновляется. Здесь не редкость добротные усадьбы с красивыми заборами, цветами, высаженными перед ними. На Бахмутской есть люди, не лишенные фантазии. Не каждый равнодушно пройдет мимо дома, стены которого сложены из пустых бутылок.

Есть еще одно примечательное строение. Особняк с башенкой на крыше. Трудно угадать назначение башенки, но как бы там ни было, а ведь украшает округу.

По утрам в выходные дни по Бахмутской движется не так уж много транспорта. Иное дело в будни, перед началом рабочих смен. Переполненные пассажирами автобусы, легковушки, такси почти непрерывным потоком катятся из спальных микрорайонов к проходным заводов и учреждений.

В свое время одним из ориентиров здешних мест была аптека. В ней продавали лекарственные травы. Потому ее называли "зеленой". Теперь она приобрела статус обычной.

Кто знает, может быть, Бахмутская и продвигалась бы и дальше на запад, если бы на ее пути не встали девятиэтажки, собранные из блоков в начале восьмидесятых.

Есть ли будущее у старинной Новоселовской улицы? Нет сомнения, что есть. Есть, потому что на Бахмутской улице строятся дома, потому что в здании школы с сентября до июня слышны ребячьи голоса, потому что на Бахмутской рождаются и растут дети. Пусть они будут счастливы.

2001 г.

Проспект Металлургов

Если верить карте Мариуполя, изданной в 1993 году, самой протяженной магистралью в нашем городе является проспект Металлургов. Он простирается почти на семь километров.

Еще живы немало людей, на памяти которых произошло, так сказать, воссоединение двух улиц в одно целое: имени Франко и Веселой. Эти люди должны помнить, что ул. Франко начиналась на Слободке, а заканчивалась у речки Кальчик. Что же касается улицы Веселой, то до нее нужно было добираться на трамвае.

Начнем прогулку по проспекту Металлургов с той ее части, которая в советское время называлась улицей имени Ивана Франко, а до революции - Бахмутской: некогда здесь пролегал тракт на город Бахмут, известный сейчас как Артемовск.

Еще в тридцатых-сороковых годах нашего столетия здесь была окраина. Лишь кое-где имелись строения по обе стороны дороги. Это хорошо видно на карте Мариуполя, составленной в 1930 году. На крутом подъеме от Слободки обозначены древонасаждения: справа - декоративные деревья Городского сада, слева - частные фруктовые сады. Только метров через четыреста появлялась сплошная застройка, это были усадьбы жителей поселка Шишманка, северной границей которого была Итальянская улица.

Сразу же за стоящим особняком краснокирпичным зданием штаба 238-го стрелкового полка (до революции в нем размещалось епархиальное училище, а сейчас - аудитории

первого корпуса Приазовского государственного технического университета) располагалась Покровская площадь. В просторечии ее называли Сенной или еще проще - Выгоном. Только ниже Митрополитской вновь появлялись жилые дома по обеим сторонам улицы.

Из примечательных объектов этих мест отметим Дворец детского и юношеского творчества, выставочный зал имени А.И. Куинджи, встроенный в первый этаж жилого дома, Дворец культуры "Маркохима" и рядом с ним - куполообразный зал для игры в волейбол.

Стоит обратить внимание на дом № 29, построенный по индивидуальному проекту в середине пятидесятых годов. По первоначальному замыслу фасад здания должна была украшать пышная лепнина. Нужно сказать, что замысел был осуществлен, но тут вышло постановление ЦК об излишествах в архитектуре, и уже прикрепленные к стенам декоративные элементы были срублены.

Вероятно, остановится взгляд прохожего на здании профессионально-технического училища № 1 и увитом гирляндами дикого винограда фасаде Дворца бракосочетаний...

В свое время павильон из стекла и бетона на Центральном рынке был отмечен наградой на конкурсе архитектурных проектов. Сейчас павильон почти полностью закрыт недавно построенными магазинчиками и киосками.

За последние два десятка лет проспект Металлургов на участке от улицы Фонтанной и до самого Кальчика изменился полностью. Вместо одноэтажных домов, некоторые из них были построены еще в конце XIX века, а может, и раньше, возникли кварталы микрорайона "Металлург". Торговые комплексы "Мрия" и "Кировский" придают некоторое своеобразие застройке, состоящей из стандартных жилых домов.

Уже было сказано, что улица, о которой здесь идет речь, была окраиной города, а на окраину обычно выносят промышленные предприятия и торговые базы. В этом смысле старый Мариуполь не отличался от других городов. До революции вдоль бывшей Бахмутской, бывшей Франко, а ныне проспекта Металлургов располагались амбары для хранения зерна, старожилы называли их хлебными ссыпками, паровая мельница и макаронная фабрика. Говорят, что мариупольские макароны по своему качеству ничем не отличались от знаменитых итальянских. И в этом нет ничего удивительного: основателем "макаронного" дела в нашем городе был выходец из Италии Сангвинетти.

Теперь настала пора поговорить о тех кварталах проспекта Металлургов, которые относятся к Ильичевскому району. Как сейчас, так и раньше этот район был отделен от соседнего Жовтневого речкой Кальчик, через которую был переброшен трамвайный мост.

За мостом пролегал одноколейный трамвайный путь, слева от которого в пойме речки располагался обширный фруктовый сад, а справа - поля кукурузы и подсолнечника. Северная оконечность сада совпадала с улицей Покрышкина, если бы она существовала в то время. Трамвай, миновав сад, двигался в окружении полей. Он въезжал в кварталы одноэтажных домишек примерно в том месте, где сейчас улица Заворуева упирается в проспект Металлургов.

Здесь трамвайное полотно было уложено вдоль городской магистрали, которая вместо собственного имени имела номер. Да, это была Шестая улица поселка Апатова, возникшего одновременно со строительством трубопрокатного завода имени Куйбышева в конце 20-х - начале 30-х годов XX века. Шестая улица начиналась там, где сегодня закан-

чивается проспект Металлургов, т.е. у современного проспекта Ильича.

В самом начале 60-х годов на Шестой улице появилось несколько многоэтажных жилых домов, сложенных из серого силикатного кирпича. Они и сейчас стоят неподалеку от плавательного бассейна. Позже одна за другой стали расти крупноблочные "хрущевки", сначала на пустырях, а потом на месте снесенных частных домишек. Примерно в это время "номерная" улица получила собственное имя. Ее назвали Веселой.

Жилищное строительство на Веселой шло безостановочно практически целое десятилетие. В 1965-1966 годах в пятом микрорайоне были возведены одна за другой три девятиэтажки - одни из первых домов повышенной этажности в нашем городе. Рядом с ними на искусственно созданном холме был сооружен памятник борцам революции - тридцатидвухметровый обелиск из титанового сплава и скульптурная группа, которые были изготовлены в цехах завода "Тяжмаш" по проекту и моделям скульптора А.А. Стемпковского. Мемориальный комплекс был торжественно открыт 4 ноября 1967 года.

Говоря о достопримечательностях этого проспекта, нельзя не отметить белоснежный Дворец металлургов комбината имени Ильича. Он славится не только своим внешним видом и уютом зрительного зала и других помещений, но и достижениями коллективов художественной самодеятельности. Рядом с Дворцом в пойме реки Кальчик создана прекрасная аллея, которая стала любимым местом отдыха жителей Ильичевского района, особенно в праздничные дни.

Комбинату им. Ильича принадлежит также одно из луч-

ших в городе спортивных сооружений - плавательный бассейн "Нептун". Его построили еще в 60-е годы XX столетия в рамках спортивной трехлетки. В последнее время пространство перед бассейном благоустроили и назвали площадью Независимости.

1998-2002 гг.

Приморский бульвар

Пляж. 50-е гг.

Местность, простирающуюся вдоль моря от Слободки до судоремонтного завода, коренные мариупольцы с незапамятных времен называли "пляжем". В это понятие включали и собственно пляж - неширокую полосу песка, омываемую мутноватой азовской морской водой, и так называемое нижнее портовское шоссе, и проложенную вдоль него железную дорогу, связывающую станцию Мариуполь с портом, и склоны обрыва, засаженные виноградниками, - позже их место заняли декоративные деревья и кустарники. Кажется, еще в предвоенные годы шоссе с расположившимися вдоль него санаториями, домами отдыха и дачами

обрело официальное название; на табличках появилось - "Санаторный проспект".

В 1949 году, когда вождю и учителю всех народов, верному ленинцу исполнилось семьдесят лет, Санаторный проспект получил имя И.В. Сталина. Правда, ненадолго.

Преображение санаторного проспекта связывают с именем В.М. Цыбулько. За город была вынесена нефтебаза. Она когда-то занимала пространство от пешеходного моста, переброшенного через железнодорожное полотно, до пространства, облюбованного сейчас рощицей из деревьев разных пород. Мостовую из гранитной брусчатки заменили асфальтовым покрытием, отороченным аккуратными бордюрами и газонами, среди которых то там, то здесь были высажены кусты роз, снесены заборы, в том числе и довольно изящные, а их место заняла подпорная стенка из бутового камня с расшивкой цементных швов, позже убрали трамвайные пути и пустили троллейбусы. Строй новых осветительных столбов довершил картину преобразования по существу нового проспекта. Оставалось только переименовать его. Что и было сделано; не мудрствуя лукаво, назвали его... Приморским бульваром.

Покончив с "новейшей" историей Приморского бульвара, стоит, наверное, обратиться к эпизодам его более ранних эпох. На карте Мариуполя 1888 года обозначены купальни, располагались они примерно там, где сейчас стоит водная станция металлургического комбината "Азовсталь". Как и сейчас, мариупольцы с наслаждением погружали свои тела в волны ласкового моря, старались как можно лучше загореть. Часто это благое стремление оздоровить себя заканчивалось обугливанием кожи. Тот, прежний, пляж отличался от нынешнего, пожалуй, лишь тем, что мужчины и

женщины принимали морские ванны раздельно, а потому купальными костюмами они не пользовались.

В начале нынешнего века среди виноградников появились дачи именитых мариупольских граждан Хараджаева, Де Полоне, Михайловского и других. К тому периоду относится появление в приморской зоне и известной Белой дачи. После революции ее передали дому отдыха для рабочих, потом ее занял начальник строительства и первый директор завода "Азовсталь" Яков Семенович Гугель. Будто бы здесь его и арестовали в 1937 году как "врага народа". В первые месяцы Великой Отечественной войны на Белой даче был развернут военный госпиталь. Сразу после войны тут был организован детский костно-туберкулезный санаторий имени Н.К. Крупской. Добрые руки врачей, медицинских сестер в буквальном смысле этого слова поставили тысячи детей на ноги. В санатории есть своя школа, и дети, пока проходят курс лечения - а он иногда длится месяцами, - не прерывают учебу. В этой школе педагоги приходят в палаты к лежачим больным ребятам и проводят с ними занятия.

От старожилов приходилось слышать, что в двадцатые годы по Нижнему портовскому шоссе проходил один из первых мариупольских автобусных маршрутов "город-порт". И по нему за неимением автобусов курсировали даже по тем временам допотопные грузовики, в кузовах которых на деревянных лавках рассаживались пассажиры. С тридцатых годов вдоль пляжа начали ходить трамваи четвертого маршрута. После 1970 года их сменили троллейбусы. Правда, трамвай шел из порта в город через Слободку, а троллейбус поворачивает, как известно, на проспект Металлургов.

В 1938 году построены корпуса санатория центрального

комитета профсоюза угольщиков. Здесь отдыхали в основном горняки Донбасса, но бывало, что приезжали сюда оздоровиться шахтеры и из других угольных бассейнов страны.

В первые же дни войны в санатории был устроен эвакогоспиталь. В нем лечили раненых и больных бойцов и командиров перед отправкой в медицинские учреждения глубокого тыла. Утром 8 октября 1941 года, когда передовые части гитлеровцев уже были в Ильичевском районе, на платформе (она существует и сейчас и располагается между продуктовым магазином "Волна" и водной станцией комбината "Азовсталь") спешно шла погрузка пациентов, персонала и имущества госпиталя. Позже его главный врач Александр Миронович Фролов вспоминал, что в середине дня, когда их эшелон с огромными красными крестами на стенах и крышах вагонов проходил мимо переезда у гавани Шмидта, там стояли немецкие автоматчики. Нет, они не стреляли, лишь жестами показывали в сторону Сартаны, давая понять, мол, там уж точно вас разнесут в щепы.

Оккупанты в тех же палатах разместили свой госпиталь, который позже, при подходе Красной Армии к Мариуполю, так быстро эвакуировался, что оставил не только прекрасную мебель, вероятно, награбленную в одной из захваченных Германией стран, но, как говорят завхозы, и мягкий инвентарь: подушки, матрасы, простыни и т.д. До сегодняшнего дня в кабинете директора здравницы стоят старинные часы, циферблат которых обрамлен кусками оленьих рогов. Часы эти остались в наследство от немецкого лазарета.

Когда-то Приморский бульвар даже в будние погожие весенние или осенние дни был заполнен людьми. Прогуливались пенсионеры, наслаждаясь свежим морским возду-

хом, гуляли отдыхающие из здравниц: кто в одиночку, кто парами, а кто целой гурьбой. В пляжный сезон курортники спускались по широкой лестнице к морю, другие поднимались им навстречу после купания с опаленными на солнце носами, с прилипшими песчинками к ступням ног.

Увы, сейчас часть оздоровительных учреждений находится в заброшенном состоянии. Главное объяснение: тяжелые времена, отсутствие средств. Насколько помнится, сразу после войны времена были куда посложней, однако как-то умудрялись поддерживать чистоту и порядок в местах отдыха трудящихся. Свидетельства тому - многочисленные фотографии "на память", которые можно встретить в старых альбомах тех, кому довелось отдыхать в домах отдыха "Мир", "Металлург" или иных.

Украшением Приморского бульвара были и есть водные станции двух промышленных гигантов - "Азовстали" и "Маркохима". Первой на бульваре появилась водная станция коксохимиков, она была торжественно открыта 27 мая 1951 года.

Впрочем, и сейчас есть чем полюбоваться на Приморском бульваре. Хотя бы великолепным - европейского класса - отелем "Чайка". Приходилось слышать, что неподалеку от него будет возведена резиденция консула Греческой Республики. Нужно думать, строители постараются, чтобы она по красоте не уступала "Чайке". Строит здесь гостиницу и акционерное общество "Азовмаш".

Городские власти собираются привести Приморский бульвар в такое состояние, каким он был раньше. Значит, скоро наступят времена, когда Приморский бульвар вновь станет любимым местом отдыха горожан и их гостей.

1997-2003 гг.

Проспект Строителей

Напрасно искать на предвоенных картах Мариуполя привычный для нас проспект Строителей. Более того, не было такого понятия у нас в городе и добрую четверть века после войны. Какова же его история?

В самом начале строительного бума - он пришелся в основном на шестидесятые годы - по одной стороне дороги, проложенной неподалеку от Хараджаевского поселка, администрация морского торгового порта построила для своих работников ряд домов: двухэтажных, а кое-где и трехэтажных. Эту одностороннюю улицу назвали Сестрорецкой. Почему именно так? Никто не знает.

Улица была окраиной, и от нее до так называемого Верхнего портовского шоссе, то есть теперешнего проспекта Нахимова, простирались поля кукурузы, подсолнечника и просто участки, заросшие бурьяном. Некоторые новоселы Сестрорецкой улицы в ближайшую же весну обратили эти бесхозные клочки плодородной земли себе на пользу: вскопали и засеяли их, в итоге получились аккуратные грядки с кустами картофеля, моркови и других нужных и полезных огородных культур. Однако грядки просуществовали недолго.

Вскоре рядом со Сестрорецкой улицей с необычайной скоростью начали возводить микрорайоны панельных пятиэтажных домов, названных народом "хрущевками".

Пожалуй, в самом конце шестидесятых годов Сестрорецкая улица была переименована в проспект Строителей. И нужно сказать, что для этого были веские основания. Постепенно отдельные "островки" застроенных площадей сли-

лись в единое целое, и можно было говорить о появлении в нашем городе магистрали общегородского значения. С начала семидесятых годов эта магистраль, прорезав одноэтажную застройку Паркового поселка, устремилась от проспекта Ленина на север - в сторону Ильичевского района. Теперь в ходу у зодчих были уже новые серии типовых жилых домов - девятиэтажных.

Долгое время на новом проспекте никаких примечательных строений не было, здесь царило унылое однообразие массового домостроения. Ориентирами служили разве что довольно редкие магазины. Так и говорили: "Мы получили квартиру рядом с магазином "Садко" или "Он живет около "Рыбного". Имелось в виду, что по соседству с торговым комплексом "Дары моря".

Иное дело теперь: есть о чем вспомнить, есть что посмотреть на проспекте Строителей. В самом его начале стоит типовой панельный дом со встроенными в первый этаж помещениями Мариупольского факультета Одесской морской академии. Так теперь именуется бывший Одесский институт инженеров морского флота.

С давних пор на Сестрорецкой улице было немало общежитий. В них, главным образом, жили рабочие, приехавшие из разных уголков страны на ударные комсомольские стройки, которыми назывались стройки крупных металлургических комплексов заводов имени Ильича и "Азовсталь". Для благозвучия или по какой-то другой причине общежития имели официальные названия домов молодежи. Последними из них появились три девятиэтажки-башни близ улицы Лавицкого. В одном из них стали жить учащиеся техникума городского электротранспорта, в других - молодые специалисты завода "Азовсталь".

Несколько лет назад девятиэтажка, что стоит ближе к порту, приютила под своей крышей телекомпанию "Сигма", более полудюжины офисов различных фирм, салон красоты. И уж совсем недавно у ее подножия появился дом юстиции: прокуратура и суд Приморского района...

От улицы Лавицкого проезжая часть проспекта как бы раздваивается. Вдоль его правого ответвления стоят несколько общежитий, две трехэтажные так называемые бытвставки - в одной из них находятся кулинарный магазин и кафе, в другой - аптека и трикотажное ателье. У бытвставки с аптекой дорога слегка отклоняется влево и через полторы сотни метров упирается в тупик. Что же касается левого ответвления, то оно делает изгиб только после пересечения с улицей Бахчиванджи. Между ответвлениями образовался островок для пешеходов в виде вытянутого треугольника.

История этой "дорожной аномалии" такова. По замыслу архитекторов-планировщиков будущий проспект должен быть проложен с учетом рельефа местности. Рельеф диктовал сделать поворот у бытвставки с аптекой. Проект утвердили во всех инстанциях, и строители приступили к его осуществлению.

Сейчас не вспомнить, в каком году построили бытвставки, но пятиэтажные общежития, о которых чуть раньше шел разговор, в 1966 году уже занимали то место, где они стоят сейчас.

В.М. Цыбулько, вступив на пост секретаря горкома, начал методично объезжать районы новостроек. В один из таких объездов ему на глаза попалось "искривление" на улице Сестрорецкой. Он тут же распорядился "спрямить" будущую магистраль. Архитекторы пытались доказать, что

такое спрямление делать поздно, что по принятому проекту уже построены дома. Цыбулько был неумолим. Так, если верить истории, рассказанной старожилами, появился загадочный треугольний скверик.

В начале 90-х годов здесь образовался базарчик, со временем его переместили на обширный пустырь, предназначавшийся в свое время для устройства общественного центра с крытым рынком, магазинами, столовой, рестораном. Предприимчивые, деловые люди превратили стихийный рынок в солидное торговое предприятие под названием "Застава". Так что замысел градостроителей хоть частично, но выполнен.

Постепенно осваивается и другой пустырь на проспекте Строителей около пр. Ленина. Первым здесь появился Дом политпросвещения. Говорят, он был одним из лучших в Украине. После роспуска компартии в его помещениях разместилась универсальная товарная биржа, с нею соседствовал гуманитарный колледж, который был преобразован в высшее учебное заведение. Сегодня Мариупольский гуманитарный институт готовит педагогов, которые кроме основного предмета должны знать новогреческий язык, а еще - правоведов, переводчиков, специалистов по внешнеэкономической деятельности. Институт стал подлинным центром эллинизма в нашей стране.

За забором, на котором написано "Механики - Украина", возвышается железобетонный остов здания. Когда завершится его строительство, на его этажах разместятся офисы коммерческих фирм и отделение банка. А в стоящем рядом строении, напоминающем античный храм, будет находиться греческий культурный центр.

Черты своеобразия придает проспекту Строителей ряд

зданий, построенных в последние годы по индивидуальным проектам. Некоторые из них удостоены наград на конкурс их зодчих. Это комплекс корпусов Мариупольского коммерческого техникума, трехзальный кинотеатр "Савона". Он назван так в честь итальянского города-побратима Мариуполя.

Проспект Строителей по мере застройки все больше раздвигал свои плечи. Сначала относительно узкий, как бы напоминающий, что когда-то он был улицей Сестрорецкой, по мере продвижения в северном направлении становится все шире, все внушительнее.

Его простор особенно ощущается между улицами 50 лет СССР и Урицкого. Дорога здесь окаймлена широкими зелеными зонами. Деревья и кустарники разнообразных пород служат одновременно украшением и защитой обитателей многоэтажных домов от шума и пыли - неизбежных спутников оживленной транспортной магистрали.

Нужно думать, что в будущем в этих местах архитекторы и строители возведут еще немало интересных зданий, не уступающих своей привлекательностью и оригинальностью тем, что уже существуют сейчас.

1999 г.

На улице Лавицкого

В Городском саду над обрывом стоит обелиск, под ним покоится прах двух летчиков, двух Героев Советского Союза, участников освобождения нашего города от фашистских оккупантов: Владимира Семенишина и Николая Лавицкого. Их именами названы мариупольские улицы.

Отправимся на улицу Лавицкого. В свое время ее обозначили мемориальной доской из белого мрамора с бронзовым барельефом, изображающим портрет Героя. Сейчас доска обезображена: какой-то мерзавец срубил бронзовый барельеф, чтобы за копейки сдать его в приемный пункт металлолома.

Улица Лавицкого состоит как бы из двух частей. Одна из них, более почтенного возраста, расположена в поселке Западном, который в народе известен еще и как Хараджаевский. Народное наименование возникло из-за близости поселка к кирпичному заводу, принадлежавшему известной в дореволюционном Мариуполе семье купцов и общественных деятелей Хараджаевых. Кирпичный завод был лет сорок назад ликвидирован, и о его существовании помнят разве что старожилы.

Другая часть улицы застроена пятиэтажными панельными домами, так называемыми "хрущевками". Первоначально она носила имя польского астронома Николая Коперника.

Улица Лавицкого обладает интересным свойством. Номера домов на ней как бы продублированы. К примеру, есть дом с номером один в одноэтажной части улицы, в то же

время с таким номером есть и там, где высятся пятиэтажки. Более того, в "хараджаевской" части улицы Лавицкого при многих номерах существуют еще буквенные индексы. Интересно, как разбираются в этой кутерьме почтальоны? Первостроителями улицы Лавицкого, как и всего поселка, были рабочие и инженеры, врачи и отставные военные. Они брали ссуду у государства и годами строили свои дома. Очевидно, благодаря соседству с кирпичным заводом многие старые домостроения на улице Лавицкого сложены из добротного красного кирпича. Кирпичного завода давным-давно нет. А традиция использовать древнейший строительный материал сохранилась. Впрочем, такое же происходит и на других улицах современного Мариуполя.

Несмотря на патриархальность и отдаленность Хараджаевского поселка от центра города, здесь можно встретить на некоторых домах последние достижения современной техники - кондиционеры новейшей конструкции, параболические телевизионные антенны.

Чистый воздух и тишина привлекают людей с достатком, и они обзаводятся в здешних местах собственными домостроениями. Об этом свидетельствуют как построенные в последние годы здания, так и находящиеся в стадии строительства.

Строй одноэтажных домов поселка завершается на пересечении с улицей, носящей имя академика Зелинского, химика-органика, изобретателя противогаза. Далее начинаются многоэтажки. Их возвели в шестидесятые годы теперь уже прошлого столетия на месте полей, на которых до того произрастали кукуруза и подсолнечник.

Одна из "хрущевок" многоэтажной части улицы Лавицкого примечательна тем, что в ней находилась двухкомнатная

квартира "трамвайчиком", в которой некоторое время проживал Виктор Михайлович Арнаутов - художник и педагог, профессор Станфордского университета, по воле судьбы проведший долгие годы в Китае и США и лишь на склоне лет возвратившийся на родину.

Есть на улице Лавицкого место священное и почитаемое. Здесь уместно рассказать небольшую историю. Это случилось в самый разгар ее застройки. При рытье котлована под очередной дом в ковш экскаватора попали человеческие останки. Естественно, что землекопы приостановили работы. Приехали знающие люди, велели покопать еще вручную. Определили, что это массовое захоронение людей, расстрелянных гитлеровцами во время временной оккупации нашего города в 1941-1943 годах. Братскую могилу привели в порядок, а над ней установили небольшой обелиск. В запасниках краеведческого музея, должно быть, сохранился оттиск с гравюры с его изображением. А гравюру выполнил в свое время уже упоминавшийся здесь В.М. Арнаутов.

Позже на этом месте была воздвигнута стела с двумя сжатыми кулаками и надписью "Жертвам фашизма". Рядом устроили Вечный огонь, окружающую площадку и подходы благоустроили, посадили ели, березы, другие деревья. Как-то сам по себе сложился обычай: в день свадьбы сюда приезжали молодожены, чтобы возложить к подножию памятника цветы. Назовем авторов мемориального комплекса. Это скульпторы Ирина Снурникова и Виктория Пацевич, архитекторы Владимир Щербань, Оскар Плесков и Ирина Провоторова.

2001 г.

Проспект Ильича

Когда-то проспект Ильича представлял собой довольно пыльную улицу с ухабистой дорогой, замощенной грубым булыжником, с островками хмурых бараков и приземистых хатенок. Бараки и хатки снесли, а на их месте устроили зеленую зону и возвели строения, соответствующие современности.

Посредине улицы в начале 30-х годов была проложена трамвайная линия, первая, пожалуй, в Мариуполе, между двух трамвайных колей были установлены столбы с изогнутыми кронштейнами. К кронштейнам подвешивались провода-троллеи. Столбы эти образовывали длиннющую вереницу, уходящую в глубину улицы.

Шли годы, и унылая улица превратилась в проспект с многоэтажными домами, магазинами, кинотеатром, Дворцом культуры, отделениями банков. Особенно преобразился проспект в самое последнее время. Здесь сделан капитальный ремонт трамвайных путей и дорожного покрытия...

Проспект Ильича начинается у относительно короткого железнодорожного моста, за ним - уже улица Заозерная. Раньше моста не было, был тупик.

Постройка моста позволила связать трамвайной линией не только прилегающие поселки, но и наиболее коротким путем Ильичевский район с Орджоникидзевским, да и автомобилистам стало удобнее ездить в Волонтеровку и Сартану, например, и обратно. Неподалеку от моста расположился Ильичевский рынок. Сюда его перенесли при реконструкции улицы Ильича. До этого он находился ближе к ули-

це Левченко и занимал теперешнюю проезжую часть, там же возвышалась церковь. Ее взорвали в середине 30-х годов. Многие годы краеведы искали хотя бы маленькую фотографию этого храма, да так и не нашли.

Близ нынешнего рынка сохранилась одна из так называемых Варгановских казарм, в которых формировались в годы гражданской войны отряды Красной гвардии. Казармами называли дома, построенные на рубеже XIX и XX веков для рабочих металлургического завода Никополь - Мариупольского общества. Нелишне будет напомнить, что от этого предприятия ведет свою родословную комбинат имени Ильича. Часть казарм дожила до наших дней, их, как смогли, благоустроили, подвели к ним газ...

Улица, ведущая к заводоуправлению комбината им. Ильича, и прилегающая к ней площадь названы в честь нашего земляка - штурмана Виктора Левченко, погибшего в 1937 году в Арктике вместе с экипажем самолета Сигизмунда Леваневского при попытке перелета через Северный полюс в Америку.

На площади Левченко сооружен мемориал на месте продовольственного магазина, в котором в дни оккупации гитлеровские изверги и их приспешники-полицаи казнили патриотов.

На проспекте Ильича сохранилось здание, построенное металлургическим заводом "Русский Провиданс" (сейчас на его территории расположена промплощадка "Б" ОАО "Азовмаш") - для церковно-приходской школы.

Ильичевцам хорошо знакома фабрика-кухня - строение с довольно оригинальным внешним видом. Она появилась в предвоенные годы; по мысли ее создателей такое заведение должно было освободить работниц от забот по при-

готовлению пищи. Сразу же после войны, а может быть, чуть раньше фабрику-кухню приспособили под кинотеатр, который просуществовал до середины 60-х годов.

Тогда для кинотеатра поблизости построили специальное здание. Речь идет здесь об известном кинотеатре им. Т.Г. Шевченко. В 1965 году его фасад украсили мозаикой с портретом Кобзаря и панно на темы его произведений. Авторы мозаики - мариупольские художники Яков Райзин, Александр Кечеджи и Николай Тихонов.

Еще одна достопримечательность проспекта - памятник Макару Мазаю. Макар Мазай в середине 30-х годов стал инициатором скоростного сталеварения. За трудовые подвиги был награжден орденом Ленина. Его направили на учебу в Москву, в Промышленную академию. Случилось так, что Макар Мазай остался в оккупированном фашистами Мариуполе. Гитлеровцы схватили его, пытались заставить работать на Германию. Мазай, несмотря на истязания, наотрез отказался варить сталь для врага. Тогда оккупанты убили сталевара-патриота.

Перед войной среди немногих архитектурных достопримечательностей улицы Ильича выделялось здание 41-й школы. Ее построили в конце 30-х годов. В ней учились ребята не только со всей округи, но и из ближайших пригородных сел. Когда началась Великая Отечественная война, большинство выпускников школы ушли на фронт. Далеко не всем из них довелось вернуться домой. В 1943 году немцы, отступая из города, сожгли школу. Понадобилось немало усилий, чтобы восстановить ее. 41-я славилась талантливыми педагогами, которые воспитали не одно поколение юношей и девушек, которые впоследствии стали высококвалифицированными рабочими, инженерами, учителями, врачами.

В последние десятилетия в стенах бывшей школы устроили учебно-производственный комбинат, в котором учащиеся общеобразовательных школ Ильичевского района осваивают различные профессии.

Место, где проспект Металлургов примыкает к проспекту Ильича, народ называл "поворотом". В 50-е годы здесь возведены были первые в городе дома из крупных блоков. Так что, можно сказать, именно отсюда началось крупноблочное строительство в Мариуполе.

Совсем недалеко от поворота уже в годы независимой Украины появилось здание оригинальной архитектуры - Ильичевского отделения Проминвестбанка. Оно сложено из кирпича - древнейшего строительного материала. Пример удачного возврата к прошлому...

Дворец культуры "Искра" построен в 60-е годы тяжмашевским методом народной стройки. Инициатором, вдохновителем и главным помощником возведения Дворца был легендарный Генеральный директор В.Ф. Карпов. С его одобрения в 1965 году фасад Дворца был украшен монументальным декоративным фризом. Его авторы - киевские художники Эрнест Котков, Валерий Ламах и Иван Литовченко, последний вошел в историю украинского изобразительного искусства как выдающийся мастер. К фасаду "Искры" прикреплена мемориальная доска в честь Владимира Высоцкого. Она напоминает о том, что любимый народом бард выступал здесь 16 марта 1973 года. Хорошо, конечно, что увековечена память о значительном событии, но было бы справедливо установить где-то рядом доски в честь Карпова и молодежи "Тяжмаша", благодаря которым и появился прекрасный очаг культуры. Кстати, сейчас там идет капитальный ремонт.

Административное здание ОАО "Азовмаш" и Дворец культуры "Искра" образуют вместе с внутренней площадью единый архитектурный ансамбль. За очень короткий срок эта площадь приобрела обновленный, нарядный вид. Продумано все - от мощения фигурными плитками и осветительных столбов до изящных декоративных решеток, зеленых лужаек и стройных елей. Изюминкой ансамбля стал сооруженный машиностроителями оригинальный комплекс фонтанов. Он выполнен из материалов долговечных, как говорится, на века. Одни струи воды образуют строгий геометрический рисунок, другие ниспадают из сверкающих стальных чаш, увенчанных шарами. Вода ударяется о полированную поверхность гранитных плит и стекает причудливыми потоками в бассейн. Несомненно, прекрасное место для отдыха создали азовмашевцы.

У административных корпусов ОАО "Азовмаш" проспект Ильича и заканчивается. Далее расположена площадь Машиностроителей. Покидая проспект Ильича, скажем: и городские власти, и руководители крупных предприятий района намерены сделать эту магистраль еще краше.

2002 г.

На бывшей Больничной

Часть известной нашим современникам улицы Артема - от театрального сквера до крутого спуска на Слободку - в дореволюционные годы, после революции называлась Больничной улицей.

Почему улица обрела в свое время именно такое название, будет объяснено несколько позже, а пока поговорим о местах, примечательных своей причастностью к событиям мариупольской истории, связанных с интересными людскими судьбами или с особенностями своей архитектуры.

Гастроном "Киев". Сразу после освобождения Мариуполя от фашистов и до 1949 года тут работал местный театр. Сцена и места для зрителей были устроены в теперешнем торговом зале, а вход в храм Мельпомены находился со стороны улицы Артема. Когда делали капитальный ремонт магазина, дверь заложили, а вместо нее сделали зеркальную витрину.

В находящемся рядом с гастрономом домишке помещается контора общества охотников и рыболовов. Кажется, что она существует здесь вечно.

На месте многоэтажного дома, в торце которого находится протезная мастерская, когда-то стояла частная женская гимназия Валентины Епифановны Остославской. Гимназия сгорела еще в гражданскую войну.

В перестроечные времена в городском отделении фонда культуры родилась благая мысль: устроить выставочный зал, где бы мариупольские художники-профессионалы и любители могли представлять на суд поклонников изящных

искусств и на продажу свои творения. Для зала, названного "Панорамой", приспособили подвальное помещение в доме, о котором выше шла речь. "Панорама", просуществовав какое-то время, закрылась. Сейчас, судя по всему, помещение перешло в другие руки.

А напротив в когда-то жилом доме старинной постройки разместились представительства различных фирм. О чем свидетельствуют хаотично размещенные разномастные вывески.

Угол здания городского управления внутренних дел выходит на ул. Артема. В период оккупации в этом здании находилась так называемая "биржа труда". Отсюда жителей Мариуполя и окрестных сел угоняли в Германию на рабский труд. В память о наших согражданах - узниках фашизма недавно установлена мемориальная доска.

На бывшей Больничной улице, на четной ее стороне, долгое время было немало незастроенных площадей. В 30-е годы их использовали для возведения двух- и трехэтажных домов из красного добротного кирпича. На нечетной же стороне улицы до сих пор стоят особнячки более ранней, может быть, даже дореволюционной постройки. Они как бы напоминают о патриархальном Мариуполе, давно ушедшем в прошлое.

Среди них выделяется дом со многими окнами. В одной из квартир этого дома жил Дмитрий Савельевич Паскаль - врач и однофамилец знаменитого французского философа, математика, физика и писателя Блеза Паскаля. Мариупольский доктор Паскаль благодаря искусному врачеванию избавил множество людей от недугов. Он был человеком скромным и непритязательным, а потому заслужил добрую память о себе.

По обе стороны Итальянской улицы возвышаются два дома, сооруженные в послевоенные годы из серого силикатного кирпича, чем они и выделяются среди соседствующих строений. Когда-то у них был нарядный, молодцеватый вид, но время взяло свое. Архитектурные детали, некогда украшавшие фасады, пообветшали, а кое-где и вовсе обрушились. Дом, что стоит ближе к скверу, занимает место, где ранее находилась земская больница, едва ли не первое больничное учреждение Мариуполя. Теперь понятно, почему улицу назвали Больничной?

В этом же доме, в чердачном помещении, под полуразрушенной башенкой устроена мастерская талантливого живописца Михаила Антипова - члена Национального Союза художников Украины, участника многих выставок, в том числе и весьма высокого ранга. Его пейзажи и натюрморты полны света и доброты, ощущения радости жизни. Они созвучны характеру мастера.

Пройдя несколько десятков шагов от Итальянской в сторону моря, остановимся у особняка. В нем когда-то жили две учительницы, сестры Халфа, - тетушки нашего знаменитого земляка Сергея Шапошникова, народного артиста РСФСР, солиста Ленинградского Малого театра, обладателя баритона чудесного тембра. Сергей Николаевич, приезжая в наш город, обязательно приходил сюда, чтобы навестить своих родственниц, спеть для них несколько романсов или какую-нибудь арию из оперы.

На Больничной улице некоторое время жили знаменитый детский врач Иван Илларионович Саенко со своей женой, тоже врачом, Марией Христофоровной и тогда маленькой дочуркой Таней, которая в будущем унаследовала профессию своих родителей, стала кандидатом медицинских наук.

Потом эта семья переехала на улицу Семенишина, дом, в котором провел последние десятилетия своей жизни чудо-доктор, отмечен мемориальной доской.

Как и на других мариупольских улицах, на бывшей Больничной старое соседствует с новым. Есть дворы, где по давней традиции въезд в них украшен вьющимся виноградом, появились новые магазины и кафе, радуют глаз солидные новостройки. Значит, жизнь продолжается.

Где же начинается нынешняя улица Артема, а в прошлом Больничная? А там, в петляющем узком переулке со склоном, обросшим изумрудной даже осенью травой, с небольшими домишками, с засохшим деревом, причудливо оплетенным диким виноградом.

Здесь, пожалуй, и можно закончить прогулку в прошлое и настоящее бывшей Больничной улицы. Покидаешь ее с тихой грустью и ностальгией по прошедшим годам. Ведь там остались воспоминания о молодости с ее радостями и надеждами.

2002 г.

Старый базар

Мариупольский базар. Начало XX в.

Сейчас здесь тихо и почти безлюдно, редкие прохожие, ветшающая лестница, доживающие свой век дома, рельсы, ведущие в никуда. Попади сейчас сюда мариуполец, покинувший город лет пятьдесят назад, ни за что не узнал бы, где он находится. Речь идет о том районе старого Мариуполя, что расположился за многоэтажным зданием морской школы ОСОУ и близ швейной фабрики.

Когда-то здесь был главный базар города. Именно базар, потому что коренные мариупольцы (разве что учителя словесности) слово "рынок" не употребляли.

Старый базар - место, пропитанное терпким ароматом

истории. Он обозначен на самых ранних картах и планах Мариуполя. По меньшей мере за два века до основания города запорожские казаки устроили здесь свой сторожевой пост. В начале XVIII века, как считают некоторые историки, на месте сторожевого поста возведена крепость Кальмиус - центр Кальмиусской паланки, одного из военных округов Запорожской Сечи.

Паланка просуществовала до 1775 года, то есть до самого упразднения Запорожской Сечи Екатериной II, а остатки казацкой крепости были разобраны лишь в 1845 году. До нашего времени дошло изображение печати Кальмиусской паланки; она воспроизведена на памятном знаке, установленном в честь славных запорожцев-первопоселенцев нашего края.

В крепости Кальмиус некогда стояла Свято-Николаевская церковь, ее построили при полковнике Андрее Порохне. Была она сложена из дикого камня, а крыша покрыта камышом. Когда православные греки были переселены из Крыма в Приазовье, митрополит Игнатий некоторое время правил службу в этой казацкой церкви. Существует предание, что на ее фундаменте была заложена Харлампиевская соборная церковь, открытая для богослужения в 1782 году. Через четыре года она стала усыпальницей для митрополита.

Время брало свое. Население Мариуполя хоть и медленно, но росло, стал тесен храм, да и ветшать стало строение. А рядом возводился величественный собор. Его закончили строить в 1845 году и освятили в честь того же святого Харлампия, старую же церковь закрыли. Особо почитаемой была в нем икона Святого Георгия. Сейчас она находится в одном из музеев Киева.

Сначала в воскресные дни, а позже каждый день собирался люд на площади у соборов для торговли. А дважды в год - 23 апреля, в день великомученика Георгия, и 1 октября, на Покров день, - съезжался на ярмарки весь уезд.

На Базарной площади стояло здание греческого суда - высшей власти в городе того времени. В начале XIX века оно считалось лучшим в Мариуполе, и когда в июне 1818 года император Александр I, путешествуя по югу Российской империи, сделал остановку в Мариуполе, именно в этом доме устроили путевой "дворец". Именитые граждане города пообещали царю сделать в нем приходское училище и обещание выполнили. Среди его учеников находим самого Архипа Куинджи.

Здесь же располагалась и почтовая станция. Именно на ней в мае 1820 года меняли лошадей на экипажах генерала Раевского, путешествующего со своей семьей в Крым и на Кавказ. Среди спутников генерала был и опальный молодой поэт Александр Пушкин. Этому событию посвящены исследования мариупольских краеведов.

Разыскания историков, старинные документы и книги дают возможность воссоздать хронологию событий достославного места.

1837 год. Будущий император Александр II присутствует на молебне в Харлампиевском соборе. Рядом с ним - сопровождающий его в путешествии знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский.

Весна 1855 года. В разгаре Крымская война. Через Керченский пролив прорвались в Азовское море французские и английские корабли. Некоторые из них подошли к мариупольскому рейду, обстреляли город из пушек, в стене собора застряли вражеские ядра.

Сентябрь 1857 года. Мариупольское приходское училище инспектирует Николай Иванович Пирогов - известный на всю Россию хирург, герой Севастопольской обороны.

20-е годы уже нашего века. Константин Паустовский пишет: "Мариуполь - звонкий, пестрый, как платок молодухи; базар красный от помидоров, росистый и свежий от капусты и арбузов, пахнущий топленым молоком, вишнями и ватрушками".

Но это, так сказать, сведения, почерпнутые из письменных источников. Но кроме них существуют и изустные предания о старом базаре, передававшиеся из поколения в поколение старожилами. Одно из них поведал внук доктора И.И. Данилова - создателя и первого главного врача городской больницы (она теперь известна как третья), доцента Приазовского технического университета Сергея Сергеевича Данилова. Когда в Мариуполе еще не было профессиональных врачей, на базаре близ паперти Харлампиевского собора сидел старик-знахарь. К нему обращались в случае нужды за медицинской помощью.

Старик вопрошал:

- Где болит?

- Здесь, - указывал страждущий на досаждавшую его болью часть тела.

- Режет или колет?

- Колет.

Старик начинал рыться в мешке с пучками высушенных трав, доставал один из них и совал больному:

- Бери. Сделай отвар и пей. Молись.

А вот картинки более позднего времени.

В дореволюционном Мариуполе было немало довольно крупных магазинов, в которых торговали одеждой: дамской

и мужской. Располагались они, главным образом, на Екатерининской улице - теперь это проспект имени Ленина, и частично на Торговой, ближе к главной магистрали. В этих магазинах покупателями были люди состоятельные. Для них костюмы, пальто, сюртуки, меховые дамские манто, платья по последней моде завозились из Москвы, Петербурга, Варшавы, Лодзи и Вильно. А по особым заказам и из Парижа - это для уж очень богатых людей.

Владельцы таких торговых заведений дорожили своей репутацией, а потому не подсовывали своим клиентам товар сомнительного качества: траченный молью, сшитый гнилыми нитками и, упаси Боже, с пятнами и прорехами, даже если находились они и не на видном месте. Весть о скандале по такому случаю, учиненном какой-нибудь дамой или господином, мгновенно разнеслась бы по всему Мариуполю - городок-то был небольшой. А это, естественно, грозило неминуемым оттоком покупателей к конкурентам, что было равносильно катастрофе.

Но кроме крупных и, заметим, дорогих магазинов были небольшие лавчонки, где можно было купить одежду попроще и подешевле. Находились они на базаре. Их посетителями и покупателями были рабочий люд, чиновная и торговая мелкота, крестьяне из близлежащих сел и хуторов.

Товар для этих лавчонок шили местные портные из хозяйского материала. В погоне за барышами хозяева для пошива покупали порой мануфактуру с брачком. Обмануть покупателя было чуть ли не шиком. Случалось, что уже на готовой одежде обнаруживалась на самом неподходящем месте дыра. Скажем, на воротнике или где-нибудь на локте. Тогда предприимчивый лавочник пришивал пуговицу так, чтобы она скрывала дефект.

Позже, уже во время торга, можно было увидеть такую сценку:

- А шо це за гудзик? - спрашивал удивленный потенциальный обладатель пальто или, может быть, сюртука.

- Этот? Вот негодные дети. Подумайте только! Уже успели пришить пуговицу. Ну, ничего, - заискивающим тоном говорил приказчик, - домой, в село, вернетесь - отрежете лишнюю пуговицу, про запас будет.

Селянин из Новоспасовки, Стародубовки, а может быть, из другого поселения успокаивался, доставал из укромного места деньги, только что вырученные за привезенную пшеницу или живность, расплачивался, а ему торжественно вручали тщательно упакованную вещь. Ее обладатель сопровождался до самой двери приказчиком. Был он сама любезность.

Для этой аферы годились и горожане. Во время примерки покупателя, облаченного в новый наряд, приказчики вертели туда и сюда перед зеркалом, осыпая похвалами, как великолепно сидит наряд. Незаметно в карман брюк или жилета подсовывали царской чеканки золотую "пятерку".

Когда ошарашенный от повышенного внимания к его персоне покупатель доходил до нужной кондиции, предлагалось засунуть руки в карманы:

- Вы попробуйте, какие глубокие карманы, уверяю вас, из них ничего не выпадет, а холстина какая крепкая - выдержит десять лет и не порвется, туда тысячу рублей золотом засыпь - и карман выдержит, дай Бог, чтобы с вами такое случилось пораньше.

Наивный человек исследовал карман за карманом и вдруг... нащупывал монету.

- И сколько стоит ваш товар?

Тут цена заламывалась более чем приличная. Покупатель, покрывшись холодным потом, начинал считать в уме, выходило, что даже при такой трате, с учетом золотого, костюм достанется почти даром.

- Беру.

Пока покупатель раздевался и расплачивался, ему заговаривали зубы. Наконец, вручалась покупка, завернутая в прочную бумагу. Естественно, что монета во время упаковки извлекалась ловкими пальцами приказчика.

Лишь дома обнаруживалась хитрость. Но кому жаловаться? "Пятерка"-то принадлежала, что там ни говори, лавочнику...

x x x

Не так уж много живет в Мариуполе людей, которые могут поделиться собственными впечатлениями о старом базаре, едва ли не главной достопримечательности города прошлых десятилетий, который располагался близ швейной фабрики. И не удивительно. Тем, кто родился в год переноса главного городского торжища на новое место, на улицу Франко, нынешний проспект Металлургов, перевалило за пятьдесят. Так что очевидцев того, как в прежние времена на старом базаре торговали рыбой, синенькими и красненькими (так в Мариуполе называли баклажаны и помидоры), поросятами и индюшками, махоркой и крепчайшим самосадом, арьяном и брынзой, кукурузными лепешками и плодами окрестных вод и полей, нужно искать среди аборигенов, достигших, по крайней мере, шестидесяти с лишним лет.

Это они могут рассказать, что на месте рыбных рядов, где мариупольские хозяйки рано поутру выбирали бычков для домашних консервов или севрюжку для праздничного сто-

ла, проложили асфальтовую дорожку, что здание ДОСААФ накрыло собой прилавки с навесами, под которыми торговали молоком, творогом, янтарными лепешками коровьего масла, обернутыми в пергамент, овощами и фруктами.

Здание, где недавно был военкомат, возвели на свободной некогда площадке, предназначенной в прошлом для возов с живой птицей, арбузами, сапетками винограда, картошкой, изделиями гончаров. Давно нет длинного ряда лавчонок кустарей: жестянщиков, сапожников, слесарей, часовщиков, стекольщиков.

Но если встретишь, особенно тех, чье детство и юность прошли в кварталах, примыкающих к столь примечательному месту, они вам поведают истории, которые произошли здесь если не с ними, то с соседями, или рассказанные их родителями, а то и дедушками с бабушками. И тогда, обладая даже небольшим воображением, можно представить и общий колорит, и отдельные краски зрительных образов, и специфический аромат из букета запахов свежей, вяленой и копченой разными способами рыбы, солений, парного молока, укропа и навоза, но еще более волнующей будет симфония звуков. Давайте откроем ту страницу ее партитуры, где записана музыка первых послевоенных лет.

Попав в окружение крытых и открытых прилавков, возов с сапетками, наполненными виноградом-"березкой", с изделиями гончаров, переложенными соломой, постепенно из общего шума и гама начинают выделяться сначала отдельные слова, затем фразы.

"Нафталин, перетрум, марганец. От клопов, прусаков, тараканов", - выкрикивает писклявым тонким голосом худенькая женщина средних лет. Ее звуковая реклама повторяется каждые полминуты весь базарный день. Она не умол-

кает даже в тот момент, когда кто-нибудь покупает ее нехитрый товар.

Чуть поодаль стоит монументальная рябая баба в стеганой телогрейке. Кажется, что она никогда не снимает ее с себя, даже летом. Через согнутую руку перекинуты пучки полосок ярко-красной и черной резины, нарезанных из автомобильных камер. Баба отрешенно повторяет: "Рызына, кому рызына, тянется от Москвы до Берлина".

Время от времени из толпы выныривает худощавый парень с бледным иссохшим лицом, с бегающими, почти бесцветными глазами. Оглядевшись, он негромко, скороговоркой произносит: "Вот они, вот они, ночью сработаны, днем продаются, даром не даются". У парня нет и признаков товара, но знающим людям известно, что, тронув его за рукав и шепнув: "Сороковой есть?", у него можно купить нитки, краденные на близлежащих швейной или чулочной фабриках.

Летом, особенно в жаркие дни, среди продавцов и покупателей шныряет босоногий, вечно голодный долговязый подросток с помятым алюминиевым бидоном, наполненным холодной водой из кринички, к ручке бидона приторочена метровой длины бечевкой эмалированная кружка. Подросток голосом, ломающимся с детского дисканта на будущий баритон, истошно кричит: "Кому воды налить холодной? Есть холодная вода. Рупь кружка, рупь кружка". К концу дня, устав, он "меняет пластинку" и нараспев заводит: "Колбаса, сметана, сыр, табак и спички, часовщик и ювелир, а кому налить водички?".

Неподалеку от входа в базар вышагивал инвалид на протезе. Он делал пятнадцать шагов в одну сторону и ровно столько же - в другую, что делало его похожим на маятник

часов. В такт скрипу протеза он говорил, словно обращаясь к самому себе: "Крем для обуви, крем для обуви, непромокаемый крем для обуви". Впрочем, его голос был слышен не так уж долго: реализовав гуталина на сумму, достаточную для покупки красного крепленого вина "из Дагестана", он удалялся в ближайший винный погребок.

Кроме, так сказать, перемещающихся источников звука на базаре были и стационарные. На скамеечке у торца крытых рядов, где селянки из Володарска, Сартаны, Старого Крыма торговали стаканами с арьяном, прикрытыми аппетитными кусочками подрумяненной пенки, сидела на маленькой скамеечке, сжимая коленями кастрюлю, запеленатую в кусок старого ватного одеяла, обладательница хриплого контральто. Речитативом она исполняла свою арию: "Пирижечки горячие, з рысом, з перцем, з собачачим сердцэм".

Никогда не покидала однажды выбранного места и гадалка. Весь ее реквизит состоял из морской свинки и фанерной коробочки, наполненной конвертиками, сложенными так, как это делали провизоры для упаковки лекарств-порошков. "Провидица" восседала на табуретке, на коленях лежала коробочка, свинка крутилась рядом, обнюхивая то коробку, то одежду своей хозяйки. Хозяйка же с достоинством, приличествующим ее положению, провозглашала: "А вот свинка морская, гадает, что вас ожидает".

То было время, когда матери, жены, сестры, получив "похоронки" или извещения, что близкие им люди "пропали без вести", еще надеялись: может, жив их сын, брат, муж. Да, кроме того, кому не хочется узнать свою судьбу? Потому-то у гадалки почти все время были клиентки. Когда кто-нибудь из них подходил к обладательнице морской свинки,

та ласково молвила: "Боречка, скоречко, скоречко, вытяни дамочке билетик". Боречка шустро обнюхивал весь набор пакетиков с судьбами, потом вытаскивал зубами один из них и передавал гадалке. Ей же оставалось лишь прочесть текст, содержание которого своей туманностью мало чем отличалось от современных астрологических прогнозов.

Куда богаче и разнообразнее был репертуар у нищих. Большинство из них получили увечья на войне. Вот идет хромой инвалид, за него держится средних лет человек в темных светонепроницаемых очках, он поет тенором:

"Так подайте, подайте, славяне,
Я - сын незаконный Толстой,
Вас десять копеек не встроит,
А мне это рупь трудовой".

Он резко умолкает и, обращаясь в пространство, говорит: "Вова, где ты?".

Особым вниманием и почитанием пользовался у слушателей безногий нищий, который под собственный аккомпанемент на баяне пел:

"Там вдали за рекой хуторочек стоит..."
или
"Сестра плачет, бедняжка, и пишет,
И от слез ее вымок весь лист...".

Примерно раз в день над базаром, как неожиданный порыв ветра над кронами деревьев в лесу, проносилось: "Спасайся, облава!". Тогда звуки старого базара исчезали, а вместо них возникал тревожный рокот, предвещающий недоброе.

В те времена сбыт товаров, не относящихся к ограниченному перечню разрешенных, а тем более, украденных на государственных предприятиях и в колхозах, карался очень жестоко. Очень.

В сороковые-пятидесятые годы прошлого уже века на базаре можно было встретить немало колоритных фигур и, не побоимся такого высокопарного термина, ярких личностей. Именно они создавали индивидуальность и живописность этому, по сути, прозаичному месту в нашем благословенном городе. Они-то и задержались в памяти.

Сразу у входа стоял щуплый хромой точильщик у станка нехитрой конструкции, который он приводил в движение, нажимая на педаль короткой ногой, будто приспособленной специально для этого занятия. Человек этот хорошо знал свое дело и виртуозно доводил до невероятной остроты лезвия ножниц и кухонных ножей, ножей мясорубок и машинок для стрижки волос, опасных бритв и всякого прочего режущего инструмента. Говорили, что точильщик - латыш. Во всяком случае, маловнятная русская речь его была с сильным акцентом, лишь ненормативная лексика звучала в его устах безукоризненно, это обстоятельство каждый раз приводило в неописуемый восторг подвыпивших аборигенов.

Осенью, в дни привоза, когда рачительные мариупольские хозяйки делали запасы на зиму, у возов, с которых продавали картошку, можно было встретить довольно пожилых, но еще не дряхлых мужчин с ручными тачками. Они за весьма умеренную плату доставляли к дворам заказчиков неподъемные чувалы с "американкой", "репанкой", курской и сумской картошкой, а то и мешки с арбузами, дынями или поздней капустой.

У "тачечников" был конкурент - небольшого роста старик в длиннополом неопределенного цвета и возраста брезентовом плаще, скрывавшем худобу его обладателя. Старик был владельцем и погонщиком ослика, запряженного в приземистую двухосную тележку. Этот транспорт чаще нанимали вскладчину соседствующие жители Шишманки или Слободки, Карасевки или отдаленных кварталов Торговой улицы. Вопреки бытующему расхожему мнению, что ослы необычайно упрямы и способны проявить это качество в непредсказуемом месте при непредсказуемых обстоятельствах, мариупольский осел был воплощением мудрой покорности. Как и его хозяин, он нес свое нелегкое бремя, будто сознавая его неизбежность, уготованную ему судьбой.

Время от времени на базарной площади появлялся Кузя - инвалид, тело которого было так искорежено параличом, что полы видавшего виды пиджака с закрученными лацканами почти волочились по земле. Речь Кузи была более похожа на мычание, но глаза, если в них всмотреться, светились разумом. На голове его была неизменная "энкаведистская" фуражка, верх - ярко-голубого жандармского цвета, околыш - красный, лакированный черный козырек с трещиной, делившей его пополам. Рукой, трясущейся мелкой болезненной дрожью, Кузя то и дело поправлял бренчащие медали. Их было прицеплено на пиджак с полдюжины. "Награды" эти были доброхотными подношениями земляков, вернувшихся с войны. Фронтовики в ту пору не очень-то дорожили медалями: после войны редко можно было встретить простого человека не только что с орденами и медалями, но даже и с планками орденских лент. Шалопаи-мальчишки по детскому неведению, что они творят, иногда драз-

нили несчастного калеку. Взрослые, если это замечали, отгоняли босоногих задир. Кузя пользовался покровительством добросердечных людей, они делились с ним то куском хлеба, то яблоком или помидором, одаривали копеечкой. В ответ Кузя благодарно бормотал.

В уголке базара, примыкавшем к полуобгорелым домам нечетной стороны проспекта Республики, у краснокирпичного бранд-мауэра пристроил свое "ателье" фотограф-пятиминутчик. Все его оборудование состояло из будки с небольшим окошком, в которое было вставлено красное стекло размером не более полулиста писчей бумаги. В будке можно было стоя перезарядить фотоаппарат, вскрыть пачку светочувствительной бумаги; кроме того, это дощатое строение служило хранилищем для приспособлений, о которых речь пойдет чуть позже.

Свой рабочий день фотограф начинал с того, что прикреплял к стене довольно большое клеенчатое полотнище - фон, на котором были изображены масляными красками беседка среди деревьев, породу которых вряд ли смог определить даже опытный дендролог, на переднем плане этого ландшафта красовалась часть балюстрады с полдюжиной тщательно прорисованных балясин. На отдельные гвозди водружались темно-синяя матроска с бескозыркой и черкеска с кинжалом на узком кавказском ремешке. Черкеска имела сзади разрез, так что надеть ее можно было, не снимая своей одежды.

Главным орудием труда пятиминутчика был установленный на треноге фотоаппарат размером с хороший посылочный ящик, который одновременно служил и лабораторией. Внутри аппарата находились ванночки с проявителем и закрепителем.

Процедура фотографирования проходила следующим образом. Фотограф усаживал на стул перед рисованным пейзажем клиента или клиентку (по желанию они могли выбрать для снимка черкеску, матроску или остаться в собственном наряде). Подойдя к аппарату, он тщательно наводил на резкость, потом сдавленным голосом произносил: "Не моргать!", нажимал на свисавшую от затвора объектива оранжевую резиновую грушу, затвор щелкал. "Готово", - этим возгласом процесс съемки завершался. Парень или дивчина еще некоторое время сидели на стуле, тараща глаза, а мастер приступал к следующему этапу создания памятного снимка. Он запускал через черный рукав, притороченный к ящику, руку в его внутренность, полоскал там в растворах кусочки фотобумаги. От постоянного контакта с раствором метола - вещества, входящего в состав проявителя, - ногти фотографа имели густо-коричневый, почти черный цвет. Снимок размером шесть на девять сантиметров, правда, мокрый, был готов через какие-то пятнадцать-двадцать минут. Качество его было не ахти какое, зато получался он быстро.

Бывали случаи, когда объекты съемок не узнавали себя на фотоотпечатке. Тогда фотографу приходилось вступать в диалог примерно такого содержания:

- Дядя, да разве это я?
- А кто же? Ты в черкеске снималась?
- Да.
- А на фотке что?
- Черкеска.
- Ну вот, значит, это - ты.

Иногда доводы базарного фотохудожника убеждали растерянную обладательницу мокрой фотографии; если же

клиентка уж очень сильно настаивала, приходилось делать повторную съемку. С клиентами мужского пола фотограф в таких ситуациях в дискуссию не вступал, а сразу же переделывал работу...

Мариупольцы ходили на базар не только за снедью. На нем и ранее, и особенно в последнее десятилетие его истории, действовала, и не без успеха, своеобразная служба быта. Ведь государственная система подобного назначения появилась куда позже. На базаре имелся ряд незамысловатых небольших будочек, сколоченных из разномастных досок, местами укрепленных кусками старого кровельного железа, полосами обручей от бочек или еще чем-нибудь, что попало в свое время под руку.

В будочках помещались мастерские, весь персонал которых состоял из одного человека. Это были, главным образом, инвалиды или старички - осколки ремесленного сословия, разгромленного в годы строительства социализма.

В тесном пространстве будочки находились верстак с инструментами, скамейка мастера, табуретка, предназначенная для клиента. Бывало и такое, что в отсутствие клиентов заглядывал в будку кто-нибудь из приятелей. Визит был особенно приятен в тех случаях, когда приятель раздобывал где-нибудь бутылочку вина или водочки, а воспитание не позволяло ему опустошить сосуд с живительной влагой в подворотне. По такому случаю хозяин доставал огурцы и помидоры, кусок сала или пару картофелин, краюху хлеба, иногда селедку, и закрывал будку.

Оставим на время хозяина и его гостя, не будем мешать их трапезе и беседе, тем более, что в таких случаях посторонние совершенно неуместны. Обратимся к роду занятий мастерового люда мариупольского базара. Среди них были

и универсалы, и специалисты узкого профиля. К последним необходимо в первую очередь отнести сапожников. Они могли вернуть к жизни совершенно развалившийся башмак или сапог. На прорехи верха обуви аккуратно накладывали с помощью собственноручно сваренного клея заплатки, делали перетяжку ботинок и туфель - операцию, которую сейчас далеко не каждый мастер возьмется исполнить, приторачивали деревянными гвоздиками или дратвой кожаные подметки. И гвоздики, и дратву они изготавливали сами.

Такими же узконаправленными специалистами были и часовых дел мастера. Купить в описываемую эпоху новые часы было очень непросто, поэтому приходилось ремонтировать даже старые измерители времени. Часовщики были настоящими кудесниками. На крохотных токарных станочках они вытачивали оси, навивали пружинки, вручную выпиливали зубчатые колесики. Они ремонтировали все: часы карманные и наручные, настенные и настольные, ходики и будильники разных систем и размеров. Иногда им приносили часы в таком состоянии, что в наши дни их бы просто выбросили, а тогда - ремонтировали.

А вот что касается слесарей, то это были настоящие мастера на все руки. Они могли заставить работать примус керосиновый - нагревательный прибор, вышедший ныне из употребления, отремонтировать мясорубку, велосипед, швейную машинку, запаять медные тазы, в которых мариупольчанки варили повидло и варенье, сделать пригодными к работе старые рычажные весы. Стены их мастерской были увешаны предметами, которые на первый взгляд можно было принять за металлический хлам, а на самом деле то были запчасти, пока еще не приведенные в надлежащее состояние: согнутые велосипедные рамы и колеса, пружи-

ны разных видов и величины, обрезки листов жести, мотки проволоки различной толщины, какие-то рычаги, педали и другое подобное добро...

Старый базар от своего основания не имел ограды, но часть его вскоре после Великой Отечественной войны, а может быть, незадолго до ее окончания была обнесена забором. Этот анклав назывался на казенном языке "местами для реализации населением промышленных товаров, бывших в употреблении". Народ же присвоил ему емкое и краткое имя - толчок.

На первый взгляд толчок представлял собой хаотическое скопление людей. Но, присмотревшись, можно было заметить некий порядок. По всей толкучке змеился ряд стоящих почти плечом к плечу продавцов. Ряд этот образовывал хитроумный лабиринт, состоящий из петель, дуг, иногда коротких прямых участков. Мимо продавцов медленно продвигались покупатели. Иногда кто-нибудь из них останавливался, чтобы рассмотреть приглянувшийся товар, примерить его, поторговаться. Тогда в этом месте случался небольшой водоворот из людских тел.

На толчке можно было купить все: фуражки-восьмиклинки, модные в то время головные уборы, перелицованные пальто, костюмы, платья, стачанные из штор, бурки - зимнюю стеганую обувку, рожденную военным лихолетьем, трофейную бытовую технику, вывезенную воинами-победителями из Германии, Венгрии или Польши, назначение которой не знали ни продавцы, ни покупатели, раскрашенные в ядовитые цвета стеклянные ромбовидной формы рамочки для фотографий, игральные карты, подпольно изготовленные фотоспособом, граммофонные записи популярных песен и танцев на рентгеновской пленке, а также

лекарства. Особым спросом пользовался сульфидин - радикальное в ту эпоху средство для понижения температуры больного. Как позже выяснилось, этот препарат губительно действовал на почки и сердце. А еще - иголки разных форм и назначений, сахарин - заменитель сахара, кремушки для зажигалок и сами зажигалки, в большинстве своем сработанные умельцами из патронных гильз, учебники и другие книги, среди которых попадались отпечатанные еще по дореволюционной орфографии - с "ятями" и "твердыми знаками" на конце слов, оканчивающихся на согласные.

В большинстве своем продавцы держали предметы своей торговли в руках. В этом был двойной смысл. Существовала небольшая гарантия, что какой-нибудь урка не схватит товар, мгновенно растворившись в толпе, кроме того, при облаве - а такое "мероприятие" время от времени проводилось представителями властей - можно было быстро ретироваться, избежав тем самым объяснения в комендатуре рынка и почти неизбежного штрафа.

Однако в каждом правиле, как известно, есть свои исключения. Ковры - произведения художников-самоучек - развешивались на внутренней стороне толчкового забора. На этом виде украшения жилищ аборигенов Мариуполя и окрестных сел следует остановиться.

Ковры были двух типов. Для одного из них использовались байковые солдатские одеяла, на которые набивались через трафарет различные геометрические фигуры, стилизованные цветы, то есть все то, что можно было увидеть на настоящих коврах. Серый цвет просвечивался сквозь краску орнаментов, и потому ковры изначально имели грязноватый вид.

Другие ковры были написаны маслом на клеенке. Сюжет - с очень небольшими вариациями - был всегда один: на берегу озера, окаймленного камышами, в котором плавала пара лебедей, возлежала красавица с густо подведенными черной краской ресницами и бровями, с алыми губками, сложенными сердечком, и румянцем на щеках, более напоминавших яблоки сорта шафран. Руки красавицы были заброшены за голову, но так, что кроваво-красный маникюр можно было рассмотреть. Из-под длинной, по самые ступни, юбки виднелись крошечные разрисованные туфельки. Фоном этой умиротворенной сцены служил холм с ядовитого цвета растительностью, на вершине которого красовалась белоснежная ротонда. Ну, а дальше - естественно, пронзительно бирюзовое небо.

Те из современников, кто считал себя ценителем изобразительного искусства (впрочем, иногда эти познания ограничивались репродукциями картин из журнала "Огонек"), свысока смотрели на создателей "коверной" живописи. Под их ли влиянием или по причинам другого свойства мода на самодельные ковры постепенно исчезала. Жаль. Некоторые их экземпляры благодаря яркости красок, наивной простоте и выразительности могли бы быть сравнимы с произведениями знаменитого Пиросмани.

От старого базара осталось лишь его окружение. Многократно перекрашенное строение. Сюда потребители электроэнергии ходят за бланками квитанций. Говорят, что здесь до революции была гостиница. Наверное, не самого высокого разряда. Неведомый нам кузнец выковал на козырьке над входом год ее постройки - 1898-й.

Кем было занято здание с семнадцатого года по сорок четвертый год? Не знаем. Сообщим лишь, что с освобож-

дением города от фашистов поместили сюда детский дом. Его сменило педагогическое училище, которое просуществовало в Мариуполе, пожалуй, до середины пятидесятых годов. Потом дом передали музыкальной школе, впрочем, очень может быть, что какое-то время эти учебные заведения и сосуществовали друг с другом. Кажется, все это было совсем недавно.

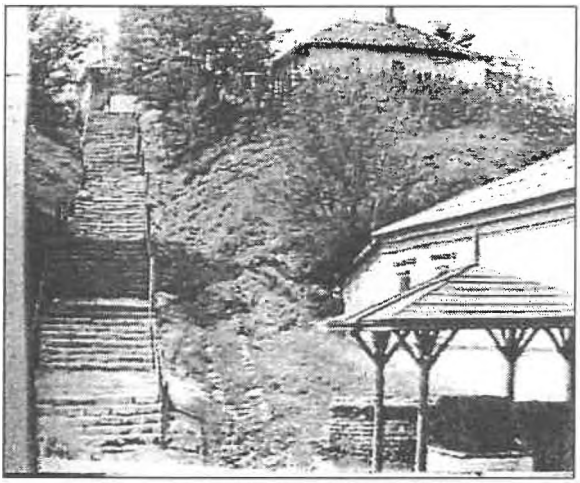
Рядом с бывшей гостиницей стоит еще один двухэтажный дом. На рубеже XIX и XX веков здесь находились "меблированные номера", а попросту - ночлежка, на первом этаже которой была дешевая столовая, именовавшаяся в народе "обжоркой". В "номерах" находили свое первое пристанище крестьяне Полтавской, Орловской, Калужской и иных губерний Российской империи, приходившие в Мариуполь в поисках работы и лучшей доли. Теперь тут автошкола. Глухой забор и гаражи заслонили фасад, а верные стражи - собаки - никого не впускают внутрь.

За углом автошколы безлюдно, заброшено, тихо. Едва угадывается проулок. Вот и старинная лестница. Во времена существования базара ее ступени отполированы до блеска подошвами тысяч ног. Она вела и ведет сейчас к криничке. По лестнице мальчишки - базарные водоносы с бидончиками - бегали к криничке за своим товаром - прохладной ключевой водой. По ней торговки, жительницы Малофонтанной, тащили в сапетках и мешках свежую и вяленую рыбу на продажу, а после полудня, усталые, спускались со снедью для своих семейств.

Криничка - источник водоснабжения всей округи вокруг базара с незапамятных времен - сохранилась и сейчас. Только обветшал навес над ней. Она находится на Малофонтанной улице, одной из старейших в нашем благословен-

ном Мариуполе; улица петляет вдоль обрыва, заросшего кустарником. Летом листья кустарника прикрывают собой мощные выходы камня, в зимнюю же пору, когда гибкие ветви становятся голыми, можно разглядеть мощные пласты песчаника - следы когда-то существовавшего моря. Эти пласты источают живительную влагу.

Бросив прощальный взгляд на Малофонтанную улицу с разросшейся травой, с ручейками прозрачной воды, текущими вдоль тротуара, отправимся к южной оконечности Базарной площади. Здесь найдем еще одну лестницу - дело рук предвоенных деятелей горкомхоза. В разгар торговли в каждом из ее углов сидели нищие, всегда одни и те же, и Боже сохрани, если кто-нибудь осмеливался занять чужое место. Казалось, места эти передавались только по наслед-



Криничка. Конец 60-х гг. XX в.

ству. Когда торговые ряды пустели, а людской поток на лестнице иссякал, в "уютных" уголках "отдыхали" перебравшие кавказского вина джентльмены.

Впрочем, на базар можно было попасть и по пологому подъему, идущему от железнодорожного переезда. Именно по этому пути перекупщицы рано-рано утром несли на продажу рыбу, только что приобретенную у рыбаков в гавани.

Что еще осталось из окружения старого базара? Швейная фабрика, дома, прилепившиеся к ней, построенные для бакалейных магазинов и складов, а в советское время приспособленные для жилья. Груды битого кирпича - остатки дореволюционного амбара, приспособленного в годы войны для православного храма. В разное время снесли остатки крепости, почтовую станцию, приходское училище, взорвали храмы. Базарную площадь хаотично застроили безликими строениями. От старого времени остались только несколько зданий на самом краю обрыва.

Тихо, безлюдно вокруг. Словно и не было здесь изобилия рыбных рядов, где хозяйки покупали севрюгу лишь в том случае, когда у рыбины шевелились жабры, а бычков брали для прокормления котов. Как будто не звенели и не грохотали трамваи, спешащие на железнодорожный вокзал и в порт. Исчезли навсегда шум и гам базарной площади.

1995-2003 гг.

Жизнь замечательных мариупольцев

Основатель

Ф. А. Хартахай.

Батюшка, нарекая при крещении младенца Феоктистом, попал в самую точку. Феоктист в переводе с греческого языка на русский означает "основатель". Младенец вырос и стал действительно основателем. Основателем среднего образования в Мариуполе.

Феоктист Авраамович Хартахай. Много лет посвятил изучению жизни и деятельности этого человека мариупольский врач Тарас Федорович Криворотько. Вот что довелось услышать от него - автора, пожалуй, наиболее полной, а главное, научно обоснованной биографии Хартахая - в од-

ном телевизионном интервью: "Хартахай - личность особенная, и мы вправе гордиться им и сегодня. Он был выдающимся историком, первым публикатором большого труда о крымских татарах, об истории христианства в Крыму, он был собирателем фольклора, он записывал народные песни: украинские, греческие, татарские.

Он был учеником выдающегося историка, профессора Костомарова.

Но для нас, мариупольцев, крайне важно то, что он был основателем среднего образования в Мариуполе. Это был путь, дорога, открытые двери к тому, чтобы молодежь, способная к учебе, могла пополнять ряды интеллигенции уже из местного населения.

Многие выпускники Мариупольской мужской гимназии получили образование на медицинских и юридических факультетах университетов. Многие девушки, которые закончили женскую гимназию, стали учительницами, были теми, кто обеспечивал обучение в начальных классах почти во всем Мариупольском уезде. Я думаю, что память о Феоктисте Авраамовиче Хартахае заслуживает того, чтобы его имя было достойно отмечено не только в Мариуполе, но и на всеукраинском уровне".

Что же нам известно о замечательном земляке? Он родился в селе Чердаклы, как считает Т.Ф. Криворотько на основании своих исследований, предположительно в марте 1836 года. Отец его - канцелярист. Где Феоктист получил среднее образование? Трудно сказать. Известно лишь, что в 1858 году он поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. В сентябре следующего года наш земляк уже слушает лекции в Киевском университете. Летом шестидесятого года он отправляет из Мариу-

поля прошение в Петербургский университет о приеме на третий курс, его принимают, но на второй. Причина переходов из университета в университет одна: нечем было платить за обучение. Эта проблема осталась, конечно, и в Петербурге. Две недели учебы на историко-филологическом факультете и... перевод на восточный факультет в разряд арабо-персидско-турецко-татарских языков. Здесь не нужно вносить плату за обучение. Год относительно спокойной учебы.

Летом - домой, на Мариупольщину. Сбор фольклорного материала в греческих селах. Осенью шестьдесят первого года весть пренеприятная: новые правила для обучающихся в университетах. Удар по беднейшим. Среди студентов волнения. В числе 249 студентов Феоктист Хартахай угодил в Петропавловскую крепость, затем - в казематы Кронштадта. Впрочем, уже в начале декабря он на свободе. Министр разрешает бывшим студентам держать выпускные экзамены. Хартахай воспользовался разрешением и получил соответствующий документ. Так завершилось его университетское образование.

Раскроем второй том "Шевченковского словаря" на странице 318. Здесь помещена статья о нашем земляке. Да, это он 28 февраля 1861 года вместе с другими студентами выносил гроб с телом Тараса Шевченко, да, это он выступил с прощальным словом на Смоленском кладбище, и это его речь была опубликована в журнале "Основа".

Встречался ли Хартахай с Шевченко? Были ли они знакомы? Биографы Хартахая на этот вопрос отвечают по-разному. От безоговорочного признания факта знакомства до полного его отрицания. Но вот фрагмент стенографической записи рассказа Людмилы Сергеевны Алавердовой: "В

доме 91 на Итальянской улице жила Анна Феоктистовна Рудевич, которая была дочерью Феоктиста Хартахая. Дружила она с Полиной Трофимовной Кечеджи, родной сестрой моей бабушки, и со всей нашей семьей. В 44-45-м годах мы жили вместе с Анной Феоктистовной в ее доме. Однажды мне, школьнице, понадобилось выучить стихотворение Тараса Шевченко. Анна Феоктистовна достала "Кобзарь". На его титульном листе была надпись: "Феоктисту Хартахаю от Тараса Шевченко". Стало быть, Хартахай все-таки встречался с великим поэтом.

1863-1864 годы Феоктист проводит в архивах и библиотеках Крыма. К этому времени относится его сотрудничество с журналом "Современник". Его работы заметил и одобрил профессор Костомаров. Хартахай мечтает о фундаментальных исследованиях христианства в Крыму... 6 апреля 1866 года Каракозов выстрелил в царя. Каракозов казнен. "Современник" закрыт. Наступила пора реакции. До исследований ли?

В это смутное время Феоктист Авраамович начинает свою учительскую карьеру в Варшавском учебном округе. Он не только преподает историю, географию, русский и церковно-славянский языки, но и издает "Азбуку и книгу для чтения", "Прописи" для народных школ, пишет статьи. Усердная служба замечена начальством. Как будто все хорошо. Но тянет домой, в Мариуполь. Может, осуществится мечта устроить в Мариуполе гимназию?

Хартахай приезжает в родные места не один. С ним его варшавский приятель Иван Эдуардович Александрович и петербургская учительница Александра Александровна Генглез. Прошение в городскую управу удовлетворено. Усилиями этих благородных людей в 1875 году в Мариуполе были

открыты частные мужское и женское училища, а через год - в 1876-м - они были преобразованы в гимназии. Директором мужской гимназии стал Хартахай, женской - Генглез.

В январе 1880 года в мужской гимназии обучались 174 ученика, в 1881 году ожидался первый выпуск. Директор ждал того часа, когда он поздравит с окончанием мариупольской гимназии четырех молодых людей. Не суждено было. Феоктист Авраамович Хартахай скончался 25 марта 1880 года в возрасте 44 лет.

1996 год.

Академик архитектуры Н.К. Толвинский

В Мариуполе сохранилось немало интересных в архитектурном смысле зданий. К сожалению, время не донесло до нас имена авторов проектов большинства из них. Одним из исключений из этого вызывающего сожаление правила является двухэтажный корпус на улице Георгиевской, 69, построенный в конце XIX века для Мариупольской Александровской мужской гимназии, который на протяжении последних пятидесяти пяти лет занимает Мариупольский индустриальный техникум.

В историческом уже теперь документе с пространным названием "Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1899 гражданский год" - он сейчас хранится в краеведческом музее - напечатано: "Здание (гимназии. - **С.Б.**) построено по премированному плану акад. Толвинского, измененному согласно указаниям конкурсной комиссии академиком Бером". Вот откуда мы знаем автора проекта здания, о котором выше шла речь.

Николай Константинович Толвинский входит в плеяду выдающихся зодчих, работавших в Украине. Поэтому не случайно биографические сведения о нем помещены в ряде справочных изданий, таких, например, как "Словник художників України" (Київ,1973), "Митці України. Енциклопедичний довідник" (Київ,1992). К слову сказать, эти книги есть и в Мариуполе.

Поскольку Н.К. Толвинский был академиком архитектуры, его биография включена в "Юбилейный справочник Императорской академии художеств, 1764-1914", составленный

С.Н. Кондаковым. Словарь Кондакова - так называют для краткости этот справочник - хорошо известен тем, кто более или менее серьезно занимался историей русского изобразительного искусства XVIII - начала XX века.

Так вот, в словаре Кондакова о Николае Константиновиче сказано следующее: "Родился в 1857 году. Ученик Академии художеств с 1876 года. В 1880 г. окончил курс наук и получил 2 серебряные медали. В 1882 г. - одну серебряную, в 1883 г. - одну серебряную и две золотые за программу "Проект великокняжеского загородного замка на Юге России, в том же году дано звание классного художника второй степени. В 1884 г. - звание классного художника первой степени, в 1889 г. - звание академика".

Забегая вперед, скажем, что с 1889 г. по 1917-й Н.К. Толвинский работал в Одессе. Поскольку центр учебного округа, в который были включены школы и гимназии Мариуполя, находился в Одессе, то нет ничего удивительного в том, что для проектирования здания мариупольской гимназии был привлечен, как мы знаем, одесский архитектор.

В восьмидесятые годы нашего столетия наиболее подробно исследовал жизненный путь и творчество Н.К. Толвинского, как, впрочем, и других зодчих Одессы, архитектор и историк архитектуры Валентин Александрович Пилявский. Для этого он привлек архивные материалы и литературные источники Одессы, Киева, Москвы, Петербурга (в то время еще Ленинграда) и других городов. Для широкой публики им были опубликованы в газетах популярные очерки о создателях неповторимого архитектурного облика черноморской жемчужины.

В. Пилявский так охарактеризовал Николая Константиновича: "Глубокие знания истории архитектуры, инженерных

дисциплин, современных достижений строительной техники, умение в каждой постройке выразить эти знания, добиться убедительной планировки и выразительного облика позволили Толвинскому стать лидером зодчих Одессы, создать свою мастерскую - школу".

Опубликованные труды упомянутого выше исследователя, статьи в журнале "Зодчий" (он издавался в 90-е годы XIX века), другие источники позволяют бегло перечислить наиболее значительные работы академика Толвинского одесского периода его творчества.

В сотрудничестве с архитектором А.Б. Минкусом в начале 1890-х годов он строит несколько жилых зданий, выделяющихся оригинальностью пространственного и пластичного решения. Современные адреса этих домов: ул. Пастера, 28, ул. Свердлова, 10, дом на углу ул. Советской Армии и ул. Островидова. В 1892 году был осуществлен проект пристройки лечебного корпуса одесского курорта "Куяльник".

Этапной работой мастера стало строительство здания земской управы и судебных установлений, завершившее композиционное оформление привокзальной площади. Право на осуществление этого проекта Н.К. Толвинский получил в результате довольно представительного конкурса, в котором принимали участие среди других и такие столичные корифеи, как Г.К. Шеврембранд и В.И. Шретер.

Мастер достиг значительных успехов в проектировании учебных заведений, в том числе ремесленного, народного и женского училищ, школы садоводства. Но вершиной творчества Н.К. Толвинского в этом плане были построенные по его проектам ряд корпусов для факультетов и лабораторий Новороссийского (ныне Одесского) университета, которые

вошли в число наиболее значительных архитектурных произведений Украины конца XIX века.

Николай Константинович сочетал напряженную практическую деятельность по строительству жилых и общественных зданий с преподавательской работой в стенах Одесского художественного училища. В его мастерской проходили стажировку ведущие архитекторы практически всех южных городов страны.

Н.К. Толвинский, человек с устоявшимися взглядами, привычками и образом жизни, конечно, не мог принять революцию. В 1917 году он выехал в Польшу, которая вскоре обрела независимость, таким образом, он оказался эмигрантом. Шестидесятилетний академик архитектуры был избран профессором Варшавского политехнического института. Насколько известно, польский период его жизни не отмечен сколько-нибудь значительными архитектурными проектами. Скорее всего, в силу своего возраста он вовсе отошел от архитектурной практики, целиком сосредоточившись на преподавательской работе.

Смерть свою Николай Константинович принял в Варшаве 7 декабря 1924 года.

1999 г.

СЕМЬЯ ОСТОСЛАВСКИХ

На углу улиц Георгиевской и Больничной (сейчас она называется им. Артема), где теперь располагается городское управление милиции, стояла когда-то женская гимназия Остославской. В гражданскую войну в ней устроили казарму деникинцы, красные или махновцы - сейчас этого никто не знает. Вскоре гимназия сгорела.

Только по чудом сохранившемуся детскому рисунку (к нему мы еще вернемся) да по редкой фотографии можно судить, как она выглядела. Ученицы гимназии Остославской вряд ли дожили до наших дней. О гимназии и ее начальнице забыли, забыли навсегда. Но не все.

Заведующая отделом краеведческого музея Рена Ильинична Саенко рассказала: "Как-то пригласили меня к телефону в директорский кабинет. Звонили из Москвы. Неизвестная мне женщина начала свой разговор с вопроса, знакома ли мне фамилия Остославской. "Да, - ответила я, - Валентина Епифановна Остославская - начальница женской частной гимназии". "Совершенно верно, - ответила эта женщина, - а я ее внучка". И спросила, нужны ли нам какие-нибудь материалы о ее бабушке. "Конечно, нужны, - ответила я, - у нас о гимназии очень мало знают, а портрета Валентины Епифановны и вовсе нет".

Внучка Валентины Епифановны - сама тоже Валентина, но Ивановна - пообещала прислать нам фотографии. И обещание свое сдержала. Вскоре из Москвы пришел пакет, и из него мы с трепетом достали пожелтевшие фотографии: молодая женщина со строгим лицом в пенсне, эта же женщина, но уже

В.Е. Остославская.

в зрелом возрасте, с двумя детьми, мальчик в гимназической форме, пожилой мужчина с седой шевелюрой у доски, исписанной формулами. А еще были книги по аэродинамике, на титульных листах фамилия автора - И.В. Остославский. Мне предстояло разобрать этот семейный архив".

Вот что удалось узнать Рене Ильиничне.

Валентина Епифановна родилась в большой семье мариупольских интеллигентов Иващенко. Одна из сестер Иващенко - Ольга - вышла замуж за Георгия Челпанова, того самого знаменитого профессора Московского университета, окончившего некогда Мариупольскую Александровскую гимназию с золотой медалью.

Выпускница Мариупольской Мариинской женской гимназии Валя Иващенко совсем юной девушкой организовала в

1887 году в Мариуполе частную школу для девочек, преобразованную в прогимназию, а позже - в гимназию с полным курсом среднего образования. К тому времени Валентина Епифановна была уже замужней дамой. Ее муж Василий Иванович Остославский - выпускник Новороссийского (так назывался раньше теперешний Одесский) университета - преподавал физику и математику в гимназиях Мариуполя.

В семье было двое детей - Оля и Ваня. Ваня учился в Александровской гимназии, это он нарисовал гимназию своей мамы. Помните, мы говорили о детском рисунке?

Семейная фотография Остославских, сделанная незадолго до революции. Благополучие и покой на лицах. Они еще не знали, что ждет их впереди.

...Кровавые волны гражданской войны не минули Мариуполя. Большевики и шкуровцы, махновцы и деникинцы сменяли друг друга. Умерла от "испанки" Валентина Епифановна, сгорела гимназия, а с ней - и квартира Остославских. Василий Иванович с Ваней оказались в Одессе. Олю приютили московские родственники. Она стала учительницей, как ее мама. Была репрессирована в печальной памяти тридцатые годы. Однако ей удалось выжить в сталинских лагерях. Освободившись, она целиком посвятила себя делу просвещения.

А Ваня? Ваня в двадцать девятом году окончил Московский университет. Аэрогидродинамика стала его профессией. Но вспомним, что это были за годы. Чуть ли не в каждом городе организуются аэроклубы. Молодежь строит планеры, даже самолеты. Страна создавала собственную авиацию. Тут-то и пригодилась специальность Ивана Остославского.

Он начинает работать в знаменитом ЦАГИ - Центральном аэрогидродинамическом институте. И в том, что советские истребители имели преимущества над врагом в воздухе,

Профессор
И.В. Остославский

немалая заслуга Ивана Васильевича. Не без его участия создавались первые отечественные реактивные самолеты. Кто знает, может быть, ему довелось встречаться в те времена с летчиком-испытателем первого в мире реактивного самолета - мариупольцем Григорием Бахчиванджи.

Многие годы профессор Остославский преподавал в Московском авиационном институте. По его учебникам учились поколения авиационных специалистов. Успехи заслуженного деятеля науки и техники РСФСР Остославского в области авиастроения были увенчаны тремя Государственными премиями, многими орденами, коллеги в приветственных адресах отмечали его человеческие качества: отзывчивость, мудрость и необычайную жизнерадостность.

Рена Ильинична Саенко в свое время опубликовала в "Приазовском рабочем" большую статью о выдающемся ученом. Так мариупольцы узнали о еще одном знаменитом земляке.

1995 г.

Житие отца Михаила

Маргарите Михайловне Астаховой в наследство от деда достались план принадлежавшего ему некогда подворья на Митрополитской улице, квитанции об уплате налогов за стены дома, сожженного немцами в сорок третьем году, и еще пачка семейных фотографий разных лет...

Каким был ее дед?

Семилетней Рите он запомнился высоким, худощавым и очень добрым.

К дедушке и бабушке ее с сестренкой привозили родители из Бердянска, где жила в довоенные годы их семья. Еще в памяти остался огромный фруктовый сад. Впрочем, так

ли он был велик? Ребенку всегда все кажется большим.

В рассказах Маргариты Михайловны причудливо смешались детские воспоминания и то, что довелось уже в более зрелом возрасте услышать от родителей: "В саду были масса цветов и небольшой огород. Были и ульи. За всем этим ухаживал дедушка сам, и бабушка ему помогала. Он приучал нас с сестренкой к труду. Если шла обрезка деревьев, нам поручали собирать хворост. Мы любили работать с дедушкой: он знал много историй из жизни растений, животных, птиц и рассказывал их нам.

Дедушка вел переписку с Иваном Владимировичем Мичуриным и по его совету сделал прививку на абрикос. Получился новый сорт, названный им "Ивановкой". Может быть, в честь Мичурина?".

Кем же был дедушка Маргариты Михайловны? Агрономом, садоводом-мичуринцем?

Не тем и не другим.

Ее дед Михаил Васильевич Арнаутов - православный священник.

Нет, не он выбирал себе профессию. То было решение отца - ялтинского поселянина, как принято было в те далекие годы говорить.

Когда братья Арнаутовы подросли, им было сказано: "Ты, Иван, будешь учителем, а ты, Михаил, - священником". Сыновья отцовскую волю безропотно исполнили...

Двадцатилетний воспитанник Екатеринославской семинарии Михаил Арнаутов пишет своему другу: "Счастлив тот, кто мог понять, что жить и существовать - две разные вещи". Для себя Михаил выбрал жизнь.

После окончания семинарии он женится на юной красавице-казачке Аделаиде Кравцовой, вскоре обретает сан

священника одного из мариупольских храмов. Матушка дарит ему сыновей: Виктора, Евгения, дочь Лидию, а уж напоследок появляется на свет Божий Леонид.

Отец Михаил мог бы гордиться перед людьми чадами своими, но случилась революция, и приходилось скрывать, что Виктор и Евгений - офицеры царской армии, что, верные присяге, однажды данной, некоторое время служили и среди белого воинства, что, гонимые судьбой, оказались за границей.

Пришлось и Леонида благословить на эмиграцию в Чехословакию: понимал - в Стране Советов не пробиться сыну "служителя культа" к образованию, будь он и "семи пядей во лбу".

Изредка окольными путями приходили письма от сыновей, и пожилой священник втихомолку плакал, разглядывая фотографии внуков и незнакомых ему невесток.

Он служил в Успенской церкви, что на Марьинске, а когда ее взорвали, перешел в кладбищенскую "Всех Святых". Когда оставался один, подолгу молился перед домашним киотом, освещенным мерцающим светом лампады; просил Бога сохранить его семейство от напастей, хвори и невзгод.

Он старался выполнять заповеди Божьи и жить по-христиански. В большом своем многокомнатном доме занимал с матушкой каморку ближе к "черному" ходу, а в гостиной, спальнях сыновей разместились беженцы из Финляндии, вдовая матушка с дочкой, обездоленные приятельницы матушки. Все эти жильцы жили бесплатно, а порой также и столовались.

Еще одно воспоминание Маргариты Михайловны: "В одной из комнат дедушкиного дома жили три сестры Батиевские. Одна из них - Мария Николаевна - была совершенно

слепая, а дедушка заставлял нас каждое утро водить ее на прогулку и дарить ей цветы. Он говорил: "Самые лучшие, самые красивые цветы срезайте для Марии Николаевны". Когда мы удивлялись: "Так она их все равно не увидит", дедушка отвечал: "Зато она их почувствует, и это принесет ей здоровье".

Увы, не принесли цветы здоровья Батиевской. От сыновей перестали приходить письма, исчезли все мариупольские храмы. В начале июля тридцать седьмого года скончалась матушка - Аделаида Ивановна. "Что ж, на то воля Божья", - смиренно думал шестидесятисемилетний пастырь. Он начал тихо готовиться к принятию монашеского чина. Но не знал отец Михаил, что дни его сочтены, не знал, какая мученическая кончина уготована ему.

19 сентября тридцать седьмого года раздался стук в дверь. Начался обыск, составили протокол, отца Михаила увели, и он исчез навсегда...

Прошла четверть века. В Мариуполе появился старший сын отца Михаила Виктор. Он приехал в родной город из Сан-Франциско почти через пятьдесят лет отсутствия, вернулся известным художником, профессором одного из университетов США. Местные художники окружили его уважением и заботой, городские власти через короткое время выделили квартиру, обеспечили работой (мозаичные панно на Доме связи и в зале ожидания Мариупольского аэропорта - результат творчества Виктора Михайловича). Через какое-то время к нему в гости из Чехословакии приехал Леонид Михайлович - самый младший из детей старого священника.

Братья после долгой разлуки о чем-то подолгу наедине говорили. О чем? Кто знает. Впрочем, разве мало было у них тем для разговоров.

От своей племянницы Маргариты - дочери их сестры Лидии - они узнали об аресте и исчезновении своего отца, но уточнять подробности ни у кого не пытались...

Дети мариупольского священника, в миру известного как Михаил Васильевич Арнаутов, ушли из жизни, так и не узнав ни времени, ни места гибели своего отца.

Лишь внучке его Маргарите Михайловне Астаховой довелось увидеть и шитое белыми нитками "дело контрреволюционера Арнаутова", и добиться возвращения ему доброго имени, и узнать дату его расстрела. Только неизвестно до сей поры, где погребены бренные останки невинной жертвы.

С 6 сентября 1872 года по 1 марта 1938 года простиралось житие отца Михаила - мариупольского священника, любителя-садовода, так и не ставшего монахом.

1995 г.

Печник Рябов

Можно себе представить, как выглядел Мариуполь в первой половине XIX века, коли приземистое о пяти окнах здание греческого суда на Базарной площади считали самым большим и красивым.

Да и зачем было строить большие хоромы? Разве их протопишь кизяком да сухим будыльем - единственным топливом того времени в нашем городе.

Однако жизнь не стояла на месте, появились оборотистые люди. К концу прошлого века построили близ Мариуполя порт и проложили к нему от станции Еленовка железную дорогу. По железной дороге повезли в Мариупольский порт уголь с шахт Донбасса. Часть угля, конечно, оставалась в Мариуполе.

Печь, растопленная каменным углем, не то что саманную

хатку, добрый кирпичный дом из трех-четырех комнат обогреет. Вот такими-то домами и стали обстраиваться улицы Итальянская и Георгиевская, Большая и Малая Садовые да и другие. Некоторые дома, построенные в те годы, стоят и радуют глаз и поныне.

На рубеже XIX и XX столетий близ Мариуполя задымили трубами два металлургических завода. Потянулись люди из ближних и дальних губерний Российской империи в город на берегу Азовского моря: знали - там всегда найдется работа. Среди них были и крестьянин деревни Вороново Мещевского уезда Калужской губернии Григорий Никитич Рябов и его молодая жена Ульяна. Хотя по паспорту Григорий числился крестьянином, на самом деле был он печником. В Мариуполе его ремесло пригодилось. Новые дома росли, как грибы.

Семья Рябовых. Начало XX в.

Каждый из купцов или промышленников хотел превзойти один другого: построил дом Арихбаев, а рыботорговец Акинитов и того больше особняк сгородил на Бондарной улице, у Регира прямо дворец получился. И в каждом таком доме печи нужно класть, да порой и не одну. Все работа печникам.

Первое время жили Рябовы в поселке на берегу озера Домаха. Снимали комнатенку, там родились старшие дочери. Григорий Никитич был человеком степенным, пристрастия к табаку и вину не имел, зато печи клал отменные. На любой манер: с духовкой и без нее, голландки с латунными вьюшками, на две грубки, с камином в господских горницах, словом, любые.

Пошла о нем добрая слава по городу. Работы - хоть отбавляй. Сам стал не успевать выполнять все заказы. Научил ремеслу своему племянников Ивана и Андрея. На лето - в самую горячую пору для печников - выписывал земляков из родного уезда, сколотил артель.

С божьей помощью дела шли хорошо. Дочери подрастали, купил Рябов домик на Греческой улице. Небольшой домик, но с верандой. Любил он на веранде в летнюю пору уже в сумерках посидеть за самоваром со своей Ульяной Павловной и дочками. Да и гостей не стыдно было посадить за стол, особенно на Пасху, на разговенье. Была Ульяна большой мастерицей куличи печь да ватрушки с творогом, да пирожки с начинкой постной и скоромной.

Зимними вечерами, когда работы по печному делу не было, Григорий Никитич ходил в клуб, договаривался о подрядах, вел неспешные беседы с поставщиками кирпича, обменивался с другими ремесленниками новостями. А когда клуб бывал закрыт или уж слишком ненастная погода случалась, читал Рябов книжки да газеты - сам выписывал,

деньги на это не жалел. В воскресенье шел с семейством в Марии-Магдалиновскую церковь к заутрене. Ходил с женой иногда в театр. Уж больно купцы в пьесах Островского были похожи на мариупольских воротил. Фотографировался у Стояновского - лучшего мариупольского фотографа, за обновами с Ульяной хаживали в магазин братьев Адабашевых - тоже заведение не из последних.

Мечта была: дочерей выучить, чтобы были барышнями не хуже дворянских. Старшенькую - Клавочку - отдал в частную гимназию Неонилы Саввишны Дарий. В год на это шло 60 рублей, почитай, на эти деньги золотые часы можно было купить или два с половиной пуда самого лучшего мяса. Но что не сделаешь для детей. Позже в этой же гимназии училась и младшая дочь Паша.

Дети учились, Ульяна Павловна вела хозяйство, Григорий Никитич брал подряды - складывал печи в домах мариупольцев. Даже подумывал: а не купить ли дочкам пианино?

Тут началась мировая война, царя с престола скинули, революция разразилась, власти в Мариуполе менялись чуть ли не каждый день: не успели деникинцы убраться, а уж батько Махно тут как тут, то он с красными якшается, то Красная Армия с ним сражается. Поди разберись. Тяжело стало жить обывателям.

Но печник Рябов не унывал: "Ничего, перебесятся, какая б власть ни пришла, все одно людям в тепле жить нужно. Стало быть, у меня работа будет. Не будет денег, так хлебом расплатятся. Голода в здешних местах никогда не бывало". Ошибся Григорий Никитич, ох, как ошибся. Именно в Мариуполе в голодном двадцать первом году принял он свой смертный час: помер от тифа - порождения голода и смутного времени.

Ну а дочери? Слава Богу, выжили, правда, дворянками не

стали. Клавдия Григорьевна учительствовала, работала бухгалтером. Варвара и Прасковья Григорьевны вышли замуж, и появились на свет Божий два внука печника Рябова - Анатолий да Евгений. Анатолий Зайцев - сын Варвары Григорьевны - закончил техникум и всю жизнь до самой пенсии варил сталь в мартеновском цехе завода имени Ильича, а выпускник металлургического института Евгений Кашицын - сын Прасковьи Григорьевны - много лет трудился в отделе главного металлурга "Тяжмаша", его знали и в отделах, и в цехах как классного специалиста, технолога-литейщика. Онто и сохранил в своей памяти рассказы матери и теток о своем деде, старинные семейные фотографии и даже гимназические тетради своей тети.

А уж от Евгения Сергеевича Кашицына мы узнали и поведали вам историю мариупольского печника Григория Никитича Рябова.

1995 г.

Рыбак Дьяченко

Жил когда-то на Слободке Григорий Епифанович Дьяченко. Был он простым рыбаком. С какой стати мы вспомнили этого человека? Так ведь именно простые люди творили историю, в том числе и нашего города.

Детство Гриши Дьяченко прошло на Коске, в хуторке близ Мариуполя. Там его отец Епифан Николаевич арендовал землю у помещицы Косоротовой, выращивал хлеб да еще рыбалил. Но в конце прошлого века случился в Приазовье большой недород, да и рыба почти не ловилась. Не смог Епифан заплатить аренду, и помещица с земли согнала, в уплату долга скарб домашний забрала, а хатенку саманную велела развалить.

Перебрался Епифан с женой и детьми, а было их при нем восемь душ, в Мариуполь. Приютила их на первое время Анна - старшая, уже замужняя дочь. Сыновья Федор и Константин пошли грузчиками в порт, а Епифан Николаевич построил на Слободке у самой кромки прибоя домишко, стал рыбачить с младшими своими хлопцами, Алешей да Гришей.

В девятьсот первом году Григория призвали на царскую службу. Был он "росту высокого, лицом чист и пригож", а потому попал в знаменитый Преображенский полк. Довелось ему в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце в карауле стоять, в парадах участвовать, царя-батюшку видеть. На службе в грамоте поднаторел, благо, два класса приходской школы до того окончил.

Возвратясь со службы домой, Григорий в рыбаки не пошел, стал грузчиком в порту работать. Тут ему грамотность помогла: поставили вагоны считать да грузы учитывать. Видно, усердным был, если рекомендовал его приказчик братьям Де Мартино - поставщикам донецкого угля для пароходов Черноморского флота. Те послали Григория представителем своей фирмы в Севастополь. Полномочия ему даны были большие, хозяева многое доверяли, платили неплохо.

В Севастополе сын мариупольского рыбака женился на сироте из обрусевших немцев с "рыбацкой" фамилией Фишер, что означает по-русски "рыбак". В положенный срок Ольга Андреевна - так звали молодую жену - подарила Григорию сына Сережу. Примерно в это же время Григорий Епифанович начал учиться на судового механика. Расходы за обучение взяли на себя Де Мартино.

Началась мировая война, но вначале она как-то не косну-

лась представителя фирмы "Де Мартино". Прибавилось только работы: военным кораблям требовалось все больше угля. Но в 1915 году и Дьяченко мобилизовали, служил в машинной команде военно-транспортного судна "Днепр" до самой революции. Заболел. С судна списали. Обратился в фирму, где до мобилизации работал. Оказалось, что она "лопнула".

Времена пришли суровые. Власть в свои руки взяли большевики. Бывшую необъятную Российскую империю сотрясала братоубийственная гражданская война. Хоть и было Григорию Епифановичу под сорок, много видывал на своем веку, но так и не смог разобраться, кто прав, а кто виноват. Перебрался с семьей в Мариуполь, стал заниматься привычным с детства делом - рыбачить.

В начале двадцатых годов вместе с другими мариупольскими рыбаками организовал рыболовецкий кооператив, говорят, первый в нашем городе. Когда выбирали председателя, все в один голос назвали Дьяченко. Его же посылали на съезды и заседания в Харьков - тогдашнюю столицу Украины. Там избрали в правление всеукраинского рыбаксоюза. Пошел бы Григорий Дьяченко еще выше, да не был он членом партии. И когда таковой в кооперативе объявился, пришлось сдать ему дела. Новый председатель уже сам в море не ходил, а только "руководил", особенно не вникая в суть дела.

А Григорий Епифанович устроился заведывать угольным складом в порту, где служил до самой оккупации. Когда немцы пришли, затаился, понемногу рыбу ловил, чтобы семью поддержать да и самому с голоду не помереть.

Лютовал фашист в Мариуполе. И тогда старый рыбак снарядил свой баркас, посадил в него домочадцев и двинул

июльской штормовой ночью навстречу приближающимся частям Красной Армии.

В последний раз Григорий Епифанович закинул сети в море, когда было ему семьдесят четыре года. Почувствовал: прежних сил уже нет. Пора на берег. На клочке земли рядом с домом выращивал виноград невиданных сортов, в свои преклонные годы ходил иногда на охоту, мастерил модели азовских каюков и баркасов. Дожив до восьмидесяти четырех лет, Григорий Епифанович так и не позволил себе провести ни одного дня в праздности.

1998 г.

ДОКТОР КАРАСИК

В начале 30-х годов в Мариупольский порт зашло английское торговое судно. Капитан запросил у береговых властей врача: на борту судна был тяжелобольной. От нестерпимой боли где-то в середине уха и высокой температуры несчастный то приходил в себя, то вновь впадал в забытье.

В небольшом тогда Мариуполе всех врачей знали наперечет, а тем более Льва Михайловича Карасика - лучшего отоларинголога города. За ним-то и послали линейку, в которую запрягли самую быструю лошадь из портовой конюшни...

Льва Михайловича доставили на английское судно, он

осмотрел совсем обессилевшего моряка и сказал на хорошем английском языке капитану: "Этот человек на грани жизни и смерти. Нужна срочная операция. Сделать ее можно только в условиях больницы. Я попытаюсь его спасти".

Доктора Карасика и его пациента срочно отвезли в больницу завода имени Ильича. После необходимых приготовлений Лев Михайлович приступил к трепанации черепа...

Операция оказалась удачной. Британец стал выздоравливать. К этому времени известное нам судно вновь зашло в Мариуполь. Капитан вовсе не надеялся встретить живым своего соотечественника. Каково же было удивление, когда он увидел шагающего ему навстречу по пирсу выздоровевшего моряка, а рядом с ним - доктора.

В знак благодарности капитан подарил Льву Михайловичу бритву из великолепной английской стали. Эта бритва до сих пор хранится в семье дочери доктора Карасика - Наталии Львовны, а кроме того, автобиография знаменитого врача, его трудовая и орденская книжки, другие документы.

Воспоминания Наталии Львовны и документы позволили в какой-то мере воссоздать жизненный путь доктора Карасика.

Он родился в 1886 году в местечке Свержень Могилевской губернии в семье служащего лесоразработок. Известно, что он окончил Орловское реальное училище, а в 1910 году поступил на медицинский факультет университета в г. Нанси. Напомним, что Нанси - город в северо-восточной Франции - исторический центр Лотарингии, известный с X века.

С началом 1-й мировой войны Льва Михайловича как подданного Российской Империи призвали в действующую

армию. Он служил зауряд-врачом 403-й пехотной дивизии, т.е. лицом, занимающим должность полкового врача, но не имеющим соответствующего классного чина...

В марте 1918 года Россия после подписания Брестского мира вышла из империалистической войны, началась массовая демобилизация. В числе демобилизованных был и Лев Карасик. К этому времени он приобрел солидный опыт врачевания, но заниматься делом, бывшим на фронте его профессией, не мог: копия диплома об окончании медицинского факультета затерялась в одном из полевых госпиталей. Подлинник диплома можно получить только во Франции. Но как туда добраться? Начались гражданская война и интервенция иностранных держав. Россия оказалась в плотном кольце блокады. Но вот что интересно: многие университеты, несмотря ни на что, продолжали работать, среди них и Харьковский.

Молодой человек, некогда уже получивший диплом врача, вновь поступает на медицинский факультет этого известного высшего учебного заведения, правда, сразу на второй курс.

С третьего курса он целиком посвящает себя изучению болезней уха, горла и носа, работает в Харьковском гарнизонном госпитале под руководством тогдашних светил украинской медицины. Когда в 1923 году была открыта интернатура при Советской больнице в Харькове, преобразованная в дальнейшем в институт усовершенствования врачей, Карасик немедленно подал заявление с просьбой о приеме в эту интернатуру и прошел по конкурсу Наркомздрава Украины.

В январе 1926 года доктора Карасика после успешного окончания интернатуры направляют в Мариуполь для орга-

низации ЛОР-стационара при больнице медсанчасти завода им. Ильича. Уже в феврале стационар был организован. Вскоре он стал межрайонным, обслуживая не только работников завода и членов их семей, но и больных, приезжавших из старой части города, порта и даже прилегавших сельских районов.

Успехи коллектива, который возглавлял Лев Михайлович, были столь велики, что в 1936 году по приказу Наркомздрава Украины при отделении заводской больницы были учреждены научный опорный пункт и интернатура, в которой в предвоенные годы были подготовлены три высококвалифицированных отоларинголога. В этот период времени доктор Карасик не только лечит больных, но и серьезно занимается научными исследованиями, публикует статьи в медицинских журналах...

В конце тридцатых годов приближение войны становилось все ощутимее. Все чаще доктора Карасика призывают на военные сборы. 17 сентября 1939 года части Красной Армии пересекли советско-польскую границу, начался так называемый освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. 18 сентября Льва Михайловича мобилизуют в эвакогоспиталь, только что развернутый в здании бывшего духовного училища на Митрополитской улице. К 25 сентября советские войска вышли на рубеж рек Западный Буг и Сан и остановились. Поход, к счастью, оказался практически бескровным, раненые в Мариуполь не поступили и врачей-запасников, в том числе и Карасика, отпустили по домам.

30 ноября 1939 года началась Советско-финляндская война. Вопреки ожиданиям, план быстрого захвата Финляндии силами Ленинградского военного округа провалился.

Небольшая, но хорошо вооруженная и экипированная, а главное, приспособленная к местным суровым условиям финская армия оказала мощное сопротивление. Боевые действия были втянуты в зиму. Красная Армия несла большие потери. Раненых и обмороженных бойцов и командиров было столько, что пришлось отправлять их в госпитали, находящиеся в глубине страны, в том числе и в Мариуполь. Поэтому-то 2 февраля 1940 года Лев Михайлович вновь призывается в армию в эвакогоспиталь №1053. Работы много. Много запущенных больных. Доктор ищет новые методы врачевания, пробует рентгеновское облучение для лечения нагноившихся ран. На этот раз служба в армии для него окончилась в середине июня 1940 года...

Лев Михайлович знал три европейских языка. Немецкий и французский он изучал во время учебы в Нанси, английским овладел позже самостоятельно. Чтобы не потерять языковых навыков, он по утрам слушал иностранные радиопередачи. Рано утром 22 июня 1941 года, включив свой приемник, он услышал страшную весть. Радио Афин сообщило на английском языке, что гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

27 июня 1941 года военный врач запаса Карасик прибыл к месту службы в знакомый уже ему эвакогоспиталь №1053, а 5 августа приступил к обязанностям начальника отделения эвакогоспиталя №1332, который расположился в здании нынешнего индустриального техникума. В это время Льву Михайловичу уже исполнилось пятьдесят пять лет.

Эшелон с персоналом и пациентами эвакогоспиталя №1332 покинул Мариуполь 8 октября. Проезжая мимо заводской площадки, с ужасом узнали в нескольких мотоциклистах немцев. Немцы пропустили поезд, не стреляя. Ма-

шинист испугался, спрыгнул на ходу с паровоза. Начальник заставил вести поезд помощника машиниста.

К концу октября эвакуированные из Мариуполя достигли Тбилиси. Но в столице Грузии доктор Карасик задержался не на долгий срок: уже в ноябре 1941 года его откомандировывают в Баку, где он вступает в должность начальника медчасти эвакогоспиталя №3676.

Лев Михайлович пережил огромный наплыв раненых во время Сталинградской битвы и обороны Северного Кавказа, Белорусской операции. Случалось, что сутками не покидал операционную, спасая жизни бойцам, жутко переживал, когда на его глазах умирали совсем молодые люди, хотя внешне оставался спокойным.

День Великой Победы начмед ЭГ №3486 Л.М. Карасик встречает в Минске. Вспоминает его дочь, Наталия Львовна: "Мы жили рядом с госпиталем. Вдруг среди ночи началась стрельба, прибежал ординарец: "Лев Михайлович! Закончилась война!". И папа сразу же пошел в госпиталь. Тут же разрешил выдать аптеке спирт - вообще-то он был строг - чтобы отметить историческое событие".

Доктор Карасик вернулся в Мариуполь в больницу завода им. Ильича лишь в ноябре 1945 года. Он сразу же приступил к работе. И снова делает операции, лечит и консультирует больных, организовывает курсы медсестер, хлопочет о возрождении опорного научного пункта ЛОР-института Украины при больнице.

Самоотверженный труд и талант врача не остались без внимания: трудовая книжка доктора Карасика испещрена благодарностями, правительство удостоило его высшей награды страны - ордена Ленина.

Но годы брали свое. В апреле 1954 года Лев Михайлович

пишет заявление об уходе на заслуженный отдых. Его просьбу удовлетворяют. Свалившуюся на него бездну времени старый врач посвящает внуку, воспоминаниям об охоте, когда приходил к нему его старинный друг - рабочий завода им. Ильича Мороз, чтению в подлиннике любимого им Шекспира. Сохранилась ученическая тонкая тетрадь, куда Лев Михайлович занес своим бисерным почерком новые для него английские слова за несколько дней до кончины.

2001 г.

Закройщик Шимановский

Бывшая воспитанница детского сада, а теперь пенсионерка Валентина Владимировна Шимановская более шести десятков лет бережно хранит инструменты своего отца приспособление для пробивания петель в бортах пальто пиджаков и жилетов, костяную палочку для удаления наметки с деталей одежды, уже сшитых швейной машинкой, мерную складную линейку из плотного полукартона для разметки тканей перед раскроем, лекала.

Нетрудно догадаться, что отец Валентины Владимировны был закройщиком. Закройщиком, известным в свое время на весь Мариуполь.

Обратимся к жизнеописанию этого далеко не ординарного человека. Владимир Васильевич Шимановский родил

ся в 1890 году на станции Чулым, что в Томской губернии. Отец его, Василий Адамович, работал на железной дороге, хотя числился в крестьянском сословии. Кроме Владимира в семье было еще семеро детей. Когда Владимиру стукнуло пятнадцать лет, он перебрался к сестре во Владивосток, где начал осваивать портняжное искусство в солидной по тем временам фирме Чурина.

Во Владивостоке он познакомился с Агриппиной Голуб - девушкой, приехавшей на край земли российской с Полтавщины. В год начала первой мировой войны молодые люди образовали семью.

В 1917 году ратника ополчения Владимира Шимановского призывают в армию. Сначала он служит во Владивостоке, затем его переводят в Иркутск. Молодая жена с двухлетним сынишкой Анатолием на руках пускается в дальний и небезопасный путь на родину, в село Хоружевку, расположенное неподалеку от Сум.

В начале ноября 1917 года до Иркутска дошли подробности свержения Временного правительства в Петрограде. В воинских частях начался разброд. Многие солдаты и офицеры начали разъезжаться по домам. Покинул Иркутск и Владимир, чтобы отправиться на Украину, к семье.

В 1921 году мы находим семью Шимановских в Харькове. Там Владимир Васильевич руководит школой кройки и шитья дамского платья. Дело поставлено на широкую ногу. Ученицам школы по окончании обучения и сдачи специального экзамена выдавались дипломы. Можно только строить догадки, что заставило известного мастера и педагога покинуть в 1930 году столичный город - Харьков был в то время столицей Украины - и перебраться в провинциальный Мариуполь...

В нашем городе Владимир Васильевич устроился работать закройщиком на швейную фабрику, потом перешел в артель "Вільна праця", вернее, в ее филиал, находящийся в порту. Скоро, очень скоро Владимир Шимановский приобрел славу одного из лучших мариупольских закройщиков. У него шьет форменные костюмы командный состав порта и пароходства, он обшивает жен местного начальства, ему заказывают одежду завзятые модники и модницы того времени. В Мариуполе Владимир Васильевич пожинал плоды своего многолетнего неустанного труда, огромного практического опыта и природного таланта.

Время становления его как мастера совпало с мировой войной, революциями, которые, как известно, повлекли за собой резкие перемены не только в государственном переустройстве многих стран, но и в умонастроениях и быте миллионов людей.

Изменилась и одежда.

Там, в прошлом, остались строгие сюртуки и фраки мужчин, длинные до полу юбки, пышные рукава, украшенные сложной строчкой и складками, многочисленные пуговки на лифах, широкополые дамские шляпы, более похожие на цветочные клумбы, нежели на головные уборы.

Их сменили невиданные дотоле наряды. В моду вошли короткие женские платья и пальто с упрощенным прямым силуэтом. Шляпки напоминали шлемы пилотов аэропланов. Мужчины начали носить толстовки, френчи, рубашки апаш, кургузые зауженные в талии пиджаки с огромными остроконечными лацканами, узкие брюки-дудочки, едва прикрывающие лодыжки.

Новые течения в моде не обескуражили Шимановского. Он довольно быстро разобрался в особенностях кроя но-

вомодной одежды, столь неожиданной для людей его поколения. Более того, сам изобретал новые фасоны.

Заметим, что Владимир Васильевич вообще был натурой одаренной. Он хорошо играл на гитаре и мандолине, приятным голосом мог спеть что-нибудь под аккомпанемент этих инструментов. Он много читал, знал и любил художественную литературу.

Каждую профессию можно превратить или в убогое ремесло, или в художество. Владимир Шимановский в своей профессии был художником. Жаль, что судьба отпустила мало лет жизни. Он покинул наш бренный мир на сорок девятом году жизни.

2001 г.

Чуверовы

Много лет хранится этот старомодный чемодан у Виктора Константиновича Олейниченко - доцента Приазовского технического университета - и его жены Варвары Борисовны. О том, как чемодан попал в их дом, Виктор Константинович рассказывает так: "По воле судьбы в нашей семье с 79-го по 83-й год жила Евдокия Георгиевна Чуверова, вдова моего дяди Александра Андреевича, родного брата моей мамы. После кончины Евдокии Георгиевны у нас остался небольшой чемодан. Когда мы его открыли, то увидели, что он наполнен документами, старинными фотографиями, программками спектаклей, вырезками из газет".

"Иногда мы, - говорит Варвара Борисовна, - перебираем пожелтевшие листы бумаги, всматриваемся в выцветшие от времени фотографии и словно прикасаемся к духовному миру дяди Шуры и тети Дуси".

Давайте и мы заглянем в старый чемодан. Метрическая выпись о рождении Александра Чуверова. Из нее узнаем, что родился он в Одессе 25 февраля 1892 года, что отец его - отставной унтер-офицер из тульских крестьян...

В апреле 1954 года Александр Андреевич писал о том, как в юности ему довелось работать токарем, а вечерами заниматься на частных курсах сценического искусства. С той давней поры сохранилась ученическая тетрадь, на страницы которой вклеены вырезки из журналов и газет - изобразительный материал для грима будущих персонажей, характерные костюмы, список сыгранных ролей.

Учеба на частных курсах завершилось в 1913 году, с этого времени начинается самостоятельная работа Александра Чуверова как актера, а позже - и режиссера.

Плотный лист из альбома. К нему прикреплены фотографии. На одной из них Чуверов - ратник ополчения. Подпись внизу: "Севастополь, 1915 год". Рядом снимки, сделанные в лагере военнопленных российских солдат и офицеров под Касселем, в Германии, среди них и знакомый нам ратник ополчения. Лишь в октябре 1918 года он возвратился из плена домой - в Одессу.

В Одессе вскоре начинается творческая деятельность Чуверова в кинематографе. Он участвует почти во всех фильмах Одесской киностудии. Ему повезло: его партнером был гениальный украинский актер Амвросий Бучма, его снимал выдающийся кинооператор Даниил Демуцкий, рядом с ним работали режиссеры Петр Чардынин и Александр Дов-

женко - классики, вошедшие в историю отечественного кинематографа.

В самом начале тридцатых годов начинается сотрудничество Александра Чуверова с Бакинской киностудией. Именно там ему довелось исполнить главную роль в фильме "Никита Иванович и социализм". К этому времени он уже человек семейный. Его жена - актриса Евдокия Георгиевна - верный друг и соратница. Иногда ей приходится сниматься в эпизодических ролях, она разделяет с супругом все тяготы жизни в киноэкспедициях. Да, это было счастливое время. Пусть не всегда сытое, но такое светлое, занятое любимой работой.

Война застала чету Чуверовых в Челябинском областном драматическом театре. Александра Андреевича направили руководить художественной самодеятельностью частей Челябинского гарнизона и районного Дома культуры. В декабре 45-го года он и Евдокия Георгиевна приезжают в Мариуполь. Город в руинах. Но в чудом уцелевшем зале бывшего "Гастронома" уже идут спектакли драматического театра. Чуверовы немедленно включились в его работу.

Не всегда доставались им главные роли, но и те, что приходилось им играть, были замечены и зрителями, и критикой. За четыре сезона, что работал Александр Андреевич в Мариупольском театре, он сыграл около двух десятков ролей. Но театр в Мариуполе в сорок девятом году закрыли, и Чуверовы перебрались в Запорожье.

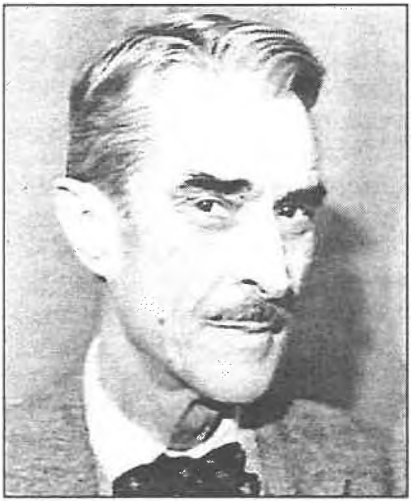
Именно в Запорожье с наибольшей силой раскрылся талант Чуверова-педагога. В одном из дворцов культуры он организовал самодеятельный драматический коллектив. За неполные восемь лет им осуществлено около ста двадцати постановок. Это и для профессионального театра цифра

немалая. За благородную деятельность приобщения рабочей молодежи к театральному искусству, ее эстетическое воспитание в апреле 54-го года Александру Андреевичу Чуверову было присвоено звание заслуженного артиста Украины.

Годы брали свое, и Чуверовы перебрались из Запорожья в Мариуполь, поближе к сестре Александра Андреевича. После шести десятков лет служения сценическому искусству можно было и отдохнуть, но не таков был Александр Чуверов. Он собрал ребят во Дворце моряков и создал кукольный театр. Вместе с юными артистами радовался успехам и огорчался неудачами. Он и Евдокия Георгиевна не мыслили своей жизни вне театра. И они были ему верны до самой своей кончины.

1997 г.

Возвращение



Виктор Михайлович Арнаутов вернулся в Мариуполь через сорок с лишним лет после того, как он - выпускник Мариупольской Александровской мужской гимназии - покинул отчий дом.

О том, как он прожил эти четыре десятилетия, можно прочесть в двух изданиях книжки "Жизнь заново". Она написана с его слов. Наверное, что-то присочинили, а что-то опустили, но главные вехи его жизненного пути все же в ней обозначены.

Учеба в Елисаветградском кавалерийском училище, первая мировая война, служба в белой армии, отступление на восток, к Омску, переход российско-китайской границы, мытарства в Харбине, занятия в художественной студии "Лотос". Потом были переезд в Мукден, встреча с Лидией Васильевной Блонской - дочерью генерала, выброшенного, как и он, Арнаутов, кровавым валом революции и гражданской войны за пределы родной земли. Встреча эта - вы догадались - закончилась браком, плодом которого стали сыновья Миша и Вася, родившиеся в Китае, и их младший брат Яша - судьбе было угодно, чтобы он появился на свет в Мексике.

В Китае Виктор Арнаутов - еще недавно боевой кавалерийский офицер - занимается выездкой лошадей на конном заводе своего тестя. Но его влечет совсем другое: он мечтает о живописи - зерна, брошенные некогда мариупольским учителем рисования Василием Петровичем Тарасовым, дали ростки и породили мечту стать профессиональным художником.

Эта мечта привела Арнаутова в 1925 году в Сан-Франциско, в Калифорнийскую школу изящных искусств. Именно в этой школе он увлекся фреской. Ему посоветовали отправиться в Мексику. Там работал уже в то время прославившийся на весь цивилизованный мир Диего Ривера.

Молодой художник помогает великому мастеру расписывать стены дворца в Куэрнаваке, национального дворца в столице Мексики. Арнаутов прошел рядом с Риверой путь от растиральщика красок и штукатура до живописца и понял, что время ученичества закончилось.

Он возвращается в Сан-Франциско, делает уже самостоятельно росписи, занимается графикой. В конце тридцатых

годов Виктор Михайлович приступает к преподаванию на факультете искусства и архитектуры Станфордского университета.

Знал ли он тогда, что в то самое время в Мариуполе был арестован и расстрелян энкаведистами тишайший отец Михаил - его отец? Знал ли он тогда, что умерла от горя и унижений его мать? Тогда, наверное, не знал.

Через неделю после нападения гитлеровцев на Советский Союз в Сан-Франциско эмигранты - выходцы из России - собрались на митинг. Они решили создать Русско-американское общество по оказанию помощи Красной Армии, а его председателем избрали художника и педагога Виктора Арнаутова.

Виктор Михайлович и его жена Лидия Васильевна с головой уходят в общественную работу, организовывают собрания, собирают средства на вооружение и продовольствие для истекающего кровью Отечества.

Война закончилась, а деятельность Общества не прекратилась. Не всем в США это нравилось, тем более, что в своем творчестве художник Арнаутов все больше и больше обращается к остросоциальным проблемам: борьбе рабочих за свои права, безработице, положению "цветных" в Америке... Град угроз и неприятностей свалился на Арнаутова после его участия в одной из выставок с карикатурой на Ричарда Никсона, который в будущем стал президентом США, чья президентская карьера, как известно, закончилась скандалом.

Более сорока лет жизни прошло на чужбине, было все: и отчаяние, и борьба за выживание, но были и успех, и признание, наконец, был достаток. И все же тоска по родине ни на минуту не оставляла нашего земляка.

Здесь прервем наше повествование и дадим слово Маргарите Михайловне Астаховой: "В 1961 году мы с братом получили сообщение, что наш дядя - родной брат нашей мамы - Виктор Михайлович Арнаутов с женой приезжают в Советский Союз. Им разрешили приехать на родину в качестве туристов, но не в Мариуполь, закрытый для въезда иностранцев, а в Донецк. Мама наша в то время была тяжело больна и,в Донецк на встречу с дядей поехали я и мой брат Владимир. Там, в Донецке, Виктор Михайлович сказал, что он все документы послал в Москву с просьбой разрешить вернуться в Союз для постоянного жительства. Я не удержалась, стала отговаривать: "У нас вам будет хуже, чем в Америке, здесь совсем другие условия". А в ответ услышала: "Зато я буду дома".

Прилетев в Сан-Франциско, чета Арнаутовых стала готовиться к возвращению на Родину. Но, видно, не судилось Лидии Васильевне вновь увидеть родную землю. Осенью шестьдесят первого года она попала в автомобильную катастрофу и вскоре скончалась от полученных в ней травм. Внезапно наступившее одиночество еще больше укрепило решение Виктора Михайловича ехать домой...

В 1963 году Арнаутов приехал в Мариуполь. Об этом времени Маргарита Михайловна вспоминает так: "Жили мы тогда в Днепропетровском переулке, квартира была на первом этаже, темная, неудобная. Мы освободили для дяди Вити спаленку, там он сложил большой свой багаж, в основном все это были картины. Часто я говорила: "Вот видите, дядя Витя, вы здесь никогда не будете иметь то, что имели в Америке". Он же всегда отвечал одно и то же: "Зато я на родине, зато я в родном городе, я дома".

С шестьдесят пятого года жизнь Виктора Михайловича

наполнилась новым смыслом. Во время поездки в Ленинград он познакомился с искусствоведом Нонной Владимировной Талепоровской и вскоре соединил с ней свою судьбу.

Нужно отдать должное местным художникам и городским властям. Для Арнаутова они сделали все, что было в их силах: в панельном доме на вновь отстроенной улице Лавицкого ему выделили двухкомнатную квартиру-"трамвайчик", обеспечили работой - всем известное в Мариуполе панно на Доме связи Виктор Михайлович выполнил вместе с мариупольским художником Григорием Пришедько. Затем ему был дан большой заказ на оформление интерьера аэровокзала. Виктор Михайлович вспоминал Виктора Павлюка с большой признательностью за его помощь в создании этого монументального произведения.

В памяти мариупольских художников Арнаутов оставил неизгладимый след. Художник Валентин Константинович Константинов рассказывал: "Всегда вспоминаю первую встречу с Виктором Михайловичем. Заходит элегантный мужчина и говорит:

- Я из Америки, художник Арнаутов Виктор Михайлович.

- Как из Америки?

Я подумал: неужели я ослышался? Тогда он повторил все сказанное еще раз.

- Куда же вы приехали, Виктор Михайлович? Это же дико! Что здесь вам делать?

Он был смущен этой тирадой, услышанной из уст члена правления Союза художников.

Запомнилась и последняя встреча. Виктор Михайлович показывал и комментировал диапозитивы своих росписей. Это был удивительный вечер. Методично, шаг за шагом, он

делал анализ каждого из произведений. Да, это был маэстро!".

А вот воспоминания еще одного художника - Леля Николаевича Кузьминкова: "Если говорить об Анаутове как о монументалисте, то для него не был свойственен тот пафос, который выражен, например, знаменитой мухинской скульптурой "Рабочий и колхозница". Он был сторонником более сдержанной, глубокой подачи образа.

Несмотря на то, что Виктор Михайлович был профессором, мастером рисунка, превосходным графиком, он вместе с нами занимался студийным рисованием с натуры.

Что еще было характерно в его творчестве? Вот его знаменитая "Безработная мать". Для кого-нибудь это был бы обыкновенный рисунок с натуры. А он сумел и из этого сделать картину.

Он всегда мог ненавязчиво, мудро дать совет, передать знания, накопленные за время своей большой жизни в искусстве".

Если верить книге "Жизнь заново", Арнаутов был счастлив, вернувшись в Мариуполь. Но вернулся-то он не в тот город, в который стремился. Дом, где прошло его детство, сожгли немцы. Теперь на его месте стояло незнакомое строение. Исчезли церкви, на месте живописных лугов торчали трубы металлургического завода... И можно лишь представить, с какой горечью он слушал рассказ близких о мученической кончине своего отца, о страданиях матери. Сестру свою он тоже не застал в живых. Был ли он счастлив?

1996 г.

наполнилась новым смыслом. Во время поездки в Ленинград он познакомился с искусствоведом Нонной Владимировной Талепоровской и вскоре соединил с ней свою судьбу.

Нужно отдать должное местным художникам и городским властям. Для Арнаутова они сделали все, что было в их силах: в панельном доме на вновь отстроенной улице Лавицкого ему выделили двухкомнатную квартиру-"трамвайчик", обеспечили работой - всем известное в Мариуполе панно на Доме связи Виктор Михайлович выполнил вместе с мариупольским художником Григорием Пришедько. Затем ему был дан большой заказ на оформление интерьера аэровокзала. Виктор Михайлович вспоминал Виктора Павлюка с большой признательностью за его помощь в создании этого монументального произведения.

В памяти мариупольских художников Арнаутов оставил неизгладимый след. Художник Валентин Константинович Константинов рассказывал: "Всегда вспоминаю первую встречу с Виктором Михайловичем. Заходит элегантный мужчина и говорит:

- Я из Америки, художник Арнаутов Виктор Михайлович.

- Как из Америки?

Я подумал: неужели я ослышался? Тогда он повторил все сказанное еще раз.

- Куда же вы приехали, Виктор Михайлович? Это же дико! Что здесь вам делать?

Он был смущен этой тирадой, услышанной из уст члена правления Союза художников.

Запомнилась и последняя встреча. Виктор Михайлович показывал и комментировал диапозитивы своих росписей. Это был удивительный вечер. Методично, шаг за шагом, он

делал анализ каждого из произведений. Да, это был маэстро!".

А вот воспоминания еще одного художника - Леля Николаевича Кузьминкова: "Если говорить об Анаутове как о монументалисте, то для него не был свойственен тот пафос, который выражен, например, знаменитой мухинской скульптурой "Рабочий и колхозница". Он был сторонником более сдержанной, глубокой подачи образа.

Несмотря на то, что Виктор Михайлович был профессором, мастером рисунка, превосходным графиком, он вместе с нами занимался студийным рисованием с натуры.

Что еще было характерно в его творчестве? Вот его знаменитая "Безработная мать". Для кого-нибудь это был бы обыкновенный рисунок с натуры. А он сумел и из этого сделать картину.

Он всегда мог ненавязчиво, мудро дать совет, передать знания, накопленные за время своей большой жизни в искусстве".

Если верить книге "Жизнь заново", Арнаутов был счастлив, вернувшись в Мариуполь. Но вернулся-то он не в тот город, в который стремился. Дом, где прошло его детство, сожгли немцы. Теперь на его месте стояло незнакомое строение. Исчезли церкви, на месте живописных лугов торчали трубы металлургического завода... И можно лишь представить, с какой горечью он слушал рассказ близких о мученической кончине своего отца, о страданиях матери. Сестру свою он тоже не застал в живых. Был ли он счастлив?

1996 г.

Доктор Трандафилов

Харлампий Трандафилов окончил Мариупольскую мужскую гимназию в 1910 году. По тем временам для крестьянского сына такого образования было более чем достаточно. Но Харлампий решил учиться дальше, хотя и понимал, что помощи от семьи, где кроме него еще было одиннадцать душ детей, не получит.

Он поехал в Одессу, поступил на медицинский факультет тамошнего университета. Можно только предполагать, в какой нужде пришлось ему жить. В год окончания университета началась мировая война. Молодого лекаря Трандафилова мобилизовали в армию. С декабря четырнадцатого года он - младший врач второго уланского Курляндского

полка. В шестнадцатом году его назначают ординатором госпиталя в Свеаборгской крепости. Там он познакомился с сестрой милосердия Екатериной Иверсен, которая за пару лет до этого получила после окончания гимназии в Петербурге свидетельство домашней учительницы. Как часто это бывает в жизни, дружба молодых людей переросла в любовь.

В августе семнадцатого года Харлампий и Екатерина были повенчаны в Успенском соборе Гельсинфорса, так назывался в то время город Хельсинки. С той поры они вместе. Работали в лазаретах Красной Армии в годы гражданской войны, в лечебных учреждениях Новочеркасска, Ростова-на-Дону, станции Миллерово, Клинцов на Брянщине, Джанкоя. Наконец, в 1929 году чета Трандафиловых переезжает в Мариуполь - город, где прошла юность Харлампия Михайловича.

Некоторое время они работают в портовской больнице, а в начале 1930 года, когда на левом берегу Кальмиуса развернулось строительство завода "Азовсталь", Харлампия Трандафилова - к тому времени опытного врача - назначают заведующим хирургическим отделением больницы нового предприятия. Именно в этом отделении им был разработан новый оригинальный метод лечения ожогов.

Когда гитлеровцы напали на Советский Союз, хирургу Трандафилову перевалило за пятьдесят, тем не менее на восьмой день после объявления войны его призвали в армию. Военврач II ранга, позже майор медицинской службы Трандафилов дни и ночи проводит в операционных и палатах военных госпиталей. Кто-то подсчитал, что за годы Великой Отечественной войны им было сделано более трех тысяч операций. И все это время рядом с ним была опера-

ционная сестра Екатерина Максимилиановна - его жена. За спасение раненых бойцов и офицеров Красной Армии Харлампий Михайлович был награжден орденом Отечественной войны I степени, а его жена - орденом Красной Звезды.

Война окончилась. Трандафиловы возвращаются в Мариуполь, в ту же больницу на Правом берегу, откуда они в сорок первом году ушли на фронт. В этой больнице Харлампию Михайловичу довелось работать почти тридцать лет: и заведующим отделением, и главным врачом, и врачом-ординатором. И не было года, чтобы его работа не отмечалась благодарностями, грамотами, поощрительными записями в трудовую книжку.

Он оставил работу, когда ему исполнилось 82 года, а до этого времени, будучи пенсионером с большим "стажем", консультировал больных, делился с коллегами своим огромным опытом. Правда, последние годы не оперировал - возраст давал о себе знать.

Харлампий Михайлович был человеком скромным, несмотря на заслуги и известность блестящего хирурга, почти всю жизнь прожил в доме, где не было элементарных бытовых удобств, он наотрез отказывался от всяческих чествований и славословий в свой адрес.

Вот что рассказала о том, каким он был дома, его дочь - Наталия Харлампиевна:

"Он приходил с работы и обязательно рассказывал о своих больных. И мы знали их фамилии, и все переживали за них. Обладая огромным опытом, тем не менее он к каждой операции готовился, конечно, если она была плановой. Он был ургентным хирургом, и его часто вызывали ночью. И не было случая, чтобы он отказался. А ведь машин тогда не

было и везли его на Правый берег на дрожках спасать больного.

Папа прекрасно знал немецкий язык и немецкую медицинскую литературу читал в оригинале. В шахматы обожал играть. Это было, пожалуй, единственным его развлечением. Он умел себя держать. Волновался, как мама говорила, перед операцией, но во время ее был совершенно спокоен. Обладал необыкновенным чувством юмора и мог развеселить даже очень тяжелых больных".

Таким был доктор Трандафилов, один из замечательных мариупольских врачей.

1998 г.

Доктор Калогномос

Не шибко грамотные мариупольские обыватели произносили фамилию некогда знаменитого в Мариуполе и близлежащих селах врача как КОлогномУс. Почему так случилось, понять трудно. Ведь сотни, если не тысячи пациентов и их родственников держали в руках выписанные им рецепты, заверенные его личной печатью, на оттиске которой можно было прочесть надпись: "Врач ДИомид Фотиевич КАлогномОс".

Нужно сказать, что имя, фамилия, а иногда и отчество мариупольского врача многократно искажались не только в устной речи, но и в письменной: в различных официальных и полуофициальных документах и справках послереволюционного времени. Ошибки в этом плане были допущены даже в некрологах. 3 сентября 1966 года - на следующий день после кончины Диомида Фотиевича - в "Приазовском рабочем" было опубликовано соболезнование такого содержания: "Семья Кирилловых глубоко скорбит по поводу смерти старейшего врача и друга КОлогномоса Демьяна Фотиевича...". 4 сентября в той же газете - еще один печальный текст по тому же поводу: "Коллектив горбольницы № 3 скорбит по поводу смерти старейшего врача КологномУса Демьяна Фотиевича...".

Как видите, и друзья, и коллеги довольно "свободно" обходились с начертанием фамилии доктора Калогномоса. Что же касается "непаспортного" Демьяна, то действительно, именно так называли его в узком кругу близких людей, а он не возражал...

Несмотря на то, что Д.Ф. Калогномос покинул бренный мир более трех десятилетий назад, фамилию его нет-нет да и услышишь от старожилов, да и не только старожилов, когда речь заходит о прошлом нашего - по определению митрополита Игнатия - благополучного города Мариуполя.

Заметим, сегодня осталось не так уж много мариупольцев, которые хотя бы один раз видели Диомида Фотиевича, еще меньше тех, кого он лечил, и уж совсем единицы знакомых с ним близко. Поэтому чаще всего - таковы законы теории вероятностей - можно услышать воспоминания о докторе Калогномосе от знавших его лишь понаслышке, эти при случае обязательно вам расскажут о приверженности известного врача к пиву, может быть, добавят к этому какой-нибудь курьезный случай из его жизни. На этом все "сведения" и заканчиваются.

Обидно, что чем дальше мы отдаляемся от времени, когда врачевал Диомид Фотиевич, тем в большей степени главное дело его жизни - исцеление детей и взрослых тоже - уступает место различного рода байкам и сомнительного свойства историям. Одна из них попала даже на страницы прессы.

В марте 1999 года еженедельник "Аргументы и факты. Украина" опубликовал на одной из своих страниц заметку "Сердце красавицы". Краткое содержание этой заметки таково. В первую мировую войну некий врач родом из Мариуполя, штабс-капитан Дмитрий Иванович КОлАгномУс (именно так напечатана фамилия), находился в рядах русских войск, которые вот-вот должны были покинуть Краков. По неведомой причине оказавшись в помещении, где хранились коллекции Ягеллонского (Краковского) университета, любознательный штабс-капитан медицинской службы за-

метил солдат, намеревавшихся выпить спирт из сосуда, а его содержимое - человеческое сердце - выбросить. Врач немедленно отобрал у мародеров сосуд, прочитал надпись, и ему стало ясно: перед ним не что иное, как сердце... Марины Мнишек. Тут же были предприняты экстренные меры. Наш земляк заполнил сосуд формалином, приклеил этикетку, на которой по-латыни сделал надпись, кому принадлежит отторгнутое от тела сердце, кто, когда и какой жидкостью залил сосуд, добавив по-русски "Яд". Так была спасена для будущих поколений реликвия польского народа. Кто такая Марина Мнишек, надеемся, читателям объяснять не нужно.

Мариупольские газеты вскорости перепечатали этот материал. Одна - слово в слово, другая - в сокращении, но зато с пространными комментариями.

Заметка как заметка. Удивляет лишь тот факт, что ни в редакции "АиФ", ни при перепечатке у нас в городе никто не обратил внимания на, мягко выражаясь, исторические и фактические неточности.

Начнем с того, что врач родом из Мариуполя не мог находиться, а затем отступать в составе русских войск из Кракова по той простой причине, что царская армия в первую мировую войну не занимала Краков, входивший в ту пору, кстати говоря, в состав Австро-Венгерской империи. Правда, взятие этого города намечалось осуществить в ходе Галицийской битвы (6 августа - 13 сентября 1914 г.) и Варшавско-Ивангородской операции (15 сентября - 26 октября 1914 г.). Намечалось, но не осуществилось (см., например, "Историю первой мировой войны", том I, "Наука", М., 1972).

Но, может, история с сердцем красавицы случилась не в Ягеллонском, а в каком-нибудь другом польском или ином

университете? Однако прежде, чем приступать к поиску этого университета, стоит, наверное, задаться вопросом: а сохранялось ли вообще сердце Марины Мнишек?

Позволим себе привести пространную цитату из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (том XIXA, СПб, 1896, с. 546). "Подступившее к Москве земское ополчение заставило бежать М. Мнишек сначала в Рязанскую землю, потом в Астрахань, наконец, вверх по Яику (Уралу). У Медвежьего острова она была настигнута московскими стрельцами и, скованная, вместе с сыном доставлена в Москву (июль 1614 г.). Здесь четырехлетний ее сын был повешен, а она, по сообщению русских послов польскому правительству, "умерла с тоски по своей воле", по другим источникам, она повешена или утоплена".

Итак, смерть Марины Мнишек - этот факт никто из историков не оспаривает - наступила в плену. В плену, в России, только-только приходившей в себя от событий "смутного времени", России начала XVII века, где царили невежество и мракобесие (чего стоит удушение безгрешного четырехлетнего мальчика?). Кто бы позволил в таких условиях сделать вскрытие трупа, пусть даже преступницы? А ведь без этой процедуры сердце не извлечешь. И все же, может, несмотря на жестокие нравы, посмертные вскрытия в ту пору в Российском государстве производились? Нет, говорят специалисты. Препарирование трупов начали делать только при Петре I.

Получается, что благородный поступок мариупольский врач совершил не в Кракове и спасал от поругания сердце не Марины Мнишек. Тогда чье же и в каком городе?

Вместе с тем близкие родственницы доктора Калогномоса Светлана Викторовна Алтухова, которой довелось про-

жить много лет в его семье, и Людмила Сергеевна Алавердова утверждают: да, историю о спасении сердца Марины Мнишек они слышали - и не один раз - из уст дяди Демы, для них Диомид Фотиевич был просто дядей.

Где же истина?

Зная веселый нрав и склонность Диомида Фотиевича к розыгрышам, можно предположить, что он рассказывал родственникам и знакомым некое подобие анекдота, поместив в центр сюжета самого себя.

Что же касается заметки "Сердце красавицы", опубликованной в "АиФ. Украина", то ее происхождение очевидно. О событиях, изложенных в ней, ее автору поведал кто-то из жителей нашего города. На это указывает типично "мариупольская" интерпретация фамилии ее героя - КОлАгномУс.

Интересно, что существует еще одно изустное сказание о чудесном спасении польской реликвии. Только в нем это событие отнесено к периоду Великой Отечественной войны, в роли же "спасителя" - теперь уже сердце Фредерика Шопена - фигурирует советский военный врач, что же касается фабулы повествования, то она полностью повторяет историю с сердцем Марины Мнишек. Возможно, подобного рода байка не одно десятилетие кочует в среде врачей.

Однако оставим изучение этой легенды фольклористам и историкам, а сами с помощью воспоминаний современников и дошедших до наших дней документов попытаемся воссоздать жизненный путь мариупольского врача, оставившего заметный след в истории города.

Племянник Диомида Фотиевича - заслуженный деятель физкультуры РФ Виктор Иванович Калогномос, будучи в сентябре 1996 года в Мариуполе на отдыхе, рассказал о своей семье следующее. Его дед Фотий Калогномос при-

ехал в наш город из Константинополя, нужно думать, в семидесятых годах XIX века. У него было два сына - Иван и известный нам Диомид, а также дочери Екатерина, Марфа, Анастасия и Евпраксия. Все дети Фотия окончили мариупольские гимназии, воспользовавшись правом прямых наследников иностранца, принявшего российское подданство, на получение образования за казенный счет.

Иван Калогномос, став обладателем аттестата зрелости - так назывался в описываемые времена документ о прохождении полного курса в классической гимназии, - устроился работать агентом, мы бы сказали, представителем, известной хлеботорговой фирмы "Дрейфус и сыновья". Сферой деятельности Ивана Фотиевича был Мариупольский уезд.

Дочери бывшего константинопольского жителя, принятого в подданство русского царя, стали учительницами. О двух из них есть документальные свидетельства об их педагогической деятельности. В отчете Мариупольской уездной земской управы за 1905 год среди учителей Игнатьевской школы (она находилась на Карасевке) значится Екатерина Фотиевна, там же указано: преподаванием она начала заниматься с 1890 года. А в подобном отчете за 1902 год упомянута Марфа Фотиевна, помощник учителя Екатерининской городской школы...

Наконец настало время обратиться к жизнеописанию главного героя нашего повествования. Итак, Диомид Фотиевич Калогномос родился в Мариуполе 22 апреля 1884 года.

В каком году он отправился в Киев, когда поступил на медицинский факультет университета св. Владимира, сколько лет учился там, нам установить не удалось. Но сохранилось нотариально заверенная копия временного сви-

детельства, которым констатируется: его предъявитель - Д.Ф. Калогномос - "в Медицинской испытательной комиссии при Императорском университете св. Владимира 18 сентября 1916 года удостоен степени лекаря". В этом документе также было сказано, что выдан он на 8 месяцев, а по истечении этого срока должен быть заменен дипломом. Таковы были правила.

Диомид Фотиевич университетский диплом так и не получил: шла империалистическая война, он был призван в армию и служил младшим врачом 275-го пехотного Лебединского полка, затем произошли революции - Февральская и Октябрьская, гражданская война, были упразднены испытательная медицинская комиссия, Киевский учебный округ и его канцелярия, где должна была произойти выдача диплома. Однако, как показали последующие события, Калогномос вполне обошелся временным свидетельством, которое оказалось постоянным...

С большой степенью вероятности можно считать сроком демобилизации Диомида Фотиевича из армии декабрь 1917 года. Нужно думать, именно тогда он вернулся в Мариуполь.

В 1918 году Калогномос был назначен в село Мангуш районным общественным врачом по ликвидации эпидемии "испанки" - так называли известный нам грипп. В 1919 году ему довелось служить в Сануправлении Мариуполя, оттуда ушел добровольцем в Красную Армию и был зачислен врачом во 2-й кавалерийский полк Первой конной армии Буденного.

Демобилизовался Диомид Фотиевич в 1921 году. Он стал работать участковым врачом сначала в Старой Карани, а затем в Мангуше. В родной город он вернулся в 1923 году и был направлен в тюремную больницу на должность врача, где прослужил до 1931 года.

В трудовой книжке значится: Д.Ф. Калогномос с 12 марта 1931 года по 8 октября 1941 года занимал должность районного врача 1-й мариупольской городской поликлиники, в той же должности он работал в городской больнице №3 с 14 сентября 1943 года и до ухода на пенсию 16 июня 1961 года. Нет, врач не поменял после войны лечебное учреждение, лечебное учреждение поменяло номер.

Несмотря на большой и заслуженный авторитет среди своих коллег и всеобщее признание его искусства врачевания у пациентов, как мы видим, Диомид Фотиевич никогда не занимал даже маленьких руководящих постов.

Оставив на время повествование о, как принято говорить казенным языком, производственной деятельности, попробуем хотя бы пунктиром обозначить личную жизнь доктора Калогномоса.

В начале двадцатых годов молодой врач, но уже вполне зрелого возраста человек женился на Надежде Васильевне Бахаловой, внучке Антона Анастасьевича Бахалова, очень состоятельного мариупольского купца, владельца нескольких шикарных по провинциальным меркам магазинов, гласного городской думы. Разница в возрасте молодоженов составляла пятнадцать лет. Наденька Бахалова слыла первой мариупольской красавицей и, по свидетельству людей, знавших ее, оставалась ею до преклонных лет. Тесть выделил молодой чете домик в глубине бахаловского подворья, адрес которого известен: Итальянская улица, 33. В 1922 году у Диомида Фотиевича и Надежды Васильевны родился сын Ювеналий, которого стали называть в семье, да и не только в семье, Наликом. Налик был единственным сыном, а потому - предметом родительского обожания и безмерной любви. Он закончил в июне сорок первого года десять

классов в третьей школе, которая помещалась тогда в здании бывшего реального училища. Это трехэтажное красно-кирпичное здание и сейчас стоит на углу Николаевской и Торговой улиц.

Нужно ли напоминать читателям о дате начала Великой Отечественной войны? Вскоре после ее объявления Налик Калогномос, как и абсолютное большинство его сверстников, был призван в армию. Можно только представить, какие чувства тревоги и страха испытывали родители, когда провожали Ювеналия на фронт...

8 октября 1941 года Мариуполь заняли немцы. Калогномосы из города не эвакуировались. Ни в одну из действовавших во время оккупации больниц Диомид Фотиевич работать не пошел. Отговорка простая - возраст. В ту пору он перевалил за пятидесятисемилетний рубеж.

Диомид Фотиевич занялся частной медицинской практикой. А практика эта оказалась большой. Военнообязанные врачи были призваны в армию, какое-то количество не входивших в эту категорию эвакуировалось, все врачи-евреи, оставшиеся в Мариуполе, в том числе один из ближайших его коллег - доктор Эрбер, были расстреляны на Агробазе. Диомид Фотиевич продолжал лечить детей и взрослых. Лечил, когда не хватало лекарств самых элементарных. В ход шли и так называемые народные средства. Люди оплачивали его врачевание тем, что имели: несколькими горстями кукурузы, полдюжиной яиц, рыбиной или другой снедью. Если врач видел, что семья больного уж очень бедствует, он "гонорар" вовсе не брал...

5 сентября 1943 года на улицах Мариуполя был расклеен приказ фельдкоменданта города генерала Гофмана, которым предписывалось населению уходить на запад вместе

с немецкими войсками. Диомид Фотиевич решил не испытывать судьбу, собрал самые необходимые пожитки и вместе с Надеждой Васильевной направился к своему давнему другу, знаменитому уже в те годы хирургу Спиридону Феофановичу Кириллову, в ильичевскую больницу. Под прикрытием знака "Красного креста", рискуя каждую минуту быть расстрелянными, они вместе с персоналом этого лечебного учреждения дождались прихода в Мариуполь Красной Армии.

Калогномосы заторопились домой. Они пробирались по улицам, знакомым с детства, и не узнавали их. Из остовов домов то тут, то там поднимался дым от догорающих головешек. Наконец достигли Итальянской; увы, вместо их дома осталось пожарище.

Вскоре семья врача сняла небольшую квартиру в частном доме по адресу: улица Энгельса,21.

Как это ни странно, в первые же дни после освобождения города начала работать почта. Многие мариупольцы получали письма и с фронта, и с территорий, не занятых оккупантами. А от Налика вестей не было. Лишь многие годы спустя семья, потерявшая самое дорогое в жизни, получила уведомление: "Ваш сын - рядовой Калогномос Ювеналий Диомидович, 1922 года рождения, уроженец г. Мариуполя, находясь на фронте, пропал без вести 3 ноября 1943 года".

Еще не зная о судьбе сына, в первые дни изгнания гитлеровцев из города доктор Калогномос отдал в фонд обороны свою самую ценную вещь - массивные золотые часы...

Диомид Фотиевич стоически перенес гибель сына, во всяком случае, внешне. Продолжал объезжать на линейке больных по вызовам, после основной работы в поликлини-

ке к нему почти каждый день кто-нибудь обращался с просьбой посмотреть захворавшего ребенка или звал к тяжелобольному взрослому. Он никому не отказывал...Как и прежде, вечерами погружался в чтение медицинских журналов и книг. Как и прежде, дом Калогномосов был открыт для друзей.

В числе их были уже упоминавшийся Спиридон Феофанович Кириллов, хирург Харлампий Михайлович Трандафилов, травматологи Александр Миронович Фролов и Валерия Николаевна Ширяева, акушер-гинеколог Борис Алексеевич Инжечек, другие светила мариупольской медицины той эпохи.

Их встречи, их общение не были только приятным времяпрепровождением близких по духу людей, они были и своеобразным обменом опытом, обсуждением сложных случаев их медицинской практики...

Лекарские способности доктора Калогномоса проявились уже в двадцатые годы. Нередко на Итальянской улице у двора, где он жил, можно было увидеть телеги, линейки, возки. На них приезжали жители близлежащих сел, чтобы или им самим, а чаще их детям мариупольский врач оказал помощь.

И сейчас можно встретить старожилов нашего города, которых Диомид Фотиевич вылечил в младенчестве - кого от краснухи, кого от осложненно протекающей кори или другой хворобы. И неизменно от каждого из этих людей приходилось слышать фразу такого содержания: "От мамы я слышал, что Калогномос спас в детстве мне жизнь".

В.А.Кочеткова, родители которой длительное время соседствовали с домом, где жил после войны Диомид Фотиевич, вспоминая детство, рассказала о том, как он поставил

на ноги ее маму, перенесшую тяжелый инфаркт миокарда, как лечил все их семейство от болезней, в наше время потребовавших бы участия полдюжины врачей разных специальностей.

Попутно скажем: доктор Калогномос отнюдь не был человеком, исключительно погруженным в медицину. Он был великолепным рассказчиком, обладал чувством юмора, писал стихи. Эрудиция его во многих областях знаний была обширна.

Диомида Фотиевича довольно часто приглашали его коллеги на консилиумы. В таких случаях, осмотрев больного, врачи обменивались мнениями, пользуясь латинским языком, с одной стороны, чтобы лишний раз не волновать пациента и его близких, а с другой - не поставить в неловкое положение лечащего врача, если он ошибся в диагнозе или наметил неверную тактику исцеления от недуга...

В декабре 1944 года Д.Ф. Калогномос оформил пенсию по старости, но продолжал работать в городской поликлинике до июня 1961 года, к этому времени ему исполнилось 77 лет. Незадолго до этого чета Калогномосов,как родители погибшего воина,получила собственную квартиру в доме №14 по улице Коммунальной (теперь она носит имя профессора Казанцева).

Последние пять лет жизни старый мариупольский врач тяжело болел, его мучил диабет, на почве этой хворобы он практически ослеп.

2 сентября 1966 года его не стало.

2000г.

Борис Торговицкий

Времени было угодно сохранить для будущих поколений пол-листика пожелтевшей бумаги, на одной стороне которой отпечатан приказ наркома Тевосяна № 275 от 10 сентября 1943 года о возобновлении деятельности завода "Азовсталь" и о назначении П.И. Когана его директором, а И.Н. Романько - главным инженером.

Им и еще одиннадцати специалистам - их фамилии оттиснуты на обратной стороне приказа - предписывалось проверить состояние предприятия и в двухнедельный срок представить в наркомат предложения "о порядке, сроках и очередности восстановления завода".

Внимательный читатель, вероятно, заметил, что приказ №275 подписан в день освобождения Мариуполя от немецко-фашистских захватчиков. Через день после этого события рано утром 12 сентября тринадцать азовстальцев, упомянутых в приказе наркома, стояли на площадке у обгорелого остова бывшего заводоуправления. Среди них был и Борис Самойлович Торговицкий.

Директору не пришлось тратить время на распределение обязанностей. Каждый знал, чем ему предстоит заниматься: Шаповалову и Валуеву - восстанавливать энергетическое хозяйство, Валенко - заводской транспорт, Кочеткову - доменный, а Лепорскому - мартеновский цех, Торговицкому - организовать бухгалтерский учет.

К работе приступили, не теряя ни минуты. В этот же день на площадку стали сходиться азовстальцы, пережившие оккупацию. Борис Самойлович увидел среди них несколько

женщин, с которыми довелось ему работать еще до эвакуации. С ними-то он и занялся инвентаризацией уцелевшего имущества завода. Так началась деятельность Б.С. Торговицкого на посту главного бухгалтера "Азовстали", которая продолжалась десять лет.

За этот период времени при его непосредственном и активном участии практически с нуля был воссоздан надлежащий учет материальных и денежных средств одного из крупнейших металлургических заводов страны. Четкая работа бухгалтерии - а она проходила в невероятно тяжелых условиях, когда не хватало самого необходимого, когда голодали люди, - сыграла не последнюю роль в восстановлении завода...

Это в наши дни профессия бухгалтера стала популярной и в чем-то даже престижной, а в прошлом ее приобретали, скорее, в силу сложившихся обстоятельств, чем по призванию. Впрочем, для некоторых людей она постепенно превращалась в дело интересное, дело всей жизни. Так случилось и с героем нашего повествования.

Борис Торговицкий родился в 1893 году в Мариуполе, в семье, где, как говорил классик, было много детей и мало достатка. Его отец - грузчик и возчик на хлебных ссыпках - хоть и трудился на хозяев от зари до зари, так и не обзавелся ни собственной лошадью, ни собственной телегой, ни тем более собственным домом. Впрочем, заработка хватало на пропитание, аренду жилья - небольшой саманной хатенки на Фонтанной улице, на покупку кое-какой одежонки и даже на оплату учебы Бориса.

Большой удачей в семье считалось, что старший сын Рафаил обучился сапожному ремеслу и мог обеспечить себя хлебом насущным, а Борис успешно окончил в 1910 году

шесть классов реального училища Гиацинтова и одновременно Санкт-Петербургские заочные бухгалтерские курсы. Борису хотелось учиться и дальше, поступить в университет, стать врачом или адвокатом, но для этого надо было иметь по меньшей мере документ об окончании гимназии, иначе к приемным испытаниям не допускали. Ему удалось экстерном сдать экзамены за шесть из восьми классов этого учебного заведения, но на полный курс не хватило духу. Нужно было иметь деньги на репетиторов и время. А у Бориса не было ни того, ни другого. Пришла пора не только обеспечивать себя, но и помогать семье. В 1910 году его берут на должность счетовода в Общество взаимного кредита - некое подобие известной нашим современникам кассы взаимопомощи...

В 1914 году, как известно, началась империалистическая война. Братья Торговицкие по повесткам явились на призывной пункт, там они прошли медицинскую комиссию, Бориса признали негодным для воинской службы из-за прогрессирующей близорукости, Рафаила же отправили в действующую армию. Ему пришлось участвовать во многих кровопролитных сражениях, в одном из них немцы применили боевые газы. Рафаил отравился, но выжил. Последствия перенесенной газовой атаки сказались позже. Поврежденные легкие не выдержали атаки бациллы Коха: Рафаил умер сравнительно молодым от туберкулеза - болезни, в прежние времена практически неизлечимой.

В год начала мировой войны ушел из жизни глава семьи Торговицких. Рафаил был на фронте. Теперь все заботы о матери и сестрах легли на плечи Бориса. Он много и упорно работал в Обществе взаимного кредита, члены правления которого оценили усердие молодого сотрудника и вскоре

назначили его заместителем главного бухгалтера. Тогда ему едва исполнилось двадцать лет.

На этой должности Бориса Торговицкого застали Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война. Декретом советского правительства все частные банки и их отделения на всем пространстве бывшей Российской империи национализировались. Для выполнения этой акции в нашем городе Мариупольский окружной финансовый отдел выбрал из множества местных счетных работников молодого, но уже пользовавшегося авторитетом, грамотного и добросовестного бухгалтера Бориса Торговицкого. Часть 1920-го и почти весь 1921 год он работал в ликвидационной комиссии.

Потом ему пришлось по разным причинам сменить несколько организаций. А с 1934 года судьба связала его с Южной Магниткой. Именно с этого времени Борис Самойлович начал трудиться в качестве заместителя заведующего расчетно-финансовой бухгалтерией строительства "Азовстали", преобразованной позже в бухгалтерию завода.

Он был доволен собой: к своим сорока восьми годам достиг солидного служебного положения, вполне обеспечил семью материально, Сима, его старшая дочь, стала студенткой Московского химико-технологического института им. Менделеева, младшая, Дора, успешно училась в школе и, нужно сказать, подавала хорошие надежды. Жизнь вошла в четкое, размеренное русло. В будни - работа допоздна. Зато утро выходного дня он посвящал чтению, а вечер - давнему своему пристрастию - музыке, если, конечно, жена в этот вечер не дежурила в аптеке. Эсфирь Давидовна была фармацевтом и работала посменно. Вот тогда супруги Торго-

шесть классов реального училища Гиацинтова и одновременно Санкт-Петербургские заочные бухгалтерские курсы. Борису хотелось учиться и дальше, поступить в университет, стать врачом или адвокатом, но для этого надо было иметь по меньшей мере документ об окончании гимназии, иначе к приемным испытаниям не допускали. Ему удалось экстерном сдать экзамены за шесть из восьми классов этого учебного заведения, но на полный курс не хватило духу. Нужно было иметь деньги на репетиторов и время. А у Бориса не было ни того, ни другого. Пришла пора не только обеспечивать себя, но и помогать семье. В 1910 году его берут на должность счетовода в Общество взаимного кредита - некое подобие известной нашим современникам кассы взаимопомощи...

В 1914 году, как известно, началась империалистическая война. Братья Торговицкие по повесткам явились на призывной пункт, там они прошли медицинскую комиссию, Бориса признали негодным для воинской службы из-за прогрессирующей близорукости, Рафаила же отправили в действующую армию. Ему пришлось участвовать во многих кровопролитных сражениях, в одном из них немцы применили боевые газы. Рафаил отравился, но выжил. Последствия перенесенной газовой атаки сказались позже. Поврежденные легкие не выдержали атаки бациллы Коха: Рафаил умер сравнительно молодым от туберкулеза - болезни, в прежние времена практически неизлечимой.

В год начала мировой войны ушел из жизни глава семьи Торговицких. Рафаил был на фронте. Теперь все заботы о матери и сестрах легли на плечи Бориса. Он много и упорно работал в Обществе взаимного кредита, члены правления которого оценили усердие молодого сотрудника и вскоре

назначили его заместителем главного бухгалтера. Тогда ему едва исполнилось двадцать лет.

На этой должности Бориса Торговицкого застали Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война. Декретом советского правительства все частные банки и их отделения на всем пространстве бывшей Российской империи национализировались. Для выполнения этой акции в нашем городе Мариупольский окружной финансовый отдел выбрал из множества местных счетных работников молодого, но уже пользовавшегося авторитетом, грамотного и добросовестного бухгалтера Бориса Торговицкого. Часть 1920-го и почти весь 1921 год он работал в ликвидационной комиссии.

Потом ему пришлось по разным причинам сменить несколько организаций. А с 1934 года судьба связала его с Южной Магниткой. Именно с этого времени Борис Самойлович начал трудиться в качестве заместителя заведующего расчетно-финансовой бухгалтерией строительства "Азовстали", преобразованной позже в бухгалтерию завода.

Он был доволен собой: к своим сорока восьми годам достиг солидного служебного положения, вполне обеспечил семью материально, Сима, его старшая дочь, стала студенткой Московского химико-технологического института им. Менделеева, младшая, Дора, успешно училась в школе и, нужно сказать, подавала хорошие надежды. Жизнь вошла в четкое, размеренное русло. В будни - работа допоздна. Зато утро выходного дня он посвящал чтению, а вечер - давнему своему пристрастию - музыке, если, конечно, жена в этот вечер не дежурила в аптеке. Эсфирь Давидовна была фармацевтом и работала посменно. Вот тогда супруги Торго-

вицкие наряжались в лучшие одежды и отправлялись в зимний театр на проспекте Республики или в Городской сад в театр летний, чтобы послушать концерт скрипача-виртуоза, столичного пианиста, а еще лучше - симфонический оркестр. Строгий и педантичный бухгалтер был страстным поклонником классической музыки.

Тот жизненный уклад, который многолетним трудом, ценою многих лишений, вопреки превратностям тогдашней исторической эпохи построил Борис Самойлович для себя и своей семьи, был разрушен в один день, по иронии судьбы - в день его рождения...

Воскресенье 22 июня 1941 года. Как только из репродуктора-"тарелки" прозвучали последние слова выступления В.М. Молотова о нападении Германии на Советский Союз, Торговицкий поспешил на завод...

К вечеру следующего дня из Днепродзержинска приехала Сима. Там она была на практике. Практику прервали, студентов отпустили по домам. Племянников Бориса Самойловича призвали в действующую армию, муж его сестры, Борис Берлин, ушел в ополчение. Сима устроилась работать на "Азовсталь". Сводки Совинформбюро становились все тревожнее. Прошло сто восемь дней войны.

Вечером 7 октября Борис Самойлович и Сима почти бегом возвратились с завода. Едва переступив порог, глава семейства велел жене и дочерям собрать самое необходимое в дорогу. На улице их ждал грузовик, в кузове которого уже сидели несколько семей работников "Азовстали". Погрузились и Торговицкие. Когда приехали на территорию завода, там уже было немало людей, приготовившихся к эвакуации. Никто не знал, как и когда будут покидать город.

Ночь провели в тревожном ожидании в бомбоубежище.

С утра 8 октября через завод на восток начали продвигаться небольшие группы красноармейцев. Усталые, многие с перебинтованными ранами. Создавалось впечатление, что двигались они каждый сам по себе. Среди азовстальцев прошел слух: немцы в городе.

Толпа двинулась к площадке, где стоял необычный поезд: к нескольким паровозам были прицеплены платформы с оборудованием и теплушки, наскоро приспособленные для перевозки людей. Спешно погрузились. Странный поезд двинулся, постепенно набирая скорость. На станции Сартана эшелон обстреляли вражеские пулеметчики. К счастью, никто из паровозных бригад и пассажиров не пострадал.

Долго, очень долго продвигался эшелон на Урал. Он пропускал воинские составы, спешившие на фронт, не раз попадал под бомбежки - особенно жестокие были на станции Иловайск и на подходах к Сталинграду. Наконец достиг Лысьвы - небольшого городка на Северном Урале, образовавшегося вокруг металлургического завода еще в середине XVIII века.

Торговицкий устроился работать бухгалтером в местный механико-металлургический техникум. В мае 1942 года по приказу наркомата его переводят в Добрянку, город, расположенный в нескольких десятках километров от Лысьвы, на металлургический завод, основанный еще графом Шереметевым, на должность главного бухгалтера. Именно с Добрянского завода его командировали в сентябре 1943 года в Свердловск, а затем, как об этом уже было сказано, в только что освобожденный от гитлеровцев Мариуполь.

Там, на Урале, Борису Самойловичу часто снился Мариуполь, его улицы с побеленными известью домами и цвету-

щими в начале лета акациями, небольшой, но такой уютный Городской сад с эстрадой-раковиной, на которой в летние вечера играл духовой оркестр, старый базар с рыбными прилавками, на которых, блестя серебристой чешуей, лежали обильные дары Азовского моря. Он тосковал по родному городу. Иногда ему казалось, что готов пешком идти домой.

И вот он в городе, где родился и прожил без малого полстолетия. То, что он увидел, нельзя было представить даже в кошмарном сне: удушливый запах гари стелился над тем, что раньше было домами, школами, больницами. Среди прокопченных стен тут и там еще тлели угли. Еще более ужасными были известия, которые ему поведали знакомые, пережившие оккупацию.

Слухи, доходившие в далекий уральский город Добрянку, увы, подтвердились. Его родная сестра с двумя дочерьми, совсем молоденькими девушками, разделили трагическую участь нескольких тысяч мариупольских евреев, расстрелянных гитлеровцами 20 октября 1941 года у противотанкового рва близ Агробазы. Ее муж, ополченец Борис Берлин, был сражен вражеской пулей в одном из ожесточенных боев где-то на Киевском направлении. Стало известно, что племянник Бориса Самойловича, политрук батареи береговой охраны главной базы Черноморского флота Абрам Торговицкий, погиб в августе 1942 года при обороне Севастополя. А другой племянник, военный инженер, выпускник Ленинградского военно-механического института Моисей Слуцкий, сложил голову в сорок третьем под Харьковом...

Горечь невосполнимых утрат Борис Самойлович заглушал работой, работой по двенадцать-четырнадцать часов в сут-

ки без выходных и отпусков. Впрочем, ничего особенного в этом он ни тогда, ни позже - уже после войны - не усматривал. С таким же напряжением работали миллионы тружеников тыла.

Добросовестная работа бухгалтера Торговицкого была отмечена правительственными наградами: медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "За трудовое отличие", "За трудовую доблесть", "За восстановление предприятий черной металлургии Юга".

К 1953 году, когда Борису Самойловичу исполнилось шестьдесят, на заводе "Азовсталь" были не только восстановлены разрушенные во время войны цехи, но и построены новые: обжимной, рельсобалочный, рельсовых скреплений, аглофабрика, вот-вот должен был быть пущен в эксплуатацию крупносортный цех. Торговицкий всегда трезво смотрел на вещи. Работы в главной бухгалтерии прибавляется, но одновременно прибавляются его годы, а сил становится все меньше. Он пишет заявление с просьбой освободить от должности главного бухгалтера "Азовстали". Просьбу удовлетворяют и тут же предлагают занять вакансию заместителя главного бухгалтера по контролю и методологии учета. Торговицкий соглашается. Это то, что ему сейчас надо: ответственности меньше, зато есть возможность передать свой многолетний практический опыт молодым сотрудникам. Как-то незаметно пролетели почти четыре года. Торговицкий окончательно решил уйти на заслуженный отдых. 1 марта 1957 года он получил окончательный расчет.

Сколько себя помнил, Борис Самойлович напряженно трудился. На протяжении многих лет после основной работы на заводе "Азовсталь" он преподавал на курсах бухгалтеров. Их название и подчиненность менялись, оставалось

одно - тщательно подготовленные лекции, построенные на примерах финансовой деятельности реальных предприятий. И вот появилась бездна свободного времени.

Конечно, как всякий деятельный человек, он очень скоро нашел ему применение: много внимания уделял своим внучкам, много читал, начал собирать библиотеку. А для этого требовалось прилагать немалые усилия. Чтобы подписаться на какое-нибудь издание, Борис Самойлович порой с вечера занимал очередь у стен книжного магазина и дежурил до его открытия, не считая это время потерянным: ночь быстро пролетала в беседах с такими же страстными любителями книги, как и он сам.

Правда, с годами оставалось все меньше сил, начали одолевать недуги. 7 ноября 1972 года бывший главный бухгалтер завода "Азовсталь" Борис Самойлович Торговицкий скончался.

2001г.

Любовь Яблонская

В предвоенные годы Яблонскую в Мариуполе знали все. Если не в лицо, то хотя бы понаслышке. И много лет спустя после того, как она уехала из нашего города, ее вспоминали, особенно те, кому пришлось работать с этой удивительной женщиной на строительстве "Азовстали".

Вспоминали разное. И ее неженскую хватку, и блестящий инженерный талант. А кто запомнил, что она курила, носила мужскую одежду и порой бывала грубой, что перед ней трепетали нерадивые прорабы, бригадиры и десятники, что держалась она всегда независимо - стоял ли перед ней рабочий или представитель наркомата.

В экспозиции музея комбината "Азовсталь" выставлена фотография Яблонской: гладко зачесанные волосы, уста-

лый взгляд широко поставленных глаз, на губах полуулыбка, из ворота плотно застегнутого жакета выглядывает краешек белого воротничка блузки да узел галстука, завязанного на мужской манер, на лацкане пиджака - орден Ленина довоенного образца.

Любовь Викторовна Яблонская приехала в Мариуполь в 1932 году, чтобы возглавить "Доменстрой" - трест по нашим понятиям, перед коллективом которого была поставлена задача - возвести доменный цех нового металлургического гиганта, строящегося на берегу Азовского моря.

К этому времени она накопила более чем солидный инженерный и организационный багаж. Направленная после окончания в 1926 году Московского высшего технического училища им. Баумана на Керченский металлургический завод на должность инженера-конструктора, Яблонская потратила немало усилий и времени, чтобы перейти из конструкторского бюро непосредственно на производство. По бытующим в ту пору взглядам, женщина и доменный цех были понятиями абсолютно несовместимыми.

Вопреки этому, казалось бы, незыблемому постулату переход оказался весьма плодотворным: под ее руководством на Керченском металлургическом заводе были построены три доменные печи с механизированной загрузкой шихтовых материалов и первая в Советском Союзе агломерационная фабрика ленточного типа. Более того, Любовь Викторовна после пуска в эксплуатацию доменного цеха успела поработать в нем начальником смены, помощником начальника цеха и не с чужих слов, а на собственном опыте эксплуатационника могла оценить все огрехи, допущенные при строительных работах и монтаже оборудования. Керченский период деятельности она завершила, поработав

некоторое время главным инженером управления капитального строительства.

За шесть с небольшим лет работы на "Азовстали" - с апреля 1932 по июнь 1939 года - Яблонская практически полностью повторила все то, что ей пришлось делать в Керчи.

И в шестидесятые-восьмидесятые годы сооружение доменных печей относилось к числу весьма сложных инженерных задач. Это при широком применении средств механизации: экскаваторов с многокубовыми ковшами, мощных бульдозеров, строительных кранов большой грузоподъемности, значительного парка тяжелых автосамосвалов, а главное - при наличии высококвалифицированных и образованных кадров рабочих, техников и инженеров различных специальностей.

Яблонской и ее соратникам по строительству доменных печей "Азовстали" пришлось довольствоваться работой малограмотных землекопов - вчерашних крестьян, раскулаченных и высланных в так называемые трудовые лагеря "для перевоспитания" на ударную стройку первой пятилетки, и грабарей, чьим орудием труда была "грабарка" - телега с запряженной лошаденкой. Автомобили-"полуторки" и заграничные экскаваторы-драглайны на стройке были большой редкостью. Руководящий состав состоял главным образом из молодежи, только что окончившей техникумы и вузы, студентов-практикантов из строительных институтов определяли на должности бригадиров и десятников.

Уступ за уступом вгрызались лопатами в твердь земли тысячи людей, нескончаемая вереница телег-"грабарок" отвозила выкопанный грунт в отвалы, день и ночь не переводя дыхания. Именно так были вырыты котлованы под сами домны и их воздухонагреватели, под другие сооружения,

именно таким способом был прорыт судоходный канал существующего и поныне азовстальского порта.

Когда началось бетонирование фундаментов, люди, обхватив друг друга руками за плечи, от зари до зари утаптывали колышущуюся бетонную массу ногами. Позже десятки клепальщиков приступили к соединению вручную металлоконструкций в единое целое: в те годы электросварка только начинала пробивать себе дорогу в технике.

Действия многотысячной армии строителей направлялись несгибаемой волей женщины - Любови Викторовны Яблонской. Она успевала повсюду: и разобраться в чертежах, только что доставленных проектировщиками, и побывать там, где наметился прорыв на стройке, и устроить "разнос" замешкавшемуся прорабу, и дозвониться в Москву, требуя немедленной поставки материалов.

Трудно представить, откуда она черпала время и силы на преподавание на различных курсах повышения квалификации рабочих, на проведение политзанятий, на участие в соответствующих духу времени многочисленных партийных и профсоюзных заседаниях и конференциях. Она считала своим долгом посещать общежития-бараки, чтобы хоть как-нибудь улучшить полный лишений быт первостроителей.

Вот как выглядит характеристика, выданная ей в августе 1939 года директором завода П.А. Комовым: "Инженер Яблонская Любовь Викторовна работала на заводе "Азовсталь" в должностях начальника "Доменстроя" с 1 апреля 1932 г. по 16 октября 1937 г., помощником прораба "Ремзаводстроя" - с 10 октября 1937 г. по 1 апреля 1938 г., главным инженером отдела капитального строительства - с 1 апреля 1938 г. по 1 июня 1939 г.

За время работы на заводе тов. Яблонская выполняла

все свои обязанности командира-производственника честно, с полным знанием своего дела, широко применяя стахановские методы, поднимала высоко техническую и хозяйственную культуру на производстве".

Именно в нашем городе первая в мире женщина инженер-доменщик Любовь Яблонская достигла вершины жизненного успеха, в Мариуполе ей во второй раз в жизни довелось увидеть плоды своего самозабвенного труда, труда без выходных и праздников, без отдыха, труда на грани человеческих возможностей. Можно представить, какие чувства испытывала она, когда построенные под ее руководством первые три доменные печи "Азовстали" выдавали первый чугун. Именно в нашем городе за достигнутые трудовые успехи Яблонская была удостоена высшей награды страны - ордена Ленина.

Правда, здесь ей довелось пережить обиду: смещение с поста начальника доменного цеха на незначительную и малоответственную должность помощника прораба второстепенного строительного управления, но об этом позже...

Какая же жизненная "кузница" выковала железный характер этой удивительной женщины? Любовь Викторовна родилась в 1897 году. Училась в гимназии, с четырнадцатилетнего возраста давала платные уроки отстающим ученикам. Значит, семья была со скромным достатком. Еще в детстве обнаружилась музыкальная одаренность. Училась игре на фортепиано, по воспоминаниям близких, ее учителем некоторое время был выдающийся композитор и пианист Сергей Рахманинов. После окончания в 1916 году гимназии стала слушательницей Высших женских курсов в Петрограде. Кто знает, как бы сложилась ее судьба, если бы не революция? Может быть, стала учительницей, а может - пиани-

сткой? Но как мы знаем, революция свершилась. Самодержавие было свергнуто.

Май 1917 года. Вчерашняя курсистка Люба Яблонская становится членом партии левых эсеров, ставших в скором будущем соратниками большевиков по октябрьскому перевороту. С сентября 1917 по май 1918 года она - депутат Саратовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, выполняет поручение Губисполкома, работает в отделе по расформированию прибывающих с фронта воинских частей и охране военного имущества развалившейся царской армии. В мае 1918 г. выходит из партии левых эсеров, в том же году, в сентябре, начинает работу в Москве инструктором по внешкольному образованию и членом коллегии губернского отдела народного образования.

В январе 1919 года Краснопресненский райком РКП(б) принимает ее в партию большевиков, а уже в августе молодая большевичка выезжает вместе с мужем - военкомом запасных войск Московского округа - в одну их частей Красной Армии под Тулу. Неожиданный прорыв белых, Яблонская попадает в плен, чудом избегает расстрела. И снова она в Москве. Как агитатор Московского губкома РКП(б) выступает на митингах, собраниях, в рабочих общежитиях.

Гражданская война окончилась, промышленность и сельское хозяйство - в состоянии полной разрухи. Для их восстановления требуются не просто квалифицированные специалисты, но еще и люди, беззаветно преданные делу партии. Наиболее перспективных молодых коммунистов направляют на учебу в технические вузы. Так в 1921 году Любовь Яблонская оказывается среди студентов Московского высшего технического училища имени Баумана - в высшей степени авторитетного учебного заведения по подготовке инженерных кадров еще с царских времен.

О том, что произошло в ее жизни между окончанием вуза и 1 июня 1939 года - датой, когда Любовь Викторовна получила полный расчет на заводе "Азовсталь", чтобы отправиться к месту нового своего назначения в Москву, рассказано выше...

В автобиографии, составленной Яблонской в январе 1957 года, написано: "С 1939 года приказом по Наркомчермету была откомандирована на работу в Главное управление металлургической промышленности Юга и Центра. За время работы в Министерстве черной металлургии (так после 1946 г. стали именоваться Народные комиссариаты. - **С.Б.**) с 1939 по 1954г. в качестве начальника сектора и старшего инженера руководила капитальным строительством и восстановлением металлургических заводов Донбасса..."

Отметим, что Яблонская была в чем-то человеком везучим. Когда по стране в 1937-1938 годах вовсю гуляла "ежовская" коса, она, имевшая непролетарское происхождение, бывшая эсерка, близкая родственница "врагов народа" (родная сестра Любови Викторовны - Франя и ее муж Ермаков были репрессированы в Ростове-на-Дону еще в 1936 году), непосредственная подчиненная еще одного "врага народа" - бывшего начальника строительства, а затем директора завода "Азовсталь" Якова Гугеля, не попала ни под "расстрельную" статью, ни даже за решетку. Да, это можно объяснить только везением.

Правда, ее резко понизили в должности - об этом сказано в приведенной ранее характеристике, выданной ей директором "Азовстали" Комовым, да в феврале 1938 года Мариупольский горком КП(б)У вынес ей строгий выговор "за потерю бдительности". Впрочем, это наказание уже в июне 1939 года было снято тем же партийным органом...

Итак, Любовь Викторовна летом тридцать девятого года переезжает в Москву. Казалось бы, после нескольких лет напряженнейшего труда на стройках и заводах, когда для сна оставались считанные часы, труда без выходных, праздников и отпусков, можно было бы ей отдохнуть в тиши наркоматовского кабинета под шелест перелистываемых страниц томов отчетов и справок. Ведь от нее ничего более не требовалось, чем исполнительность чиновника.

Но нет, Яблонскую не устраивала тихая жизнь. Она использует малейшую возможность, чтобы побывать на заводах. Проверяет и перепроверяет столбцы цифр в документах, присланных с предприятий. Ищет закономерности в успехах одних цехов и "провалах" - других. Дельным советом старается помочь отстающим, радуется внедренным новшествам, прилагает все усилия, чтобы новшества эти получили как можно большее распространение. Ей поручено руководство капитальным строительством на заводах, входивших в систему Главного управления металлургической промышленности Юга и Центра Наркомата черной металлургии СССР.

Началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны ее единственный сын Лев, несмотря на то, что имел бронь - он был студентом четвертого курса Московского института связи, - ушел добровольцем на фронт. Любовь Викторовна одобрила этот поступок. В 1941 году в тяжелейших боях под Ржевом Лев был убит. Невероятную, раздирающую душу и мозг боль Яблонская заглушает работой.

В уже упоминавшейся автобиографии 1957 года Любовь Викторовна пишет: "В период Отечественной войны по поручению Наркомата выполняла особо важные задания на Косогорском металлургическом заводе и по вводу в дей-

ствие новых мощностей на металлургических заводах Урала (Челябинском, Златоустовском, Чебаркульском)".

С осени 1943 года части Красной Армии в ожесточенных боях начали освобождать от фашистских оккупантов один за другим металлургические центры Донбасса и Приднепровья. Отступая, гитлеровцы превращали цехи заводов и города в груды развалин. В великий подвиг восстановления черной металлургии Украины внесла значительный вклад и Любовь Викторовна.

После войны карьера Яблонской идет по нисходящей: все ниже должности, все менее ответственные. В 1954 году Главное управление металлургической промышленности Юга и Центра ликвидируется. Штаты Министерства черной металлургии СССР резко сокращаются. Старшему инженеру производственного отдела Л.В. Яблонской без предварительной беседы объявляют, что с 14 июля 1954 года она увольняется из Министерства.

Сохранился черновик письма Любови Викторовны в адрес заместителя председателя Совета Министров СССР И.Ф. Тевосяна. С этим человеком ее связывали многие годы совместной работы по созданию современной черной металлургии страны. Нельзя без волнения читать строки, словно летящие по листам бумаги, исполненные горечи и обиды. Яблонская пишет: "В 1941 году я потеряла единственного сына (погиб на фронте Великой Отечественной войны),и единственное, что у меня осталось, - это труд". И далее: "Прошу Вас, Иван Федорович, вмешаться и дать соответствующее указание руководству Министерства черной металлургии СССР". Тевосян не вмешался, и Любовь Викторовна лишилась работы.

Другой человек, может быть, и смирился с обстоятель-

ствами, но только не героиня этого очерка. Ей было уже 57 лет, когда она блестяще окончила редакторское отделение вечернего факультета Московского полиграфического института и приступила к исполнению обязанностей научного редактора журнала "Сталь" в издательстве "Металлургия". В этом качестве она трудилась еще двадцать три года. Невероятное трудолюбие, глубокое знание металлургических проблем, общая эрудиция обеспечили ей за короткое время уважение как со стороны членов редакционной коллегии авторитетного журнала, так и со стороны авторов, присылавших свои работы для опубликования.

Умерла Любовь Викторовна Яблонская 30 декабря 1980 года...

На этом можно было бы и завершить повествование о легендарной женщине-доменщике, составленное на основе документов, хранящихся в архиве Народного музея комбината "Азовсталь". Да, они позволили воссоздать ее жизненный и производственный путь, даже в какой-то мере дают возможность представить черты ее неординарного характера. Но образ Л.В. Яблонской становится еще более ярким, когда знакомишься с воспоминаниями Елизаветы Павловны Валуевой.

Вот они: "Можно сказать, что вся моя сознательная жизнь, в общем-то, связана с Любовью Викторовной. И я благодарна судьбе, что она меня свела с этой замечательной, редкой женщиной. Знаю я о ней по рассказам своего отца, покойного Павла Алексеевича Валуева, и сама лично.

Говорили, что в Мариуполь из Керчи, где она до того работала, приехала Яблонская по просьбе Серго Орджоникидзе. Сразу же отправилась на "Азовсталь", облазила

строящуюся домну сверху донизу. Работала она очень много и большую часть суток, в том числе и в воскресные дни, находилась на заводе. Лишь поздно вечером отправлялась домой. Жила она в одноэтажном доме в переулке Республики. Тогда это была окраина города. У нее в это время рос маленький сын. Зимой он жил у сестры Любови Викторовны в Москве и только на лето приезжал в Мариуполь.

Она выглядела строгой и сухой. Носила синюю спецовку, мужские ботинки, берет, который был укреплен большой английской булавкой. И никто не догадывался, что под беретом у нее скрывается прекрасная светлая коса.

При внешней строгости и неприступности была она человеком, всегда готовым помочь людям в трудную минуту. Мои родители вспоминали не раз о таком случае. Когда я родилась, а это время было невероятно скудным, меня не во что было завернуть, чтобы забрать из родильного дома. Отец метался, искал, где бы достать хоть какой-нибудь кусок материи на пеленки. Любовь Викторовна от кого-то узнала об этом и распорядилась без лишних слов выписать кусок шторной ткани и солдатское одеяло.

Незадолго перед войной Яблонскую решили перевести в Главк, в Москву. Она ни за что не хотела уезжать с "Азовстали", много сил она вложила в этот завод, нравилась ей эта работа. И все же она вынуждена была покинуть Мариуполь. С тех пор она жила в Москве, но очень часто приезжала в наш город в командировки.

Запомнились ее приезды к нам в дом после войны, в сороковых годах, когда я была уже достаточно взрослой. Как всегда, более чем скромно одетая, с маленьким чемоданчиком в руке. Моих родителей с Любовью Викторовной связывала многолетняя дружба. Вечерами они подолгу засиживались

живались, говорили о работе, об азовстальских делах. Это была их жизнь.

Потом я поступила учиться в энергетический институт в Москве. И получилось так, что Любовь Викторовна взяла меня на первое время к себе. Нужно сказать, что мне было с ней временами нелегко. Она старалась воспитывать меня в своем духе. Я не имела права делать маникюр, красить помадой губы. Я должна была быть предельно скромна. Но за что я ей благодарна, так за приобщение к классической музыке. В молодости Любовь Викторовна училась в консерватории. Была очень музыкальна. Она доставала билеты на самые великолепные концерты и спектакли в Большой театр.

Самой большой и оберегаемой реликвией в ее доме был самодельный радиоприемник, собранный ее погибшим сыном. Любовь Викторовна ездила на место его гибели и привезла оттуда землю. Я уже не могу сказать - с могилы или просто землю, опаленную огнем. Она об этом никогда не говорила. Вообще никогда и ни с кем не делилась своим горем.

Когда я помогала ей переезжать из громадной коммуналки, где кроме нас жили еще восемь семей, в две комнаты, выделенные ей с сестрой в трехкомнатной квартире, узелок со священной для нее землей она не доверила никому, несла его сама.

Что еще было свойственно для Любови Викторовны, так это забота о близких. Когда ее сестра Полина овдовела, оставшись с четырехлетней дочуркой на руках, она забрала их к себе. Так они с Полиной и прожили всю жизнь вместе.

Еще до войны старшая сестра Франя была арестована

вместе со своим мужем, а потом расстреляна. Осталась ее дочь Ася - семнадцатилетняя студентка первого курса Московского медицинского института. Любовь Викторовна без раздумий забрала Асю к себе. И тогда ее стали вызывать раз за разом в печально известные органы, требовали, чтобы она отреклась от своей племянницы, как ей говорили, дочери "врагов народа". В ответ получали решительный отказ. В один из таких вызовов ей предложили положить на стол партбилет. И снова отказ. От нее отстали только после вмешательства Джапаридзе - дочери одного из расстрелянных белогвардейцами двадцати шести бакинских комиссаров, которая к тому времени занимала важный государственный пост и была вхожа к самому Сталину. Асе дали возможность жить и учиться в Москве, но сразу же после окончания института ее выселили в Свердловск.

Еще один штрих ее характера. Любови Викторовне было за восемьдесят, когда ее сбил автомобиль. Последствия этой аварии были тяжелыми. У нее был перелом основания черепа. Самое страшное - она потеряла память. Но эта женщина продолжала бороться. Я видела ее в этом состоянии. Она писала слова, она их переписывала сотни раз, чтобы вспомнить эти слова и повторить. Она старалась заговорить, она старалась смотреть на губы собеседника, чтобы опять быть в строю...".

Л.В. Яблонская жила и работала в нашем городе чуть больше, чем шесть лет, но привязалась к нему на всю жизнь. В 1944 году она приезжала в Мариуполь в составе государственной комиссии, принимавшей в эксплуатацию после восстановления 3-ю доменную печь завода "Азовсталь". Она и позже навещала город своей молодости и по делам, и во время отпусков. Один из таких визитов, можно сказать, за-

фиксирован документально. 6 мая 1969 г. газета "Приазовский рабочий" писала: "У нас в гостях побывала бывший начальник "Доменстроя" на сооружении завода "Азовсталь" в тридцатых годах, первая в стране женщина-домностроитель Любовь Викторовна Яблонская. Вместе с азовстальцами она приняла участие в первомайских торжествах в нашем городе".

1998 г.

Скрипач Мухин

Кто-то из мудрецов сказал, что человек существует до тех пор, пока о нем помнят. В этом смысле Александр Федорович Мухин среди нас, хотя физическая его смерть наступила еще в пятьдесят пятом году.

Его помнят не только близкие, но и те, кому довелось слушать волшебные звуки его скрипки, кто учился у него музыке в педагогическом училище - было такое в послевоенном Мариуполе.

В альбоме с фотографиями, собранными и бережно хранимыми старшим сыном маэстро Георгием, как бы спрессована жизнь талантливого музыканта: ее истоки, ее сущность, ее продолжение...

На снимках отец - Федор Николаевич - модельщик и краснодеревщик Балтийского завода в Петрограде, мать - Елена Алексеевна, многочисленные братья и сестры: кто-то из них стал врачом, кто-то - конструктором, кто-то - музыкантом.

Вот мариупольская красавица - Танечка Балакай, а это - будущие тесть и теща с семейством. На другой - его, Александра Федоровича, семья: жена Татьяна Константиновна и первенец - Георгий. Любительский снимок запечатлел семейство уже в полном составе, вместе с младшим сыном Валерием.

Сыновья, внуки, невестки, правнуки...

Давайте же расскажем о скрипаче Мухине все по порядку. Старинная метрическая выпись из церковной книги свидетельствует, что он родился 12 августа 1898 года в Санкт-Петербурге.

С семи лет его начинают обучать игре на скрипке. Скоро обнаружились необыкновенные способности мальчика. В двенадцатилетнем возрасте он уже занимается музыкой у педагога Самойловой под личным наблюдением профессора Санкт-Петербургкой консерватории Иоаннеса Романовича Налбандяна - ученика и ассистента знаменитого Леопольда Ауэра, с чьим именем, как сказано в "Музыкальном словаре", "связан расцвет русской скрипичной школы, утверждение ее мирового значения и влияния".

Саша Мухин в шестнадцать-семнадцать лет принимает участие в концертах как солист. Мобилизация в царскую армию в январе семнадцатого года не разлучила Александра с любимой скрипкой. Теперь он - оркестрант музыкальной команды в запасном полку, расквартированном в Гдове.

В восемнадцатом возвращается в Петроград, но ненадолго, снова армия, теперь уже Красная, снова полковой оркестр. Затем - служба в военных оркестрах Онежской военной флотилии, Балтфлота.

В двадцатом году Александр Федорович оказался в Мариуполе. Здесь и познакомился военный музыкант Мухин с Танечкой Балакай. Познакомился и полюбил на всю жизнь. Но прежде, чем они стали мужем и женой, прошло целых четыре года.

За это время Александр Федорович с военными оркестрами побывал в Одессе, Николаеве, Севастополе, возвратился в Петроград, а уж затем приехал в Мариуполь, чтобы остаться здесь навсегда. Начались семейная жизнь и работа в городском театре.

Его хорошо знали и ценили столичные музыканты, и когда какой-нибудь коллектив собирался на гастроли, в Мариуполь летели телеграммы: "Мухину. Предлагаем должность первой скрипки". И он соглашался и играл - то в оперном, то в симфоническом, то в эстрадном оркестре.

В сорок первом году семье Мухиных не удалось эвакуироваться из Мариуполя, началась оккупация. Мухин перебивался случайными заработками, нужно было кормить семью.

Но на этом испытания для Александра Федоровича не окончились: фашисты, отступая, угнали его в Германию. Он не любил вспоминать об этом времени, слишком горьким было оно...

Только в конце апреля сорок пятого года Мухина и его товарищей по несчастью освободили бойцы Красной Армии. Уже в первых числах мая он организовывает художественную самодеятельность в воинской части, руководит небольшим эстрадным ансамблем.

Пишет в Мариуполь письмо родственнице, не надеясь, что жена и дети живы. Наконец получает долгожданный ответ... от супруги своей - Татьяны Константиновны: "Слава Богу, все обошлось, все целы и невредимы, Георгий уже второй год служит в Красной Армии, Валерий ходит в школу".

Прошло несколько месяцев, и Александр Федорович, осунувшийся, в потрепанной солдатской одежде, стоял на пороге своей квартиры на улице Пушкина в Мариуполе.

В послевоенные годы он преподает в педагогическом училище, работает руководителем и солистом в джаз-оркестрах, что играли в фойе мариупольских кинотеатров, он не отказывается от совместительства в ресторанных ансамблях: все же дополнительный заработок, все-таки помощь семье.

Что же играли мариупольской публике скрипач Мухин и его друзья-музыканты? Сохранился интересный документ, написанный рукой Александра Федоровича. Это - репертуар музыкального ансамбля кинотеатра "Победа", которым ему довелось руководить. На пожелтевших страницах, вырванных, вероятно, из амбарной книги, перечислены более трехсот музыкальных произведений и их авторы: Чайковский, Глинка, Шуберт, Бетховен, Гуно, Мусоргский.

Так получилось, что никто в семье скрипача Мухина не продолжил его профессию. Сыновья стали инженерами: Георгий много лет трудился в филиале Гипромеза, а Валерий работал начальником бюро в одном из отделов концерна "Азовмаш", как и его жена - Олимпиада Федоровна. Внуки тоже избрали инженерную карьеру. И лишь внучка Георгия Александровича Иринка, которая учится в школе искусств, может, станет музыкантом, как ее прадед.

Давно замолкла скрипка Александра Мухина, звуки кото-

рой делали людей чуть-чуть добрее, приносили им немного радости даже в самые тяжелые времена. За это скрипач Мухин и заслужил благодарную память мариупольцев.

1995 г.

Профессор В.Ф. Зубарёв

Владимир Федорович Зубарёв появился в местном металлургическом институте вскоре после смерти Сталина, в начале лета 1953 года. Он приехал из Новокузнецка, где работал в Сибирском металлургическом институте, там он занимал пост декана технологического факультета.

Только теперь, зная подробности истории нашей страны и обстоятельства жизни Владимира Федоровича, можно предположить, что между этими событиями была своя причинная связь...

С началом учебного года новый сотрудник института был назначен заведующим кафедрой металловедения и термической обработки металлов. Он как-то сразу обратил внимание и преподавателей, и студентов на свою персону. Во-первых, потому что был профессором и доктором технических наук, до его появления, насколько помнится, в нашем институте обладали столь высокими учеными степенями и званиями только два преподавателя - Иван Георгиевич Казанцев и Дмитрий Иванович Старченко. Во-вторых, благодаря неординарности внешнего облика и присущим ему манерам, известным провинциальной молодежи разве что из кинофильмов.

Высокий рост и застегнутый на все пуговицы двубортный пиджак подчеркивали его худощавость. Несмотря на немолодой уже возраст, движения его были быстры и изящны, вместе с тем в них не присутствовало и грани суетливости. Он был как-то естественно предупредителен по отношению к женщинам независимо от их возраста и положения. Он неизменно обращался к каждому студенту, не говоря уже о

сотрудниках, только на "вы". Его речь была простой и ясной, в ней не было ни единого слова-"паразита". Каждое слово, да что слово, каждый звук произносились им необыкновенно четко. То был знаменитый "говор" коренных петербуржцев. Он не диктовал лекции, что широко практиковалось среди других преподавателей, вместе с тем все, им сказанное, было легко конспектировать. Лекции его изобиловали примерами из практики, художественной литературы и истории; для иллюстрации свойств олова, например, он объяснил причины гибели полярного исследователя Скотта тем обстоятельством, что по незнанию весь керосин экспедиции, стремившейся к Южному полюсу, хранился в емкостях, спаянных оловом, которое при очень низких температурах превращается в порошок...

Почему-то запомнилась фраза Владимира Федоровича: "Каждый инженер должен знать по меньшей мере три иностранных языка: английский, немецкий и французский, а инженер-металлург - еще и шведский. Я, к сожалению, шведский не знаю".

В описываемые времена преподавателей вузов привлекали для чтения популярных лекций по линии Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В этой работе живейшее участие принимал и профессор Зубарёв. Его научные доклады, а по-иному их нельзя было назвать, посвященные истории Отечественной войны 1812 года, воспринимались слушателями с восторгом. Необыкновенно образное изложение, обилие малоизвестных широкой публике исторических фактов, словесные портреты полководцев и политических деятелей, подробности военных сражений - все это обеспечивало неослабевающее внимание слушателей.

Столь необычные качества этого человека породили слухи. Говорили, что профессор Зубарёв принадлежит к старинному дворянскому роду, более того, будто он - граф. Что в царское время ему был присвоен высокий офицерский чин, а в гражданскую войну он перешел на сторону Красной Армии, а уже по окончании войны учился в известном с давних пор Ленинградском технологическом институте. Что ему пришлось отсидеть "срок" из-за своего происхождения.

Постепенно слухи утихли, к столь неординарному профессору привыкли, как и к тому, что на руководимой им кафедре установился дух взаимного уважения и научного поиска, а в лабораториях царил безукоризненный порядок. Владимир Федорович заведовал кафедрой четырнадцать лет, в течение шести лет из них параллельно возглавлял технологический факультет и, конечно же, одновременно читал лекции, руководил научно-исследовательскими работами, пестовал аспирантов. В эти годы им было опубликовано много научных статей и монография "Теоретические основы графитизации белого чугуна и стали" (1957), чем он, не скрывая, гордился. В 1962 году В.Ф. Зубарёв передал дела по заведованию кафедрой более молодому коллеге - доктору наук, а сам продолжал работать профессором-консультантом.

Владимир Федорович умер неожиданно, 19 февраля 1971 года. К этому времени он был совершенно одинок. Незадолго до своей кончины похоронил свою жену - Марину Михайловну, старший сын его погиб на фронте в Великую Отечественную войну, младший сын Павел жил и работал в Москве.

Старого профессора похоронили сотрудники кафедры, которую он несколько лет возглавлял. Похоронили с подо-

бающими почестями на старом мариупольском кладбище рядом с могилами его жены и сестры Надежды Федоровны. В газете опубликовали некролог, где как бы пунктиром был обозначен жизненный и научный путь профессора Зубарёва. По обычаям того времени все повороты этого пути, которые не укладывались в стандартный образ советского ученого, остались за рамками текста.

Однако в архиве сохранилась биография Владимира Федоровича, и если спроецировать факты из нее на хронологию событий страны, многое из этого официального жизнеописания приобретает логическое объяснение.

Он родился 23 марта 1899 года в Петербурге в семье военного инженера, то есть офицера. Как офицерский сын, учился в кадетском корпусе. Окончил его в 1916 г. Не случись первая мировая война, вероятно, продолжил бы учебу в одном из военных училищ северной столицы. Но война была фактом непреложным. Недавнего кадета, как и всех его однокашников, пропустили через краткосрочные курсы, присвоили чин прапорщика и отправили на фронт. И было тогда ему восемнадцать лет от роду.

Воевать прапорщику Зубарёву довелось на Волыни и в Галиции почти год, за это время его храбрость была отмечена Георгиевским крестом. В 1918 году - он уже в Красной Армии. Как попал в ее ряды: по доброй ли воле и убеждению или по мобилизации - неизвестно. Не секрет, что командный состав вооруженных сил молодого советского государства состоял процентов на восемьдесят из мобилизованных царских офицеров. Может, среди них был и прапорщик Зубарёв?

В Красной Армии Владимир Федорович служил целых пять с половиной лет, какое-то время учился в военной ака-

демии, а потом был демобилизован, как сказано в документах, по болезни.

С 1922 года у него как бы начинается новая жизнь. Шесть лет обучения в Технологическом институте, диплом инженера-механика по специальности "Металлография и термообработка". Работа в химической лаборатории Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта и одновременно преподавание и научная работа в политехническом институте. В тридцать пять лет Владимир Федорович - доцент и научный сотрудник. Будущее определено - впереди труд педагога и ученого. Но 1 декабря 1934 года убит С.М. Киров, пошла волна репрессий на интеллигенцию. Доцент Зубарёв в числе очень многих ему подобных выслан из Ленинграда. Ему повезло: удалось избежать ГУЛАГа, местом жительства определили Саратов, местом работы - комбайновый завод. В тридцать восьмом уезжает в Сибирь, может быть, предвидя новые неприятности.

Лишь в 1941 году он защищает кандидатскую диссертацию, в сорок седьмом - докторскую...

Профессор Зубарёв никогда не распространялся о своем прошлом. Он был сыном своего времени, когда благородное происхождение, интеллигентность, широкая образованность отнюдь не были преимуществами личности. Он молча боролся с обстоятельствами. И победил их.

2001 г.

Доктор П.Г. Смирная

Прасковья Георгиевна Смирная не занимала крупных постов, не имела государственных наград, если не считать медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", не была удостоена ученых степеней и почетных званий, но вот прошло немало лет после того, как она ушла в мир иной, а ее до сих пор с уважением и благодарностью вспоминают и ее коллеги, и ее пациенты...

Паша Смирная родилась 27 октября 1899 г. в многодетной крестьянской семье в селе Ново-Петровском под Бер-

дянском. В юные годы ей пришлось батрачить на богатых соседей. В 1918 году Паше доверили заведование детским домом. А было ей тогда всего девятнадцать лет. Несмотря на молодость, ей удалось в голодные годы и свирепствовавшие эпидемии сохранить жизнь всем своим подопечным.

В 1926 году заведующую детдомом, у которой всего-то образования было четыре класса сельской церковно-приходской школы, направляют учиться в Харьков на рабочий факультет при медицинском институте. Следующим этапом ее образования стал педиатрический факультет того же вуза. В 1935 г. П.Г. Смирная получила диплом врача-педиатра и одновременно с ним - направление в Мариуполь, в больницу Правого берега, где ей предстояло избавлять детей от страшного недуга - туберкулеза.

Случилось так, что Прасковья Георгиевна осталась в оккупированном гитлеровцами Мариуполе и ей довелось спасать людей от гибели не только как врачу, но и как патриотке. Работая терапевтом, она выдала десяткам заведомо здоровых молодых людей справки, что они больны туберкулезом, тем самым предотвратив их угон в Германию. За каждую такую справку доктор Смирная могла поплатиться жизнью...

В плен к немцам попал советский полевой госпиталь. Его медперсонал и раненые бойцы были помещены в правобережную больницу, территорию которой обнесли колючей проволокой, поставили охрану.

Прасковья Георгиевна, другие врачи, медсестры, нянечки делали все возможное, чтобы облегчить участь несчастных узников. Однажды трое из них собрались бежать из плена. Нужны были "аусвайсы" - удостоверения личности гражданских лиц. Без этих документов первый же немецкий пат-

руль отправил бы их в полицию, а там едва зажившие раны сразу же выдали бы их с головой.

Пленные обратились за помощью к Прасковье Георгиевне. Что делать? Она вспомнила, что до войны ей удалось буквально вырвать из смертельных лап туберкулеза скромного тогда учителя математики по фамилии Бердичевский. Теперь Бердичевский наводил ужас на мариупольцев своей жестокостью, оккупанты назначили его начальником вспомогательной криминальной полиции и службы безопасности, и этот предатель старался кровавыми делами угодить своим хозяевам.

Доктор Смирная пошла к Бердичевскому, он довольно любезно принял свою спасительницу.

- Что привело вас ко мне?

- Петр Николаевич, мне нужны "аусвайсы" для трех моих пациентов. Это мирные люди, они были ранены при бомбежке, документы их сгорели, они хотят вернуться к себе домой, на родину.

И тут Прасковья Георгиевна всем своим существом ощутила, что начальник полиции догадался, кому в действительности нужны документы, более того, он понял, что его собеседница уже знает: ложь ее раскрыта.

Но, видимо, и у негодяев в глубинах души сохраняется чувство благодарности: после небольшой паузы он распорядился выдать требуемые документы...

Через некоторое время к дому на Правом берегу, где жила Прасковья Георгиевна, подъехала линейка, с нее спрыгнул полицай.

- Вы доктор Смирная?

- Я...

- Берите инструменты, вас вызывают к господину Бердичевскому.

"Все, конец, - пронзила мозг мысль, - мне устроили ловушку, беглецов с липовыми "аусвайсами" поймали". Она уселась на линейку, рядом с ней - полицай. Поехали. Прасковья Георгиевна, чуть успокоившись, заметила, что возница направил лошадь не к центру города, где была полиция, а в сторону противоположную - на Левый берег. Потом все выяснилось: у Бердичевского заболел один из двух его малолетних сыновей и понадобилась ее помощь как врача...

В августе 1944 года П.Г. Смирную перевели в тубдиспансер, где она лечила детей вплоть до ухода на пенсию в 1971 году. Коллеги отмечали ее мягкость и деликатность, ее эрудицию, умение точно установить диагноз, ее готовность оказать помощь врачу в затруднительных ситуациях, дать консультацию. Большое внимание она уделяла профилактике туберкулеза.

К середине 70-х годов детский туберкулез в нашем городе был побежден. Он встречался лишь в единичных случаях среди подростков. Конечно, это явилось результатом работы многих врачей, но немалая заслуга в этом принадлежит и Прасковье Георгиевне.

Для многих доктор Смирная была спасительницей, для коллег - добрым другом и наставником, а для врача-фтизиатра Ленины Климентьевны Тельбизовой - еще и мамой.

- Какой Прасковья Георгиевна была дома?

- Человеком с открытым сердцем, гостеприимной хозяйкой. Для наших родственников побывать у нее в гостях было радостью. Много читала и не только медицинской литературы. Свои отпуска посвящала путешествиям по стране. Последний раз отправилась в турпоход в Карпаты, когда ей перевалило за семьдесят. Была азартной болельщицей хоккея.

1999 г.

Генерал Блажевич

10 сентября 1943 года московское радио передало очередную сводку Совинформбюро. Юрий Левитан читал: "Войска Южного фронта, наступающие вдоль побережья Азовского моря, сломили упорное сопротивление противника и овладели городом и портом Мариуполь". Среди отличившихся в этой операции был назван и полковник Блажевич.

Запомнился ли Мариуполь Блажевичу? Должен был запомниться: 221-я стрелковая дивизия, которой он командовал, за героизм и мужество, проявленное ее бойцами при освобождении нашего города от фашистских захватчиков, была удостоена почетного наименования Мариупольской, а он - ее командир - награжден орденом Кутузова II степени.

Помнят ли Блажевича в Мариуполе? Да, помнят. Одна из улиц в Ильичевском районе названа его именем, а на одном из ее домов укреплена в честь освободителя города мемориальная доска; в экспозиции краеведческого музея есть стенд, ему посвященный. Имена освободителей не подлежат забвению.

Мариупольский инженер И.С. Смык - ветеран 221-й дивизии - много лет собирал материалы о И.И. Блажевиче: редкие книги, газеты времен войны, фотографии, воспоминания тех, кто знал комдива лично.

Эти материалы дают возможность воссоздать жизненный и боевой путь военачальника.

Ионас Блажавичус - так когда-то было записано в метрике Ивана Блажевича - родился в местечке Чижюнай в бедной многодетной семье литовцев. Родителям Ионаса в поисках работы приходилось часто переезжать из города в город. Как были рады Блажавичусы, когда старшему из детей - одиннадцатилетнему Ионасу - нашлась работа на лесопилке.

Тут разразилась мировая война. Подалась Ева Блажавичене с детьми в Россию, подальше от фронта. Ее мужа судьба забросила в Германию. Распалась еще недавно дружная семья.

Старший сын Ионас оказался под Калугой, стал работать на бумажной фабрике. Там-то он в восемнадцатом году записался добровольцем в Красную Армию. Пятнадцатилетний боец Железной дивизии ходит в атаки, отступает под натиском белых, несет нелегкую воинскую службу наравне со взрослыми бойцами.

Уже в восемнадцать лет Ионас Блажавичус после короткой учебы становится командиром взвода. Правда, к тому

времени русские товарищи переиначили его литовское имя на свой лад: стали называть Иваном Блажевичем. Он не возражал и даже переделал документы на новую фамилию.

Когда гражданская война закончилась, собрался Иван Блажевич учиться военному искусству, но поступил приказ, и он оказался в учебном подразделении, где передавал свой боевой опыт молодым красноармейцам.

Шел по служебной лестнице медленно, не пропуская ни одной ступеньки: командир взвода, роты, начальник штаба полка. Увлекся парашютным спортом. Наверное, это учли, когда назначали командиром парашютно-десантной части Харьковского военного округа. Сбылась, наконец, мечта. Блажевича направляют учиться в военную академию. Но учиться снова не пришлось: в тридцать восьмом году по ложному навету его арестовывают. С клеймом "врага народа" вчерашний командир Красной Армии оказался в тюрьме. Лишь осенью тридцать девятого года его освободили...

Начало Великой Отечественной войны застало майора Блажевича в академии имени Фрунзе. Там он сдавал экзамены. Но до экзаменов ли в такую лихую годину! Он немедленно пишет рапорт: "Направьте на фронт". Однако у командования были свои планы. Нужно формировать резервный воздушно-десантный корпус, и Блажевич назначается командиром 13-й бригады этого корпуса. Семь месяцев подготовки к боям и первое боевое крещение под Сталинградом.

В 1943 году полковник Блажевич возглавил вновь сформированную 221-ю дивизию. Она вступила в бой на Миусе, отличилась при освобождении Мариуполя.

В декабре сорок третьего Блажевич покидает дивизию. Он участвует в формировании воздушно-десантных частей,

затем его назначают командиром 99-й дивизии, прославившейся при форсировании Свири. Было это в июне сорок четвертого года, а в ноябре Блажевичу присвоено звание генерал-майора. 99-я гвардейская дивизия сражается в Венгрии, австрийских Альпах.

Комдив Блажевич представлен к званию Героя Советского Союза. Оставались считанные дни до конца войны, до Победы. 27 апреля 1945 года в "Красной Звезде" опубликован Указ Президиума Верховного Совета. Среди новых Героев и генерал-майор Иван Иванович Блажевич. Но прочитать этот указ он уже не мог... За три дня до этого - 24 апреля - боевой генерал скончался от ран близ австрийского городка Берндорф...

Стоит на Новодевичьем кладбище в Москве памятник сыну литовского народа, освободителю украинских и русских городов, освободителю Мариуполя.

1995 г.

Баянист Балджи

На Корабельную улицу, которая круто спускается к морю, мы, оператор ТРКК "Сигма" Виктор Дедов и автор этих строк, ехали только затем, чтобы посмотреть редкую, как нам сказали, фотографию. На снимке фотолюбитель Александр Балджи запечатлел старый трамвай четвертого маршрута, который возил когда-то пассажиров от городского сквера в порт.

Фотография оказалась для нас действительно интересной, но повествование ее автора Александра Александровича о своем отце, мариупольском баянисте, заставило почти забыть о ней. Из воспоминаний и немногочисленных сохраненных документов мало-помалу вырисовывались образ талантливого музыканта и трагическая его судьба.

Комендор Лужанский на страницах книги "Красная Азовская флотилия", вспоминая бой плавбатареи "Мирабо" с врангелевцами, пишет: "Отличным баянистом был моряк Саша Балджи. Когда возвращались победителями в Бердянск, усадили мы Сашу за баян. Мелодии бодрых революционных маршей раньше нашего донесения сообщили о первой победе моряков молодой Азовской флотилии".

На всю жизнь запечатлелось в памяти Александра Александровича то, что поведали в разные годы друзья его отца. Их воспоминания выглядели в изложении нашего нового знакомого так.

"Греческий театр должен был ехать давать концерт в Мангуше: сцены из "Наталки Полтавки" и еще кое-какие номера. Но аккомпаниатор-пианист заболел. И тогда обратились к отцу и говорят:

- Саша, ты должен нам помочь.
- Ну, я мелодию знаю, но с вами не репетировал.
- Ничего, как-нибудь сыграешь.
- Ладно, поехали.

Все время, пока ехали от Мариуполя до Мангуша, они репетировали эту "Наталку Полтавку", и концерт в Мангуше получился сверх всех ожиданий.

Рассказывали еще такое: судно, на котором служил отец, однажды пришвартовалось в одном из азовских портов. Матросов отпустили в увольнение. Зашли в ресторан, а там играет слепой баянист. Отец подошел к нему, говорит:

- Можно я сыграю?
- А кто вы такой и откуда вы?
- Я из Мариуполя, меня зовут Саша Балджи.
- Да, я о вас много слышал, но мелодии вашей не слышал.

После этих слов он протянул инструмент отцу. Тот начал играть, и весь зал был восхищен игрой".

Когда Александр Иванович расстался с флотом, сказать трудно. Но показанная нам чудом сохранившаяся расчетная книжка свидетельствует: в тридцатом году он еще был матросом паровой шхуны "Ахиллион".

Вероятно, с начала тридцатых годов игра на баяне стала основным источником существования и его самого, и семьи: жены Таисии Петровны и их детей-двойняшек - девочки и мальчика. Александр Иванович работал баянистом то в ресторане, то в столовой.

Однако главным признанием его таланта было приглашение в Греческий театр. Он участвует в концертах как солист и аккомпаниатор, выезжает с артистами в подшефные колхозы. Стыла, Большой Янисоль, Белосарайская Коса, Чермалык... Везде успех, всюду радостный и благодарный прием зрителей.

Но вот пришел тридцать седьмой год...

"Нам с сестрой было в тридцать седьмом году по пять лет. 21 декабря арестовали моего отца. Я его не помню. Мама бегала по тюрьмам, нас оставляла на присмотр тете Дусе Филипенко и Рае Сучковой.

Маму на работу никуда не принимали, как жену "врага народа". Ей как-то удалось оформиться на работу, не сказав об отце, а когда начальник узнал, где ее муж, то порвал заявление со словами: "Нам "враги народа" не нужны".

Мы жили в нищете. Мама с трудом устроилась в колхоз, стала работать в яслях, но ей не раз в глаза говорили: "Как мы можем доверять своих детей этой женщине, если ее муж - "враг народа"? В комсомол меня в школе не принимали, сказали, что я - сын "врага народа". Хотя и говорили тогда,

что сын за отца не отвечает, но на деле это было совсем не так.

В 49-м году меня приняли в ученики киномеханика, потом сдал на киномеханика, стал работать в санатории "Металлург" самостоятельно. Взяли в армию, отслужил, на какое-то время вновь вернулся к своей профессии, а потом стал работать слесарем на судоремонтном заводе..."

Шли годы. Совсем молодой умерла от туберкулеза сестра Женя, в шестьдесят четвертом обездоленной семье Балджи прислали справку, что их отец и муж реабилитирован, еще через три года - свидетельство о его смерти. Умерла вдова баяниста Таисия Петровна...

Ни сын, ни тем более внук не помнят живым Александра Ивановича. Но вот что удивительно: и сыну, и внуку, кстати сказать, тоже Александру, чудесным образом передалась его любовь к музыке, танцу, театру.

В молодые годы наш рассказчик Александр Александрович занимался в кружках художественной самодеятельности, исполнял народные и характерные танцы, пел. Много лет отдал народному театру ДК "Азовстали" его сын...

Такую вот историю погубленного невесть за что баяниста-самородка и его обездоленной семьи мы узнали на Корабельной улице в жаркий июльский день девяносто шестого года. Остается лишь добавить печальное известие: сын баяниста Балджи Александр Александрович умер, не дожив до своего семидесятилетия.

1997-2001 гг.

Антон Брызгунов

В книгах, посвященных юбилеям "Азовстали", упомянуты сотни, если не тысячи работников этого прославленного предприятия. Но напрасно среди них искать фамилию Антона Федоровича Брызгунова. Нет ее на их страницах. Забыли? Или не считали нужным сохранить для истории имя человека "немодной" в те времена профессии? А между тем он заслуживает и долгой памяти, и уважения.

Он родился в 1902 году на одном из уральских заводов, где издавна честность, трудолюбие, скромность и немногословие были не особыми ценностями личности, но обычными и само собой разумеющимися качествами нормаль-

ного человека. Эти свойства характера, приобретенные в семье бухгалтера, выбившегося "в люди" из крестьянских мальчиков, Антон Брызгунов сохранил до последнего вздоха.

Он хорошо и охотно учился, но ни одно из учебных заведений - гимназию, знаменитое Уральское горное училище, Свердловский политехникум - ему окончить не удалось. Юность Антона совпала с революцией и гражданской войной, когда часто сменявшим друг друга властям было недосуг заниматься народным образованием. Уже в зрелом возрасте поступил на заочный факультет Промышленной академии, но учебу прервала Великая Отечественная война.

Университетами Брызгунова была практическая работа, которую он начал с десятника на стройке, потом судьба или обстоятельства определили его на Златоустовский завод приемщиком продукции от Металлосиндиката. Эта служба, казавшаяся на первых порах временной, определила его профессию на всю жизнь.

В довоенном послужном списке Антона Федоровича много записей, однако они вовсе не следствие непоседливого нрава. С каждым годом все больше приобретался авторитет профессионала-снабженца, способного решать самые запутанные проблемы. Вот и посылали его туда, где эти проблемы нужно было решать незамедлительно.

В 1933 году Брызгунова назначают коммерческим директором Ашинского металлургического завода. Как потом показало время, должность коммерческого директора для него стала пожизненной, только название ее менялось, сохраняя свою суть. Он ее занимал на Чусовском, Верх-Исетском, Ново-Тагильском металлургических заводах. С этой

должности довелось уйти на заслуженный отдых после двадцати семи лет службы на заводе "Азовсталь".

Когда началась Великая Отечественная война, Антон Федорович трудился на Верх-Исетском заводе, единственном в те годы производителе электротехнических сталей в Советском Союзе. Деловые качества руководителей столь уникального предприятия хорошо знали в Москве в Наркомате электропромышленности. По этой причине, наверное, 23 сентября 1941 года нарком Кабанов назначает своим уполномоченным по Западной Сибири и Уралу Брызгунова. Ему поручалось обеспечивать заводы электропромышленности всем необходимым. Почти неограниченные права, представленные Наркоматом, предполагали одновременно и строжайшую ответственность за дело общегосударственной значимости. Антон Федорович успешно справился с правительственным поручением. Свидетельство тому - награждение орденом "Знак Почета" в сорок втором году и орденом Красной Звезды в сорок пятом.

В сорок седьмом - в то время Антон Федорович уже более года отработал на Ново-Тагильском металлургическом заводе - неожиданный вызов в Москву с семьей. Кто-то из близких друзей намекнул: мол, собираются назначить на ответственный пост в аппарате министерства. Но пока доехали до столицы, в ту пору дорога эта была долгой, у кадровиков созрело новое решение: на заводе "Азовсталь" позарез нужен толковый зам по коммерческо-финансовой части. Лучшей кандидатуры, чем немногословный и деловой уралец из Нижнего Тагила, не придумаешь. И пришлось Брызгунову ехать в Мариуполь, благо, что с ним были Ольга Леонидовна, его жена, и сыновья: только что окончивший десятилетку Володя и второклассник Кирилл...

Прошло неполных два года с тех пор, как из Мариуполя были изгнаны немецко-фашистские оккупанты. Следы разрушений, нанесенных врагом заводам и городу, были видны повсюду. Но видно было и другое: раны на теле города и заводов настойчиво людьми залечиваются. Параллельно с восстановлением того, что было построено на Южной Магнитке перед войной, шло строительство новых цехов, дорог, жилья. Для этого нужны были огромные ресурсы: тысячи и тысячи тонн металлопроката, труб, цемента, сложнейшего технологического и энергетического оборудования, кабельной продукции, приборов. И Брызгунову по своей должности надлежало всем этим заниматься. И не только этим. Действующее производство требовало безостановочного обеспечения металлургических агрегатов сырьем, топливом, огнеупорами. Только их перечень занимал сотни страниц нескольких увесистых томов.

Увы, снабжение далеко не всегда было идеальным. Подводили заводы-поставщики, всплывали грубые ошибки в планировании, не всегда нормы расхода материалов отвечали местным реалиям. И тогда Антон Федорович отправлялся в дорогу, часто прямо с завода. Звонил домой Ольге Леонидовне: "К ужину не жди, еду...". Он мог уехать на несколько часов в Донецк или на сутки в Днепропетровск, или на много дней в Киев или в Москву. Ольга Леонидовна только вздыхала. За долгие годы она привыкла к частым командировкам мужа.

Антона Федоровича знали и, прямо скажем, уважали на самом высоком уровне. Приходилось слышать, что хаживал он по азовстальским делам, и не без успеха, к самому Косыгину. Так ли это? Впрочем, можно поверить. От знавших его людей приходилось слышать, что в Москве были у него

приятели и в Госплане, и в Госснабе, из числа тех, кто вместе с ним трудился во время войны на Урале. Нужно думать, помогали они в решении проблем, возникавших у азовстальских металлургов.

Все годы, пока Брызгунов работал на "Азовстали", там непрерывно шло строительство: сначала восстановительное, потом были возведены новые доменные и мартеновские печи, пущены прокатные цехи - от блюминга до гигантского комплекса стана "3600". И если бы он хоть чуть-чуть был склонен к пафосу, мог бы сказать: "В каждом из этих объектов немалая доля моего труда". И это чистейшая правда. Но не любил замдир по КФЧ "Азовстали" лишних слов, тем более возвышенных.

При нем сменились три директора завода: Павел Исаевич Коган, Сергей Илларионович Тищенко, Яков Павлович Куликов. При четвертом, Владимире Владимировиче Лепорском, после восемнадцати лет совместной работы вышел на пенсию. Все эти люди были личностями с разными характерами, разными темпераментами, разной эрудицией. Естественно, что с приходом каждого из них к руководству во многом менялся стиль управления. Лишь Брызгунов как бы не замечал этого, оставался самим собой. Как всегда, обязательный, точный до педантизма в работе, независимый во взглядах и кристально честный в большом и малом. Все это устраивало всех названных директоров.

Антон Федорович просыпался очень рано, в пять часов утра он начинал накручивать диск телефона, чтобы связаться с предприятиями Дальнего Востока и Сибири. За два-три часа успевал переговорить с деловыми партнерами всех часовых поясах страны. Только после этого пил чай, ехал на завод. К официальному началу своего рабочего

он полностью представлял ситуацию по обеспечению производства всем необходимым.

Люди, которым довелось работать под началом Брызгунова на "Азовстали", через много лет после его кончины вспоминали, как высоко он ценил людей, добросовестно относившихся к работе, каким тактичным и заботливым был по отношению к сотрудникам. Бывая в командировках, он всегда жил в одном гостиничном номере с теми, кто его сопровождал в поездке, независимо от того, какую должность, пусть самую маленькую, занимал его спутник. В таких случаях он становился простым и доступным человеком, всем своим поведением показывая, что никакой разницы между присутствующими нет и никакими преимуществами он не должен пользоваться.

Если у кого-нибудь случалась беда и нужны были срочно лекарства, Антон Федорович немедленно приходил на помощь. Его авторитет действовал в подобных ситуациях безотказно. Вместе с тем он мог послать "толкача" в далекий леспромхоз где-нибудь на Урале под самый Новый год, 30 декабря, например, он искренне верил, что ничего необычного в этом нет. Ведь поездка необходима для производства. А дело для него было превыше всего...

Антона Федоровича Брызгунова за заслуги в развитии черной металлургии наградили шестью орденами и многими медалями. Однако никто не видел, чтобы он их носил. Лишь в конце жизни решился сфотографироваться со всеми регалиями. Для чего? Может, в назидание потомкам?

1998 г.

Профессор Распопов

В Большой Советской Энциклопедии в числе наиболее значительных достижений отечественной металлургии названа разработка технологии получения офлюсованного агломерата и использования его при выплавке чугуна. Там же сказано, что авторами разработки является группа специалистов во главе с инженером Распоповым.

Более чем полувековой отрезок жизни этого человека связан с Мариуполем. Случилось так, что, будучи студентом, он попал на практику в наш город на завод имени Ильича, где познакомился с Витой Гусаковой, местной девушкой, как-то сразу ему приглянувшейся.

Именно благодаря Вите Иван Васильевич Распопов связал свою жизнь с нашим городом. Когда и как это произошло, речь пойдет позже, а пока обратимся к краткому жизнеописанию профессора Распопова, составленному по материалам, предоставленным его дочерью - кандидатом технических наук, доцентом технического университета Лаурой Якушечкиной...

Иван Васильевич родился 10 ноября 1904 года в Нижней Салде на Урале в семье горнозаводского крестьянина - было такое сословие в царской России. Отец его, Василий Родионович, трудился от зари до зари: и на металлургическом заводе чернорабочим, и обрабатывал небольшой клочок земли, чтобы хоть как-то свести концы с концами. На плечах матери, Анны Петровны, была забота о домашнем хозяйстве и шестерых детях - двух мальчиках и четырех девочках.

Василий Распопов принял Советскую власть сразу же и безоговорочно. Да как же ее можно было не принять? Ведь она обещала освободить рабочих и крестьян от подневольного труда. Вот почему, когда в 1918 году началась гражданская война, он без раздумий взялся за оружие, чтобы защитить новую власть от белых. В бою получил ранение, стал инвалидом, но, вернувшись домой, продолжал работать...

Одаренность его младшего сына Вани проявилась уже в начальной школе: окончил ее на "пятерки". Однако нужно было помогать семье, и тринадцатилетний подросток идет на завод. Ученик машиниста рудодробилки, масленщик, отметчик слитков в прокатном цехе - профессии, которые освоил Иван Распопов в молодые годы. Одновременно он учился в вечерней школе.

На Нижне-Салдинском заводе впервые столкнулся с металлургией. Эта отрасль промышленности впоследствии стала главным делом его жизни. Но выбор был сделан не сразу. Профсоюз направил пытливого молодого рабочего на подготовительные курсы в свердловский вуз...

Знания, полученные на курсах, позволили Ивану Распопову без особого труда поступить на медицинский факультет Уральского университета. Но учиться ему пришлось недолго. Камнем преткновения стали обязательные занятия в "анатомичке". Препарирование трупов приводило его в ужас. Он понял: врача из него не выйдет.

Сейчас никто не скажет, почему несостоявшийся врач перешел на химико-металлургический факультет политехнического института, а не на какой-нибудь другой. Несмотря на сложности быта (студентам приходилось недоедать, жить то под сводами бывшей церкви, то в общежитиях, где в одной комнате одновременно ночевали до тридцати человек), сын горнозаводского крестьянина учился самоотверженно.

Привычка к труду и природные способности позволили ему проявить себя уже в студенческие годы. Во время прохождения практики на заводах Нижней Салды, Перми, Мариуполя он занимал инженерные должности и кроме выполнения своих прямых обязанностей старался провести исследования, внедрить новшества в производство.

В 1930 году Иван Васильевич успешно защищает дипломный проект. Его оставляют на кафедре металлургии чугуна для преподавательской деятельности, одновременно он выполняет работу инженера-исследователя в Уральском институте металлов.

Как уже говорилось, еще в студенческие годы ему дове-

лось внедрить ряд существенных новшеств на уральских заводах. Теперь возможности для технического творчества расширились во много крат. В 1932 году молодой инженер И.В. Распопов получает документ о его приоритете на изобретение офлюсованного агломерата. Это было техническое решение, сделавшее переворот в доменном производстве...

Как же складывалась личная жизнь Ивана Васильевича? В 1930 году, сразу же после окончания института, он приехал в Мариуполь, сделал предложение Виктории Константиновне, той самой Вите, с которой познакомился во время прохождения заводской практики. Предложение было принято. Молодые уехали в Свердловск. Там у них родилась дочь...

В тридцать седьмом году по воле сложившихся обстоятельств Иван Васильевич с женой и крохотной дочуркой Лаурой приезжают в Мариуполь. Опыт, приобретенный в Уральском политехе, где он успел пройти путь от ассистента до и.о. доцента и заведующего лабораторией, пригодился. Иван Васильевич вступает в должность заместителя директора курсов мастеров при заводе им. Ильича. Вечерами он читает лекции в недавно организованном металлургическом институте.

Вскоре его назначают заместителем директора этого института, а затем деканом дневного факультета. В этой должности И.В. Распопова застала война.

Эвакуация, работа на Нижне-Салдинском металлургическом заводе, потом назначение на пост директора ремесленного училища. В сорок четвертом, через несколько месяцев после освобождения Мариуполя от гитлеровцев, по предписанию Наркомата танковой промышленности его

направляют в местный металлургический институт, который, к сведению скажем, находился в подчинении указанного выше ведомства.

В начале 1945 года И.В. Распопова, человека сугубо гражданского, призвали в армию, присвоили звание майора, выдали соответствующее обмундирование и командировали для выполнения специального задания в распоряжение командования 3-й ударной армии, которой довелось в составе 1-го Белорусского фронта штурмовать Берлин. В ходе боев за столицу фашистской Германии майор Распопов получил ранение, но оставался в строю до самой демобилизации.

Иван Васильевич возвращается в Мариупольский металлургический институт. Он принимает активнейшее участие в возрождении этого учебного заведения, читает курсы теории металлургических процессов, металлургии чугуна, проводит научно-исследовательские работы, оказывает консультативную помощь предприятиям.

Его послужной список пополняется новыми должностями: заведующий учебной частью, проректор по учебной работе, проректор по научной работе, профессор, заведующий кафедрой технологии металлов, а затем кафедрой металлургии чугуна...

Профессор Распопов запомнился преподавателям и студентам как спокойный и доброжелательный человек, умелый организатор, прекрасный педагог и большой знаток доменного и агломерационного производства во всех их тонкостях.

Нужно сказать, что его производственная деятельность находилась в полной гармонии с семейной жизнью. Вспоминает Лаура Ивановна Якушечкина:

- Обстановка в нашем доме была всегда удивительно спокойная. Мне и моему брату Витольду казалось, что лучшего отца, вообще лучшего человека, чем наш папа, на свете не существует. Маму он не только любил, но буквально боготворил. Мы никогда не слышали повышенного тона в разговорах между ними.

Он много читал, много знал. В те времена, когда родители жили в Свердловске, они не пропускали ни одной премьеры ни в оперном театре, ни в театре оперетты.

Папа никогда не учился музыке, но слух у него был великолепный. Когда у нас появилось пианино, он неожиданно для нас стал очень точно подбирать довольно сложные мелодии.

Несмотря на крайнюю занятость, всегда находил время для нас с братом. Мастерил игрушки. Как-то для Витольда построил маленький улей.

Папа обожал, когда к нему приходили коллеги и особенно бывшие ученики. Он вообще любил студенческую молодежь. Нередко захаживал в институтское общежитие, интересовался бытом его обитателей, иногда журил за проступки. В те времена это было большой редкостью.

Когда в 84-м году умерла мама, папа настолько загрустил, что мы думали, что он вот-вот уйдет из жизни. Он буквально таял на глазах. Спас его правнук Ваня, которому в то время было два годика. Мы его отдали на папино попечение. Малыш отвлек папу от грустных мыслей...

Профессор Распопов прожил во многом сложную, но вместе с тем интересную жизнь. Он ушел из нее 4 декабря 1991 года.

2000 г.

Доктор Саенко

Не раз и не два приходилось слышать: "Саенко спас моего ребенка", "Если б не Иван Илларионович, я бы не выжил", "Он поставил мою дочь на ноги".

Об искусстве врача Саенко складывались легенды, легенды, в которых не было и капли вымысла...

Иван Саенко родился в 1904 году в семье железнодорожного служащего. Его родина - село Гуты Конотопского уезда. Прежде, чем поступить в 1924 году в Киевский медицинский институт, ему довелось закончить техникум, профиль которого никак не был связан с врачеванием.

Молодому человеку, решившему столь круто изменить свою судьбу, повезло, в институте преподавали несколько блестящих ученых-врачей, но среди них выделялся находящийся в расцвете жизненных и творческих сил сравнительно еще молодой (ему не было тогда и пятидесяти) профессор Николай Дмитриевич Стражеско. Врачам это имя хорошо известно, а для других читателей скажем, что Николай Дмитриевич был терапевтом и патофизиологом с мировым именем, впоследствии удостоенным звания Героя Социалистического Труда, избранным действительным членом Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР, Академии наук Украины.

Незаурядные способности Ивана Саенко, большой интерес к медицине и наукам, связанным с ней, врожденное трудолюбие и хорошая память позволили успешно овладевать знаниями, необходимыми для человека, решившего посвятить жизнь избавлению людей от недугов.

Итогом нескольких лет учебы стала дипломная работа, содержание которой и ее защита получили высокую оценку у экзаменационной комиссии. И вот Иван Илларионович держит в руках диплом - плотный лист бумаги, наклеенный на прочный коленкор, где его имя, отчество и фамилия написаны витиеватыми буквами, а рядом стоит заветное слово - "врач".

Он думал, что, получив диплом, немедленно займется медицинской практикой где-нибудь в небольшом городке. Но профессор Стражеско распорядился по-своему. Он пригласил молодого специалиста к себе в аспирантуру. Можно представить радость Ивана Илларионовича. Конечно, предложение было с благодарностью принято. И потекли дни и месяцы напряженной работы в палатах институтской

клиники, в лаборатории над микроскопом, читальном зале библиотеки, часы, проведенные с любимым учителем в обсуждении диагнозов, выборе стратегии лечения больных, а позже и оценке полученных научных результатов.

Доктор Саенко быстро завоевал авторитет у коллег. Ученый совет избирает его секретарем комиссии по защите дипломных работ. Вот-вот он должен занять должность доцента на кафедре терапии. И вдруг все переменилось. Институт пришлось оставить. На прощание Николай Дмитриевич Стражеско подарил своему ученику стетоскоп - деревянную трубочку для прослушивания больных. Забегая вперед, заметим, что с этим инструментом Иван Илларионович никогда не расставался и хранил его до самого своего смертного часа.

Мария Христофоровна - жена, соратница, друг, коллега Ивана Илларионовича вспоминала: "Мы были направлены в Черниговскую область на ликвидацию последствий искусственного голода в Украине. Работа была неимоверно тяжелая, приходилось оказывать медицинскую помощь сотням истощенных людей, работали с раннего утра и допоздна.

Потом было назначение в Мариуполь, где в то время строился металлургический завод. Для строителей "Азовстали" была организована больница на Правом берегу. Это были бараки, приспособленные для лечебного учреждения. Иван Илларионович стал работать в инфекционном отделении, а я в родильно-гинекологическом. Мы жили в старой части города и на работу, на Правый берег, ходили пешком. Транспорта никакого не было".

Но не только лечением пришлось заниматься молодым врачам на новом месте. Почти с первых дней работы в Ма-

риуполе Иван Илларионович и Мария Христофоровна приступили к преподаванию в фельдшерско-акушерской школе. Какое-то время они жили в общежитии этой школы.

С больницей на Правом берегу связана большая часть медицинской практики Ивана Илларионовича. Здесь он организовал лучшее в городе инфекционное отделение, здесь ему приходилось заниматься патологоанатомическими исследованиями, здесь вместе с семьей ему довелось пережить страшные годы оккупации. Лишь в середине шестидесятых годов он перешел работать в городскую больницу.

Где бы доктор Саенко ни служил, неизменным оставались глубокое уважение коллег и искренняя благодарность родителей за исцеление их чад от недугов. Его благодарная деятельность врача не ограничивалась ни стенами лечебных учреждений, где он служил, ни временными рамками официального рабочего дня.

Улица Семенишина, 36 - этот адрес знаком многим мариупольцам. В окно, что ближе к парадной двери, можно было стучаться в любое время суток. Доктор Саенко всегда был готов оказать помощь больному ребенку. У него не было выходных, отпусков, праздников. Вся его жизнь без остатка посвящена одному делу: медицине. Если не было пациентов, Иван Илларионович погружался в изучение медицинской литературы, иногда перечитывая толстенные фолианты, до того читанные неоднократно. Если не было под рукой нового журнала по специальности, он размышлял над историей болезни ребенка, которого он лечил.

Вспоминая отца, кандидат медицинских наук Татьяна Ивановна Саенко рассказывала: "У него была очень высокая медицинская эрудиция, он обладал глубоким и тонким кли-

ническим мышлением, природным даром очень тонкого слуха. Он выслушивал патологию сердца и легких без дополнительной аппаратуры в тех случаях, когда другим это не удавалось диагностировать.

Кроме основной работы, которая его поглощала полностью (заведование отделением, большая консультативная работа в масштабах города), он был домашним врачом почти у половины города. Он шел к больному по первому зову, шел в буквальном смысле этого слова, если вспомнить, что в сороковые - пятидесятые годы даже "линейка", запряженная в лошаденку, была редкостью".

Наверное, сотни мариупольцев могут вспомнить, как появление этого грузноватого седого человека в доме, где хворал малыш, сразу вселяло уверенность, надежность, веру, что беда пройдет стороной. Он был мудрым человеком не только в житейском плане, но мудрым, как приходилось слышать от его коллег, и в медицине.

В 1969 году доктор Саенко отправился в Киев. Через 40 лет после окончания медицинского института он встретился со своими однокурсниками. Некоторые из них стали учеными, достигли профессорских званий. Сожалел ли Иван Илларионович о том, что его так блестяще начавшаяся научная карьера не сложилась? Думаем, что нет. Высшая степень признания его заслуг в медицине - тысячи спасенных жизней.

1997г.

Мария Александровна Грек

Инженер Юрий Николаевич Дзюман-Грек многие годы возглавлял конструкторский отдел, деятельность которого была засекречена. Теперь говорят и пишут открыто: это тяжмашевское подразделение занималось проектированием средств заправки топливом военной и гражданской авиации.

Юрию Николаевичу свойственна чрезвычайная аккуратность в большом и малом, которая привита с детства воспитанием, а затем приумножена спецификой его работы. Вероятно, это свойство характера привело многоопытного

инженера к мысли систематизировать на досуге семейный архив.

В большой альбом вклеил в строгом хронологическом порядке фотографии, документы и наиболее памятные письма. Каждому листу альбома предпослал комментарий. Так получилась иллюстрированная история семьи, своеобразное послание потомкам.

В альбоме фотографии многих людей, заслуживающих и добрых слов, и долгой памяти. Но мы сосредоточим свое внимание на судьбе одного человека - мамы Юрия Николаевича, Марии Александровны Грек.

Она родилась на Кировоградщине в большой крестьянской семье. Училась в сельской школе, затем в Добровеличковском педагогическом техникуме, после окончания которого несколько лет учительствовала в родных краях.

Еще в годы учебы в техникуме будущая учительница познакомилась с Николаем Дзюманом, учащимся того же учебного заведения. Через непродолжительное время Николай и Мария стали мужем и женой. Николай Тимофеевич продолжил учебу заочно в Одесском институте социального воспитания. Сразу после сдачи государственных экзаменов его направляют в Магнитогорский горно-металлургический техникум для преподавания математики. Он не решился брать с собой жену с маленьким сыном в суровый уральский климат, в город, который еще строился.

1933 год. В Украине голод. Более всего страдают от него жители сельских местностей. Мария Александровна, спасая своего ребенка и себя, переезжает в город Мариуполь. Ей удается устроиться учительницей в 15-ю школу, была такая на Слободке. Затем переходит в только что построенную 37-ю школу.

Мария Александровна учится в том же одесском вузе, что и ее муж, и наконец завершает свое образование в Луганском пединституте, работает учителем русского языка и литературы в старших классах. К этому времени и Николай Тимофеевич приезжает в Мариуполь, преподает свой любимый предмет - математику в школах города. Стал школьником их сын Юрий, радует родителей успехами в учебе. Жизнь семьи педагогов вошла в спокойное, размеренное русло. Мария Александровна не могла предположить, какие испытания ждут ее впереди.

Война, оккупация, нужда, неустроенность быта, непроходящий страх за судьбу близких ей людей. Но самым страшным годом в этот тяжелейший период для нее, по воспоминаниям Юрия Николаевича, стал год сорок четвертый:

- В начале года мама получила извещение о гибели мужа, моего отца. Он пропал без вести под Мелитополем в боях на реке Молочной. Прервалась переписка с ее братом, который воевал уже три года. Вскоре стала ясна причина: он умер от ран, полученных в боях за Одессу. Спустя некоторое время умерла мать Марии Александровны, через несколько дней - отец. Пока она добилась разрешения поехать в недавно освобожденные районы Украины, где жили ее родители, их уже похоронили соседи и пятнадцатилетний племянник. Этот юноша недолго прожил после кончины дедушки и бабушки. Его поразила молния, когда он работал на тракторе в поле во время грозы.

От груза душевных переживаний и материальных трудностей военного времени Марию Александровну отвлекала работа. Уроки, занятия с отстающими учениками, бесконечная проверка тетрадей, а еще повседневные хлопоты по домашнему хозяйству, летом - работа на огороде: ведь на

учительскую зарплату прожить было трудно. Моральной опорой Марии Александровны был сын. Он с блеском окончил десятилетку, одним из первых в нашем городе получил золотую медаль за успехи в учебе, поступил в Ростовский машиностроительный институт и там учился на "отлично".

Сейчас трудно представить, как у этой хрупкой на вид женщины хватало сил совмещать преподавание в школе, домашние заботы с большой общественной деятельностью. Она принимала участие в съездах и конференциях учителей, ее избирали депутатом горсовета пять созывов подряд...

После освобождения Мариуполя от гитлеровцев и до самого ухода на пенсию в 1960 году Мария Александровна преподавала в 10-й школе. Школа была женской и размещалась в здании бывшего духовного училища на Митрополитской улице. Вот какой запомнилась учительница своим ученикам.

Елизавета Игольникова: "У Марии Александровны Грек я училась в старших классах. Она всегда подтянута, великолепно спокойна, уравновешенна. Никогда не повышала голос. У нее были замечательные уроки. До сих пор я помню, как она на уроке литературы читала нам "Мцыри" Лермонтова. Даже интонация ее отложилась в памяти. Под ее влиянием я полюбила литературу. Она научила меня уважать русский язык, правильно пользоваться им".

И еще воспоминания - Эллы Гальпериной: "В пятом классе классным руководителем у нас стала Мария Александровна Грек. Она показалась нам очень требовательной: она редко улыбалась. Наверное, мы тогда не понимали этого человека. И только с годами пришли любовь к ней, уважение за ее бесконечно самоотверженный труд. Жизнь у меня

сложилась так, что пятнадцать лет мне посчастливилось работать учителем. И каждый раз, входя в аудиторию, я вспоминала Марию Александровну. Старалась поступать так, как поступала в классе в такой же ситуации моя учительница..."

Всего год довелось Марии Александровне Грек быть на заслуженном отдыхе. Коварная болезнь прервала нить ее жизни 26 мая 1961 года.

2000г.

Николай Шмидт

Когда-то это было строжайшей тайной, а теперь известно многим, что именно в Мариуполе в предвоенные годы были разработаны и внедрены в производство броня и литая башня легендарного танка Т-34.

Непосредственное и активное участие в этой многотрудной работе принимал Николай Владимирович Шмидт. Сегодня об этом тоже можно говорить вслух. Он приехал на завод имени Ильича в 1936 году молодым специалистом. Начав с рядового инженера лаборатории, за относительно короткий срок он сменил несколько должностей: заместителя начальника цеха, начальника лаборатории, начальника филиала НИИ-48. Началась война. Шмидту довелось эва-

куировать филиал на Урал, там организовывать исследовательские работы оборонной тематики.

В 1944 году Николая Владимировича командируют в Мариуполь. Он снова на заводе имени Ильича, где начиналась его инженерная карьера, работает заместителем начальника одного, затем другого цеха, заместителем начальника спецпроизводства, на протяжении шестнадцати месяцев без нескольких дней секретарем парткома завода.

Наконец, на исходе марта сорок восьмого года инженера Шмидта назначают директором Мариупольского филиала НИИ-48, который предстояло еще воссоздать. Двадцать лет он руководил этой организацией.

Шмидт был на виду. Но лишь немногие знали, какой конкретно продукцией он занимался. Другие же только догадывались. Понимали, что она очень важна для страны и что с обязанностями своими он справлялся хорошо. Подтверждением тому были его награды: ордена Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, два ордена "Знак Почета", многочисленные медали.

А теперь скажем открытым текстом: кандидат технических наук Н.В. Шмидт посвятил сорок шесть лет своей жизни сталям для военной техники. Годы, отданные созданию и совершенствованию брони для танка Т-34 и других боевых машин, потом исследованиям, отчеты о которых помечены грифом "совершенно секретно". Не будем забывать, что вскоре после второй мировой войны началась и десятилетиями продолжалась война "холодная". Поэтому у Шмидта работы было всегда много...

Когда Николаю Владимировичу перевалило за семьдесят, принялся он за автобиографию. Ему и раньше - и не раз - приходилось писать тексты под таким заголовком, для от-

делов кадров. Это же жизнеописание предназначалось для ставших уже давно взрослыми детей: старшей Альфреды, двойняшек Олега и Людмилы, для многочисленных внуков, наконец, для правнуков.

Он писал: "Мой отец до восемнадцатого года работал мастером по ремонту оружия в одном из магазинов на Сретенке в Москве. Наши предки были приглашены в Россию при Петре I из Восточной Пруссии. Вот почему у меня немецкая фамилия, хотя в семье у нас говорили по-русски, но отец знал и немецкий язык.

Жили мы на окраине Москвы, в Марьиной роще. В сарае во дворе у отца была небольшая мастерская, там он выполнял заказы магазинов на приспособления для чистки охотничьих ружей. С самых малых лет я помогал отцу.

В семье у нас было пятеро детей. Я - самый старший. Как и мои родители, я родился в Москве, в 1907 году. Первичной грамоте научила меня мама, а в школу я пошел в 19-м году в селе Метрополье на Тамбовщине, куда годом раньше был направлен отец уполномоченным по продразверстке. В 1923 году отец умер, вероятно, ранняя смерть его была следствием голода, пережитого нашей семьей в двадцать первом - двадцать втором годах".

Далее Николай Владимирович пишет, как пришлось ему работать подпаском, батрачить за еду у крестьянина-середняка, трудиться сельскохозяйственным рабочим в совхозе "Александрово".

Осиротевшая многодетная семья Шмидтов переселилась в подмосковное село Костино. Николай встал на учет в бирже труда: была безработица...

И еще строки из воспоминаний: "Жили в домике из двух комнатушек. Рядом с нашим домом была изба-читальня. Я

там бывал регулярно. Брал книги, занимался штангой. Шефами избы-читальни были комсомольцы. С их помощью летом 25-го года я поступил на Московский орудийный завод.

Там до зимы пришлось работать грузчиком, а потом направили меня в механический цех, где я за пять лет прошел путь от токаря-револьверщика до наладчика станков.

В цехе я познакомился с токарем Афанасием Недосекиным. Он настоял, чтобы я учился, помог мне освоить начальное образование, подготовил к поступлению на рабфак им. Тимирязева в Москве, опека его продолжалась и во время учебы.

Хотя времени постоянно не хватало - ежедневно только дорога на работу и на учебу отнимала не менее двух часов - учился я с удовольствием и довольно успешно. Так что рабфак я закончил на полтора года раньше срока. После его окончания меня направили в энергетический институт. Там мне не понравилось, я вернулся в свой цех.

Весной 1931 года комсомольская организация рекомендовала меня для поступления в военное училище. Я прошел медицинскую комиссию, успешно сдал вступительные экзамены и стал слушателем артиллерийского факультета Военно-технической академии им. Дзержинского в Ленинграде.

Но в 1933 году пришлось расстаться с городом на Неве. Группу, в которой я учился, перевели в Москву, в только что созданную Академию моторизации и механизации РККА. Зачислили меня на инженерный факультет, где готовили военпредов и специалистов по производству танковой брони.

Обучение в академии велось на очень высоком уровне.

Мы проходили практику и в войсках, и в цехах заводов. Одну из них - на заводе им. Ильича. В кабинете директора этого предприятия летом 1936 года я защитил свою дипломную работу на "отлично". С тех пор, прямо или косвенно, моя жизнь была долгие годы связана с этим заводом".

Ограниченность книжной площади не позволяет привести страницы воспоминаний, посвященные подробностям создания брони для танка Т-34 и башни к легендарной машине, расскажу о самоотверженном труде в Нижнем Тагиле в годы Отечественной войны, о возрождении в послевоенные годы, как пишет автор, "буквально на пустом месте" филиала научно-исследовательского института в Мариуполе, о работе над созданием металла для кораблей ВМФ, о товарищах и друзьях, о близких и дорогих людях, наконец, о своем времени...

Николай Шмидт был сыном своей эпохи, а потому считал, что за все достигнутое им в жизни он обязан только советской власти, потому-то и послание своим потомкам озаглавил "Что дала мне советская власть", оставив за скобками и свои природные способности к науке, и невероятное трудолюбие, и чрезвычайную, до педантичности, аккуратность в большом и малом.

Николай Владимирович был добросовестным тружеником, порядочным человеком, примерным семьянином, любил детей, обожал внуков. Уже за это достоин и уважения, и памяти. Но, кроме этого, им сделано очень много полезного и необходимого для державы. А потому стоило бы, наверное, назвать организацию, которой он руководил, его именем или хотя бы улицу, на которой эта организация находится.

1999 г.

Художник Яков Никодимов

Из небольшого количества сохранившихся документов известно, что Яков Иванович Никодимов родился в 1908 году в Киеве, воспитывался в детском доме. В двадцать восьмом году поступил в Киевский художественный институт. В то время там преподавали корифеи украинского искусства Василий и Федор Кричевские, Михаил Бойчук, Василий Касиян, находившиеся в поре наибольшего расцвета творческих сил. Так что Якову было у кого получить солидную профессиональную подготовку.

В 1934 году он заканчивает учебу и получает направление в Луганск (через год этот город обретет новое имя - Ворошиловград, чтобы потерять его в 1958 году), преподавать в местном художественном училище. Наряду с педагогической деятельностью молодой художник, как написано в одной из его служебных характеристик, занимается и творчеством. Хотя кто сказал, что педагогика не есть творчество? Его принимают в Союз советских художников Украины, на учредительном съезде которого Якову Ивановичу довелось быть делегатом. Значит, он уже в ту пору был мастером заметным.

С началом Великой Отечественной войны Никодимову выдают бронь и поручают маскировать промышленные и иные объекты Ворошиловграда. За этим занятием его застала оккупация города гитлеровцами. Эвакуироваться не смог. Скрывался. За ведро картошки, за пару-тройку килограммов кукурузной муки рисовал в селах иконы, портреты крестьянских мужей, сыновей, братьев, канувших в вихре войны, копируя их довоенные любительские фотоизображения...

В феврале 1943 года враг был изгнан из Ворошиловграда. Яков Иванович тотчас же организовывает художественно-скульптурную мастерскую. Вместе с товарищами восстанавливает разрушенные фашистами революционные монументы, создает памятники-надгробия на могилах бойцов-освободителей города. Ему поручают зарисовать разрушения, совершенные оккупантами на Ворошиловградщине. Результат выполнения этого задания - несколько акварельных рисунков, они сохранились. Работы сугубо прикладного назначения написаны широко и свободно: Яков Иванович не смог сдержать свой темперамент художника.

Усердие, инициативность, а главное, итоги труда художника и руководителя мастерской Никодимова в военные и первые послевоенные годы были замечены и оценены: о нем одобрительно писали в газетах, там же печатали его рисунки, наградили медалью. Сейчас трудно объяснить, почему он покинул город, где был обласкан вниманием.

В 1949 году Яков Иванович переезжает в Мариуполь. Поступает в местную артель художников. По воспоминаниям живописца Александра Кечеджи, через небольшой промежуток времени после появления в Мариуполе отправляется в Киев, хлопочет, чтобы артель преобразовали в товарищество - организацию более высокого уровня, уже творческую. Хлопоты увенчались успехом.

На выставках входивших в товарищество мастеров кисти и резца непременно экспонировались работы Якова Ивановича и всегда среди других были заметны. Где теперь они? Кто знает?

Лель Николаевич Кузьминков - его в Мариуполе представлять не нужно - рассказывал:

"Никодимов был типичным представителем искусства 20-30-х годов. Ему были присущи порыв, экспрессия, страсть к экспериментированию. Последнее свойство иногда вредило: стремясь улучшить достигнутое, он иногда ухудшал работу. Шутник большой. Шутки порой бывали грубоваты, но непосредственность подкупала, и его выходки прощали. Он обладал природным чувством цвета. Был, безусловно, талантлив. Жизненные обстоятельства и та эпоха, в которой протекала его творческая деятельность, как мне кажется, не позволили ему реализовать все возможности".

Существует мнение, будто художник продолжает жить после физической кончины до тех пор, пока его творения

доступны более или менее широкой публике. Если верить этому - Яков Никодимов ушел в небытие. К счастью, это не так. Он остался с нами. Остался в своих учениках.

Евгений Скорлупин: "С Яковом Ивановичем я познакомился в 57-м году, когда пришел работать в Товарищество художников. Он как-то выделялся из всех. Небольшого роста, плотненький веселый человек с юмором. Он пригласил меня заниматься к себе в студию в ДК "Азовстали". Там была создана спокойная атмосфера, царила тишина. Это заслуга Якова Ивановича. На занятиях он был уравновешен. Смотрел, как мы работаем. Распорядок был таким же, как в училище. Может быть, было меньше часов для занятий, но сам принцип такой же. Он внимательно следил за успехами своих учеников по многу лет после того, как они покидали студию. При встречах спрашивал: "Как вы? Чем занимаетесь? Что делаете?". Очень гордился, что большинство его питомцев стали профессиональными художниками".

Олег Ковалев: "Я работал на заводе, занимался в одном из кружков самодеятельности ДК "Азовстали", но тянуло в студию Никодимова. Пришел к нему. А он в ответ, мол, опоздал ты, ребята уже далеко продвинулись. Я начал просить: "Яков Иванович, возьмите меня, я буду платить за учебу, позанимайтесь со мной индивидуально". Яков Иванович с присущим ему юмором сказал: "Ну, если платить, то приходи". Занимался он со мной около месяца отдельно от всех, конечно, никакой платы не взял. Встреча моя с ним определила мою судьбу на всю жизнь. Он первый сказал, что мне нужно учиться изобразительному искусству дальше.

У него занимались Юрий Муравьев, Жора Скрипников, Эдуард Сахаров. Все стали художниками, хорошими художниками. Из его учеников я хотел бы отметить Сашу Алехи-

на, он вместе с нами закончил Ростовское училище, потом школу-студию МХАТ, стал главным художником ряда театров в России: Тульского, Новосибирского. Сейчас работает в Перми.

Помещение студии в перерывах между занятиями служило ему мастерской. Когда бы я ни приходил к нему, он стоял за мольбертом, писал свои работы. Писал подолгу. Мне запомнилась картина "Бандурист". Куда она исчезла?".

Нина Горлышева: "Я училась у Якова Ивановича года два с половиной. Не помню, чтобы он кому-нибудь сделал замечание, унижающее достоинство художника. Хотя какие из нас тогда были художники? Если он что-то поправлял, подсказывал, то воспринималось это как похвала. Он приходил на занятия в студию, да и мы тоже, как в хорошую, добрую семью. А создал эту семью он. Сам был независимым педагогом и давал свободу нам. Такие "вольности" в те времена не поощрялись. Помню, мы долго писали постановку с большим старым помятым латунным чайником. Я взмолилась: "Яков Иванович, сколько можно "мусолить" этот пузатый чайник?" - "Что, надоело? Тогда нарисуй то, что тебе нравится". Я составила дома натюрморт, довольно быстро запечатлела его на бумаге. Принесла учителю. Он внимательно рассмотрел мое "произведение", молча кое-что подправил и даже похвалил. Я ликовала.

На вступительных экзаменах на архитектурный факультет мне предстояло в течение четырех часов сделать карандашный рисунок. Натурой служил гипсовый слепок головы микеланджеловского "Давида". Начала действовать, как учил нас Яков Иванович. Через два часа у меня на ватмане уже были определены пропорции лица, найдены формы глаз, носа, рта. Я усердно трудилась над тоновыми отноше-

ниями. Подошел преподаватель, посмотрел и произнес: "Все ясно, вы свободны, работа принята, будете учиться у нас". Как я была благодарна в тот момент своему дорогому наставнику".

Александр Бондаренко: "Меня в студию к Никодимову привела мама. Я учился тогда в шестом или седьмом классе, но считал уже себя художником, почти гениальным.

"Посмотрим, что ты умеешь?" - сказал Яков Иванович то ли шутя, то ли серьезно. Он сделал специально для меня постановку: два обыкновенных кирпича, поставленные один вертикально, другой горизонтально. "Ты тоном не работай, а только построй контуры". Я подумал: как просто, как легко. Позже уже сам мягким карандашом сделал рисунок тоном. Рисунок этот сохранился. Когда смотрю теперь, жутковато становится.

Я занимался у него около двух лет и хорошую получил школу. Он не давил на учеников, не заставлял их четко следовать каким-то правилам, давал возможность проявить себя, свою индивидуальность.

Часто брал карандаш, садился и поправлял. Много не говорил, но сидя рядом, мы видели, что и как он делал, ощущали руку мастера. Карандаш у него в руке не становился жестким, он двигался необычайно свободно. Было приятно смотреть, как он поправляет рисунок. Таков был его метод обучения.

Часто в студию приходили уже взрослые, по нашим понятиям, люди, пытавшиеся самостоятельно освоить рисунок, живопись акварелью и маслом. Яков Иванович внимательно смотрел их работы, с удовольствием беседовал, давал советы. Это ему нравилось".

Внешне Яков Никодимов был менее всего похож на ху-

дожника. В нем не было богемности, напускной важности мастера, постигшего тайны ремесла, претензий на исключительность. Искусство для него было внутренним состоянием, его существом. Он щедро делился с учениками, коллегами, даже малознакомыми людьми всем, что знал и умел. Он был настоящим художником и учителем с большой буквы.

1998 г.

Наталья Кисса

На берегу эта хрупкая, небольшого роста женщина меньше всего была похожа на сурового капитана. Любила покопаться в огороде, приласкать кошку, любила вязать, шить и рисовать. Человек поразительной скромности, она стеснялась малейшего внимания к себе, к своим наградам, к своему высокому званию Героя Социалистического Труда.

Но стоило ей подняться на борт судна, как обретала она волю и характер, которым могли позавидовать прожженные "морские волки".

В молодости она наравне с парнями-курсантами море-

ходки лихо крепила паруса на реях учебной баркентины "Вега", позже несла нелегкую, а главное, ответственную штурманскую службу. Требовательность к подчиненным была у нее чрезвычайной. Говорят, что любители расхлябанности и выпивок стороной обходили суда, которыми она командовала.

Копия автобиографии, написанной Натальей Николаевной для курсантов Ростовского мореходного училища, черновик наградного листа, бережно хранимый директором музея Азовского морского пароходства В.А. Павлием, и воспоминания ее племянника П.М. Манусова позволяют восстановить этапы жизненного пути этой удивительной женщины.

Само появление ее на свет необычно. Она родилась 26 сентября 1908 года в штормовую ночь на борту парохода "Возрождение", капитаном которого был ее отец Николай Васильевич Кисса. Пароход "Возрождение" шел рейсом из Бердянска в Одессу и к моменту появления на свет дочери капитана находился в Керченском проливе. Однако официальным местом рождения Натальи Николаевны считается Кишинев, в этом городе прошло ее раннее детство. Вскоре после обретения дочери бравый капитан Кисса сошел на берег и стал преподавать точные науки в различных учебных заведениях, которые мы бы назвали сейчас техникумами. В 1921 году Николай Васильевич с семейством оказался в Бердянске. Занятие прежнее: ставшая для него уже привычной преподавательская работа.

Наталья Кисса принадлежала к той эпохе, когда по призыву комсомола тысячи девушек начали овладевать профессиями отнюдь не женскими. Газеты и журналы тех лет пестрели фотографиями молодых женских лиц, взявших в

руки руль трактора, штурвал самолета, даже реверс паровоза. Казалось, что и Наталья попала на флот, повинуясь моде.

Но, вчитываясь в ее документы и сопоставляя исторические события, приходится признать, что все было значительно проще и будничнее. Во-первых, потому, что к моменту провозглашения лозунга: "Женщины - на трактор" (самолет, пароход, паровоз, комбайн и так далее) Наталья Кисса уже прочно утвердилась в морской профессии, а во-вторых, потому, что не романтика, а скорее, необходимость призвала ее на суда сначала портового, а затем и торгового флота.

В 1924 году Николай Васильевич Кисса умер. Его вдова Елена Артемовна, привыкшая за спиной у мужа к обеспеченной, благополучной жизни, осталась с тремя девочками на руках на грани нищеты. В Бердянске, как, впрочем, и в других городах Приазовья, царила безработица. И когда ее старшей дочери Наташе удалось зимой 1927 года устроиться в судоремонт "рашкать" баржи (на обычном языке это значит - очищать корпуса барж от ржавчины, остатков краски и налипших ракушек), в семье сочли это за невероятное везение.

Весной ее приняли юнгой на портовое судно "Желанный". Об этом периоде своей жизни Наталья Николаевна вспоминала так: "Трудно было первое время и не потому, что я боялась работы, нет. Нужно было побороть людское недоверие, когда чувствуешь, что можешь работать, можешь все делать наравне с другими, а в тебя не верят, вот это трудно. В конце концов упорным трудом и горячей любовью к делу я победила предубеждение ко мне".

Потом Наташа Кисса по воле обстоятельств переходила

с судна на судно, занимая, как говорят моряки, одну судовую роль за другой. В 1931 году поступает в морской техникум в Ростове-на-Дону. Зимой учится, летом плавает. Сначала матросом на учебном паруснике "Вега". На старших курсах во время практики выполняет обязанности третьего и второго помощников капитана то на одном, то на другом судне Азовского пароходства. Время от времени учеба прерывалась, нужно было помогать семье, ставить на ноги сестер. Потому-то морской техникум Наталье Киссе удалось закончить только в тридцать седьмом году. С дипломом штурмана дальнего плавания Наталья Николаевна вступает на борт теплохода "Пионер", чтобы занять должность второго помощника капитана, вскоре ее переводят в старпомы.

Войну Н.Н. Кисса встретила на теплоходе "Анатолий Серов". Вот что рассказал об этом периоде жизни ее племянник Петр Маркович Манусов, которому самому довелось участвовать в дерзких десантных операциях на Черном море: "Начались рейсы в Одессу: туда с военным снаряжением и боеприпасами, обратно с ранеными и эвакуированными из Одессы детьми, женщинами и стариками. Потом были оборона Севастополя, доставка грузов на Малую землю. Каждый рейс был подвигом. Не раз "Анатолий Серов" попадал под торпедные атаки и бомбовые налеты фашистов с воздуха. В одной из таких схваток осколок разорвавшегося на палубе снаряда едва не оборвал жизнь Натальи Николаевны. Ранение, тяжелая контузия, госпиталь, списание с флота. Случилось это в мае сорок второго года. Только в сорок пятом году придирчивая медицинская комиссия разрешила ей работать на флоте. С большими трудностями она получила разрешение вернуться на суда Азовского

морского пароходства". Ей пришлось плавать помощником капитана на пароходе "Николай Островский", паровой шхуне "Ахиллеон", теплоходах "Земляк", "Судком", "Кореиз", "Райкомвод".

На "Райкомводе" в 1955 году Наталья Николаевна стала капитаном. Первым капитаном-женщиной на Азовском море. Позже приняла командование теплоходом "Пионер". Поистине непредсказуемы повороты судьбы. На "Пионере" она начинала самостоятельную работу штурманом, на нем в 1965 году закончилась ее морская служба. "Пионер" списали на металлолом, и его капитан Н.Н. Кисса сошла на берег, казалось, навсегда.

...Она не рассталась с морем. Море было ее целью и смыслом жизни. Она какое-то время продолжала работать капитаном в группе наставников Азовского морского пароходства, щедро передавала свой огромный практический опыт молодым судоводителям.

Наталья Николаевна Кисса последние годы жизни уже тяжело и безнадежно больной провела в семье Манусовых, окруженная заботой и вниманием близких ей людей. 2 сентября 1990 года ее не стало. Свой вечный покой она нашла в мариупольской земле.

А через некоторое время на борту одного из теплоходов Азовского морского пароходства появилась надпись: "Капитан Кисса". Надо было бы добавить еще и ее имя, пусть бы люди знали, что капитан Кисса была женщиной, хрупкой и стеснительной, но только на берегу...

1996 г.

Доктор Самойлович

В нашем городе во все времена было немало прекрасных врачей. Чтут и помнят мариупольцы Илью Ильича Данилова - организатора и первого заведующего городской больницей, доктора Сергея Федоровича Гампера, заложившего основы школьной медицины в нашем городе. Наш современник Михаил Леонтьевич Самойлович вошел в историю Мариуполя как основатель урологической службы самого высокого уровня.

Он и в свои преклонные годы был красив той благородной красотой черниговских крестьян, в которой сочетаются чистота и правильность черт лица и спокойное достоинство труженика-хлебороба. Родина Михаила Леонтьевича Самойловича - древняя земля Черниговская, а если точнее, село Михайло-Коцюбинское. Сегодня трудно сказать, почему его отец - потомственный крестьянин Леонтий Денисович Самойлович покинул в двадцать шестом году родное село и перебрался с семьей в Чернигов. Стал рабочим кирпичного завода.

На этом же заводе, как писал позже доктор Самойлович, началась его трудовая деятельность. На самом деле она началась гораздо раньше, когда Миша почти ребенком стал помогать отцу в его нелегком крестьянском труде.

Работа на кирпичном заводе была сезонная - только летом, а зимой Миша Самойлович учился в Черниговской медицинской школе. Там-то в 1930 году он получил диплом фельдшера и стал, как бы мы сейчас сказали, заведующим подземным медпунктом на одной из шахт Донбасса.

Его родителям - Леонтию Денисовичу и Ульяне Ивановне - казалось, что их старший сын достиг вершины своей карьеры. По-другому думал Михаил. В 1932 году он уже студент Одесского медицинского института. Здесь, в Одессе, он стал дипломированным врачом, здесь и обрел личное счастье - женился на своей однокурснице Зине Чмерук. Вместе с ней приехал в тридцать восьмом году в Мариуполь. Все складывалось хорошо: молодой врач занял должность хирурга в заводской больнице, вскоре родился сын.

Июнь сорок первого года застал Михаила Леонтьевича в Харькове на курсах усовершенствования врачей. А на четвертый день войны он уже ехал в эшелоне эвакогоспиталя,

который двигался к прифронтовой полосе. Так начался его многотрудный путь военного врача.

Было время отступления, было время движения эвакогоспиталя № 3446 за наступающими частями 2-го Украинского фронта, а поток раненых, изувеченных солдат и офицеров не иссякал. Обходы, перевязки и операции, операции одна за другой, кровь, смерть, людские страдания.

Правда, эта адская карусель заглушала хоть немного горе личное. Два брата военного хирурга Самойловича - Семен и Павел - пали смертью храбрых в боях за Родину. Не была известна судьба жены и сына-малыша, оставшихся в Мариуполе, престарелых родителей в Чернигове: и Мариуполь, и Чернигов долго были под пятой фашистов. С той поры сохранились лишь ветхий листок характеристики и воспоминания о невероятной, смертельной усталости.

Доктор Самойлович вернулся в Мариуполь в конце сорок пятого года. И сразу приступил к работе в хирургическом отделении больницы завода имени Ильича. Видимо, тогда пришла ему в голову мысль создать специализированное урологическое отделение. Но мечта стала реальностью лишь через два года.

В послужном списке Михаила Леонтьевича упомянуты его должности: заведующий хирургическим, а затем урологическим отделением, заместитель главного врача и главный врач больницы.

Конечно, он выполнял служебные обязанности более чем добросовестно - таков уж у него был характер. Но главной его страстью оставалась урология. Учился сам, учил других, читал лекции, делал показательные операции, а главное, лечил больных. Даже тех, которых другие врачи считали безнадежными. Слава одного из лучших урологических

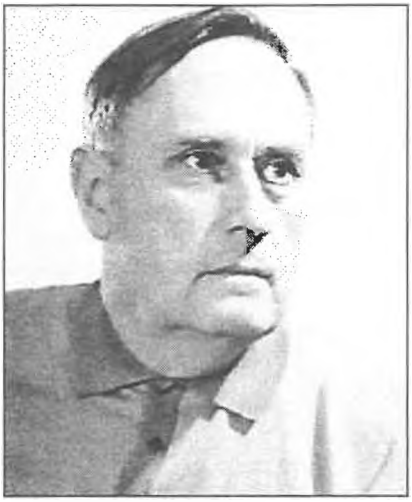
отделений Украины распространилась далеко за пределы Мариуполя.

Более чем сорокалетний труд доктора Самойловича на ниве мариупольского здравоохранения не остался незамеченным: ему присвоено звание заслуженного врача Украины, он был награжден высшей наградой Советского Союза - орденом Ленина...

Михаил Леонтьевич ушел из жизни 7 ноября 1994 года. После него остались пожелтевшие листки документов, военный билет подполковника медицинской службы, два сына - инженер и врач, дело, основанное им, которое так успешно продолжает его, доктора Самойловича, самый талантливый и способный ученик Василий Иванович Визинков, наконец, благодарная память тех, кому чудо-доктор вернул здоровье, а порой и жизнь.

1998 г.

Владимир Карпов



В памяти людей, которым довелось встречаться с Владимиром Федоровичем Карповым, сохранился для каждого свой образ этого необыкновенного человека.

Его соратникам по производственному объединению "Ждановтяжмаш", где Владимир Федорович был директором, а затем генеральным директором в течение восемнадцати лет, он запомнился как организатор производства, четко представляющий перспективу, как требовательный, но вместе с тем не сковывающий инициативу руководитель.

Крупнейшие ученые, академики Мстислав Всеволодович Келдыш, Сергей Павлович Королев, Валентин Петрович Глушко, Борис Евгеньевич Патон видели в нем талантливо-

го инженера, единомышленника, готового внедрить их научные разработки в практику.

Художников, кинематографистов, литераторов он поражал своими познаниями в искусстве и литературе, нестандартностью мышления, широтой взглядов, тонкостью юмора, порой парадоксальностью высказываний.

Туристы-ветераны до сих пор вспоминают дни, проведенные с ним в Архызе, строители Дворца культуры "Искра" - времена, когда Карпов на свой страх и риск взялся за возведение, как он говаривал, "цеха культуры".

Не забыт он и теми, кому пришлось работать в заводской кинолаборатории и любительской киностудии при ней, пожалуй, одних из самых любимых его детищ. Владимир Федорович заходил в крошечный просмотровый зал кинолаборатории, каждый раз осматриваясь по сторонам, как будто впервые видел пластиковый экран, стенды с грамотами и фотографиями, как будто не с его легкой руки и не благодаря его помощи и участию устроены в подвале инженерного корпуса и зал, и проявочная, и все остальное, что нужно для производства кинофильмов.

- Приветик, - говорил Карпов, улыбаясь присутствующим кинолюбителям, садился глубоко в одно из трех деше-

веньких кресел, обтянутых блекло-малиновой тканью.

Пока Виталий Страфун заряжал кинопроектор фильмом, Юрий Цымбалюк, оператор и руководитель кинолаборатории, рассказывал о новом фильме. Рассказы эти никогда не были долгими.

- Ну что? Все готово? Крутите!

И демонстрация очередного киножурнала о новостях тяжмашевцев начиналась. Порой Владимир Федорович коротко - иногда едко, иногда с добрым юморком - комментировал происходящее на экране. Именно то, что происходило на экране, а не качество самого фильма.

И Юрий, и Виталий, и другие тяжмашевские "киношники" давно следовали его то ли совету, то ли пожеланию: "Ваши фильмы тогда принесут пользу, когда их зрители - тридцать девять тысяч тяжмашевского народа - поймут, что каждый из них делает не болт, не гайку, а строит крупнейшие в мире конвертеры или невиданные доселе роторные комплексы. А для этого людям нужно показать на киноэкране, что сделанные ими болты, гайки, узлы и шестеренки превратились в вот такие уникальные машины".

Ему особенно нравились репортажи с Нурекской ГЭС, где монтировался огромный портальный кран, спроектированный и изготовленный на "Тяжмаше", испытания новых типов железнодорожных цистерн с эмблемой завода - стилизованной звездой в обрамлении шестерни.

После поездки в Японию на всемирную выставку - заметим, что в описываемые времена выезд за границу, тем более в капиталистическую страну, был событием чрезвычайно редким, - Карпов принес пачку фотографий большого формата, запечатлевших сценки из жизни экзотической страны. Это были фотографии, сделанные им во время поездки.

И само содержание снимков, а главное, их мастерское исполнение не могли не вызвать искреннего восторга "киношников", знавших толк в художественной фотографии. Кажется, он даже несколько смутился от похвал.

- Дарю! Наклейте на картон, пусть смотрят ваши коллеги.

Как-то в просмотровом зале принимали Стешанова - фотокорреспондента "Известий".

- А это чьи снимки?

- Нашего директора.

- Правда? Не может быть! Такое под силу только профессионалу, да и то не всякому. Фотографии - хоть сейчас ставь в номер.

По всему было видно, что фотография - его давняя страсть. Стоя на трибуне во время праздничных демонстраций, Карпов то щелкал затвором фотоаппарата, то плавно водил по марширующим демонстрантам объективом любительской кинокамеры.

Все, за что в своей жизни брался этот удивительный человек, доводилось им до высшей степени совершенства. Через несколько лет после того, как его не стало, пришлось увидеть архив Карпова-фотолюбителя. Каждая пленка пронумерована, на каждой обозначены условия съемки, с каждой сделаны контрольные отпечатки.

Нет, занятие фотографией было не просто способом отвлечься от многотрудных директорских дел, это было одно из проявлений многогранной творческой личности, каким был Владимир Федорович Карпов.

1996 г.

Доктор Топалов

Вдоль стены до самого потолка устроены самодельные полки. Потолок в комнате высокий и полок получилось много. Чтобы добраться до верхней, наверное, приставляли лесенку. Полки плотно заставлены папками, папками с сотнями историй болезней и записями выполненных исследований. В книжном шкафу рядом с монографиями и справочниками по медицине стоят тома "История XIX века", словари на нескольких европейских языках. У окна старомодный письменный стол, на нем - видавшая виды старинная пишущая машинка.

Здесь, в домашнем кабинетике, среди любимых книг, дорогих ему лиц на фотографиях, развешенных тут и там на стенах, проводил часы и дни Петр Дионисьевич Топалов в раздумьях о своей профессии врача, о смысле и назначении человеческого бытия. Здесь рождались идеи новых операций, здесь обдумывалась их тактика и аппаратурное обеспечение.

На пишущей машинке мысли врача и ученого материализовались в строки статей, в страницы воспоминаний о близких ему людях: об отце, Дионисии Павловиче, почтовом служащем, о своей матери, Елене Ильиничне, о брате и сестрах, о значительных для него событиях в жизни...

Первые самостоятельные шаги в медицине Петра Дионисьевича и его молодой жены и коллеги Марии Григорьевны совпали с самым началом Великой Отечественной войны. Во время войн самой ходовой медицинской специальностью становится хирургия. Тысячи тысяч человеческих тел, истерзанных пулями, штыками, осколками снарядов и бомб, требуют, взывают к немедленной помощи врача. Не потому ли Петр Топалов стал хирургом?

Ему повезло: значительная часть медицинской практики прошла среди талантливых врачей медсанчасти завода имени Ильича. Да, Спиридон Феофанович Кириллов, Михаил Леонтьевич Самойлович, Валерия Николаевна Ширяева были его наставниками и коллегами. Именно в хирургическом отделении больницы прославленного предприятия раскрылось его яркое дарование врача-травматолога.

Сыновья сохранили фильм, снятый, по-видимому, оператором-любителем на любительскую же узкую кинопленку в сентябре 1962 года. Кинокамера зафиксировала этапы операции по приживлению отторгнутых, а попросту говоря, от-

резанных циркулярной пилой пальцев руки незадачливого рабочего-плотника, выполненной Петром Дионисьевичем.

Позже результаты этой и подобных операций он изложил в научных статьях. Статьи заметили не только в Советском Союзе, но и за его рубежами. Но вот что интересно: приступая к работе над кандидатской диссертацией, Топалов взял в качестве ее темы не эту, уже получившую широкую известность методику по приживлению отторгнутых пальцев. Его внимание привлек недуг, описанный французским врачом Гийомом Дюпюитреном еще в начале XIX века.

От тяжелых нагрузок или по каким-то иным причинам пальцы на руках теряют подвижность, кисти рук приобретают подобие клешней. Мало того, что человек становится инвалидом, скрюченные пальцы причиняют постоянную боль. Мариупольский врач Петр Топалов нашел оригинальное решение многолетней проблемы. Это решение оказалось столь же эффективным, сколь и простым. Методика проведения операции, разработанная им, вошла в авторитетнейшие монографии по хирургии кистей рук.

Мария Григорьевна, вдова кандидата медицинских наук Топалова, уже тяжело и неизлечимо больная, незадолго до своей кончины сожалела, что разработки ее мужа недостаточно широко применяются в медицинской практике нашего города: "Мне кажется, методике мало внимания уделяют старые врачи, а молодые с ней совершенно незнакомы. А она ведь очень проста, очень доступна и не требует специальной операционной, достаточно амбулаторных условий. Я готова поделиться экземпляром диссертации и ознакомить с методикой тех, кто пожелает".

Конечно, авторитет блестящего врача Петр Топалов завоевал не только операциями, о которых шла речь выше.

Его сын, Дионисий, врач-невропатолог, вспоминал: "Отец отличался высоким профессионализмом, высоким профессиональным отношением к делу. Ему были присущи такие человеческие качества, необходимые врачу, как сопереживание, сострадание, умение проникнуться чужой болью, как собственной. Для меня он всегда был эталоном не только врача, но и человека. Он был разносторонним человеком, любил все прекрасное во всех проявлениях, увлекался живописью, фотографией, историей, языками".

От младшего брата Дионисия - Георгия приходилось слышать, что доктор Топалов пытался создать вместе с инженерами вакуум-камеру для лечения тромбофлебита, что он всегда был переполнен идеями, в том числе и такими, где могли быть использованы достижения современной техники.

До самых последних дней своей жизни Петр Дионисьевич оставался человеком неравнодушным. Например, его беспокоила судьба захоронения неизвестного советского солдата, погибшего в бою с гитлеровцами, он мечтал опубликовать материалы о тех людях в Мариуполе и близлежащих селах, которые оказывали сопротивление немецко-фашистским оккупантам. Он охотно делился воспоминаниями о своих коллегах-мариупольских врачах...

Не стучит старенькая пишущая машинка, тихо в кабинете доктора Топалова. Сердце талантливого человека перестало биться 30 марта 1995 года.

1996 г.

Яков Куликов

Двенадцать лет, в течение которых Яков Павлович Куликов работал на "Азовстали", кажутся небольшим сроком по сравнению с его более чем шестидесятилетним производственным стажем. И тем не менее в его душе эти годы оставили глубокий след. Наверное, поэтому свое семидесятилетие он решил отметить среди азовстальцев.

А они, желая сделать приятное Якову Павловичу, издали к этому событию буклет, где представлен его путь инженера, организатора производства, государственного и общественного деятеля.

Из этого документа, теперь уже исторического, мы узнаем, что Яков Куликов родился в 1915 году в самом сердце России, на Владимирщине, что юность и отрочество его связаны с Уралом. Пятнадцатилетним парнишкой он начинает самостоятельную жизнь, устроившись учеником слесаря на станции Монетной близ Свердловска. Поступает в школу фабрично-заводского ученичества, после окончания которой работает слесарем, вечерами посещает курсы по подготовке в вуз.

В 1933 году он уже студент Сибирского металлургического института. После его окончания в феврале 1938 года молодой специалист - инженер-металлург - Куликов получает направление в доменный цех завода "Азовсталь". Пройдя в этом цехе должности диспетчера, газовщика, он становится начальником смены.

Конец 1939 года. Началась советско-финская война. Вскоре азовстальского инженера призывают в армию. Он служит в 22-м запасном бронетанковом полку в непосредственной близости от театра военных действий. Начало Великой Отечественной войны застало командира взвода бронемашин старшего сержанта Куликова на Кольском полуострове. Через пять дней разведывательный батальон, в котором служил Яков Павлович, выдвинулся к северному участку Государственной границы Советского Союза и с этого времени вел почти беспрерывные бои с фашистами. Кстати сказать, именно этот участок рубежей страны так и не удалось преодолеть гитлеровским полчищам...

Война закончилась, Якова Павловича демобилизуют. Он возвращается на "Азовсталь". И тут начинается его стремительное восхождение по служебной лестнице. Начальник смены, заместитель, а затем начальник доменного цеха,

главный инженер, директор завода. На каждой из этих должностей он задерживался не более двух лет.

Ему едва перевалило за сорок, и новое назначение - начальник главка Минчермета Украины. Еще два года Яков Павлович возглавляет управление в Донецком Совнархозе, затем занимает пост заместителя Укрсовнархоза. Совнархозы ликвидированы, Яков Павлович назначается министром черной металлургии Украины. Блестящая карьера, отмеченная высокими правительственными наградами, в том числе званием Героя Социалистического Труда.

Однако как бы подробно ни были составлены анкеты и послужные списки, они не могут передать многогранность, а главное, обаяние этого незаурядного человека. Его образ оживает и наполняется яркими красками в воспоминаниях тех, кто знал его лично, работал вместе с ним.

Герой Социалистического Труда Григорий Леонтьевич Чуйко, бывший старший горновой доменного цеха завода "Азовсталь":

- Однажды, когда мы кислородными трубками прожигали летку, чтобы сделать очередной выпуск чугуна из домны, подошел Яков Павлович. К тому моменту мы сожгли трубок пятнадцать. Чувствую: вот-вот металл пойдет. Нагнулся, потом лег на край желоба, заглядываю в летку.

"Что ты там смотришь?" - спрашивает у меня Яков Павлович. Отвечаю: "Думаю, придется трубки две-три еще сжечь, прежде чем вскроется летка". И действительно, только сгорела вторая трубка и чугун пошел. После того, как мы управились со своими делами, Куликов спрашивает: "Гриша, а как ты узнал, что именно на второй трубке летка вскроется?". Я объяснил, что просчитал нужное количество трубок с учетом толщины кладки вместе с холодильником. Он

внимательно слушал, а потом говорит: "Да, Гриша, ты далеко пойдешь". Яков Павлович не упускал случая отметить способности и смекалку рабочего.

Анатолий Алексеевич Шокул, бывший начальник доменного цеха, главный инженер и директор завода "Азовсталь":

- Первое знакомство с Яковом Павловичем произошло у меня в 52-м году, когда я приехал на "Азовсталь" после окончания института. У него на протяжении всей его деятельности была традиция лично встречаться с вновь прибывшими молодыми специалистами. Он нас принял, расспросил, рассказал, где и как будем работать. Яков Павлович умел както особенно тепло общаться с людьми...

Он с подчиненными не разговаривал в приказном тоне, когда он давал задание, то казалось, что он посвящает в свои мысли и верит: все будет исполнено и исполнено не по принуждению, а из сознания необходимости.

Были и аварии, и неприятности, и всякие сложности, но я никогда не слышал повышения голоса у Якова Павловича. Он всегда был спокоен, ровен во всем. Если и выражал недовольство кем-то, то в таком тоне: "Ну, как ты мог это сделать? Ты же понимаешь, к чему это приведет?". Он не разносил провинившегося, а пытался, чтобы тот сам осознал ошибку.

Юрий Николаевич Архангельский, бывший начальник мартеновского цеха, главный сталеплавильщик, заместитель главного инженера завода "Азовсталь":

- Как-то на оперативку в мартеновском цехе, которую вел В.В. Лепорский, пришел директор завода Я.П. Куликов. Яков Павлович сел на свободный стул рядом с начальником цеха. И тут же поднялся и очень спокойно говорит: "Кто у вас тут помощник начальника по быту?". Помощник поднялся. "При-

несите мне, пожалуйста, молоток". Принесли молоток. Яков Павлович взял этот молоток, отодвинул стул, несколько раз ударил по сиденью. "Спасибо, возьмите молоток". Сел, извинился, предложил продолжить оперативку.

Что же случилось? Оказывается, он забил гвоздь, который ему мешал сидеть. Устранил сам неудобство без всякого раздражения. Другой бы начал выражать неудовольствие, а то и устроил бы разнос помощнику...

А.А. Шокул:

- Когда я бывал в министерстве уже в ранге главного инженера, встретит, бывало, в коридоре, обязательно спросит: "Ну, как там "Азовсталь"?" Отвечаешь. Иногда скажет: "Идем ко мне в кабинет, поговорим". Делишься с ним нашими делами и заботами, он внимательно выслушает. Затем сам начинает: "Ты знаешь, а вот на других заводах...". И рассказывает о каком-нибудь директоре или там начальнике цеха, как он ловко придумал, у него так хорошо получается. Он с такой теплотой вспоминал о людях.

Он обладал каким-то особым обаянием, с ним работалось как-то легко. Будто с тобой общается не министр, а твой близкий товарищ, единомышленник.

Ю.Н. Архангельский:

- Сколько бы раз я ни обращался к Якову Павловичу за помощью, он никогда не отказывал. Вот его слова: "Я не могу отказать представителям "Азовстали", не могу".

Григорий Тихонович Островерхов, бывший заместитель директора завода "Азовсталь":

- Зам. директора по экономике С.М. Сроелов, начальник доменного цеха А.А. Шокул и я находились как-то в командировке в Днепропетровске. Мы не управились со своими делами в министерстве и потому решили задержаться еще

на один день. После работы, поужинав, пошли прогуляться, благо, что лето. Было часов восемь вечера. Идем по мосту к парку им. Шевченко, вдруг видим: по противоположной стороне моста нам навстречу идет с двумя женщинами Я.П. Куликов. Позже мне объяснили, что это были его жена и сестра.

Яков Павлович нас заметил, извинился перед спутницами, перешел на нашу сторону, спросил, как дела на "Азовстали" и какие заботы привели нас в Днепропетровск.

Мы рассказали о своих проблемах, сообщили, что некоторые из них может решить только он, но вот не успели к нему попасть, и попросили принять нас завтра.

Яков Павлович сказал: "Ну, раз надо, так надо". Чуть подумав, добавил: "В министерстве, вы знаете, раньше девяти посетителей не принимают. Вы подойдите завтра к министерству в двадцать минут восьмого, подождите меня у входа. Я приду к этому времени и проведу к себе".

Мы все в точности исполнили, встретились с Яковом Павловичем, изложили свою просьбу. А суть ее заключалась в том, чтобы часть месячной прибыли завода перенести на последующие периоды года. "Все ясно, давайте бумагу, я распоряжусь". Мы ему говорим: "Бумага есть, но от руки написанная. Мы ее готовили вчера вечером в гостинице". А он в ответ: "Да была бы бумага, а как и чем написана, это не имеет значения". Тут же прочитал нашу рукопись и написал на ней: "Начальнику финансового управления, решить!".

А.А. Шокул:

- Работая на разных должностях в Совнархозе, а затем в Министерстве черной металлургии Украины, Я.П. Куликов проявил себя как крупный организатор производства. При нем металлургия стала ведущей отраслью в народном хо-

зяйстве Украины. Очень много он сделал для развития промышленности в нашем городе.

Г.Л. Чуйко:

- Когда умер его зять Тарасов, который, к слову сказать, был тоже в свое время начальником доменного цеха, Яков Павлович приехал из Днепропетровска на его похороны. После окончания траурной церемонии Куликов подошел ко мне: "Гриша, пойдем навестим обер-мастера Михаила Карповича Васильева, Филиппа Ивановича Сапелкина, других наших ребят". Обошли мы могилы, возле каждой постояли, а потом возвращаемся, и он будто сам себе говорит: "Да, остался бы я в Мариуполе, сюда бы попал, к своим, а так меня не пустят...".

Таким запомнили Якова Павловича его коллеги-производственники. А каким он был среди родственников, близких ему людей, в семье?

Антонина Дмитриевна Тарасова, племянница Я.П. Куликова, дочь его младшей, а потому особенно любимой и опекаемой сестры Лидии, рассказывала:

- Яков Павлович познакомился со своей женой Раисой Захаровной на фронте, и она стала его верным другом, женой, матерью его семейства. В командировки они ездили, как правило, вместе. Она ухаживала за Яковом Павловичем, как за ребенком. Работая в министерстве, он на обед приезжал домой, у Раисы Захаровны к этому времени все было приготовлено...

Обожал своих внуков, их у него было двое: Максим и Иван. Бывало, приедет к нам, сразу достает фотографии: "Смотрите, какие у меня внуки". Гордился ими.

Очень любил ходить, и хотя у него, как министра, был персональный автомобиль, на работу ходил только пешком. При

любых обстоятельствах утро у него начиналось с зарядки. Не упускал случая заняться физическим трудом на даче: вскопать грядки, порубить сушняк, что-то подремонтировать. Любил спорт, рыбалку, был болельщиком футбола.

Яков Павлович любил и постоянно заботился о своих близких - родителях, братьях, сестрах. И когда случалась беда, он первым приходил на помощь.

Когда он работал в Донецке, Киеве, а потом в Днепропетровске, то довольно часто приезжал к нам в город. Бывало, выйдет из машины, обязательно поздоровается со всеми соседями, спросит, как идут дела. Обзвонит всех своих друзей-доменщиков, съездит на "Азовсталь". Никогда не забывал посетить кладбище, где были похоронены его мать, отец, сестра, которая ушла из жизни очень рано...

Яков Павлович занимал очень крупные посты, но в общении с людьми всегда оставался внимательным, простым и доступным человеком. Таким я его запомнила.

Всего двенадцать лет прожил в Мариуполе Яков Павлович Куликов, но на всю жизнь сохранил нежную привязанность к нашему городу и его людям. Жаль, что мариупольцы никак не увековечили память о выдающемся человеке.

1998 г.

Дмитрий Грушевский

Кого бы из учеников Дмитрия Николаевича Грушевского ни приходилось встречать, неизменно они с теплотой и благодарностью вспоминали о своем учителе. Это были разные люди. Одним Дмитрий Николаевич преподавал историю в 17-й школе, другим - в вечерней школе рабочей молодежи, третьим - политэкономию в металлургическом институте. Оставил он о себе добрую память и у слушателей

университета марксизма-ленинизма. Было в свое время и такое учебное заведение...

Митя Грушевский стал педагогом в восемнадцать лет, когда его - выпускника учительских курсов - направили преподавать историю в Верхнюю Тавду. Но учительствовать пришлось недолго - всего несколько месяцев. Уже в начале декабря сорок первого года молоденький учитель попал на фронт.

Он испытал на себе все тяготы фронтовой жизни: и тяжелые оборонительные бои на Калининском фронте, и минометные обстрелы врага, и многосуточные переходы по топким болотам, и гибель однополчан, а главное, постоянное присутствие смерти.

Военная карьера командира минометного расчета Грушевского прервалась 13 июля сорок третьего года на Курской дуге. Именно в этот недобрый день его тяжело ранило осколком снаряда. После девяти месяцев лечения в госпиталях решение медицинской комиссии было однозначным: сержант Грушевский, 23-го года рождения, для службы в армии не годен, определить ему II группу инвалидности. В мае сорок четвертого года Дмитрий приезжает в Мариуполь. Находит себе работу по силам, время от времени лечится в госпиталях и заочно учится в Сталино (так назывался известный нам Донецк). В сорок девятом году с дипломом учительского института Дмитрий Николаевич начинает работать преподавателем истории в 17-й школе и продолжает учиться, теперь уже в педагогическом институте. К тому времени Дмитрий Грушевский был отцом семейства, у него и его жены Клавы рос годовалый сын. Ни напряженная работа в школе, ни заботы о семье не помешали Дмитрию Николаевичу закончить педагогический институт с отличием.

Не будем останавливаться на деталях послужного списка Грушевского, скажем лишь то, что в пятьдесят шестом году его пригласили в металлургический институт преподавать политическую экономию. Именно с этого времени Дмитрий Николаевич углубляется в изучение истории Мариуполя и, в частности, металлургического завода имени Ильича.

Скрупулезно изучает документы в архивах Донецка, Ленинграда, Киева, Харькова, записывает воспоминания ветеранов, работает в библиотеках с книгами по горно-заводскому делу России, с подшивками газет за несколько десятилетий.

Итогом этого титанического труда стали многочисленные статьи об истории Мариуполя, кандидатская диссертация и ее популярное изложение - книга "Имени Ильича", к которой и сейчас обращаются краеведы как к наиболее авторитетному источнику для изучения истории родного края.

Доцент, кандидат экономических наук Грушевский в 1971 году издает историко-экономический очерк о нашем городе, а через семь лет - его дополненное издание в соавторстве с журналистом Николаем Руденко.

Преподавательскую деятельность, исследовательскую работу Дмитрий Николаевич всегда сочетал с множеством общественных нагрузок: нештатный корреспондент "Приазовского рабочего", руководитель городской организации Общества охраны памятников истории и культуры Украины, многолетний председатель профсоюзного комитета металлургического института, популярный у жителей города лектор общества "Знание". Да разве перечислишь все обязанности этого неуемного человека!

При всей своей загруженности Дмитрий Николаевич ни-

когда не жалел времени для семьи. Семья была главным его оплотом в жизни: жена Клавдия Ивановна, его три сына всегда оставались предметом радости и гордости. И нужно сказать: не без основания.

Дмитрий Николаевич был человеком добрым и жизнерадостным, жизнелюбивым. Уже тяжело больной, все говорил своей Клаве: "Вот не смогли мы с тобой сыграть свадьбу тогда, в сорок пятом, доживу до полувека нашей семейной жизни, да отгрохаем "золотую" свадьбу, как это полагается".

Но не сбылась заветная мечта. 28 апреля 1993 года Дмитрия Николаевича не стало.

1997 г.

Владимир Михайлович Цыбулько

На XXII ждановской городской партийной конференции, которая проходила в январе 1966 года, первым секретарем горкома КПУ был избран Владимир Михайлович Цыбулько. В эту должность он вступил через десяток дней после избрания - 18 января, а покинул ее 9 декабря 1968 года. То есть работал он в нашем городе всего три года.

А вот в молве народной этот, прямо скажем, небольшой промежуток времени связывается с целой эпохой в истории Мариуполя - эпохой Цыбулько. Пусть далеко не все помнят его имя и отчество, пусть ошибаются и считают, будто он был городским мэром, но и по прошествии трех десяти-

летий после отъезда его в Киев воспоминания мариупольцев о нем состоят из оценок в высшей степени одобрительных, если не восторженных. До сих пор действия городских властей сравнивают с тем, как "было при Цыбулько". Свидетели той поры обязательно опишут, как были при нем красивы и ухожены городские улицы, скверы и парки. Как превратил он унылое шоссе, тянувшееся вдоль морских пляжей между трамвайной линией и покосившимися заборами частных владений, в Приморский бульвар. Кстати, и название бульвару, говорят, придумал он сам.

Напомнят, что в годы его правления была перенесена нефтебаза с берега моря в промышленную зону. Перечислят жилые кварталы, кинотеатры, проспекты, сооруженные при нем. Правда, на поверку оказывается: многое из причисленного к эпохе Цыбулько строилось, возводилось, создавалось через десять или даже пятнадцать лет после того, как он уехал к новому месту работы. За три года работы первым секретарем Владимир Михайлович добился принятия двух крупных постановлений Совета Министров Украины, которые определили на многие годы вперед развитие экономической, социальной и культурной сферы города.

В перечень этих постановлений, в частности, вошли строительство таксомоторного парка, расширение молокозавода, возведение новых пивоваренного и хлебозавода в Орджоникидзевском районе, развитие базы строительной индустрии.

Игорь Васильевич Холодов, бывший инструктор одного из отделов горкома партии, вспоминает: "Приход В.М. Цыбулько в город совпал с началом экономической реформы, предложенной тогдашним Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, которая давала предприяти-

ям некоторую самостоятельность в расходовании части полученной прибыли. Владимир Михайлович очень умело воспользовался этим.

Он убедил руководителей крупных предприятий - директоров заводов им. Ильича В.О. Куликова, тяжелого машиностроения В.Ф. Карпова, "Азовстали" В.В. Лепорского, начальника комбината "Ждановстрой" И.П. Голубева - выделять денежные средства, а при необходимости - строительные материалы, технику, людей на благоустройство города, строительство объектов соцкультбыта, спортивных сооружений, дорог и т.п.

Да, широкое жилищное строительство велось не по воле В.М. Цыбулько, но именно он добился в высших инстанциях и поставил задачу перед архитекторами, чтобы новые микрорайоны застраивались не похожими друг на друга пятиэтажками, а домами повышенной этажности, разнообразными по внешнему виду. Он придавал большое внимание обустройству центральных городских магистралей.

В.М. Цыбулько стремился не только придать благопристойный вид г. Жданову (так тогда назывался наш Мариуполь), но и создать условия для повышения его культурного и спортивного потенциала. По его указанию были улучшены жилищные условия художников, работавших в городе, выделены квартиры специально приглашенным выпускникам столичных художественных вузов, перспективным спортсменам, тренерам.

К сожалению, не все им задуманное было его преемниками воплощено в жизнь. Прекратилось строительство стадиона в Приморском районе, городской театр не преобразовали в музыкально-драматический, оправдавшись отсутствием необходимых условий, за непостроенную картинную

галерею отчитались выставочным залом, устроенным в помещении, предназначавшемся для парикмахерской.

Может, чем-то приглянулся Владимиру Михайловичу провинциальный приморский город и ради этой "любви с первого взгляда" он взялся с таким рвением за его преображение? Вряд ли.

Просто в его характере было: взявшись за дело, делать его максимально хорошо и доводить до конца. Он был жестким человеком, требовательным к себе и другим, преданным однажды выбранным идеалам, ради благополучия многих был готов пожертвовать судьбой одного или нескольких людей, в том числе своей.

С его приходом в город пришлось многим руководителям уйти с работы по тем или иным причинам, к сожалению, не всегда оправданным и обоснованным.

Нет, он не упивался властью. Был строг, но не скатывался на совещаниях до крика, а тем более "мата", был одинаково корректен и ровен в общении - от министра до своего водителя.

Его бывший технический секретарь Л.В. Макарова рассказывала: "До прихода Владимира Михайловича я была для работников горкома Лидой. Это он меня назвал, несмотря на мою молодость, Лидией Васильевной. Он не терпел панибратства и фамильярности".

Еще отмечали его скромность, скромность не показную, а идущую из глубины существа. Вот что рассказал бывший водитель Цыбулько Г.И. Дахнюк: "Одевался он скромно: кепка, самые рядовые костюм и пальто, правда, всегда тщательно вычищенные и отутюженные. На работу и с работы ходил пешком, несмотря на то, что левую ногу ему заменял протез. Если приходилось с утра ехать на стройку, завод или

в Донецк, говорил: "Подъедьте завтра к семи сорока пяти". И, будьте уверены, ровно без пятнадцати восемь, минута в минуту, он выходил из подъезда".

Как с каждой неординарной личностью это бывает, о нем ходило, да и сейчас ходит много легенд. Легенды порождаются, как известно, незнанием: Владимир Михайлович о себе никогда не распространялся, а в личное дело, кроме узкого круга лиц, умевших "держать язык за зубами", никто не заглядывал.

И только сейчас материалы его биографии стали открытыми. Итак, Владимир Михайлович Цыбулько родился 19 сентября 1924 года в небольшом шахтерском городке Ровеньки Луганской области, там в 1941 году закончил десятилетку. В октябре этого же года семья эвакуировалась в Казахстан, до призыва в армию в августе 1942 года работал в колхозе.

После десяти месяцев учебы в Тамбовском военном училище (оно дислоцировалось в г. Семипалатинске) его направляют в резерв наркомата обороны, но ненадолго, в октябре 1943 года командир минометного взвода 47-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии Цыбулько уже воевал на Центральном фронте.

В автобиографии Владимир Михайлович писал: "Участвовал в боях за расширение плацдарма на правом берегу Днепра, где 4 декабря 1943 года был ранен.., 10 января 1944 года при штурме г. Калинковича (Белоруссия) был тяжело ранен, направлен в госпиталь, оттуда 4 марта 1944 года вернулся в свою часть... участвовал в боях по изгнанию фашистов из Белоруссии, форсированию р. Буг, освобождению Польши. На р. Нарев (Польша) - контужен, лечился в части, после выздоровления назначен командиром минометной

батареи... При штурме г. Данциг 26 марта 1945 г. был тяжело ранен, отправлен на излечение в госпиталь".

После четырех месяцев лечения в госпитале, а затем еще четырех - дома у родителей, в Ровеньках, демобилизованный капитан-минометчик, инвалид II группы приступает к работе в отделе кадров райисполкома...

Не будем утомлять читателей подробным перечислением служебных перемещений Владимира Михайловича. Скажем только, что с 1947 по 1956 год он был на комсомольской работе - секретарем райкома, обкома, первым секретарем Донецкого обкома ЛКСМУ. В 1958 году он - первый секретарь Калининского райкома в Донецке, заведующий отделом Донецкого обкома, с этой должности он перешел к нам в город. С 1970 по 1985 год Владимир Михайлович был первым секретарем Киевского обкома КПУ.

Нужно отметить, что В.М. Цыбулько при всей своей занятости умудрялся выкроить время для учебы, при этом отвергал любые поблажки со стороны преподавателей. В 1950 году он успешно сдал государственные экзамены на историческом факультете Донецкого педагогического института и получил диплом учителя истории, в 1958 году окончил Высшую партийную школу, в 1965-м - Киевский институт народного хозяйства, факультет экономики.

Если судить по анкетным данным, Владимир Михайлович Цыбулько был типичным представителем партноменклатуры. Действительно, практически вся его трудовая деятельность связана с комсомольской и партийной работой. И вот парадокс - люди его запомнили, выражаясь терминологией, теперь уже ушедшей в историю, как умелого "хозяйственника"...

Он, проживший жизнь в условиях, когда демократия в ее

изначальном смысле занимала одно из последних мест в иерархии ценностей, а во главе угла стояла жесткая партийная дисциплина, вряд ли мог принять реформы Горбачева. Нужно думать, и Горбачева не устраивали люди, подобные Владимиру Михайловичу. В 1985 году первый секретарь Киевского обкома Цыбулько покинул свой пост, вышел на пенсию и уехал с семьей в Москву, где довелось ему пожить всего два года. В некрологе, подписанном руководителями партии во главе с М.С. Горбачевым, сказано: "14 апреля 1987 года после тяжелой продолжительной болезни скончался персональный пенсионер союзного значения В.М. Цыбулько...".

1999 г.

Иванчики

В то воскресенье - 22 июня сорок первого года - в Мариуполе с самого утра установилась солнечная, теплая погода. Мариупольские хозяйки спозаранку отправились кто в магазин, а кто на базар. Молодежь и курортники поспешили на пляж, они располагались на песке, пробовали, не холодна ли вода, готовились к завтраку на свежем воздухе, малыши ожидали разрешения старших окунуться в воду, а ребята постарше очертя голову бросались в море, слегка покрытое утренней рябью. День обещал быть очень хорошим...

Мариупольцы и их гости не знали, что уже несколько часов идет война.

В полдень черные тарелки репродукторов в домах и квадратные раструбы громкоговорителей, установленных в городе в людных местах, слегка заикающимся голосом заместителя Председателя Совнаркома Молотова сообщили: фашистская Германия напала на Советский Союз.

Пока еще до конца не осознанная тревога вошла в мариупольские дома. Люди еще не знали, что каждому из них и каждому из их близких война уже отмерила свою чашу горя. Только одни изопьют ее до дна в ближайшие дни, а другим предстоит пить ее долгие-долгие годы.

И в домике на третьей улице Слободки, красовавшемся известковой побелкой стен, аккуратной покраской оконных рам, чистотой идеально промытых стекол, с замиранием сердца слушали Молотова. Здесь жили две семьи: фотографа и сапожника. Жена фотографа Матрена была родной

сестрой сапожника Елисея Григорьевича. В каждой семье было по единственному сыну - позднему ребенку, а потому особенно дорогому. У фотографа Григория Кузьмича Саверского - чуть постарше, у сапожника Елисея Григорьевича Гмыри - помоложе. В тот роковой год Ваня Саверский еще учился в Ейском училище морской авиации. А Ваня Гмыря только что окончил восемь классов железнодорожной школы. Впрочем, может, и не этой? Спросить-то теперь не у кого. Родители называли своих сыновей любовно Иванчиками: Саверского - Иванчиком Черным, Гмырю - Иванчиком Белым.

В те мгновения, когда Саверские и Гмыри вслушивались в слова Молотова, фашистские полчища уже топтали поля Украины и Белоруссии, шли ожесточенные бои у Брестской крепости. Рушились под бомбовыми ударами дома, полыхали деревни, падали на землю охваченные пламенем самолеты. Кровавая война началась. С ее первых дней от Вани Саверского не было ни слуху ни духу. Это потом стало известно, что наскоро сдавших выпускные экзамены пилотов из Ейского училища морских летчиков отправили служить на Дальний Восток: тогда еще угроза Японии стояла во весь рост.

Потом в Мариуполь пришли немцы. Ваня Гмыря прятался, чтобы не угнали в Германию. Сразу же одряхлевшие Григорий и Елисей перебивались случайными заработками, а Матрена Григорьевна молила Господа, чтобы он уберег ее единственного сына. На короткое время успокаивалась, когда у гадалки выпадали карты, что Иванчик ее жив.

10 сентября сорок третьего Мариуполь освободили от фашистов. Подоспел срок призыва в армию для Вани Гмы-

ри. Он пошел вместе с мариупольскими хлопцами в одной из маршевых рот на фронт. Теперь уже и Катерина Ивановна с Елисеем Григорьевичем стали ждать письма от сына. И вскоре дождались. Пришла похоронка: ваш сын Иван Елисеевич Гмыря скончался от ран, полученных в боях на реке Молочной под Мелитополем.

Наконец и Саверские получили весточку от своего Иванчика. Ее Матрена Григорьевна достала из почтового ящика перед Новым, сорок четвертым годом.

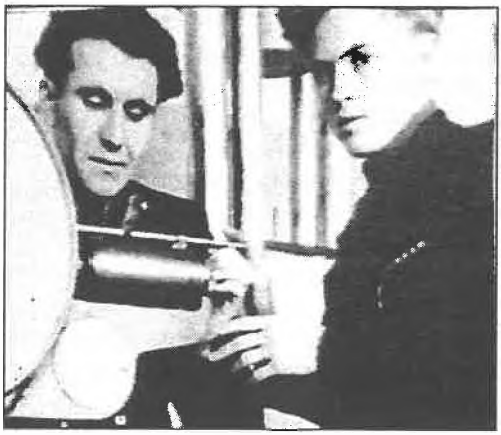
Иванчик поздравлял родителей с освобождением Мариуполя, сообщал, что едет на Балтику бить фашистов. Три с половиной месяца плутало письмо по полевым почтам, прежде чем достигло родительского дома. Это была последняя весточка от сына, которую прочла Матрена Григорьевна. Второе - страшное - письмо получил Григорий Кузьмич. Он не показал жене похоронку. Так до последнего своего часа Матрена думала, что Иванчик ее жив. Нет, ни Саверские, ни Гмыри не искали могил своих сыновей. Найти могилы значило для них навсегда потерять надежду увидеть их. А они все-таки надеялись. Надеялись, что они живы.

Ушли один за другим в мир иной родители Иванчиков. Сегодня домишко на третьей Слободке пуст. Обвалившаяся штукатурка, глубокие щели между кирпичами стен, деревце, выросшее перед дверью, калитка, вросшая в землю, - все говорит о том, что подворье давно опустело. И здесь чаша горя, принесенного войной, была испита до дна...

22 июня сорок первого года в Мариуполе установилась солнечная погода. День обещал быть очень хорошим.

1996 г.

БЫЛИ ДВА ДРУГА...



К концу сорок четвертого года вся территория Советского Союза была освобождена от гитлеровцев, шли ожесточенные бои за Варшаву, судорожно сопротивлялся окруженный гарнизон Будапешта. Фронт неумолимо приближался к границам фашистской Германии. Ее падение было не за горами. "Тысячелетнему рейху" история отсчитывала последние месяцы. Все понимали: война вот-вот закончится.

А из военкоматов на фронт и в запасные полки все прибывали и прибывали маршевые роты. Все больше - семнадцатилетние ребята. В ноябре сорок четвертого принесли повестки и мариупольским девятиклассникам Вите Галани и Володе Ширяеву.

Они думали, что успеют повоевать с немцами: у них были свои счеты с захватчиками. Им пришлось пережить горькие два года оккупации, прятаться от угона в Германию. На памяти был сожженный, изуродованный родной город. Знали они о тысячах замученных пленных, мирных жителей Мариуполя.

Совсем недавно перенес огромное горе Виктор Галани. Его отца - Петра Павловича - фашисты расстреляли в первый же месяц оккупации Мариуполя.

Володя и Виктор думали, что будут воевать с немцами, но эшелон с новобранцами шел на восток. На Урале в одном - 46-м - учебно-стрелковом полку, в одной роте и даже в одном пулеметном отделении началась их армейская служба. В школе они были прилежными учениками, с таким же прилежанием Виктор и Владимир овладевали армейской наукой.

Там, на Урале, красноармейцы 46-го полка узнали о штурме Берлина, о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, о Победе. Война закончилась. Но, как оказалось, не для них.

В начале июня сорок пятого года эшелоны с бойцами 221-й Мариупольской стрелковой дивизии, куда попали наши земляки, двинулись по Транссибирской магистрали.

20 июня они прибыли в Монголию.

Разгрузка личного состава, техники, имущества, распределение пополнения по полкам и 360 километров пешего марша по безводным степям. В первый же день перехода стало ясно - при пятидесятиградусной жаре передвижение войск невозможно. Командование решило: идти по ночам.

9 июля дивизия сосредоточилась у границы с Манчжурией, а через месяц, прорвав оборону японцев, устремилась в наступление.

Тяжелые бои развернулись в конце августа. В одном из них восемнадцатилетний пулеметчик Владимир Ширяев получил тяжелое ранение. Кровавое пятно все расползалось и расползалось по гимнастерке, а Володя продолжал огонь. За этот подвиг он был награжден орденом Славы.

Закончилась и война с Японией, но для Виктора Галани, Владимира Ширяева и их сверстников служба в армии только начиналась. Тактические занятия, строевая и огневая подготовка, переводы из части в часть. Короткий отпуск домой в Мариуполь.

А хотелось учиться, ведь в девятом классе им пришлось побыть всего два месяца. И они учились, если в гарнизоне была вечерняя школа, а больше сами корпели над учебниками в каждую свободную от службы минуту.

Наконец, в пятьдесят первом году - демобилизация. После долгих лет разлуки друзья встречаются вновь. Оба сдают экстерном экзамены за десятилетку, оба поступают в металлургический институт. Слушают лекции, делают лабораторные работы, учатся жадно, с упоением, наверстывая упущенное время. Они почти не замечают трудностей и бедности тяжелых послевоенных лет. Они дома, рядом с родными, рядом с друзьями.

Учение в институте закончено, Виктор Петрович Галани и Владимир Иванович Ширяев получают дипломы с отличием. Это была их личная победа, время триумфа, время обретения счастья.

Они обзаводятся семьями, становятся отцами, преподают в институте, ведут напряженную научно-исследовательскую работу. Почти одновременно защищают диссертации, с интервалом в один месяц летом 1967 года полу-

чают дипломы кандидатов наук. Работа нравится, работа спорится, работа приносит плоды.

В 1988 году выходит из печати книга “Расчет металлургических машин и механизмов”. Среди ее авторов и доцент Владимир Иванович Ширяев. Жаль, не смог показать книгу своему другу и однополчанину Виктору Галани. Ему не довелось дожить и до пятидесятилетия. Владимир Иванович не знал, что и ему отведены для жизни считанные месяцы.

Они вполне могли отметить 50-летие Победы. Ведь среди ветеранов Отечественной войны они были самыми молодыми: ребята, что моложе их на год, были призваны в армию уже в мирном сорок восьмом году. Могли бы, если бы не ушли из жизни так рано. Владимир Ширяев и Виктор Галани - солдаты, ставшие ветеранами второй мировой войны в восемнадцать лет.

1995 г.

Григорий Пивень

13 января 2003 года скончался, не дожив до семидесяти шести лет восемнадцать дней, Григорий Антонович Пивень - ветеран ОАО "Азовмаш", почетный металлург, лауреат Государственной премии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, бывший начальник теперь уже бывшего мартеновского цеха.

С этим цехом, если не считать нескольких месяцев работы учеником автослесаря в гараже коксохимзавода перед поступлением в 1944 году в Мариупольский металлургический техникум, связана вся трудовая деятельность Г.А. Пивня.

Он родился в селе Белоцерковка, что в Запорожской области, в семье сельского кузнеца и хлебороба, где кроме него - старшего сына - было еще четверо детей. В многодетных крестьянских семьях рано приобщаются к полезному труду. В этом плане Гриша Пивень не был исключением. Привычка трудиться, заложенная в детстве, осталась у него на всю жизнь.

В 1936 году Пивни переезжают в Мариуполь. Отец семейства - Антон Наумович - устраивается слесарем в трамвайное депо, затем переходит на завод им. Ильича, мать - Матрену Александровну - принимают на работу в совхоз им. Ворошилова.

В год начала Великой Отечественной войны Г.А. Пивень оканчивает с отличием семилетку. Он собирался учиться дальше, но в октябре сорок первого года в Мариуполь ворвались гитлеровцы. Было не до учебы. Чтобы как-то выжить,

семья в полном составе возвращается на родину в Белоцерковку. Осенью 1943 году части Красной Армии изгоняют оккупантов из села. Вскоре Антон Наумович уходит на фронт. Возвратиться домой ему довелось только в 1945 году после тяжелого ранения в ногу.

В декабре 1943 года Григорий Пивень приезжает в Мариуполь. Некоторое время, как уже говорилось, поработал учеником автослесаря, а на следующий год поступает в Мариупольский металлургический техникум на отделение, где готовили сталеплавильщиков. Трудно сказать, что предопределило выбор будущей профессии. Но как бы там ни было, благодаря природным способностям, упорству в достижении цели, трудолюбию Григорий Пивень в 1948 году оканчивает техникум. Его - молодого специалиста - направляют в мартеновский цех завода им. Ильича, тот самый цех, который стал его судьбой.

Жарким августовским днем сорок восьмого года техник-металлург Г.Пивень приступил к исполнению обязанностей бригадира разливочного пролета. Ему пришлось не только руководить разливщиками, канавщиками, ковшевыми, но и собственными руками выполнять технологические операции по разливке стали, работу, скажем прямо, не из легких. Так продолжалось полтора года.

Однако у него хватило сил поступить в 1949 году на вечернее отделение Мариупольского металлургического института, который он успешно окончил в 1955 году.

Прежде, чем стать начальником мартеновского цеха, Григорию Антоновичу пришлось пройти путь в два десятилетия. Вехами на этом нелегком пути была работа мастером на разливочной канаве, сталеваром, старшим мастером печного и разливочного пролета, начальником смены и за-

местителем начальника цеха. Интересно: когда Г.А. Пивня выдвинули в 1952 году на должность начальника смены, его кандидатуру по представлении руководства завода утверждал не кто нибудь, а начальник главка союзного министерства. Вот какое значение придавали в те времена подбору руководителей среднего звена.

Мартеновский цех, который с 1958 года вошел в состав вновь образованного завода тяжелого машиностроения, еще с довоенных времен был своеобразной лабораторией, где свои научные идеи проверяли на практике крупные ученые-металлурги. Назовем лишь некоторых руководителей научных коллективов, работавших в цехе в то время, когда в нем трудился Г.А. Пивень. Это академики Б.Е. Патон, Н.Н. Доброходов, В.А. Ефимов, ставший впоследствии академиком А.Д. Чепурной, а также профессора, доктора наук И.Г. Казанцев, Е.А. Казачков, И.К. Марченко и многие другие.

Григорий Антонович принимал деятельное участие в проведении многих экспериментальных работ, часто вносил оригинальные и дельные предложения. Он завоевал авторитет благодаря большому практическому опыту, наблюдательности, аналитическому складу ума. С его мнением считались, к его советам прислушивались не только рядовые исполнители, но и их маститые руководители.

Начиная с 1969 года, на протяжении семнадцати лет Г.А. Пивень был начальником мартеновского цеха. В это время в наибольшей степени раскрылся его талант инженера и руководителя. При его личном участии были внедрены передовая технология разливки слитков с применением шлакообразующих смесей, стальные изложницы, передвижной копер, модернизированные мульдовые тележки, электрошлаковый обогрев кристаллизующихся слитков, двухслой-

ные слитки, слитки с квазимонолитной структурой и многое другое. Была освоена выплавка ряда новых марок сталей для бронетехники, судостроения, нефтяного и химического машиностроения.

Григорий Антонович был человеком скромным. Он жил с семьей в отцовском небольшом домике на Новоселовке и каждый день добирался пешком в цех и таким же способом возвращался домой. Разве что в очень плохую погоду он пользовался городским транспортом. Появлялся в цехе очень рано, обходил все участки, беседовал с мастерами и рабочими. В холодное время года на нем была неизменная сталеварская "суконка", летом - клетчатая рубашка навыпуск.

И текущую работу цеха, и предлагаемые новшества Г.А. Пивень подвергал тщательному экономическому анализу. Кто у него бывал, помнит, наверное, как прежде, чем принять решение, Григорий Антонович неторопливо поднимался из-за стола, открывал сейф, доставал оттуда счетную машинку "Элка" - в сейфе, пожалуй, кроме нее, ничего и не было - и начинал просчитывать возможные последствия внедрения того или иного предложения.

Ему было совершенно чуждо заискивание перед вышестоящим начальством, какого бы оно ни было ранга. Вместе с тем Г.А. Пивень был человеком чрезвычайно демократичным и доступным со своими подчиненными, не допуская, впрочем, панибратства, сам не нисходил до "похлопывания" по плечу.

Несмотря на грубоватую внешность, Григорий Антонович был человеком добрым, тонко воспринимающим юмор, готовым помочь людям в трудную минуту. Большой любитель рыбалки, он мог в свободную минуту так красочно описать

это увлекательное занятие, повадки рыб, окружающую природу в разных ее состояниях, что иные слушатели сожалели, почему содержание этих устных рассказов не положено на бумагу...

Григорий Антонович Пивень посвятил свою жизнь сталеплавильному производству и детям передал свою профессию. Его сын Александр и дочь Наталья стали инженерами-сталеплавильщиками и работают по специальности.

Г.А. Пивень покинул наш бренный мир, оставив о себе добрую память.

2003 г.

Мариупольские зарисовки

Венценосный постоялец

Есть в истории человечества личности, к биографиям которых все вновь и вновь обращаются историки, литераторы, художники, да и просто любознательные люди.

Александр Македонский, Иван Грозный, Наполеон... К этому списку может быть причислен и российский император Александр I. И не только потому, как писал один из его биографов, что он был одним из крупнейших государственных деятелей Европы первой четверти XIX века - эпохи наполеоновских войн, европейских реставраций, революций, бунтов, восстаний, кризиса крепостничества в России. Не может не вызывать интерес монарх, чьи подданные разгромили полчища Наполеона и освободили Европу.

Личность Александра I привлекает внимание главным образом потому, что его жизнь - "это драма человеческой личности, вынужденной сочетать в себе несовместимое - власть и человечность", как отметил один из современных историков.

Почти с младенчества Александр оказался как бы в центре взаимной ненависти его бабки - императрицы Екатерины II и отца - будущего императора Павла I. Он рос как бы вне семьи. Заботы и опека царственной бабушки, конечно, не могли заменить юному царевичу материнской ласки.

Идеи просвещения и лозунги Французской революции, воспринятые от воспитателя Фредерика Лагарпа, мечты о конституции вместе с другом юности Адамом Черторыйским и необходимость без малого четверть века править деспотической империей. Разве все это не могло оставить след в чувствительной душе Александра?

Само восшествие на престол Александра I связано с преступлением. Если не с его участием, то с его молчаливого согласия был убит император Павел I - его родной отец. Сознание греха, нравственные терзания преследовали Александра всю жизнь.

Его семейную жизнь не назовешь счастливой. Императрица Елизавета Алексеевна - жена Александра была женщиной болезненной, их дети умерли в раннем возрасте.

Полна тайн и неожиданная кончина императора в провинциальном Таганроге. Тело царя с подобающими почестями доставили в Петербург и погребли в соборе Петропавловской крепости. А по огромной Российской империи поползли слухи: мол, царь жив, а вместо него похоронен кто-то другой, а сам он "на шлюпке уплыл в море". Затем в середине девятнадцатого века в Сибири объявился старец Фе-

дор Кузьмич, и родилась то ли быль, то ли легенда, что это и есть бывший император Александр Павлович. Этому посвящены многочисленные научные и псевдонаучные сочинения. Сам Лев Толстой в неоконченной повести с пространным названием "Посмертные записки старца Федора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири на заимке купца Хромова" пытается реконструировать эту загадочную историю.

Может, душевные терзания, угрызения совести, крушение идеалов молодых лет, страх стать жертвой заговора вынуждали Александра непрестанно путешествовать по России. Москва, Тверь, Черновцы, Чернигов, Илецкая защита, Симбирск, Вятка - это только незначительная часть больших и малых городов и селений необъятной империи, удостоенных посещения монарха.

Побывал император и в Мариуполе, даже дважды. Об этом как об "особо замечательных событиях в истории города рассказано в книге "Мариуполь и его окрестности".

Первый раз это случилось в начале июня 1818 года. Что мог увидеть тогда Александр в Мариуполе? Несколько сот глинобитных и сложенных из известняка домишек, дощатые лавки местных торговцев, немощеные пыльные улицы без единого деревца, четыре церкви, не блещущие красотой архитектуры, его подданных, говорящих на неведомом ему языке, да приземистое здание греческого суда на Базарной площади, где ему предстояло провести ночь. В анналах истории сохранилось об этом посещении лишь то, что верноподданные мариупольцы встретили Его Величество хлебом-солью и поднесли ему блюдо и солонку ценою более двух тысяч рублей (огромные по тем временам деньги).

О втором посещении в 1825 году мариупольский историк

пишет еще меньше. Сказано лишь, что император ночевал в доме купца Чабаненко да что одарил он Анну Константиновну и Екатерину Кузьминичну Чабаненко богатыми колье. Но заглянем в дневник лейб-медика Виллие. Уже приближаясь к Мариуполю, Александр почувствовал себя плохо. В своем дневнике 4 ноября в Мариуполе Виллие констатировал "полное развитие лихорадочного пароксизма". По приезде в наш город венценосный больной приготовил себе сам стакан легкого пунша и, "выпив его, уверял, что для него этого лечения достаточно". Казалось, что шинель, подбитая мехом, немного согрела его. Жарко натопленная печь источала приятное тепло, клонило ко сну...

5 ноября утром Его Величество со свитой выехал в Таганрог. Это было его последнее прижизненное путешествие... Через тринадцать дней в 10 часов 50 минут 19 ноября 1825 года в Таганроге император всероссийский Александр Павлович скончался...

Пребывание Александра Первого в Мариуполе никаких последствий для города не имело. Так, остался штришок в истории...

1996 г.

Книга

Богатыми людьми были мариупольские купцы Хараджаевы, очень богатыми. Владели они кирпичными заводами, лучшими домами в городе, хлебными ссыпками и пароходами.

Хотелось им, чтобы и после ухода в мир иной осталась ламять о них. Жертвовали немалые средства на церкви, на содержание гимназий и больниц.

Однако время не прислушивается к людским желаниям. Давно стерты с лица земли мариупольские храмы, исчезли кирпичные заводы Хараджаевых, и лишь очень редкие старожилы да дотошные краеведы помнят, где стояли некогда хараджаевские дома и амбары.

А памятником Хараджаевым, во всяком случае одному из них - Давиду Александровичу, - стало дело, на которое они потратили деньги, по их понятиям, совсем плевые.

Когда весной 1892 года решено было провести экскурсии для мариупольских гимназистов, преподаватели мужской Александровской гимназии принялись писать тексты лекций, которые должны были предварить каждую из экскурсий. Не будем здесь перечислять авторов этих лекций - краеведам они хорошо известны, назовем лишь темы некоторых из них: "Топография и климат г. Мариуполя", "Основание г. Мариуполя и некоторые данные к его истории", "Духовное и гражданское самоуправление", "Очерк учебных заведений", "Фабричная и заводская деятельность г. Мариуполя", "Лечебные учреждения".

Экскурсии гимназистов, как бы сейчас сказали, были про-

ведены в установленные сроки, лекции прочитаны, но организаторам показалось: этого мало. Решено было издать лекции типографским способом. Сказано - сделано. А сделано потому, что деньги на издание лекций пожертвовал местный купец Давид Александрович Хараджаев. И получилась книга...

Сегодня остались считанные экземпляры книги "Мариуполь и его окрестности". Именно о ней идет здесь речь. Два или три из них хранятся в Мариупольском краеведческом музее, какое-то количество - в частных собраниях. Говорят, есть по экземпляру этого уникального издания в Москве, в фондах Российской национальной библиотеки (так именуют сейчас всем известную библиотеку имени Ленина), да еще в Санкт-Петербурге, в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. То есть, по нынешним временам, за границей.

Поражает оперативность владельца мариупольской типографии Франтова. 10 мая 1892 года была проведена последняя экскурсия, и в этом же году первые читатели открыли пахнущую свежей типографской краской книгу. А ведь в те времена не было линотипов, все 500 страниц набраны, да что набраны, отпечатаны, сшиты и переплетены вручную.

Кроме тем, названных выше, на страницах книги идет неспешное повествование об истории переселения православных христиан из Крыма в Мариуполь, о митрополите Игнатии, возглавившем это переселение, об особо замечательных событиях - к ним отнесены, например, посещения Мариуполя императором Александром I, сообщено даже о стоимости подарков, преподнесенных монарху верноподданными мариупольцами.

Подробно и обстоятельно написано о православных (и иных вероисповеданий) храмах. И хорошо авторы сделали

- иначе о многих из них мы бы и не знали. Не забыты были флора окрестностей города, статистические данные, должное отдано местному театру и его основателям, быту, нравам и обычаям мариупольских греков. Завершалась книга нотной записью мелодий греческих песен и словами к ним, собранными и записанными одним из преподавателей.

Создатели книги отнеслись к делу столь серьезно, что и сегодня к ее помощи прибегают краеведы, историки, этнографы, языковеды, литераторы и журналисты, усердно цитируя ее, если речь идет о Мариуполе, правда, не всегда и не все, к сожалению, делают соответствующие ссылки.

Хоть мариупольский типограф Франтов и добыл для книги плотную бумагу, прочные льняные нитки для сшивки, крепкий картон для переплета и добротную кожу для корешка, неумолимое время взяло свое. Ветшает, увы, книга и скоро может и вовсе исчезнуть. Если и не исчезнуть, то стать доступной еще более ограниченному кругу людей, чем сейчас.

А книга, поверьте, интересна для многих, очень многих читателей, особенно в Мариуполе...

1995 г.

Прощание с гимназией

Последний звонок, выпускные экзамены, выпускной бал. События во все времена волнительные. Волнительные для главных виновников этих торжественных событий - выпускников: такое бывает раз в жизни. Волнительные для многих родителей: где взять деньги на "выпускной" наряд своего чада, на оплату банкета, на памятный фотоальбом, на подарок классному руководителю, родной школе, бессонная ночь в ожидании сыновей и дочерей, отправившихся встречать рассвет на море. Волнительные для руководителей народного образования: как укротить роскошества торжеств по поводу окончания школ. Наконец, волнительные для работников милиции: чего греха таить, прогулки подвыпивших выпускников на встречу восхода солнца кое-где порой - не дай бог, чтобы это было в этом году, - кончаются... как бы сказать, дракой.

Все эти волнения - приятные и не очень - принадлежат нашему времени. А как было раньше, до нас и даже до наших родителей? Откроем прочный, неподдавшийся превратности времени переплет "Отчета о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1893 гражданский год". Он хранится в фондах Мариупольского краеведческого музея. В разделе отчета "Особо замечательные события" находим: "14 июня 1893 года был публичный акт по поводу окончания курса гимназии. После молебствия и произнесенного отцом Павлом Щербиной наставления окончившим курс были прочтены списки перешедших учеников и розданы аттестаты и награды. После акта почетный попечитель

гимназии, он же почетный гражданин, Д.А. Хараджаев предложил всем служащим гимназии и окончившим курс катание на море и обильную трапезу.

Это было прощальное гулянье окончивших курс со своими наставниками. Во время гулянья осмотрены землечерпательная машина во время ее работы в канале и английский пароход. Гулянье сопровождалось большими овациями в порту и на бирже (в наше время она называется гаванью Шмидта. - **С.Б.**). В порту многие пароходы были расцвечены флагами, биржа по прибытии окончивших учеников осветилась бенгальскими огнями и восторженными приветствиями многочисленной публики.

Окончившие снялись на фотокарточку с начальствующими и преподавателями своего класса и, прощаясь, преподнесли директору гимназии Тимошевскому настольную бронзовую скульптурную группу со следующей надписью: "На память нашему незабвенному Григорию Ивановичу от признательных учеников Мариупольской гимназии выпуска 1893 года".

По окончании гулянья молодые люди были приглашены на танцевальный вечер, устроенный родителями окончивших женскую гимназию".

Нужно думать, что никаких эксцессов не было. Будь они - их бы зафиксировали в отчете. Непременно.

2001 г.

Старая газета

Давно ушли в мир иной люди, встречавшие Новый, 1900 год за праздничными столами, стерты с лица земли храмы, украшавшие некогда город, обветшали дома, бывшие в те времена новостройками, а газеты - хрупкие листы бумаги, жизни которым было отмерено день-другой, остались. Конечно, не все: история тщательно отсевает зерна от плевел.

Этот номер "Мариупольского листка" за 11 августа 1900 года хранится в семейном архиве Даниловых более ста лет. Сейчас он у доцента Приазовского государственного технического университета Сергея Сергеевича Данилова.

Дело в том, что на второй странице "Мариупольского листка", о котором идет речь, была напечатана заметка о городской больнице, а в ней лестный и, как свидетельствуют другие источники, заслуженный отзыв о ее заведующем - докторе И.И. Данилове - дедушке Сергея Сергеевича. Вот почему передавали из поколения в поколение старую газету.

В начале XX века в Мариуполе Илью Ильича Данилова знали и стар, и млад. И как прекрасного врача, и как одного из организаторов городской больницы (сейчас она носит номер 3), и как многолетнего заведующего этим учреждением.

А сейчас давайте полюбопытствуем, о чем еще писала мариупольская газета начала века. Первая и последняя страницы четырехполосного издания были полностью отданы рекламе. Мариупольцам предлагалось "пильзенское

пиво" наследников Боте из Екатеринослава, в мануфактурном магазине Левина - остатки товаров со скидкой 30%, у Кипмана - велосипеды, пишущие машинки "Ремингтон", весы "Фербенкс", множительные аппараты Эдисона, увы, как и сейчас, все больше импортного производства.

Мариупольская таможня объявляла торги огнеупорного кирпича и стали. Кто-то пытался провезти контрабанду: не удалось. Анонсировались концерты симфонического оркестра под управлением М.Я. Свердлова в Александровском парке. На месте этого парка возвышаются сейчас 43-й и 45-й дома по проспекту Ленина.

Не пожалело денег на рекламу страховое общество "Россия". Предлагалось "страхование отдельных лиц от всякого рода несчастных случаев; страхование пассажиров на железных дорогах и водяных путях; коллективное страхование от несчастных случаев служащих в правительственных и общественных учреждениях; коллективное страхование рабочих на фабриках, заводах и постройках". Прошло 95 лет, а виды страховых услуг почти не изменились. Интересно, как выполняло свои обязанности перед клиентами это страховое общество - так же, как некоторые нынешние?

В магазине Гуровича можно было купить всевозможные часы и музыкальные инструменты - от балалайки и мандолины до флейты и тромбона. Хуже было тем, кто занимался в Мариуполе живописью. За материалами приходилось ездить в Ростов-на-Дону, в магазин красок Жан-Левина (его реклама есть в газете). Зато какое разнообразие красок: масляные в трубочках, акварель жидкая и сухая, акварель в ящиках ценой от 12 коп. до 4 рублей, гуашевые в стеклянных банках, прозрачные - для живописи по стеклу. Впрочем, не так уж и сложно было попасть в Ростов, если любишь

искусство: по воскресеньям, вторникам и четвергам из Мариупольского порта в Ростов отплывал пароход. Можно было туда добраться и по железной дороге, но с пересадками, как и сейчас...

Что же волновало мариупольскую общественность в последний год XIX века? Почти то же, что и нас. Плохое освещение улиц и то, что их скверно и нерегулярно метут и поливают, грязь на пляжах и купание там собак. Сообщалось, что ведутся переговоры об устройстве в Мариуполе электрического трамвая. Заметим, что трамвай появился только в советское время, в начале тридцатых годов.

Газета как газета: объявления, реклама, фельетон, стихи - не очень талантливые, но зато на злобу дня. Но вот на что обращаешь внимание: в справочном отделе - такса на хлеб и мясо. И это на подъеме капиталистической эпохи! В разгар самых что ни на есть рыночных отношений мариупольская городская дума, оказывается, жестко регламентировала цены на эти продукты. Каковы же были цены? Фунт (410 г) белого хлеба стоил 5 копеек, а фунт говядины - 8 копеек. То ли хлеб был дорог, то ли мясо дешево?

Во что же обходилась пища духовная? Например, номер того же "Мариупольского листка"? От двух с половиной до четырех копеек: дешевле, если подписаться на год, дороже, если на три месяца. Вот и выбирайте - или полфунта мяса, или городские новости.

Как всякая уважающая себя газета, "Мариупольский листок" имел раздел криминальной хроники. Два "леденящих душу" преступления в Мариуполе зафиксировал репортер тех лет: 8 августа у обывательницы украли на рынке кошелек с тремя рублями, а четвертого - некая "дама в шляпе" пыталась там же стащить у поселянки... курицу!

Жаль, что под большинством материалов газеты вместо подлинных фамилий стоят псевдонимы, а другие вовсе лишены подписей. Кто эти дотошные репортеры, развязные фельетонисты, всезнающие обозреватели мариупольской прессы на рубеже двух веков? Для истории осталась лишь фамилия Фалькевича - редактора и издателя листка.

Сохранился еще и адрес редакции газеты: в доме Юрьева напротив часовни - значит в том здании на углу пр. Ленина и Георгиевской улицы - Греческой улицы, где сейчас находится магазин "Обувь".

Прошли бурное XX столетие, мировая война, революция, затем война гражданская, на берегу Кальмиуса вырос гигант-завод, огненным смерчем по Мариуполю прошлась вторая мировая война, изменились город и люди, живущие в нем, и сегодняшние городские газеты приобрели почти такой же вид, если не внешне, то по своим темам и обилию рекламы, какой имел "Мариупольский листок" в последний год XIX века.

Колесо истории сделало еще один оборот.

1995-2003 гг.

Листая календарь...

Да ведь неглупые люди жили в Мариуполе. Совсем неглупые, коли еще в 1910 году издали адрес-календарь "Весь Мариуполь и его уезд". Мариуполь тех лет: всего ничего. Каких-то 50 тысяч жителей. Вроде всё и все на виду. Зачем справочная книга? Все и так известно... Оказалось, нужна. И не только мариупольцам начала века, но и больше нам, живущим в этом городе сегодня.

Задумали сделать сугубо практическую вещь всего на один год - получился исторический документ на десятки, может, на сотни лет.

Полистаем эту книгу. Она начинается и заканчивается рекламой.

Нужно думать, господа Адабашевы и Горелов, Золотухин и Горенштейн, Капустин и Кобытченко ссудили деньги на справочник и немалые, как-никак он рекламировал товары их магазинов и фирм. Понимали: их фирмам реклама и горожанам польза. К рекламе мы еще вернемся, а пока обратимся к содержанию самого календаря.

Начинался он с Российского Императорского дома. Не только сведения о государе-императоре, не только о его августейшем семействе, но и дядях и тетях царя, братьях и сестрах его. За этим следовали календари 1910 года, мы здесь не оговорились, именно календари: отдельно для исповедующих православие, римско-католические для католиков, календарь для протестантов, календарь для иудеев.

Есть в этой необычной книге раздел метрологии, здесь находим русские меры и перевод их в метрическую систе-

му. Не забыты другие полезные и нужные в быту сведения. А медицинскими советами, особенно наставлениями о мерах личного предохранения от холеры, можно пользоваться и сейчас.

Мариупольцы могли познакомиться с содержанием грамоты императрицы Екатерины II о переселении православных греков из Крыма в Приазовье, и не только с ним, но и с краткой историей родного города.

Адрес-календарь донес до наших времен и учреждения тех лет, и имена чиновников, которые служили в них, и адреса этих учреждений. Перечислены все учебные заведения. Для истории сохранены имена учителей и учительниц, инспекторов и попечителей, школьных врачей и даже письмоводителей.

Из списка абонентов телефонной сети узнаем, что номер телефона гостиницы "Континенталь" - 92, а к доктору Илье Ильичу Данилову в собственный дом на Екатерининской улице можно дозвониться по номеру 182. Семнадцатью телефонами располагал завод "Русский Провиданс", семью - завод "Никополь", а Мариупольский порт обходился всего четырьмя аппаратами. Зато статский советник, недавний купец первой гильдии Давид Александрович Хараджаев оплачивал абонентную плату за 6 телефонов.

В Мариуполе 1910 года было шестнадцать врачей, примерно один на три тысячи жителей, это - без зубных, коих было восемь, да два фельдшера, да 24 акушерки. Много это или мало, не нам судить.

Кажется, в этой книге есть адреса церквей, магазинов, аптек, присутственных мест, бойни, каменоломни, всех заводов, фабрик, благотворительных и страховых обществ...

Есть и адреса консульских учреждений иностранных го-

сударств: вице-консульств Великобритании, Германии, Испании, Греции, консульские агентства Франции, Италии, Австро-Венгрии. Как-никак Мариуполь был крупным международным портом уже тогда.

А теперь вернемся к рекламе. Что же рекламировали в Мариуполе?

Плуги и сеялки, плитки для полов и тротуаров, надгробные памятники, конфеты и пряники от Литвинова и обувь от Похитонова, железо-скобяные изделия в магазине Семена Егоровича Егорова. Завьялов был готов отремонтировать швейную машину, калильную лампу, велосипед и даже автомобиль, братья Голдрин - отпечатать и переплести книги, Когон и Вердников - изготовить железные кровати.

Вот какую книгу на 1910 год отпечатал в Мариуполе типограф Копкин. Печатал на один год, а получилось, что и через десятилетия читать ее интересно.

1997 г.

Лица наших предков

В запасниках краеведческого музея, в собраниях коллекционеров, в домашних альбомах мариупольских старожилов можно встретить старинные фотографии. Как правило, сохранность их поразительна. Кажется, что отпечатаны они не в начале уже ушедшего XX столетия, а совсем недавно. Как здесь не сказать, что портреты делались на века.

Каждый из снимков, за редким исключением, наклеен на паспарту - кусок плотного картона с тисненой надписью "Маріуполь" и фамилией владельца заведения, чаще всего он был и автором фотографии. На оборотной сто-

роне паспарту эти же надписи повторяются на гравюре, украшенной вензелями и завитушками. Тут же представлены адрес фотоателье и изображения наград - медалей, коими был удостоен его владелец. За паспарту мариупольским фотографам приходилось ездить в Москву, Санкт-Петербург, Одессу, в Вильно (Вильнюс), Либаву (Лиепаю).

Исследованием творчества мариупольских фотографов-художников занимается известный в нашем городе краевед А.Д. Проценко. Список популярных мастеров - Стояновского, Куюмджи, Рубанчика, Улахова, работавших в первое десятилетие XX века, он дополнил именами Сазонова, Файна, Краснопольского, Цилинского, Шляпова, Полонского и других. Им же установлены современные адреса дореволюционных фотоателье. В частности, Стояновский работал в доме Попова на Харлампиевской улице,19. В коллекции Аркадия Дмитриевича есть необыкновенно интересные экземпляры: снимки фотомастера Куюмджи, на паспарту которых обозначено, что их автор в 1898 году был награжден медалью "За усердие", получил благодарность от императора Александра III и королевы эллинов Ольги. К таким раритетам можно отнести фотоснимок Рубанчика, на котором изображен консул Греческого королевства в Мариуполе Капораки. Снимок датирован 1901 годом...

В наши дни чаще всего встречаются работы Анисима Михайловича Стояновского. Они отличаются художественностью и завидным техническим совершенством, даже если рассматривать их с позиций сегодняшнего дня. В двадцатые годы, а может, чуть раньше, этот великолепный мастер работал на Большой улице, названной в совет-

ское время проспектом Республики, а позже пр. Ленина. На втором этаже дома № 27 было устроено его ателье. Теперь там обычные квартиры, отличающиеся разве что высоченными потолками, а на первом этаже совсем недавно находился магазин "Колбасы".

В этот период учеником А.М. Стояновского был Михаил Медуховский, создавший впоследствии историю завода "Азовсталь" в фотоснимках. Перед войной постаревший Анисим Михайлович уехал в Ленинград к родственникам. Он не смог или не захотел покинуть осажденный город-герой и умер от голода в блокадную зиму сорок первого года.

Что же касается других фотографических заведений нашего города в дореволюционные годы, то о них можно сказать, что Куюмджи таковое имел на Екатерининской улице, т.е. на нынешнем проспекте Ленина, в собственном доме, Рубанчик - на той же улице в доме Голуб, а Полонский - на улице Морской. Правда, найти эти дома сейчас практически невозможно.

Старинные фотографии. Умиротворенные лица. Спокойные, устойчивые позы. Если дама или кавалер стоят, то чаще всего опираются на массивную вычурной формы резную тумбу. Если сидят, то плотно прижавшись к спинке или подлокотнику кресла (стула). Иногда портретируемый, поддерживая рукой голову, сидит за столиком. Освещение лиц всегда мягкое, без резких контрастов.

Статичность портретов объясняется не отсутствием фантазии у фотохудожников, а низкой светочувствительностью фотоэмульсий того времени. При съемке приходилось держать объектив открытым в течение не сотых долей секунды, как это делается сейчас, а на протяжении

нескольких секунд. При этом любое "шевеление" объекта съемки привело бы к смазыванию изображения на негативе. Вот и приходилось заставлять клиентов относительно долго находиться в неподвижности.

В помещение, где производилась съемка, солнечный свет проникал через стеклянный фонарь в полпотолка. Разного рода подсветки лица достигались с помощью системы ширм, обтянутых белым материалом, сетчатых экранов и щитов, оклеенных блестящей фольгой. Со временем мариупольские фотографы стали применять и искусственное, электрическое освещение. Сначала в качестве вспомогательного, а потом полностью заменили им естественное.

Высочайшее качество снимков обеспечивалось тем, что фотопечать на бумагу производилась без увеличения со стеклянных негативов, имевших размер будущей карточки. Кроме того, и негативы, и позитивы тщательно ретушировались. Ретушеры в большинстве были мастерами своего дела, своего рода художниками. Среди них были и Елизавета Борисовна Вишневецкая, которой довелось работать с А.М. Стояновским в последние годы его творчества.

Старинные фотографии дают возможность представить облик людей, населявших Мариуполь сто лет назад. Вот строгая классная дама из женской гимназии, гладкая прическа, волосы собраны в плотный пучок на затылке, пенсне, строгое закрытое платье, прямая посадка. Чиновник, форменный мундир с петлицами, целлулоидный белоснежный воротничок, подпирающий подбородок. Гимназист с длинным плотным рядом латунных пуговиц на мундирчике. Два парня из мещан, на головах - картузы с ма-

ленькими, “в два пальца шириной” лакированными козырьками, косоворотки, опоясанные шелковыми поясками с кистями, сапоги с голенищами из мягкой кожи, натянутыми почти до середины колен.

А еще можно встретить на фотокарточках свадебные пары, самодовольных купцов, солдат и студентов, приехавших к родным на побывку, отцов и матерей многочисленных семейств с чадами и домочадцами. Лица наших предков.

1999 г.

Исчезнувший театр

Эллада - колыбель европейской культуры. Время пощадило древние амфитеатры. Именно здесь в глубине веков родился современный театр. Не случайно, что из древнегреческого почти во все европейские языки пришли слова: "сцена", "оркестр", "трагедия", "хор" да и само слово "театр".

Но так уж случилось, что прямые потомки древних эллинов - греки, оказавшиеся волею исторических судеб на берегах Азова, растеряли в своих скитаниях театральные традиции пращуров. Какие там традиции, если в Мариуполе не было греческого национального театра.

Так думали многие. Даже специалисты. Так продолжали бы думать и сейчас, если бы... если бы не Игорь Андреевич Налчаджи. Человек он в городе был известный - председатель общества греков имени Хартахая, актер и режиссер народного театра Дворца культуры комбината "Азовсталь".

Потому, наверное, именно ему в руки попало письмо из Греции. Историк театра Муратидис просил прислать материалы о Мариупольском греческом театре.

Игорь Андреевич признался, что послание это застало его врасплох. "Конечно, вспомнились рассказы родителей, что в тридцатые годы два родных брата папы, Василий и Иван, служили в греческом театре музыкантами, но этим, как оказалось, все мои знания и ограничились. И мне стало стыдно. Как же это так? Прожить всю жизнь в Мариуполе, посвятить не один год театру и ничего не знать о театре своего народа. Что, написать об этом в Грецию?".

Наш земляк не оставил письмо Муратидиса без ответа. Но прежде ему пришлось побывать в краеведческом музее, в Донецком областном архиве. Документов о театре нигде не было. Лишь в газете "Социалистический Донбасс" за 1937 год обнаружил заметку, а в ней строки: "Режиссер греческого театра Теленчи перевел на родной язык драматическую поэму Пушкина "Моцарт и Сальери". Она будет показана в исполнении греческого театра к столетию гибели поэта". Так было установлено имя режиссера. В одном из театральных журналов за тридцать четвертый год короткая информация: "В Мариуполе начал работать первый в СССР греческий театр, в его составе двадцать четыре актера. Театр подготовил пьесы "Тамила" и "Шквал". Потом удалось разыскать несколько бывших актеров театров, родственников тех, кто ушел из жизни.

Шаг за шагом шел Игорь Андреевич по следам исчезнувшего театра.

Ему удалось установить, что инициатором создания театра был известный греческий поэт Георгий Костоправ, что делил он сцену с русским драматическим театром.

Записаны фамилии более тридцати работников театра. Собраны десятки редких фотографий: совсем юные лица. Спокойные, чуть наивные взгляды. Сцена из спектакля "Платон Кречет". Выступление на полевом стане. А вот снимок сделан сразу после спектакля. Еще не снят грим с улыбающихся лиц, искрятся глаза. Наверное, был успех. На фотографии занятия балетом. Значит, были и балетные сцены в спектаклях.

Душой труппы был Даниил Теленчи. Талантливый режиссер, актер, поэт и переводчик. В репертуаре - его пьеса, пьесы Костоправа, Арбузова, Мольера, наконец, "Каменный

гость" Пушкина. Переводы с русского языка делают Георгий Костоправ, Василий Галла, Даниил Теленчи. Говорят, спектакли шли с аншлагом.

Почти пять лет работал Мариупольский греческий театр. И вдруг в том самом тридцать седьмом его закрыли. Без всякой вины, как стало теперь известно, расстреляны директор театра Караберов, художественный руководитель Деглари, режиссеры Даниил Теленчи и Юрий Дранга, актеры Георгий Севда, Федор Лубэ, Федор Кашкер. Все документы, связанные с театром, сожжены. Было сделано все, чтобы театр был забыт. Забыт навсегда.

Но жизнь распорядилась по-своему. Результаты своих поисков И.А. Налчаджи опубликовал в "Приазовском рабочем", о греческом театре он выступил с докладами на нескольких научных конференциях.

Однако ему показалось, что этого мало. Он здорово потрудился,чтобы театр был увековечен мемориальной доской. И теперь мариупольцы и их гости могут ее увидеть на здании, построенном теперь на том месте, где некогда стоял городской театр. Ее сделали мариупольские художники Александр Фасулаки, Леонид Яцыняк, Владимир Держинский, сделали ее совершенно бесплатно. Добавим: соавтором доски с полным правом нужно назвать и Игоря Андреевича Налчаджи.

Проходя мимо этой доски, вспомните об актерах Мариупольского греческого театра, театра молодых энтузиастов, театра несбывшихся надежд и загубленных талантов.

1995 г.

Воспоминания о юности, которой не было

Эти люди долгие годы предпочитали молчать о своей юности. Юности, которая прошла на чужбине, в фашистской Германии, куда они попали в четырнадцати -пятнадцатилетнем возрасте. Да и была ли у них юность вообще?

Вот фрагменты записей воспоминаний этих людей о том ужасном времени.

Валентина Петровна Войцеховская (Тимченко) угнана в Германию, когда ей было четырнадцать с половиной лет: "В Германии я работала на заводе, приходилось делать самую тяжелую работу. Часто после основного рабочего дня нас посылали на выгрузку железнодорожных вагонов...

Освободили нас американцы, и случилось это в день моего совершеннолетия. Большего счастья, чем в тот день, я не испытывала никогда в жизни".

Галина Андреевна Шепель угнана в Германию четырнадцатилетней девочкой: "На фабрике, куда я попала, работали шесть "остарбайтеров", все малолетки, была даже двенадцатилетняя девчушка. А жили мы в лагере, там находились человек двести, в основном люди из Дебальцева, Чистякова и Мариуполя. Никто не принимал во внимание, что мы малые дети. Мы выполняли ту же работу, что и взрослые немцы-рабочие".

Николай Васильевич Шепель: "В Германии я оказался семнадцатилетним юношей. Добывал уголь в шахте на глубине 780 метров на пласте 1,2 метра. За двенадцатичасо-

вой день каждый из нас обязан был добыть не менее 12 тонн. Даже сейчас вспоминать об этом страшно".

Вера Константиновна Евтушевская (Гудзь) отправлена на принудительные работы в Германию в шестнадцатилетнем возрасте: "Из Мариуполя нас увозили в товарных вагонах. Людей туда натолкали так много, что каждый мечтал лишь об одном: вдохнуть бы глоток свежего воздуха...

В Германии я попала в крестьянское хозяйство, к бауэру. Поднимали нас, батраков, очень рано. Труд был непосильный: приходилось ухаживать за многочисленными коровами, свиньями, работать в поле.

За то, что я не справлялась со своей работой, меня все время хозяйка била. И однажды я убежала. Но вскоре полиция задержала и отправила меня в Бохум в тюрьму. Оттуда попала в штраф-лагерь на шахту. Нас, девочек, заставляли возить вагонетки с породой. Были такие большие куски породы, что мы, голодные, не в силах были их поднять. Жизнь во вражеском плену была сплошным кошмаром. Но нужно сказать, что среди немцев находились добрые души. Случалось, что немецкие рабочие делились с нами кусочком бутерброда или другой более чем скромной едой".

Валентина Федоровна Контарева угнана в Германию в семнадцать лет: "Увозили нас в конце сентября 42-го года. Это была третья или четвертая отправка из Мариуполя. В вагоне, в котором я оказалась, были все больные, все после нескольких медкомиссий. Привезли нас под Берлин и направили всех в домработницы. Из-за нашей слабости на заводы нас брать не захотели, отказались от нас и бауэры. Однако примерно через год всех позабирали на фабрику. Работа была тяжелая, в последнее время работали только ночью по двенадцать часов: с 8 вечера до 8 утра. Кормили,

как и везде всех: брюква, отварная картошка, какая-то коричневая подлива. Бомбежки страшные переносили. Бегали в подвалы, ночью работали, днем не отдохнешь, опять же бежали под фабрику, чтобы спастись".

Виталий Никитич Макарец попал в Германию четырнадцатилетним мальчуганом: "В концлагере Дахау я чудом избежал смерти. Земляки-мариупольцы затолкали меня в толпу людей, которых отправляли на работы в северные районы Германии. Там рядом с нашим лагерем располагался лагерь военнопленных французских летчиков. Кое с кем из них я завязал знакомство. К тому времени я уже мог изъясняться на немецком языке. И когда французы создали подпольную организацию сопротивления, мои знания пригодились. Стал я выполнять поручения связного".

Николай Григорьевич Володин угнан в Германию с матерью, когда ему едва минуло пять лет: "Несмотря на свой детский возраст, я на всю оставшуюся жизнь запомнил, что такое брюква, что такое турнепс - основные продукты питания "остарбайтеров".

И все же, вопреки бытовавшему мнению, что все немцы - фашисты, могу утверждать: были среди них настоящие люди. Мне на всю жизнь запомнилось имя Отто... Это был обер-мастер на фабрике, где мы находились. Он почти ежедневно приносил маленький бутербродик и подкармливал меня. Может, благодаря ему я и выжил".

Надежда Александровна Лишова (Подобина): "В феврале 42-го года гестапо арестовало моего отца. Нас у матери осталось трое. Я - самая старшая. Тогда мне было всего пятнадцать лет. В апреле получила повестку, что должна явиться на биржу. Когда я пришла туда, то меня, естественно, отправили в Германию. Попала в город Фельберт на во-

енный завод, работала первый год в литейном цехе. Пришлось отбивать пневмомолотом приливы на деталях. Тяжело заболела, домой возвратилась после лечения в госпитале. Еще целый год дома пришлось лечиться в то тяжелое время, пока не стала на ноги".

Как же встретила Родина своих детей, вернувшихся из чужеземного плена, испытавших в самом начале жизни унижения, холод и голод, непосильный труд и болезни?

Н.А. Лишова (Подобина): "У нас тогда как лечили? Получала пайку хлеба 400 г и должна была из этой пайки половину продать на Ильичевском рынке, чтобы купить бинт, потому что у меня были рана до костного мозга и воспаление надкостницы (это после двух операций), а бинтовать было нечем. Потому-то вместо сносного питания приходилось продавать часть своего хлеба и покупать бинты".

Н.В. Шепель: "Вернувшись домой в Мариуполь, я уже на вокзале увидел плакат: "Все репатрианты, прибывающие из Германии, обязаны в течение 24 часов пройти проверку и зарегистрироваться на ул. 1 Мая, 63. Пошел туда. Сняли отпечатки пальцев и выдали бумажку, некое подобие паспорта, с которой я должен был регулярно отмечаться в НКВД".

В.К. Евтушевская (Гудзь): "Когда мы приехали, нас считали изменниками Родины, врагами..."

1997 г.

В первые дни освобождения

Сентябрьский выпуск киножурнала "Союзкинохроники" за 1943 год целиком посвящен освобождению Донбасса от фашистских захватчиков. Та часть копии выпуска киножурнала, где показан Мариуполь в первый день изгнания врага, многие годы находилась в хранилище кинопроката; будем надеяться, что она бережно хранится и до сих пор.

Фрагменты этого бесценного исторического материала широко использовались в документальных фильмах как профессиональных, так и самодеятельных кинематографистов, в телевизионных передачах. С отдельных, особенно выразительных кадров сделаны увеличенные фотоотпечатки, их можно встретить в экспозициях краеведческого и ведомственных музеев, на страницах газет и книг.

Как же выглядел Мариуполь 10 сентября 1943 года, снятый с самолета и с земли фронтовыми операторами Д. Каспием, С. Коганом, В. Петровым, А. Сологубовым, Д. Шоломовичем, Б. Шадроновым? Кварталы полностью сожженных домов, невероятное переплетение искореженных металлоконструкций и трубопроводов, руины паровоздуходувной станции "Азовстали", полузатопленный танкер "Грозный" в канале, накренившийся стальной корпус легендарного парусника "Товарищ" в порту, импровизированный митинг у здания Госбанка, наконец, растерянные лица мариупольцев, исхудавших, плохо одетых, еще не верящих в свое свобождение.

Жителей города на кадрах хроники не так уж много, боль-

шинство из тех, кто пережил вражескую неволю, в тот момент только возвращались по пыльным проселочным дорогам домой. Они еще не знали, что дома их ждут сгоревшие жилища, не всех, но большинства из них.

Оккупанты пытались угнать людей на запад, а они прятались в балках, поросших кустарником, в заброшенных кошарах, на полях среди стеблей кукурузы и подсолнуха...

В этот же день начался призыв в армию подросших за два года парней и тех, кого не успели мобилизовать при оставлении города в октябре сорок первого года. Для того, чтобы представить себе, как происходил призыв, приведем отрывок из воспоминаний Н.И. Хорошуна: "Военкомат расположился у нас в Волонтеровке, на улице Школьной, в одном из домиков напротив правления колхоза. Один пожилой старший сержант с обыкновенной ученической тетрадкой и химическим карандашом - это и был военкомат. Старший сержант деловито просматривал документы и записывал в тетрадь. Я был худой и длинный. Согласно метрической выписке не хватало полутора месяцев до восемнадцати лет. "Ладно, - сказал старший сержант, - пока суд да дело, будет и восемнадцать, а так отстанешь от своих ребят!" Записал и поставил цифру 18".

10 сентября 1943 года - в день освобождения нашего города - в Москве нарком черной металлургии И.Ф. Тевосян подписал приказ № 275. Нарком приказывал: "Назначить директором завода "Азовсталь" тов. Когана, главным инженером - тов. Романько. Обязать тт. Когана и Романько (...) немедленно приступить к работам по восстановлению агрегатов, производственных цехов и сооружений, (...) в двухнедельный срок представить в Наркомат доклад о состоянии завода и предложения о порядке, сроках и очереднос-

ти его восстановления, для обеспечения руководства основными участками немедленно откомандировать на завод "Азовсталь" работников согласно приложению".

В приложении значились Шаповалов, Валуев, Красовицкий, Валенко, Кочетков, Крылов, Торговицкий, Лепорский, Мочалов, Сроелов и Яковлев. Все одиннадцать вместе с директором и главным инженером прибыли в Мариуполь 11 сентября, сразу же приступили к выполнению приказа И.Ф. Тевосяна.

В тот же день - 10 сентября 1943 года - нарком танковой промышленности В.А. Малышев издал приказ о восстановлении Мариупольского металлургического завода имени Ильича, а на следующий день директор завода Александр Фомич Гармашов с небольшой группой соратников, срочно вернувшихся из эвакуации, уже осматривал цехи, вернее, то, что от них осталось.

13 сентября десять тысяч жителей города, большинство ильичевцев, переживших оккупацию, приступили к разборке завалов на территории завода имени Ильича, восстановлению тех агрегатов, машин, станков, которые обеспечили бы работу электростанции. Получение электроэнергии, хотя бы в минимальном объеме, могло обеспечить резкое расширение и ускорение хода работ.

Не будем повторяться о том, каких неимоверных усилий и самопожертвования стоило возрождение былой индустриальной мощи Мариуполя. Об этом написано много и подробно. Приведем лишь сроки восстановления на примере завода имени Ильича.

Водоснабжение технической и питьевой водой обеспечено за 14 дней, отремонтированы здание электроподстанции и турбина 100 кВт за 21 день, мартеновская печь № 5

пущена в эксплуатацию за 30 дней, хлебозавод - за 15 дней, к началу 1944 года работали цех сетей и подстанций, четыре мартеновские печи, первый блок кислородной станции, мостовые краны первой очереди, другие объекты.

Покажется неправдоподобным, но в первые же дни, если не на следующий день после изгнания гитлеровцев, в Мариуполь стали приходить письма с фронта, с далеких Урала и Сибири, из местностей, только недавно освобожденных Красной Армией. Эта весть мгновенно разнеслась по городу, и люди на прокопченных стенах писали мелом, процарапывали гвоздями свои новые адреса, надеясь, что долгожданные весточки от близких найдут их. И нужно сказать - находили.

Почтальоны, можно только удивляться, как им удавалось найти нужный двор или дом среди кирпичных завалов на изменившихся до неузнаваемости улицах, приносили помеченные штампом "Проверено военной цензурой" открытки с вымаранными черной тушью словами или целыми строками, клочки бумаги, сложенные треугольником, на которых вместо обратного адреса значилось: "п/п" и номер из нескольких цифр, встречались и знакомые с довоенных лет конверты.

На открытках, треугольниках, конвертах стояли штемпели с датами от октября сорок первого до начала сентября сорок третьего года. Почтовые отправления где-то терпеливо ждали своего часа, часа освобождения Мариуполя. Далеко не всегда приносили они в дома мариупольцев радость. Часто в конвертах находилось страшное сообщение: "Ваш сын... (или брат, отец, муж) пал в бою, защищая Родину".

А в почтовых отделениях росли стопки писем с одинако-

вой надписью: "Адресат выбыл". Выбыл в небытие на фронте или во вражеском концлагере, в противотанковом рву близ Агробазы или в застенках гестапо...

Живые же продолжали жить, поднимали из руин заводы, приспосабливали под жилье подвалы, спешили до холодов соорудить хотя бы мазанки, приспосабливали полуразрушенное кафе, чтобы показывать кино... Мариуполь постепенно возрождался из пепла.

1999 г.

Кино сорок третьего года

Дорогие земляки, мариупольцы, те, кому сейчас за шестьдесят, вы не забыли "Родину" - кинотеатр на проспекте Республики? Помните, как спрессованные друг к другу мальчишки и девчонки, не обращая внимания на палящее солнце или мороз, терпеливо ждали, когда наступит желанный миг: можно будет просунуть в окошко кассы, более похожее на амбразуру дота, руку с зажатой в кулаке выклянченной у мамы зеленоватой "трешкой" с изображением бравого красноармейца в каске и взамен получить вожделенный входной билет?

Помните фойе с полом в черно-белую клеточку, выложенным метлахской плиткой еще дореволюционной выделки, пионервожатую-затейницу, с переменным успехом пытающуюся "организовать" из сорванцов хоровод или подвигнуть кого-нибудь из них на чтение стихотворения или исполнение песни, подыгрывающего ей на самодельном инструменте баяниста?

Помните, как в тот момент, когда служительница открывала двери в зрительный зал, если можно назвать длинное помещение, заставленное грубо сколоченными скамьями, в плотную духоту предыдущего сеанса гурьбой врывались самые шустрые и отчаянные, чтобы занять получше местечко, как постепенно заполнялись скамьи до одной, как постепенно стихал шум, как гасли тусклые лампочки и на экране - стене, побеленной известью, - луч прожектора отбрасывал первые кадры кинокартины?

Наверное, в душе каждого из зрителей тех лет отложи-

лись свои воспоминания о пережитом в забитом до отказа зрительном зале кинотеатра. Одни надеялись, что Чапаев все же доплывет до противоположного берега "к нашим", другие оплакивали судьбу героини какой-нибудь мелодрамы, но все хохотали до колик в животе, когда смотрели "Веселых ребят" и "Волгу-Волгу". Здесь, в "Родине", мы впервые увидели фильмы, которые предварялись титрами "Фильм взят в качестве трофеев": "Мост Ватерлоо", "Большой вальс", "Индийская гробница" и, конечно, несколько серий о Тарзане, после просмотра которых мальчишки улюлюкали, подражая африканским дикарям, прыгали с деревьев, иногда при этом ломая руки или ноги...

Первые годы существования "Родины" в ее кинобудке был установлен один проектор, и сеанс прерывался через каждые десять минут на то время, пока киномеханик перезаряжал его очередной частью фильма. Зрители, даже очень юные, причину таких остановок знали и терпеливо ждали продолжения. Но стоило только порваться ленте, а такое случалось довольно часто: копии были страшно изношенными, - в зале возникал неимоверный гвалт, темпераментные зрители топали ногами, свистели, кричали: "Сапожник! Сапожник!".

Спасибо бывшей кассирше М. Кваченко, увы, теперь уже бывшего кинотеатра, за то, что она оставила нам воспоминания о воссоздании в только что освобожденном от гитлеровцев Мариуполе первого очага культуры. В заметке, опубликованной в 1967 году в "Приазовском рабочем", она писала, как 15 сентября 1943 года (на пятый день после освобождения) на развалинах кинотеатра "Трудовой" - он находился чуть-чуть ниже "Победы" - собрались недавние его работники. Обменялись мнениями, пришли к выводу, что

для демонстрации фильмов лучше всего подойдет помещение довоенной кондитерской.

Без проектов и смет братья А. и Н. Стеценко, М. Артюх, Н. Никитин, П. Сологуб, Е. Узун, Е. Базаджи и М. Кваченко решили восстановить кондитерскую. Эти люди на трехколесной тележке свозили с соседних "погорелок" кирпич, из которого потом пристроили будку для проектора и перегородили пространство кондитерской для фойе и зрительного зала. С развалин домов притащили доски для скамеек. Их сбивали гвоздями, найденными детьми этих благородных людей среди пепла уничтоженных огнем строений. Кинопроектор привезли из Старого Крыма. Он каким-то чудом уцелел там. Наконец все было готово.

Вот как описывает М. Кваченко первый киносеанс: "В зале десять длинных скамеек. У окошка кассы - толпа. Вместо билетов - узкие полоски бумаги, нарезанные из старых книг.

Наш первый директор, он же и электрик, Петр Григорьевич Сологуб в тот вечер не мог отбиться от всех желавших попасть в зал. Пришлось учредить стоячие места.

Сколько было радости и восторга в переполненном кинозале, когда на экране вспыхнули титры! Демонстрировалась кинокартина "Она защищает Родину". Люди, многие стоя, смотрели ее и почти все время плакали.

Назвали первый в нашем городе после оккупации кинотеатр "Родиной" в честь первого кинофильма, демонстрировавшегося там".

Кинотеатр "Родина" был единственным в центральной части города до тех пор, пока 12 февраля 1946 года не открыли после восстановления "Победу".

2001 г.

Мы слушаем радио

Вскоре после начала Великой Отечественной войны было предписано населению сдать радиоприемники в специально указанные места "для временного хранения до окончания военных действий".

В довоенные годы далеко не каждая семья имела возможность обзавестись чудом техники в виде фанерного ящика, содержащего внутри себя таинственно мерцающие оранжевым накалом шесть-семь внушительного размера электронных ламп, ящика, оборудованного круглой ручкой, вращая которую, можно было "поймать" Москву или Киев, Тбилиси или Ленинград, а если повезет, то услышать сквозь треск эфира позывные радио Праги или Кенигсберга. Для тех, кому удавалось приобрести приемник, он становился, пожалуй, самой ценной вещью в доме, предметом особой гордости и заботы.

Можно себе представить, с какими сердечными терзаниями и печалью сносили свои радиосокровища жители старой части Мариуполя в городской театр - он стоял там, где сейчас на проспекте Ленина возвышается многоэтажный дом с отделением Сбербанка на первом этаже, а ильичевцы - в клуб им. Карла Маркса, чье здание, построенное еще в дореволюционные годы, сохранилось до сих пор.

Не думайте, что после этой акции мариупольские жилища и помещения разнообразных учреждений напрочь лишились изобретения талантливого инженера Попова. Оно присутствовало в виде радиорепродукторов - "таре-

лок", представлявших собой конусы, склеенные из тонкого, но довольно прочного черного картона.

Эти устройства должны были круглосуточно находиться во включенном состоянии. За этим строго следили представители власти "на местах" - квартальные. Ведь городская радиотрансляционная сеть использовалась не только для удовлетворения информационных и идеологических потребностей населения, но также - может, это было главным - для оповещения о налетах вражеской авиации...

8 октября 1941 года, когда немецкие войска заняли почти весь Мариуполь, местный радиоузел продолжал транслировать Москву и передавать местные сообщения. Лишь к вечеру репродукторы умолкли. Но, как оказалось, ненадолго. Оккупанты не замедлили воспользоваться сетью радиоточек для передачи своих приказов. Приказы были разные, но текст их заканчивался всегда одинаково с солдатской четкостью и определенностью: "За невыполнение - расстрел". И расстреливали...

В начале осени 1943 года части и соединения Красной Армии неумолимо приближались к нашему городу, 6 сентября гитлеровцы, готовясь к отступлению, приступили к планомерному сожжению Мариуполя. Многое погибло в огне, в том числе и радиотрансляционная сеть.

Однако в первые же дни освобождения радиофикаторы приступили к ее восстановлению. Сейчас, правда, трудно объяснить нашим современникам, каких невероятных усилий это стоило, но факт остается фактом: 5 ноября 1943 года в сохранившихся после пожара домах мариупольцев заговорили репродукторы.

В те уже отдаленные годы они не только сообщали новости, но и помогали ориентироваться во времени. Для этого

необязательно было ждать, когда диктор сообщит, который час и сколько минут в Москве. Поднаторевшие радиослушатели по тематике передач сразу определяли, когда нужно идти на работу или еще куда-нибудь по неотложным делам.

Рано утром в репродукторе начиналось тихое поскрипывание, затем включался микрофон на Красной площади, было слышно, как по ее брусчатке шелестели шинами автомобили, обменивались сигналами своих клаксонов, начинался перезвон курантов на Спасской башне, после чего они отбивали шесть ударов большого колокола. Голос Юрия Левитана торжественным тоном произносил: "Говорит Москва! Московское время - 6 часов. Передаем сводку Совинформбюро за 25 ноября 1943 года".

Кажется, после сводки шли "Последние известия", "Пионерская зорька", "Обзор центральных газет", далее в строго определенном порядке другие передачи.

В отведенное время вклинивалось: "Работает радиостанция РВ-26 "Сталино-Донбасс" и диктор читал областные новости и сообщения. Периодически Мариупольский радиоузел давал объявления горисполкома по проводной сети...

Закончилась война, ушли в историю сводки Совинформбюро, трансляции вечерних салютов в честь воинских соединений, освобождавших города от коричневой чумы. А радиоточки еще долго оставались главным каналом информации для мариупольцев, да и не только для них.

1999 г.

Мороженое

Война окончилась совсем недавно. Хлеб и скудный ассортимент других продуктов распределяются по карточкам. Рано утром вниз по Торговой улице ведут на восстановление цехов "Азовстали" и коксохимзавода длиннющую колонну немецких военнопленных. Одеты они кто во что, но на сильно поношенном обмундировании не увидишь дыр: на все прорехи наложены аккуратные заплаты, все пуговицы на мундирах застегнуты. Пленные строго выдерживают равнение в шеренгах и дистанцию между шеренгами. Их сопровождает небольшое количество конвоиров. На пленных никто не обращает внимания. К ним привыкли.

В городе еще много невосстановленных домов, сожженных гитлеровцами при отступлении из города в сентябре сорок третьего года. Торговая улица от улицы Ленина, которая до революции называлась Николаевской, и до пивзавода почти не пострадала от пожара. Сгорели лишь двухэтажное здание на углу ул. Карла Либкнехта с почтовым отделением на первом этаже и средняя школа № 3 - трехэтажка, построенная из красного добротного кирпича в начале XX века для частного реального училища Гиацинтова.

Оконные и дверные проемы "погорелок" заложены кирпичом, добытым тут же. Детишкам непостижимым способом удается проникать внутрь "погорелок". Одно из развлечений мальчишек - бегать по балкам на уровне второго, а то и третьего этажа, рискуя каждую секунду сорваться на груды обломков стен. И ведь срывались же.

Разумеется, у детворы есть и другие развлечения: у

мальчишек - самодельные самокаты, игра в лапту и футбол тряпичным мячом, "казаки-разбойники", стрельба из рогаток, походы на пляж. У девчонок - куклы, изготовление "духов" из цветов акации, игра в "кремушки", впрочем, самые бойкие из них участвуют и в мальчишечьих забавах.

Редко выпадающие на долю ребятни, пережившей войну, лакомства: прежде всего - семечки подсолнечника и тыквы, поштучно продающиеся ириски из патоки, вязнущие на зубах, такой же поштучный товар - карамель "подушечки", леденцы "петушки на палочке".

Но первейшее из них - несомненно, мороженое. На углу Торговой и Малофонтанной стоит тележка - это фанерный ящик, окрашенный голубой краской, к нему приторочены колеса. Хозяйка тележки - женщина средних лет. На ней белоснежный фартук и такие же нарукавники. Волосы, аккуратно зачесанные, прикрыты головным убором, изготовленным из самодельных простеньких кружев, туго накрахмаленных.

Время от времени, но не так уж часто к тележке подбегает кто-нибудь из местной босоногой ребятни. У каждого в плотно сжатом, вспотевшем от напряжения кулачке зеленого цвета "трешка" с изображением бравого красноармейца с полной выкладкой и в каске, а иногда и синяя "пятерка" с летчиком.

Кулачок разжимается, и обладательница белого фартука и нарукавников берет измятую купюру, разглаживает ее тщательно и приобщает к пачке уже заработанных денег. Теперь она открывает крышку ящика, в недрах которого стоят бачки, обложенные льдом, левой рукой берет свой главный инструмент - жестяную формочку с поршеньком, правой вкладывает в нее круглую вафельку, ложкой, смочен-

ной водой, со стенок бачка соскребается белая масса мороженого. Ловкими и быстрыми движениями формочка заполняется мороженым, сверху закрывается еще одной вафелькой. Еще одно движение - и круглый столбик выдавливается поршеньком из формочки. Все это время маленький покупатель или покупательница неотрывно следят за волнительным для них действом. Наконец-то порция мороженого попадает в руки счастливца. Чтобы подольше насладиться сладостью, мороженое слизывается языком. Вафельки постепенно сближаются, язык немеет от холода. Вся эта процедура происходит под пристальными взглядами тех, кому не удалось выпросить деньги у мамы или бабушки. У кого-то не выдерживают нервы:

- Дай лизнуть.
- На, только слегка.
- И мне.
- Обойдешься.
- Ладно, ладно. Завтра ты попросишь.

Вафельки сошлись. Они полностью размокли. Осталось их отправить в рот. И постараться жевать как можно дольше, растягивая удовольствие.

Прошли годы. Появились в Мариуполе фруктовое мороженое и мороженое в стаканчиках вафельных и из плотного полукартона, к которым прилагалась тонкая деревянная пластинка, с ее помощью выгребалось содержимое стаканчика. Стали обыденностью "Пломбир" и "Эскимо" - облитый шоколадом и обернутый станиолью продолговатый комок мороженого. Кажется, всех сортов, разновидностей не счесть. Было время, когда на проспекте Республики, неподалеку от кинотеатра "Победа", открылось заведение, так и названное - "Мороженое". Там сладко-холодный про-

дукт подавался в специальных чашках на подставках с небольшой ложечкой в придачу. Горка мороженого была обязательно полита сиропом или вареньем, иногда украшением служила ягодка клубники. Здесь же можно было заказать ситро, минеральную воду, даже "Шампанское".

Да, это было.

Но вот что интересно: тем, кому довелось попробовать мороженое из тележки, окрашенной голубой краской, кажется, что именно оно было самым вкусным, самым сладким и самым незабываемым.

2002 г.

Газвода

Эту воду, пронизанную искрящимися на солнце пузырьками, мариупольцы называли сельтерской. Не все, а только те, кто в сознательном возрасте захватил "мирное время" и НЭП. На языке стариков и старушек двух послевоенных десятилетий обозначался исторический период до начала первой мировой войны, совпавший с их молодостью. Для представителей более молодых поколений, привыкших ко всякого рода словесным сокращениям, этот прохладительный напиток был просто газводой.

Достижения современной технологии загнали ее в пластиковые бутылки, различающиеся названиями на голубых, светло-синих или синих наклейках, но, кажется, содержащие один и тот же продукт.

Перенесемся мысленно этак на сорок-пятьдесят лет в прошлое нашего Мариуполя. На проспекте Республики расставлены удобные скамейки для отдыха досужего люда, а у редакции "Приазовского рабочего" - витрина со свежим номером единственной городской газеты, "лишний" билетик на вечерний сеанс нового фильма в кинотеатре "Победа" спрашивают уже на углу улицы Карла Маркса, у магазина "Культтовары", летними вечерами по проспекту, причем только по одной его стороне, фланирует публика.

На сравнительно небольшом отрезке проспекта от Базарной площади до сквера можно увидеть по меньшей мере пять-шесть голубого цвета тележек, у которых идет торговля газводой, особенно бойкая в жару. Стоят они близ Торговой у треста, рядом с Дворцом культуры завода "Азов-

сталь", чуть ниже кинотеатра "Победа", напротив шестнадцатой аптеки, откуда рукой подать до сквера.

Нехитрое оборудование тележки состоит из устройства для мытья стаканов (чтобы стакан вымыть, нужно поставить на круг, поворот ручки - и струи воды омывают его изнутри и снаружи), источающего газводу крана, носок которого обернут в несколько слоев марлей, венчает все стойка с двумя стеклянными сосудами-трубками, оснащенными со дна краниками.

Один из сосудов заполнен мандариновым или грушевым сиропом, содержимое другого - тоже сироп, но малиновый или, скажем, вишневый. Само собой разумеется: ни в мандариновом, ни в малиновом, ни в грушевом сиропе сока этих плодов нет и в помине, их роль исполняют синтетические эссенции, окрашенные в соответствующие цвета.

Уровень сиропа в сосудах постепенно снижается, но всегда остается прикрытым от взоров жаждущих хлебнуть стаканчик-другой газводы наклейкой-ценником, на котором обозначены стоимость стакана воды без сиропа - ребятня называет ее "чистой", с одинарной порцией сиропа и порцией двойной.

Когда-то стакан наполнялся до краев, теперь - не более чем на три четверти. Но и за то спасибо. В конце концов, можно купить два иди даже три стакана. Цена-то - плевая.

Все знающие, все слышащие, и все разумеющие люди говаривали, мол, "газировщицы", то есть продавщицы газводы, за летний сезон сколачивали приличные состояния, а потому место у голубой тележки покупалось за солидные деньги. Так ли это? Правда ли? И раньше никто точно не знал, а теперь - тем более. И спросить-то не у кого. А надо ли?

Но это сторона потаенная, а память вновь возвращает в прошлое. Тележка. Рядом - баллон с углекислым газом, обтянутый светлым чехлом, чтобы не перегрелся. Женщина в белом накрахмаленном кокошнике, прикрепленном заколками к прическе, в белом же промокшем фартуке. Руки у нее от постоянного соприкосновения с холодной водой красные, воспаленные. У женщины уже в середине дня усталый, отсутствующий взгляд. Как автомат, она раздает стаканы с пузырящейся жидкостью, окрашенной то в оранжевый, то в ядовито-красный цвет, а то и неокрашенной.

О дно блюдца звякают монеты, мокрая "сдача" передается покупателям, от тележки струится тонкий ручеек, газвода с шипением вырывается из крана.

- Мне - чистой.
- Два стакана с малиновым.
- Двойной грушевый...

Жарко, хочется пить.

2002 г.

Витрины

Прошло чуть больше пяти лет после кровавой и разрушительной войны с фашистской Германией, и многое в Мариуполе изменилось к лучшему. Все меньше на улицах оставалось погорелок, частные дома восстанавливали их владельцы, остовы жилых строений, некогда принадлежавших городскому коммунальному хозяйству, а также - оказавшихся бесхозными, передавали промышленным предприятиям и строительным организациям, а те, в свою очередь, распределяли своим работникам, выдавали ссуды, по возможности снабжали строительными материалами. Ну, а уж превращать прокопченные стены в более или менее пригодные для обитания дома приходилось их будущим жильцам.

Многоэтажные дома поднимали из руин крупные заводы: имени Ильича, "Азовсталь", коксохимический; своими силами или с привлечением строительных трестов, здесь, конечно, в первую голову следует упомянуть трест "Азовстальстрой".

В числе первых восстановленных крупных зданий в центре Мариуполя был дом на углу проспекта Республики и Советской улицы (ныне Харлампиевской). Он стоит через дорогу от бывшей гостиницы "Континенталь", а теперь - Дворца культуры комбината "Азовсталь".

Первый этаж этого дома был отведен для парикмахерской, хлебного магазина и магазина тканей, а также гастронома. Вход в это торговое заведение находился со стороны улицы Советской. Впрочем, в этом помещении и в наши дни торгуют съестными продуктами и горячительны-

ми напитками. Сейчас вроде и небольшой магазин, а в пору его открытия он казался огромным. Но не это преимущество было главным. Более всего поражали витрины. В одной из них висел макет плоской банки с черной икрой, размеры этой банки были величиной с тазик хороших размеров, а под этим деликатесом были разложены вполне натурально изготовленные муляжи окороков, головок сыра и другой аппетитной снеди.

В другой же витрине укрепили также макет - огромной коробки папирос "Казбек". Пожилые люди, наверное, помнят рисунок на этой коробке: черный силуэт всадника на фоне голубых кавказских гор с вершинами, покрытыми снегом. Чуть впереди стоял манекен ростом с пятилетнего ребенка. Манекен был одет в самый настоящий, только маленького размера, однобортный мужской костюм, сшитый из серого в полоску трико. Голова манекена изображала приятной наружности молодого человека, очень похожего на исполнителя ролей соблазнителей в средней руки американских фильмах: набриолиненные иссиня-черные волосы с идеальным косым пробором, тщательно подстриженные бакенбарды, тонкая полоска усов над верхней губой. Но не "красота" этого искусственного человечка привлекала внимание зевак. Главное было то, что человечек время от времени поворачивался на небольшой угол и движением паралитика подносил папиросу, зажатую между указательным и средним пальцами правой руки, к губам. В этот самый момент на конце папиросы загорался красный огонек. Подержав таким образом некоторое время папиросу, "курильщик" судорожно опускал руку и поворачивался в прежнее положение. Все это действо приводило в неописуемый восторг юных граждан тогдашнего Мариуполя, не

оставляя, конечно, равнодушными людей более зрелого возраста.

Раз уж разговор пошел о витринах, нельзя не вспомнить те, что находились по обе стороны от двери, над которой красовалась вывеска со странной для людей, не знавших украинский язык, надписью: "Держфото". Читатели-старожилы наверняка уже догадались, что речь идет здесь о фотоателье на проспекте Ленина, соседствующем с центральной сберкассой. В витринах постоянно были выставлены три-четыре великолепно выполненных крупноформатных фотопортрета. На них были изображены то кто-нибудь из очаровательных мариупольских девушек, то фактурный старик с окладистой бородой, то моряк в фуражке с "крабом", а то и улыбающееся личико ребенка. Внизу под стеклом находилось множество фотографий открыточного формата с лицами наших сограждан. Экспозиция витрины довольно часто менялась.

Все это были работы высококлассных художников-фотографов Федора Петровича Науменко и Льва Исааковича Сосны. Трудно себе представить более разных людей, чем они. Разная внешность, разные темпераменты, разные биографии и происхождение. Но было нечто, что их объединяло: безукоризненное владение своей профессией, необыкновенное трудолюбие и хороший вкус...

У входа в кинотеатр "Победа" было окно, в котором досужие прохожие могли удовлетворить свое любопытство. Там выставлялись портреты кинозвезд, цветные рекламные киноплакаты или глянцевые фотоколлажи на темы художественных фильмов, они составлены были, как правило, из портрета главного героя фильма и нескольких кадров из этой же кинокартины.

Были еще и газетные витрины, исчезнувшие в последнее десятилетие. Они представляли собой плоский застекленный ящик, укрепленный на двух стойках. В них вывешивались центральные, республиканские и областные газеты. Такая витрина была установлена и рядом с редакцией "Приазовского рабочего". Естественно, что в ней находился свежий номер главного городского периодического издания. Его вывешивали сразу после выхода из типографской машины. Так что все желающие могли ознакомиться с новостями, можно сказать, с рассветом.

Как-то не припоминается, чтобы в наши дни кто-нибудь надолго останавливался у витрин. А вот во времена, описываемые в этой заметке, около них то и дело топтались девчонки и мальчишки, рассматривая и невиданных размеров папиросные коробки, и человечка-курильщика, и муляжи ветчины и сыра (эти продукты мало кто из них пробовал), и миловидные лица на коричневатых фотографиях, и особенно кадры из кинофильмов: тех, что уже видели, и тех, что предстояло еще увидеть.

Тогда ведь не было телевизоров, а тем более захватывающих компьютерных игр. Молодости же свойственны любопытство, стремление к новым зрительным впечатлениям. Это стремление ребятня послевоенных лет удовлетворяла у витрин или в кино. Но за кино надо было платить, а витрины были удовольствием бесплатным.

2002 г.

Первомай в Мариуполе

1 мая 1899 года в садах у реки Кальчик была проведена первая в Мариуполе маевка"- это цитата из книги Д.Н. Грушевского "Имени Ильича". Дмитрий Николаевич, как настоящий ученый (он был доцентом и кандидатом экономических наук), снабдил эту фразу ссылкой на совершенно конкретный документ в Донецком областном партийном архиве.

В приведенной выше цитате есть слово, вероятно, незнакомое представителям молодого поколения. Объясним его значение, воспользовавшись словарем С.И. Ожегова:

Демонстрация 1 Мая.
Конец 40-х гг. XX в.

"Маевка. В дореволюционной России: нелегальное революционное собрание рабочих 1 мая".

Мариупольские рабочие и в последующие годы после 1899-го отмечали праздник солидарности трудящихся маевками, а иногда и шествиями-демонстрациями.

Первая легальная первомайская демонстрация в нашем городе состоялась на Екатерининской улице (теперь проспект Ленина) в 1917 году. В краеведческом музее сохранилась фотография, запечатлевшая ее участников.

С установлением советской власти Екатерининскую улицу нарекли проспектом Республики. Что же касается коренных жителей, то они продолжали называть эту городскую магистраль, как прежде, Большой. Именно по Большой после войны гражданской до самой Отечественной шли первомайские колонны от Торговой улицы вверх к городскому скверу.

Заметим, что до Великой Отечественной войны и несколько лет после нее рабочие и служащие завода имени Ильича, ученики школ из прилегающих заводских поселков проводили праздничные манифестации в своем районе, так сказать, у себя дома .

У каждого из мариупольцев свои воспоминания о первомайских днях. Может быть, даже об одних и тех же.

1 мая 1945 г. Из картонного конуса радиорепродуктора голосом Юрия Левитана сообщили, что Берлин пал. Однако боевые действия продолжаются. В Мариуполе лишь отдельные дома восстановлены. О празднике напоминают редкие красные флаги, вывешенные на фасадах домов, да бравурные марши, раздающиеся из уличных громкоговорителей - пирамидок. На всю Торговую улицу единственное украшение: гирлянда флажков, натянутая от электрическо-

го столба у дома, где по легенде жил митрополит Игнатий, до столба на противоположной стороне улицы, стоящего по диагонали. Флажки были нарезаны из старых газет и окрашены "подручными красками": зеленкой, разбавленными красными и фиолетовыми чернилами, каким-то ярко-оранжевым химическим веществом. Изготовителями гирлянды были ученики неполных средних школ - № 1 (женской) и № 3 (мужской). Теперь двухэтажное здание, в котором эти ребята учились, занимает станция юных техников...

1 мая 1949 года. Шествие начинают колонны трудовых резервов. Строгие шеренги подростков в синих сатиновых гимнастерках, в черных брюках, на головах фуражки с лакированными козырьками, на околышах "молотки"; форма девушек отличается от мальчиковой лишь черными юбками и беретами. Они были похожи на маленьких солдат, впрочем, почему похожи? Они и были солдатами, принявшими на свои еще детские плечи все тяготы послевоенных лет.

За ремесленниками и учащимися школ ФЗО маршировали школяры. Их ряды были нестройные. Физруки, пятясь назад и срывая голоса, кричали в жестяные раструбы: "Правый фланг, подтянись, держи дистанцию". "Иванов, не отставать! ". Вот где они показывали свой талант во всем блеске.

Марширующие колонны достигали пика своего совершенства, поравнявшись с трибуной. Трибуна стояла чуть ниже местного отделения Госбанка. Подобие драпировки из красных флагов и большой портрет Сталина создавали фон для руководителей города, стоящих на трибуне, а кроме того, прикрывали развалины жилого дома. Теперь на его месте находится странноватая на вид пристройка к банку...

Участники праздничных шествий, прежде чем попасть на

Большую улицу, собирались у своих цехов, контор, школ. Скажем, если азовстальский горновой жил на Торговой улице, где-то рядом с пивзаводом, он должен был пойти, именно пойти - городского транспорта-то не было - в доменный цех "Азовстали", а уж потом вместе со своими сослуживцами двигаться к трибуне. Конечно, очень многие этого правила не придерживались и присоединялись к шествию где-нибудь неподалеку от своего жилища.

Демонстрация завершалась, местные вожди, облаченные в парусиновые "сталинки", в застегнутые на все пуговицы шевиотовые темные костюмы, покидали свой торжественный пост.

На площади перед Госбанком на брусчатой мостовой устраивались танцы под баян. Танцевали девушки друг с дружкой, их кавалеры в большинстве своем сложили головы на фронте, а те, кто избежал печальной участи, продолжали служить в армии, дожидаясь демобилизации. Танцевали девушки танцы разрешенные: вальс, польку, падеспань...

1 мая было не только днем проведения демонстраций, но и рубежным сроком для ввода в строй различных объектов, основания организаций и газет. Для подтверждения этого приведем "кусочек" мариупольской хронологии.

1 мая 1929 года вышел в свет первый номер газеты "Ильичевец".

1 мая 1933 года пущен первый трамвай по маршруту "Гавань Шмидта - улица Франко".

1 мая 1957 года сдана в эксплуатацию больница завода им. Куйбышева.

1 мая 1958 года открыт Дворец культуры коксохимзавода...

У каждого свои воспоминания о Первомае...

1999 г.

Важнейшее из искусств

В первые послевоенные годы, а затем и позже в каждом кинотеатре Мариуполя на видном месте в фойе или рядом с экраном,а иногда в обоих этих местах был обязательно установлен щит с изречением В.И. Ленина: "Из всех искусств важнейшими для нас является кино". Мариуполь, конечно, ни в коей мере не был исключением: такие же щиты можно было встретить во всех городах и весях Советского Союза в помещениях, где более или менее регулярно демонстрировали киноленты.

Что в первую очередь занимало умы и сердца взрослых и юных мариупольцев из тогдашнего кинорепертуара? Взрос-

Кинотеатр "Победа", 1957 г.

лые, пережившие ужасы тяжелейшей войны, принесшей горе в каждый дом и в каждую семью, предпочитали смотреть довоенные фильмы. Пусть их копии были донельзя изношенными, пусть сеансы часто прерывались из-за порывов киноленты и приходилось сидеть в кромешной тьме, пока киномеханик в своей будке склеивал ленту. Они все терпели, ведь фильмы, полные оптимизма, музыки, счастливо завершавшиеся, были частью полной надежд жизни до страшного дня - 22 июня 1941 года.

Они от души хохотали, когда смотрели комедии Григория Александрова "Веселые ребята", "Волга-Волга", "Цирк", "Светлый путь" с блистательной Любовью Орловой - первой советской кинозвездой, с музыкой Исаака Дунаевского. Им близка была мелодрама Ивана Пырьева "Свинарка и пастух", в которой трогательную любовь сыграли совсем еще молодые Марина Ладынина и Владимир Зельдин.

Большой популярностью пользовались американские фильмы с участием голливудской кинозвезды Дины Дурбин "Сто мужчин и одна девушка", "Сестра его дворецкого". Не меньшей - музыкальная комедия "Джордж из Динки-джаза".

Но с ними невозможно сравнить бешеный успех у зрителей "Серенады солнечной долины". Там было все: и знаменитая фигуристка Соня Хени, и горы, укрытые сверкающим снегом, а главное - искрометная, зажигательная джазовая музыка в исполнении оркестра под управлением Гленна Миллера. Неудивительно, что уже после первых сеансов местные музыканты старались подобрать мелодии из "Серенады" кто на стареньком баяне, кто на трофейном аккордеоне, а кто и на пианино.

Пожалуй, через год или два после войны, а может, чуть

позже на экранах Мариуполя появились кинокартины, взятые у побежденной Германии в качестве трофеев, многие из которых были подлинными шедеврами мирового кино. Там были "Мост Ватерлоо", "Леди Гамильтон", "Индийская гробница", несколько серий "Тарзана".

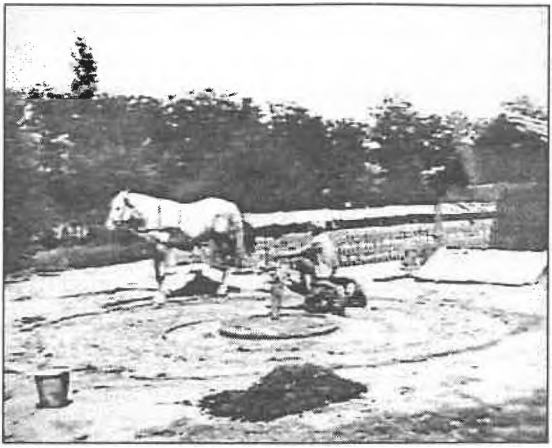
Среди особо рьяных мариупольских поклонников кино выработалась своя терминология для кинолент. В их устах фильмы были "переживательными", "отдыхательными", "про войну" и "жизненные".

Пристрастия же мальчишек были иными. Они могли бесчетное количество раз смотреть фильмы "Щорс" и "Александр Пархоменко", "Два бойца" и "Иван Никулин - русский матрос", "Парень из нашего города" и "Чапаев". После просмотра очередного фильма они "сражались" в погорелках, стараясь воспроизвести увиденное на экране. Незавидные роли "беляков" и "фашистов" доставались самым безответным и беззащитным мальчуганам и девчонкам.

Все это ушло в прошлое, и для молодежи мало что скажут перечисленные названия фильмов, а люди, так сказать, в возрасте посетуют, наверное, почему здесь не названы "Большой вальс", "Сказание о земле сибирской", "Дитя Дуная", "Петер", "Молодая гвардия", "Первоклассница", "Весна". Что ж, фильмов было много, все не перечислишь.

2002 г.

Черепичные крыши



На черепичном заводе. Конец XIX века.

Лет тридцать - сорок тому назад крыши большинства мариупольских одноэтажных строений были накрыты черепицей. Главным образом, черепицей -"татаркой" - древним немудрящим кровельным материалом в виде сужающегося желобка из обожженной глины. Такую черепицу и сегодня можно изредка встретить на крышах домишек, вросших от времени в землю, если неторопливо прогуляться по Слободке, Новоселовке или Аджахам. Впрочем, при недостатке времени на прогулки достаточно зайти в краеведческий музей, там в экспозиции представлены почти все виды черепицы, которые изготавливались и применялись в нашем городе.

Трудно сказать, когда началось ее промышленное производство в Мариуполе. Однако смело можно утверждать: в первой четверти XIX века оно уже существовало, и подтверждение тому - книга "Камеральное описание городу Мариуполю с выгонною землею 1826 года", на одной из ее станиц написано: "Есть кирпичные и черепичные три завода. Из них черепица в особенности употребляется для покрытия жилья и других прочных строений". Черепичное производство не стояло на месте. В "Географическо-статистическом словаре Российской империи" за 1864 год, составленном под руководством П.П. Семенова (это ему Николай II в 1906 году пожаловал титул Тян-Шанского), говорится, что в Мариуполе "фабрик и заводов - 14, из которых черепичных и кирпичных - 10".

Не нужно думать, что упомянутые выше заводы были гигантами строительной индустрии. На каждом из них могли работать от трех до десяти человек, а вся механизация состояла из лошади, которая ходила по кругу и месила смесь глины и песка. Формовка черепицы производилась вручную с помощью примитивных приспособлений, вручную же укладывалась на просушку и затем в простейшую печь для обжига. Топливом для печей, скорее всего, служила солома. Существовала своя технология укладки черепицы на крышу. На ее каркас нашивались доски, не обязательно очень плотно. По нижнему краю кровли по всему периметру строения прикреплялись деревянные прогоны, на них опирался первый ряд черепицы. Ее укладывали в определенном порядке ряд за рядом, предварительно подмостив под нее слой сухих водорослей, собранных на берегу моря. Почему именно этот материал применялся для подстилки? Водоросли достаточно прочны, чтобы не дробиться под

нагрузкой, кроме того, благодаря длительному пребыванию в соленой воде они почти не подвержены гниению. Время от времени черепицу на крышах приходилось перекладывать. Надколотые, с отслоившейся поверхностью черепицы убирали, а вместо них укладывали новые.

В зависимости от соотношения глины и песка, цвета глины, режимов обжига готовая черепица приобретала ту или иную окраску. Эта окраска зависела также от того, как долго изделие было на крыше, подвергаясь действию солнечных лучей, потокам дождя и растаявшего снега.

Живописное зрелище представляли собой крыши мариупольских домов под "татаркой". Особенно впечатляюще выглядела Слободка с края обрыва в Городском саду. Терракотовые, красные с розоватым или желтоватым оттенком, почти желтые и темно-коричневые пятна крыш среди зелени деревьев образовывали своеобразную цветную мозаику, особенно прелестную после только что прошедшего дождя, когда краски приобретали особенную свежесть и насыщенность.

На рубеже XIX и XX веков мариупольские производители черепицы существенно продвинулись и в количестве, и в качестве своей продукции. Штамповка глинисто-песчаной массы заготовок на специальных прессах с паровыми приводами обеспечивала высокую точность изделий. Это позволило изготавливать плоскую марсельскую черепицу с боковыми и торцевыми замками. Такая черепица гарантировала не только снижение нагрузки на элементы перекрытий по сравнению с "татаркой", но и могла применяться на крышах со значительно большим наклоном, чем это было раньше, да и устойчивость покрытия против сползания существенно увеличилась. С появлением новых типов чере-

пиц "татарка" не сдавала свои позиции, ее продолжали делать в больших количествах.

Если на "татарке" изготовители не оставляли "товарных знаков", то на "марсельке" почти всегда имелась четко выштампованная надпись. Например: "Александровскій заводъ. Маріуполь". Встречаются образцы с такими текстами: "Заводъ. Никулина в Мангуше" или "Черепичный заводъ в Новоспасовке". Стало быть, у мариупольских черепичников в близлежащих селах были конкуренты...

Раз уж здесь идет речь о черепице, стоит, наверное, привести одну быль, связанную с ней. Гитлеровские оккупанты, отступая из Мариуполя в сентябре сорок третьего года, предали большинство жилых домов и общественных зданий огню, а жителей, построив в колонны, погнали на запад. Но некоторые мариупольцы все же город не покинули и попрятались в подвалы. Они слышали все усиливающийся треск огня, пожирающего строение за строением, резкие хлопки лопающихся стекол в оконных проемах, грохот обваливающихся перекрытий. Время от времени казалось, что по улице проносилась лава за лавой кавалерия, цокая подковами по гранитной брусчатке мостовой. Уже потом, когда в город вошли войска 221-й и 130-й стрелковых дивизий Красной Армии, люди поняли, что за цоканье подков они приняли звуки бьющейся о тротуары и каменные покрытия дворов сползавшей с горевших крыш черепицы-"татарки"...

Сразу же после изгнания врага начались интенсивные работы по возрождению промышленных предприятий Мариуполя, параллельно шло восстановление жилого фонда. Пожалуй, именно в это время в нашем городе стали широко использовать так называемый волнистый шифер - кро-

вельный материал, по всем параметрам, как тогда казалось, превосходящий черепицу. При его применении резко снижается нагрузка на элементы строения, а это экономия строительных материалов, в несколько раз повышается производительность труда кровельщиков. Пока шифер новый, вид его довольно привлекательный. Шифер шаг за шагом стал вытеснять столь милую сердцу мариупольских аборигенов черепицу. Целесообразность победила эстетику.

История строительства, как всякая история, иногда делает возвратные движения. В последнее время на мариупольских новостройках все чаще и чаще появляется черепица. Будем надеяться, что в будущем крыши Мариуполя вновь приобретут радостный терракотовый цвет.

1997 г.

Аэродромы

Есть в Ильичевском районе несколько жилых кварталов, которые называют "аэродромом". Правда, далеко не все жители могут внятно объяснить происхождение этого народного наименования. Старожилы же наверняка знают, что оно вовсе не случайно: с начала 30-х годов здесь располагался аэродром ОСОАВИАХИМа. Было такое оборонное общество.

Здесь базировались, как в ту пору было принято говорить, аэропланы мариупольского аэроклуба: учебно-тренировочные самолеты конструкции Яковлева, знаменитые У-2 Поликарпова. Позже этот биплан стали официально именовать ПО-2, а неофициально - "кукурузником".

Именно со взлетной полосы этого аэродрома начали свой путь в авиацию наши земляки, будущие Герои Советского Союза Николай Жердев, Николай Ткачев, Семен Жоров и десятки других мариупольских ребят.

Там, где сейчас высятся девятиэтажные и двенадцатиэтажные дома микрорайона "Западный", в годы оккупации находился военный аэродром гитлеровцев. С той поры на пустыре по улице Урицкого сохранились остатки аэродромных сооружений - ряд бетонных опор ангара. Их строили советские военнопленные и местные жители, которых гоняли сюда под конвоем вооруженных охранников в ненавистных стальных касках. Рядом с ангаром подневольные строители вели кладку мастерских, дотов, обустраивали позиции зенитных батарей, рыли щели на случай налетов авиации Красной Армии.

С мариупольского аэродрома поднимались в воздух бомбардировщики со зловещими крестами на крыльях и свастиками на хвостовом оперении.

Время от времени советские самолеты бомбили аэродром. 24 января 1942 года при таком налете был сбит советский истребитель. Пилот направил объятую пламенем машину на немецкий склад горючего. Журналисту Семену Гольдбергу удалось установить точную дату подвига и имя летчика-героя. Им оказался адъютант 36-го авиаполка лейтенант Павел Иванович Ульянов.

После изгнания из Мариуполя оккупантов аэродром стал гражданским. Сюда стали прилетать и отсюда взлетали почти точные копии американского "Дугласа" - Ли-2, "кукурузники" ПО-2, но чаще всего - антоновские бипланы АН-2. Эти "небесные тихоходы" доставляли пассажиров в Ростов-на-Дону, Симферополь и Киев...

В начале улицы 50 лет СССР стоит домишко с надстройкой. В нем, если так можно выразиться, был аэровокзал. Хорошо, что архитекторы, проектируя застройку 16-го и 17-го микрорайонов, его сохранили.

Когда здесь был аэродром, на балкончик этого дома периодически выходил диспетчер, поглядывал на мачту, на которой, повинуясь потокам воздуха, лениво поворачивался из стороны в сторону полосатый матерчатый конус, указывающий направление ветра.

Сейчас в этом здании с эмблемой Аэрофлота на фронтоне разместилась музыкальная школа № 5. Мамы и бабушки терпеливо ждут своих чад, пока те старательно играют гаммы и этюды на фортепиано и скрипках, виолончелях и баянах.

Было бы хорошо, если бы этот в известной степени ис-

торический домик был приведен в надлежащий порядок, а на его стене появилась соответствующая мемориальная доска. Может, это смогла бы сделать администрация современного аэропорта?

Есть нечто символичное в том, что среди первых жителей семнадцатого микрорайона, построенного на месте бывшего аэродрома, были летчики и инженеры близлежащей авиационной части.

К этому времени уже действовал построенный в середине шестидесятых годов новый аэропорт. Он расположился в нескольких километрах к западу от городской черты. Теперь уже в наш приморский город могли прилетать не только винтомоторные самолеты, но и более быстроходные турбовинтовые и реактивные лайнеры.

Украшением воздушной гавани нашего города стало респектабельное здание аэровокзала, его интерьер украсил мозаичный фриз, который был создан под руководством художника-монументалиста Виктора Михайловича Арнаутова, незадолго до того приехавшего из США.

Новый аэропорт связал Мариуполь воздушными путями с Москвой, Ленинградом, Киевом, Львовом и с другими крупными городами страны.

Сейчас мариупольские авиаторы переживают далеко не лучшие времена: из-за резко вздорожавших тарифов на билеты мариупольцы предпочитают пользоваться наземными видами транспорта, а то и вовсе никуда не ездят. По этой причине отменено множество рейсов, которые раньше были регулярными.

И все же самолеты с мариупольской земли взлетают. Более того, из мариупольского аэропорта стали совершаться международные рейсы. Первый такой рейс состоялся 5

октября 1996 г. В этот день самолет ЯК-40 вылетел на Кипр, в Ларнаку. Открылась новая глава в истории мариупольских аэродромов.

1997 г.

Гулянье на Большой

Летними вечерами, когда спадала жара, вся молодежь, да и не только молодежь, старой части Мариуполя устремлялась на проспект Республики, который для старшего поколения был "Большой улицей" или проще - "Большой", для поколения, подросшего в послевоенные годы, - "Проспектом", а для завсегдатаев с претензией на некоторую исключительность - "Бродом", т.е. Бродвеем.

Однако употребление каждого из этих названий было вполне понятно каждому мариупольскому аборигену. Исключение могли составлять разве что совсем древние старушки, которые, услышав от внуков слово "брод", приставляли ладошку к уху, в большей степени сохранившему свою функцию, переспрашивали: "Брод? Это не тот, что через Кальмиус за Правым берегом?". Молодые от вопроса только отмахивались.

Нравы и обычаи на Большой годами не менялись. Изменения наблюдались только в одежде и, естественно, в смене поколений. Гулянье происходило по одной стороне, чаще всего - по нечетной, от Торговой улицы и до сквера. Его участники разделялись на два четко обозначенных медленно текущих людских потока: один - вверх, к скверу, другой - вниз, в обратную сторону. В иной год потоки, повинуясь неведомым закономерностям, перемещались на четную сторону. Заметим, что в описываемые времена тротуары на Проспекте были существенно шире, нежели теперь.

Главной составляющей гуляющих были барышни, взяв-

шие друг друга "под крендель", и следовавшие за ними воздыхатели, перемещающиеся небольшими группами. Проспект был местом встреч и знакомств. Когда знакомство происходило, вновь образовавшаяся парочка оставалась там относительно короткое время, она отправлялась по предложению ухажера либо в кино, либо кавалер провожал свою избранницу домой.

Осторожные, а главное, дальновидные молодые люди прежде, чем развить свое ухаживание, пытались окольными путями выяснить, где проживает приглянувшаяся ему барышня. Могло случиться, что на Слободке, в Парковом поселке или в недрах Новоселовки. Провожание в эти благословенные местности было чревато непредсказуемыми и, мягко выражаясь, не очень приятными последствиями. Здесь надо было решать. Но бывало и так, что "любовь с первого взгляда" заставляла представителей сильного пола пренебречь всеми предосторожностями.

Время от времени сквозь чинно перемещающуюся людскую массу шныряли молодые люди, разыскивающие своих товарищей, а иногда - девушку, понравившуюся в каком-то другом месте города, с которой из-за мимолетности встречи не удалось познакомиться сразу.

Несмотря на большое скопление публики, нельзя сказать, что было шумно во время гулянья, если не считать шарканья о тротуар тысяч ног да грохота и звона трамваев. Но трамваи в вечернюю пору появлялись относительно редко. "Какие трамваи?" - удивленно спросит наш современник. Ответим - обыкновенные. По Проспекту до середины пятидесятых годов была проложена двухпутная трамвайная линия.

Конечно, мариупольцы занимались на главной улице не

только тем, что фланировали взад-вперед. Там было несколько притягательных мест для иных занятий.

Во-первых, кино. У парадных дверей, а еще больше у касс кинотеатров - один из них, "Победа", пока существует и по сей день, а второй, "Родина", канул в Лету - постоянно толпились люди. А незадолго до начала сеанса за несколько десятков метров от входа в храм кинематографа прохожих одолевали вопросом: "Нет ли лишнего билетика?".

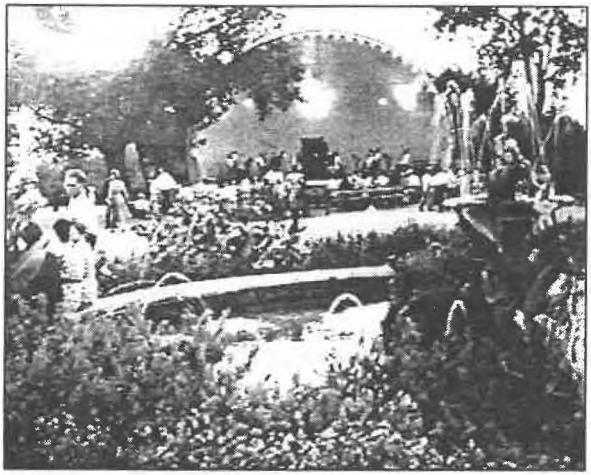
Во-вторых, погребок на углу проспекта Республики и улицы Советской. В наши дни его вход обозначен вывеской "Овощи и фрукты", а раньше на ее месте красовалась другая, на которой четко было выведено: "Главвино". В просторечьи же погребок именовался "Зверинцем". Это название прилепилось к нему из-за скульптурных изображений львиных голов, прикрепленных к стене. Из пастей львов торчали бронзовые краны, открывая их, "хозяйки" заведения источали в стаканы вино, красное или белое, в зависимости от вкусов и пристрастий жаждущих.

Для кого-то погребок был источником радости, а для городских властей - причиной головной боли. Переусердствовавшие поклонники вина отнюдь не украшали главный проспект города. Сейчас уже не вспомнить, когда "Главвино" было перенесено на улицу Донбасскую.

Летние гулянья по главной улице города не были феноменом, присущим только Мариуполю. Вспомним главные улицы других южных городов. Трудно сказать - сохранился ли этот обычай в упомянутых выше городах, но у нас он исчез. Почему? Неведомо никому.

1999 г.

Летний вечер в Городском саду



Эстрада. 50-е гг. XX в.

Летом по воскресеньям, ближе к вечеру, когда июльский зной начинал спадать, а с житейскими делами, накопившимися за неделю и отложенными на единственный выходной, было покончено, многие мариупольцы, часто семьями, отправлялись в Городской сад.

К часам шести, чем ближе к саду, тем больше шло людей. На улице Энгельса (кто постарше, продолжал ее называть Константиновской) от дома, где снимал квартиру доктор Калогномос, то есть близ Итальянской улицы, мно-

гие шагали уже по проезжей части: по тротуарам не пройти, а топтаться по газонам в те времена народ еще не был приучен.

В движущейся толпе можно было встретить и известных в городе врачей, шествующих в цвета слоновой кости чесучевых костюмах, и рядом с ними их супруг, облаченных в платья, сшитые из еще довоенного крепдешина, с огромными подкладными плечами, и студентов, приехавших на каникулы из столичных вузов, в синих китайских бостоновых брюках, в рубашках из настоящего хлопка также китайского производства - предметах зависти провинциальных франтов, и инженеров - молодых специалистов в шевиотовых пиджаках, носимых в общежитии по очереди, и серых парусиновых брюках, из-под которых виднелись парусиновые же туфли, густо набеленные зубным порошком "Метро".

То там, то здесь мелькали штапельные платьица юных мариупольских модниц; они шли по двое - по трое, взявшись под руки. Чинно, не замедляя и не ускоряя шаг, шествовала пара-другая старушек-учительниц в полотняных свободных платьях, скроенных из отрезов-купонов, сработанных, пожалуй, еще в дореволюционные годы. Их тщательно зачесанные и собранные на затылке в клубок волосы прикрывали белые шляпки-панамки. Запахи ночных фиалок, духов "Огни Москвы", одеколона "Шипр", дыма от папирос "Казбек" смешивались, образуя обонятельную какофонию.

У кассы (вход в сад был платным) происходила заминка, но кассирша дело свое знала хорошо и со скоростью автомата выдавала билеты и сдачу через крошечное окошко, проделанное в толстенной стене кассы. Постепенно

публика перетекала с площадки перед парадными воротами, построенными не без претензии на помпезность, внутрь сада.

Пройдя по аллее, обсаженной с двух сторон кустами сирени, подстриженными с исключительной тщательностью, все устремлялись к эстраде-раковине. Там уже сидели оркестранты в белых рубашках и блузках, белизна которых подчеркивала свежий загар на их лицах и руках. Скрипачи легким прикосновением пальцев к струнам и подкручиванием колков на грифе настраивали инструменты, трубачи и валторнисты продували мундштуки, контрабасист пробовал натяжение волоса на смычке, извлекая время от времени глуховатые низкие звуки, иногда раздавался нарастающий рокот - то литаврщик подстраивался в нужный тон.

К этому времени, как правило, уже все места на лавках для зрителей перед эстрадой были заняты: их загодя занимали особенно преданные поклонники симфонической музыки и педагоги местных музыкальных школ. Кто подходил позже, смиренно становился вдоль невысокого заборчика из редкого штакетника под раскидистыми кронами старинных деревьев.

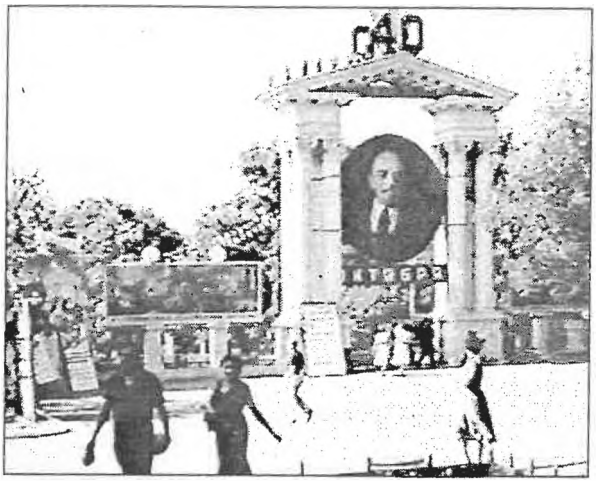
Лавируя между стульями, пюпитрами с нотами и музыкальными инструментами, на узенькую авансцену выходила средних лет очень стройная дама, которая хорошо поставленным контральто представляла оркестр и его дирижера, объявляла номер и кратко рассказывала содержание и историю создания произведения, которое предстояло услышать через несколько минут присутствующим. После этого дама удалялась и, повторяя ее замысловатый путь, к пульту продирался небольшого роста дирижер

с гордо закинутой назад курчавой головой, облаченный во фрак, белые манишку и жилет; широкий черный репсовый пояс поддерживал его слегка выпирающий живот.

Дирижер наконец занимал свое место у пульта, делал короткий, одной головой, поклон публике, резко поворачивался лицом к музыкантам, простирал обе руки по сторонам, призывая к вниманию, вдруг поворачивал голову в сторону замешкавшегося подопечного, какого-нибудь гобоиста или флейтиста, на секунду замирал, затем делал взмах дирижерской палочкой. Концерт симфонического оркестра областной филармонии в Мариуполе начинался.

1997 г.

День Военно-Морского Флота



Вход в Городской сад. 1957 г.

После войны, еще при Сталине, было установлено несколько профессиональных праздников: День радио, День шахтера, День железнодорожника. Праздники, выпадавшие на летнее время года, обязательно отмечались в мариупольском Городском саду так называемыми народными гуляньями. Большинство праздничных "гуляний" мало чем отличались от обычных воскресных, разве что перед входом в сад ставили щит с соответствующей надписью да перед заходом солнца на эстраде какой-нибудь лектор из Общества по распространению

научных и политических знаний - предшественника общества "Знание" - читал по бумажкам лекцию подобающего содержания.

Другое дело - День Военно-Морского Флота, празднование которого проводили в последнее воскресенье июля. Еще с утра в Городской сад из морского клуба ДОСФЛОТа привозили экспонаты выставки: водолазные костюмы, водолазные же помпы и с ними горы шлангов, щиты с образцами морских узлов, шарообразные мины, многочисленные, с необыкновенной тщательностью изготовленные модели боевых кораблей, нечто длинное, сигарообразное - то ли торпеду, то ли элемент заградительного устройства, обязательно присутствовали также штурвал, небольшой якорь, несколько бело-красных пробковых спасательных кругов. Здесь же крутились сбежавшиеся с близлежащих улиц мальчишки.

Поглядывая на занятых расстановкой по своим местам морских диковинок устроителей выставки - морских офицеров в белоснежных кителях с надраенными до солнечного блеска пуговицами, в фуражках в белых чехлах с "крабами", мальчишки норовили все потрогать руками, а что могло вращаться, то и повращать. "Морские волки" делали вид, что ничего не замечают.

В это же время через главную площадь в нескольких направлениях развешивали флотские флаги расцвечивания, прикрепляли к фонарным столбам портреты прославленных флотоводцев.

На смотровой площадке над обрывом, где сейчас одиноко стоит фигура основателя советского государства, пиротехник и его помощники, предварительно расставив деревянные рамы, прилаживали к ним длинные картонные

трубки, хлипкие конструкции из тоненьких жердочек, хитроумно соединяли все это хозяйство шнурами.

Ближе к вечеру центральная часть Городского сада постепенно начинала заполняться празднично одетой публикой. То там, то здесь встречались на головах мужчин флотские фуражки. Заметим, что не все их обладатели действительно имели отношение к флоту. В послевоенное время среди молодежи особым шиком считалось носить невесть откуда добытые форменные морские головные уборы.

Кто помоложе, толпились у выставки, где бывалые моряки с ловкостью фокусников с невероятной быстротой завязывали и развязывали морские узлы, ученики школы ДОСФЛОТа передавали сообщения друг другу флажным семафоном. Наконец объявлялось соревнование по перетягиванию каната между командой ребят, одетых в полосатые флотские фуфайки, и добровольцев из публики. Можете поверить, что волонтеров всегда было с избытком и не всегда победа была за "морячками".

Пока зрители громкими выкриками и свистом подбадривали соревнующихся, на эстраде рассаживался духовой оркестр. Его концерт начинался с поппури на темы морских песен.

Солнце постепенно скрывалось за горизонтом. Морская выставка сворачивалась. Темнело. На фонарных столбах загорались лампы. Оркестр замолкал. Теперь все внимание присутствующих было обращено на площадку, где во тьме лишь угадывалось замысловатое произведение пиротехника.

Внезапно электричество выключалось, раздавался оглушительный хлопок и в него винтом взлетала, шипя и разбрасывая по сторонам искры, ракета-шутиха. Сначала одна,

затем другая, третья. Каждая своего цвета: красная, зеленая, лимонно-желтая. Толпа, умолкшая от неожиданности на секунду, издавала восторженный вздох и разражалась аплодисментами, с пуском каждой ракеты окрест разносился визг девчонок и пронзительный посвист их кавалеров. Огненное действо набирало силу.

Маленькие огоньки быстро продвигались по путям, проложенным шнурами, запуская то три ракеты сразу, то пять. Ракеты со свистом прочерчивали темноту неба, разрывались в вышине на огромные цветные шары из разбегавшихся от центра цветных стрел, разбрасывали в вышине мириады сверкающих блесток.

У земли же крутились мельницы, приводимые в движение огнем, все больше раскручиваясь, они образовывали ослепительные разноцветные круги. Всего несколько минут длился фейерверк, затем запасы пороха иссякали и лишь догорающие угольки в темноте ночи напоминали о только что завершившемся зрелище.

Вновь включали электрическое освещение, духовой оркестр играл прощальную мелодию, люди начинали расходиться, обменивались впечатлениями о пережитом празднике. На этом День Военно-Морского Флота в Мариуполе завершался.

1997 г.

Жестянщик

В послевоенные годы летом в перенаселенных мариупольских дворах старой части города, мощенных грубыми плитами известняка, между которыми там и сям стелился тысячелистник, дворах, где заботливые хозяйки в крошечных цветниках под окнами своих жилищ выращивали бархатистые чернобривцы, майоры с разноцветными, словно присыпанными мельчайшей пылью, жесткими лепестками и нежными розовыми, сиреневыми и белыми петуньями, примерно раз в месяц раздавалось:

- Лужу, паяю, ведра починяю!

Этот призыв-реклама, звучащий сначала отдаленно, повторяясь, постепенно приближался. Со временем появлялся и сам источник рекламы - мужичонка с сумкой из-под противогаза на боку и со стальным квадратного сечения "аршином", водруженным на плечо, который был продет сквозь рулон свернутых жестяных листов разных размеров.

К этому моменту обладательницы прохудившейся утвари уже его ждали. Самая предусмотрительная из них выносила из недр своей квартиры табуретку. Именно табуретку, а не иную мебель для сидения, например, стул.

Мастер, проверив устойчивость табуретки, тщательно укладывал на нее "аршин" и садился на него верхом. Противогазная сумка занимала свое место у правой ноги.

Получив от заказчицы таз или чайник, нуждающийся в ремонте, жестянщик обращал этот предмет к солнцу, высматривая просвечивающиеся отверстия, чтобы определиться с видом ремонта.

К этому моменту все малолетнее население двора собиралось вокруг священнодействующего мастера. Мальчишки с неослабевающим вниманием следили за каждым его движением.

Наконец выносился приговор: дно на тазике или ведре подлежит замене. Тазик или ведро водружались на свободный конец "аршина", из сумки извлекались молоток и зубило. С помощью этих инструментов негодное дно отделялось, край утвари обстукивался молотком и обрезался ножницами.

Наступал момент выбора. Выбора листа для нового донышка.

Рулон из листов разворачивался, и из него жестянщик доставал два-три заранее заготовленных кружка жести, по его мнению, наиболее подходящих. Не расправляя их, жестянщик прикладывал кружки один за другим к предмету, подлежащему ремонту. В конце концов подбиралась нужная заготовка. Только теперь ее можно было равнять деревянной киянкой.

Дальнейшие движения мастера более походили на действия циркового фокусника. Ведро так и летало вокруг "аршина". Кажется, в одно мгновение отделялось лишнее от заготовки, загибались края на ведре и новом донышке, образуя прочный замок. Последняя ремонтная операция - замазывание замка специальной мазью, хранимой мастером в жестянке из-под довоенного зубного порошка "Экстра". Приняв гонорар от владелицы восстановленной посуды, жестянщик приступал к исполнению заказа следующей обитательницы двора..

С той поры прошло полвека. Что-то давно не встречаются путешествующие из двора во двор жестянщики, время

от времени оглашающие округу скороговоркой: "Лужу, паяю, ведра починяю".

Они сделали свое дело: сами выжили и помогли, как могли, выживать сотням бедствующих семей, а таких в Мариуполе послевоенных лет было, ой, как много. Потому-то и заслуживают жестянщики памяти.

2001 г.

Тротуары

Во все времена и повсюду на плохих тротуарах горожане ломали ноги, а городские власти ломали головы, как из скудной городской казны - ведь она всегда была скудной - наскрести средства на их благоустройство. Мариуполь - не исключение.

Впервые состояние мариупольских внутригородских "коммуникаций" описано в 1849 году. Некий Г. Титов в своей книге, изданной в Одессе, отмечает, что при малейшем дожде и пешеходные, и проезжие части улиц нашего города из-за клейкого чернозема становились совершенно непроходимыми и непроезжими.

Первое мощение улиц появилось в Мариуполе в 1871 г. Для этого употребляли осколки, как сказано в старинном источнике, местного гранита. Современному читателю поясним: под этим названием скрывается обыкновенный и всем известный булыжник... До наших дней сохранилась поздравительная открытка с датой на почтовом штемпеле - "25 апреля 1907 года". Неведомая нам Инна отправила ее на Кафайскую улицу. На открытке текст: "Христос Воскрес! Извини, что не зашла. Грязь на вашей улице невылазная. Вот мое положение: возвратиться не солоно хлебавши или забраться в грязь". Стало быть, далеко не сразу удалось замостить все городские улицы...

В старом Мариуполе тротуары были разными. На Земской улице есть небольшой участок пешеходной дорожки, выложенной известковыми плитами. Судя по тому, как они истерлись, можно предположить, что по ним многие-многие десятилетия прошли тысячи ног.

Лет сто тому назад состоятельные обитатели центральных улиц старались украсить подходы к своим домостроениям узорчатыми покрытиями. Старожилы должны помнить великолепный тротуар у дома, когда-то принадлежавшего первому мариупольскому почетному гражданину, купцу, судовладельцу и благотворителю Д.А. Хараджаеву, в котором с установлением советской власти и до Великой Отечественной войны располагался горисполком. Теперь на этом месте стоит недавно отреставрированный дом со шпилем у городского сквера.

На Торговой улице для удобства пешеходов использовались отшлифованные плиты из темно-серого песчаника. Уложены они были очень тщательно: одна к одной с минимальными зазорами, а потому особенно любимыми довоенными мариупольскими мальчишками. На самодельном самокате- две дощечки, скрепленные примитивным шарниром, и два шариковых подшипника - можно было с ветерком промчаться, например, от Николаевской до Митрополитской, от Митрополитской до Фонтанной без всяких препятствий.

Во время оккупации гитлеровцы, опасаясь налетов советской авиации, загоняли свои тяжелые грузовики и танкетки вплотную к домам, ломая при этом деревья и нещадно раздавливая тротуарные плиты.

Позже, после войны, раздробленные осколки убрали, а вместо них положили торцом к поверхности кирпичи. Материал этот добывался при разборке развалин сожженных домов...

Помнится, что только с середины пятидесятых годов для устройства пешеходных дорожек стали массово применять асфальт. Казалось, теперь под ногами мариупольцев в лю-

бую погоду будет твердая опора. Но, увы, надежды не оправдались. В жаркие летние дни серая масса размягчалась и в ней вязли каблучки лучшей половины нашего города. Зимой асфальт растрескивался, для его ремонта требовались немалые средства. Нашим согражданам не откажешь в изобретательности. Поврежденные участки дорог и тротуаров они научились закладывать искусственно изготовленными фигурными камнями местного же производства. Пусть это не очень эстетично, зато надежно и дешево.

Настало время обратиться к новейшей истории мариупольских тротуаров. Совсем недавно каменным узорчатым ковром из фигурных элементов мощения - так техническим языком называют этот дорожный материал - покрылось все свободное от растительности пространство центрального сквера. Такие же элементы можно встретить на многих городских магистралях, на остановках трамваев, троллейбусов и автобусов. Подобно дореволюционным деловым людям, современные предприниматели не жалеют денег, дабы облагородить пространство перед своими торговыми и иными заведениями покрытиями из уже упоминавшихся фигурных элементов. Правда, делается это, как говорят, не без "советов" городской администрации. Что ж, советы такие очень даже дельные.

Верится: в будущем - похоже, не очень отдаленном -протянутся тротуары, достойные жителей нашего города, от магазина к ресторану, от кафе к аптеке, от турагентства к парикмахерской и так по всему Мариуполю. Вот будет красота!

2001 г.

Городские часы

Сейчас узнать точное время - пара пустяков. Можно взглянуть на наручные часы. Благо часов нынче много. Самых разных. Механических и электронных, сверхплоских и с огромными циферблатами, наручных, карманных, изящных дамских, декорированных под браслет. Ценой от трех гривен и дороже. Часы можно встретить и на тонких пока еще детских руках.

Если по какой-то причине вы остались без часов, достаточно послушать одну из местных радиостанций. Время от времени они сообщают: "В Мариуполе 18 часов..." или "... 12 часов".

А раньше?

Долгие годы после основания нашего благополучного города его жители часов не наблюдали. И не потому, что были так уж счастливы. Просто часами, как механизмами для определения точного времени, они не располагали. Да, если с делом разобраться, в них и не очень нуждались. Спешить мариупольцам было некуда.

О том, что наступило утро, они замечали по восходу солнца, заход дневного светила за горизонт знаменовал собой начало ночи. Предутренние часы различали по крику петухов. Когда нужно было идти в храм на молитву, узнавали по колокольному перезвону. Каждый горожанин хорошо знал "голоса" своей церкви.

Немало утекло воды в Кальмиусе, прежде чем в домах местных обывателей появились часы. У кого - простенькие, грубо раскрашенные "ходики", у кого - настенные француз-

ского изготовления часы с боем в шикарном резном футляре из красного дерева. Состоятельные горожане могли похвастаться карманными "хронометрами", их носили в кармане жилета, а серебряная или даже золотая цепочка, притороченная к головке часов, другой своей оконечностью прикреплялась к жилетной пуговице. В начале XX века не редкостью стали и будильники.

В середине XIX века на базарной площади построили величественное по масштабам рядового уездного города сооружение - его главный православный храм во имя Святого Харлампия. Через какое-то время на его колокольне установили часы, циферблаты которых были обращены на все четыре стороны света. Куранты звонко отбивали четверть, половину и каждый час.

По сведениям Аркадия Проценко, многие детали часового механизма не уступали своими размерами деталям знаменитых часов Спасской башни Московского Кремля.

Харлампиевский собор не только украшал город, но и служил своеобразным маяком для мореплавателей, его колокольня была видна за несколько миль до подхода к Мариупольскому порту. Однако к концу 30-х годов городские власти сочли, что это культовое сооружение ни исторической, ни архитектурной ценности не представляет, а посему подлежит сносу.

Сказано - сделано. Храм был взорван. Лишь его часовой механизм посчитали полезным для нового строя. Решили пристроить к зданию горисполкома башню, а на нее взгромоздить часы, снятые с колокольни собора. Старожилы, наверное, помнят, что до войны горисполком располагался в доме, некогда принадлежавшем семье Хараджаевых. Он стоял на углу улицы Артема близ сквера.

Но ломать - не строить. На башню денег не нашлось, механизм главных городских часов неведомо куда исчез... Потом были война, оккупация. Здание горисполкома гитлеровцы сожгли, как, впрочем, и многие, многие другие мариупольские строения.

В пятидесятых годах не месте горисполкома по проекту киевского архитектора Яновицкого и его коллег построили один из двух известных домов со шпилями. Если всмотреться в башни, можно заметить: место для часов было оставлено, оно обозначено лепными кругами. Почему этими местами не воспользовались, трудно сейчас сказать. Может, по той причине, что в ту пору городские часы уже были. Они находились на выступающей части дома № 42 по проспекту Ленина. Часы эти оказались недолговечными. Уже много десятилетий место, где некогда был их циферблат, закрыто щитом...

1 ноября 1965 года раздался первый удар часов, установленных на только что построенном Доме связи, циферблат и стрелки были изготовлены из нержавеющей стали в цехах завода "Тяжмаш", смонтировали их рабочие СУ-7 треста "Ждановжилстрой", монтаж механизма выполнили электрики городского узла связи.

Отсчет времени через каждые 15 минут и мелодичный перезвон перед этим исполняли 8 мощных репродукторов. Но, видимо, круглосуточное напоминание о неумолимом течении времени надоело обитателям близлежащих домов, и часы на Доме связи умолкли...

В семидесятых годах соорудили новое здание железнодорожного вокзала. Его украшением стал большой циферблат башенных часов...

Вроде бы приборами для измерения времени мариуполь-

цы были оснащены в достаточном количестве. Но мечта обрести главные часы города не оставляла их. И вот совсем недавно на одном из домов на административной площади города появилось современное электронное устройство, указывающее дату, часы и минуты и вдобавок температуру воздуха. Настоящие городские часы с боем и музыкой, достойные славного города Мариуполя.

2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Вместо предисловия 3
Мариупольская география 5
Проспект Ленина 6
Проспект Ленина, 19 13
Сквер 18
Торговая улица 24
Улица Малофонтанная 34
Улица Митрополитская 39
Митрополитская, 5 44
Улица Георгиевская 47
Улица Георгиевская, дом 69 52
Улица Николаевская 56
Итальянская улица 61
На Бондарной 67
Дом на Гамперовском спуске 70
Улица Земская 76
Улица Харлампиевская 82
Греческая улица 88
Улица Артема 93
Улица Пушкина 98
Улица Семенишина 102
Улица Энгельса 107
Слободка 113
Вокзал 118
Покровская площадь 122
Правый берег 126
На улице Бахмутской 130
Проспект Металлургов 133
Приморский бульвар 138
Проспект Строителей 143

На улице Лавицкого 148
Проспект Ильича 151
На бывшей Больничной 156
Старый базар 160
Жизнь замечательных мариупольцев 183
Основатель 184
Академик архитектуры Н.К. Толвинский 189
Семья Остославских 193
Житие отца Михаила 197
Печник Рябов 202
Рыбак Дьяченко 207
Доктор Карасик 211
Закройщик Шимановский 218
Чуверовы 222
Возвращение 226
Доктор Трандафилов 232
Доктор Калогномос 236
Борис Торговицкий 248
Любовь Яблонская 257
Скрипач Мухин 271
Профессор В.Ф. Зубарёв 276
Доктор П.Г. Смирная 281
Генерал Блажевич 285
Баянист Балджи 289
Антон Брызгунов 293
Профессор Распопов 299
Доктор Саенко 305
Мария Александровна Грек 310
Николай Шмидт 315
Художник Яков Никодимов 320
Наталья Кисса 327
Доктор Самойлович 332

Владимир Карпов 336
Доктор Топалов 340
Яков Куликов 344
Дмитрий Грушевский 352
Владимир Михайлович Цыбулько 356
Иванчики 363
Были два друга 366
Григорий Пивень 370
Мариупольские зарисовки 375
Венценосный постоялец 376
Книга 380
Прощание с гимназией 383
Старая газета 385
Листая календарь 389
Лица наших предков 392
Исчезнувший театр 397
Воспоминания о юности, которой не было 400
В первые дни освобождения 404
Кино сорок третьего года 409
Мы слушаем радио 412
Мороженое 415
Газвода 419
Витрины 422
Первомай в Мариуполе 426
Важнейшее из искусств 430
Черепичные крыши 433
Аэродромы 438
Гулянье на Большой 442
Летний вечер в Городском саду 445
День Военно-Морского Флота 449
Жестянщик 453
Тротуары 456
Городские часы 459

Історико-документальне видання

Буров С.Д.

Б 91 Маріуполь. Минуле. - Маріуполь: ЗАТ "Газета "Приазовский рабочий", 2003. - 468 стор.

ISBN 966-8208-06-4

Книга є збіркою історичних нарисів про вулиці і пам'ятні місця Маріуполя. В цікавій формі зображена не тільки історія назв вулиць, але й окремих будинків, розташованих на них.

В книзі також багато оповідань про відомих людей, що народилися, працювали або колись перебували в Маріуполі. Всі ці історії сплетені в яскравий клубок подій революційних, воєнних та післявоєнних і сучасності.

В книзі використані як ілюстрації фотографії і поштові картки з фондів Маріупольського краєзнавчого музея, приватних архівів та зібрання автора.

ББК 63.3 (4 Укр-4-ДОН)

БУРОВ Сергій Давидович

МАРІУПОЛЬ. МИНУЛЕ

(рос. мова)

Технічний редактор	Ускова О.М.
Коректори	Сорокіна Л.Є.
	Назаренко Л.В.
Комп'ютерна верстка	Лісодід М.В.

Підписано до друку 28.08.03 р. Формат 60x84 1/16. Папір офсетний. Гарнітура Прагматика. Офсет. друк. Умовн. др. арк. 29,1. Обл. - вид. арк. 27,06. Тираж 1000. Зам. 456.
Виробник: ЗАТ "Газета "Приазовский рабочий",
87500, м. Маріуполь Донецької області, пр. Леніна, 19.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи: серія ДК № 364 від 16.03.2001 р.
Віддруковано у поліграфічному цеху ЗАТ "Газета "Приазовский рабочий",
87500, м. Маріуполь, вул. Миколаївська, 1.